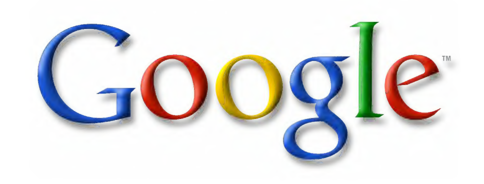

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I и II

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I и II

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДѢЛЪ I.

Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1898 года, изучая, по порученію Географическаго Общества, народный говоръ Чухломскаго уѣзда, я старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать свѣдѣнія относительно семейныхъ раздѣловъ въ этомъ уѣздѣ, насколько эти свѣдѣнія выражаются въ раздѣльныхъ приговорахъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ. Условія для болѣе или менѣе полнаго изученія этого вопроса оказались крайне неблагопріятны. Вслѣдствіе очень стѣснительныхъ правилъ, которыя установилъ для семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года, произошло то, что законныхъ раздѣловъ стало въ уѣздѣ слишкомъ мало. Не будучи въ силахъ остановить теченія жизни, благопріятствующаго распаденію стараго, дореформеннаго уклада семьи, законъ этотъ произвелъ то, что крестьяне, зная затруднительность законнаго раздѣла, соединеннаго еще съ сложною канцелярскою волокитою, почти совсѣмъ отказались отъ формальностей, установленныхъ для обезпеченія правильности и законности раздѣловъ, и стали совершать послѣдніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами собой, безъ участія волостной и болѣе высшей власти. Власть эта, съ своей стороны, чувствуя явную невозможность стоять по отношенію къ раздѣламъ на формально-законной точкѣ зрѣнія, молчаливо признавала и признаѐтъ всѣ фактическіе раздѣлы, хотя бы о нихъ и не имѣлось въ волостныхъ правленіяхъ никакихъ канцелярскихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, случилось то, что въ особо заведенныхъ при волостныхъ правленіяхъ, по установленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ формѣ, книгахъ для записи раздѣльныхъ приговоровъ число этихъ записей оказалось крайне ничтожно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ ихъ и совсѣмъ не было за все время съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, раздѣльныя книги, которыя должны бы служить главнымъ источникомъ при изученіи семейныхъ раздѣловъ, на самомъ дѣлѣ оказались источникомъ весьма скуднымъ. Къ счастію, въ дополненіе къ нимъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ нашлись еще или совершенно домашніе, или же заключенные только на сельскихъ сходахъ раздѣльные акты, представленные въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія, но не засвидѣтельствованные по явной ихъ формальной неза-

конности и сохранившіеся въ волостныхъ правленіяхъ совершенно случайно, въ числѣ ненужныхъ и не имѣющихъ никакого значенія бумагъ. На основаніи ихъ и записанныхъ въ книгѣ законныхъ актовъ, а также иногда на основаніи устныхъ сообщеній мѣстныхъ жителей, картина семейныхъ крестьянскихъ раздѣловъ можетъ быть нарисована только неполно и недостаточно, такъ какъ несоизмѣримо большая половина раздѣловъ совсѣмъ ускользаетъ отъ наблюденія и изслѣдованія. Думается однако, что и этими свѣдѣніями необходимо дорожить, потому что другой путь изслѣдованія, — устный опросъ населенія, по многимъ обстоятельствамъ является гораздо болѣе труднымъ, а иногда и прямо невозможнымъ. Случайная же сохранность указанныхъ выше, не утвержденныхъ подлежащею властію раздѣльныхъ договоровъ и полная необезпеченность этой сохранности на будущее время, какъ кажется, увеличиваютъ цѣнность этихъ документовъ еще болѣе.

Изъ 12-ти волостей, составляющихъ Чухломскій уѣздъ, были указаннымъ способомъ изслѣдованы семейные раздѣлы въ 11-ти волостяхъ, за исключеніемъ Просѣковской, въ которой не нашлось относительно раздѣловъ никакихъ документовъ и не пришлось получить устныхъ сообщеній. На основаніи закона 18 марта 1886 года общія условія раздѣловъ должны были представляться здѣсь въ слѣдующемъ видѣ.

Главное значеніе въ раздѣлахъ законъ признаѐтъ за главами хозяйствъ, съ одной стороны, и сельскимъ сходомъ—съ другой. О своемъ желаніи произвести раздѣлъ, о подлежащемъ раздѣлу имуществѣ и о способахъ самаго раздѣла семейство должно заблаговременно извѣстить сельскій сходъ, который только тогда приступаетъ къ разсмотрѣнію прочихъ условій раздѣла, когда удостовѣрится въ согласіи родителя или старшаго члена семьи на раздѣлъ или же когда признаѐтъ поводомъ къ раздѣлу расточительность и безнравственное поведеніе самого домохозяина. Затѣмъ, сходъ долженъ рѣшить: способны ли вновь образующіяся семьи къ самостоятельному веденію хозяйства, есть ли возможность отвести для нихъ усадебныя мѣста, и будетъ ли обезпечено послѣ раздѣла правильное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и всякихъ другихъ казенныхъ взысканій. Если все это рѣшается утвердительно, сходъ долженъ приступить и къ самому раздѣлу, въ которомъ ему опять-таки отведена весьма значительная компетенція, такъ какъ онъ распредѣляетъ между новыми дворами полевой надѣлъ и не только утверждаетъ, но и исправляетъ предположенія семьи относительно распредѣленія между частями ея всего того изъ остальнаго имущества, что̀ составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства. Не вмѣшиваясь въ распредѣленіе имущества, пріобрѣтеннаго въ собственность другими, кромѣ надѣленія, способами, а также предоставляя исключительно самой семьѣ раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства, сходъ дѣлаетъ, еще раскладку числящихся на семьѣ не-

доимокъ, податей и повинностей и, въ случаѣ нужды, отводитъ для новыхъ усадебныхъ построекъ участокъ свободной мірской земли, причемъ для дѣйствительности всѣхъ этихъ постановленій необходимо, чтобы согласіе на нихъ было дано не менѣе какъ двумя третями всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участвовать на сельскомъ сходѣ. Семейство, раздѣлившееся безъ соблюденія этихъ условій, должно по-прежнему считаться по отношенію къ отбыванію всякаго рода повинностей за одну семью, а семейство, недовольное рѣшеніемъ схода, имѣетъ право, втеченіе 14 дней со времени постановленія приговора, принести на него жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію или мировому посреднику, исключая тотъ случай, когда сходъ отказываетъ въ раздѣлѣ вслѣдствіе несогласія на него родителя семьи.

Поставивъ, такимъ образомъ, самую возможность раздѣла въ безусловную зависимость отъ главы семейства, если только онъ не расточителенъ и не безнравственнаго поведенія, законъ 18 марта 1886 года не призналъ тѣмъ самымъ одного изъ главныхъ и наиболѣе обычныхъ поводовъ къ раздѣламъ,— семейныхъ раздоровъ и ссоръ, лишивъ сельскій сходъ даже власти рѣшать въ этихъ случаяхъ о достаточности или недостаточности повода къ раздѣлу, указываемаго отдѣляющеюся частью семьи. Съ другой стороны, на отвѣтственность самого схода возлагаются закономъ такія серьезныя поручительства за исправное веденіе самостоятельнаго хозяйства новыми семействами и вообще за ихъ имущественную достаточность, что сходъ поневолѣ долженъ опасаться давать эти поручительства въ оффиціальныхъ документахъ, которые, въ случаѣ обжалованія ихъ, подлежатъ еще провѣркѣ высшихъ властей. То и другое обстоятельства сами собой вызывали, такимъ образомъ, раздѣлы формально-незаконные — или потому, что они совершались безъ согласія домохозяевъ, или потому, что разрѣшались сельскимъ сходомъ безъ соблюденія требованій закона,—только, такъ сказать, для деревни, а не для волости и высшаго начальства.

Эту затруднительность законныхъ раздѣловъ еще болѣе увеличивалъ составленный въ разъясненіе закона 18 марта 1886 года Наказъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, устанавливавшій въ каждомъ уѣздѣ особые сроки для раздѣловъ, когда только послѣдніе и могли совершаться, а, съ другой стороны, требовавшій отъ раздѣльныхъ приговоровъ такой точности и полноты (указано 12 пунктовъ, на которые приговоръ долженъ отвѣтить), какая для грамотѣевъ сельскаго схода доступна только въ исключительныхъ обстоятельствахъ и недостатокъ которой, почти всегда неизбѣжный, долженъ былъ заставлять волостное начальство отказывать въ засвидѣтельствованіи приговора по чисто формальнымъ основаніямъ даже въ случаѣ полной законности раздѣла по существу. Приговоръ могъ быть, напримѣръ, признанъ незаконнымъ, если въ немъ не было указано мѣста созванія схода, или не отмѣчено, не со-

державшагося даже въ законѣ 18 марта 1886 года, такого обстоятельства, какъ—будутъ ли достаточно «обезпечены въ средствахъ существованія дряхлые, убогіе и престарѣлые члены семействъ, не имѣющіе возможности собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе». Затѣмъ, правильность составленія раздѣльнаго приговора обязанъ былъ, согласно Наказу, провѣрить волостной старшина, и только уже послѣ его дознанія приговоръ свидѣтельствовался волостнымъ правленіемъ, заносился въ особую книгу и возвращался сельскому старостѣ.

Насколько эта общая картина семейныхъ раздѣловъ соотвѣтствуетъ по Чухломскому уѣзду дѣйствительности, и при какихъ вообще условіяхъ совершаются тамъ семейные раздѣлы, если судить о нихъ по тѣмъ немногимъ документамъ, о которыхъ сказано выше, можно видѣть изъ разсмотрѣнія самихъ этихъ документовъ по тѣмъ волостямъ, къ какимъ они относятся.

Въ Алешковской волости книги для записи семейныхъ раздѣловъ заведены въ 1888 году, для каждаго сельскаго общества отдѣльно, но записано въ этихъ книгахъ всего только 7 приговоровъ, и то по одному Санцыловскому обществу; въ книгахъ же прочихъ обществъ никакихъ записей нѣтъ. По словамъ волостного писаря, раздѣлы совершаются, конечно, и въ этихъ обществахъ, но раздѣльные приговоры обыкновенно въ волостное правленіе не представляются, и поэтому другихъ, кромѣ указанныхъ 7-ми, приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ.

Изъ этихъ 7-ми приговоровъ 6 относятся къ 1888-му и 1 къ 1895 году; кромѣ того, изъ первыхъ 6-ти приговоровъ 3 касаются одного семейства, дѣлившагося почему-то три раза въ одномъ и томъ же году, такъ что, собственно говоря, за $9^1/_2$ лѣтъ во всей Алешковской волости было только 5 законныхъ раздѣловъ.

Сельскій сходъ принималъ въ этихъ раздѣлахъ не вездѣ одинаковое участіе. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ раздѣломъ, фактически уже осуществленнымъ ранѣе раздѣльнаго приговора, причемъ стороны, обращавшіяся къ нему, желали, очевидно, только оформить уже сложившіяся у нихъ самостоятельныя хозяйства, и въ будущемъ не предвидѣлось у нихъ споровъ о раздѣленномъ имуществѣ, тогда сходъ не вступалъ ни въ какія подробности раздѣла, ограничиваясь простымъ его утвержденіемъ. Такъ, безъ упоминанія какого-либо имущества совершенъ былъ раздѣльный актъ 1 февраля 1888 г. между братьями, крестьянами дер. Санцылова, Иваномъ и Александромъ Зиновьевыми, каждый изъ которыхъ имѣлъ уже особый домъ съ пристройками и все вообще крестьянское обзаведеніе. Но если сходу надлежало утвердить раздѣлъ, хотя и совер-

шившійся ранѣе, но происшедшій между отцомъ и сыномъ, причемъ послѣдній отдѣлялся самовольно, а въ семьѣ отца оставались другія дѣти, въ раздѣльныхъ актахъ, въ предупрежденіе будущихъ раздоровъ, оговаривалось, что отдѣлившійся сынъ не имѣетъ уже права требовать изъ имущества отца ничего ни при жизни его, ни по смерти. Такая оговорка имѣется въ раздѣльныхъ приговорахъ 1 февраля 1888 года: между крестьянами дер. Большого Коровья Захаромъ Семеновымъ и младшимъ сыномъ его Михайломъ, отдѣлившимся отъ отца въ 1886 г.; и между крестьянами дер. Санцылова Ксенофонтомъ Абрамовымъ и младшимъ сыномъ его Иваномъ, отошедшимъ отъ него въ 1887 г. Въ томъ и другомъ случаяхъ отдѣлившіяся дѣти имѣли уже собственные дома, полное хозяйство и жили безбѣдно. Если, наконецъ, сходъ утверждалъ раздѣлъ только еще совершающійся, то ему приходилось входить въ самое распредѣленіе имущества между дѣлящимися и подробности раздѣла записывать въ раздѣльномъ актѣ. Когда при раздѣлѣ 24 іюня 1888 г. между крестьяниномъ дер. Санцылова Яковомъ Ипполитовымъ и племянникомъ его Иваномъ Кузьминымъ сходъ ограничился было однимъ утвержденіемъ раздѣла, оставивъ самое раздѣленіе имущества на волю дѣлившихся, замѣтивъ имъ только, что «всѣ разсчеты по дѣлежу между дѣлящимися должны быть общіе», постановленіе это оказалось, очевидно, недостаточнымъ, и потому 30 ноября того же года, а затѣмъ 3 февраля 1889 г. написаны были для этого семейства новые раздѣльные акты, въ которыхъ не только перечислено было все приходившееся на долю той и другой стороны имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства, но даже сказано было, что дѣлится пополамъ и домашняя утварь, а два самовара распредѣлены были особо. Точно также 8 марта 1895 г. сходъ, утверждая раздѣлъ между отцомъ, крестьяниномъ дер. Санцылова Павломъ Ефимовымъ, и отошедшимъ отъ него въ томъ же году старшимъ его сыномъ, перечисляетъ въ приговорѣ все, чѣмъ «награждаетъ» сына отецъ и что, впрочемъ, составляло необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого послѣдняго приговора, а также изъ двухъ упомянутыхъ выше раздѣловъ между отцами и самовольно отдѣлившимися отъ нихъ сыновьями, видно, что въ подобныхъ случаяхъ, т. е., когда раздѣлъ былъ собственно самовольнымъ отдѣломъ, дѣти не имѣли права требовать отъ отца какой-либо опредѣленной части имущества, а должны были довольствоваться тѣмъ, что давали имъ сами отцы, такъ что и для обозначенія дѣйствія раздѣла въ означенномъ случаѣ взятъ былъ по отношенію къ отцу глаголъ «награждать». Но когда дѣлились дядя и его взрослый племянникъ, сынъ старшаго брата, все имущество распредѣлялось уже поровну, съ тѣмъ только предпочтеніемъ въ сторону перваго, что ему, какъ болѣе трудившемуся въ созданіи и устроеніи хозяйства, отдавались и лучшія вещи изъ тѣхъ, которыя нельзя было раздѣ-

лить совершенно одинаково: такъ, ему дана была лошадь и хорошая сбруя, а племянникъ получилъ корову и рабочую сбрую.

Причина раздѣла указана только въ одномъ случаѣ, когда трижды дѣлились только что упомянутые дядя и племянникъ. По первому приговору раздѣлъ между ними происходилъ для того, чтобы не было пререканій въ хозяйствѣ и не ухудшался хозяйственный бытъ ихъ, а въ третьемъ раздѣльномъ актѣ объяснялось подробно, что въ семействѣ возникли вражда и раздоръ, доведенные до крайности, такъ что совмѣстное жительство семьи стало совершенно невозможно; самый же раздоръ произошелъ отъ нерачительности къ дому племянника, а также и отъ того, что семья его имѣла болѣе членовъ и потому содержаніе ея обходилось дороже, чѣмъ содержаніе первой семьи.

Въ отношеніи самаго распредѣленія подлежавшихъ раздѣлу предметовъ можно замѣтить слѣдующее.

Во всѣхъ раздѣлахъ каждое изъ вновь образующихся хозяйствъ имѣетъ уже по отдѣльному дому; только въ одномъ случаѣ сынъ, отдѣляясь отъ отца, еще не выстроилъ себѣ двора, и потому помѣщеніе для скота должно было оставаться у него съ отцомъ общее. Въ опредѣленіе стоимости домовъ раздѣльный актъ вошелъ только однажды, въ дѣлежѣ дяди съ племянникомъ, когда послѣдній, оставаясь въ старомъ домѣ, долженъ былъ выдать первому, уходившему въ новый, имъ самимъ выстроенный домъ, 100 рублей, половину стоимости стараго дома. Приэтомъ было оговорено, что, если племянникъ не уплатитъ 100 руб., дядя имѣетъ право отломать свою половину стараго дома или заколотить ее. Въ общемъ владѣніи у нихъ изъ прочей постройки остались овинъ и баня, а сарай и амбаръ перешли—одинъ къ одному, другой къ другому.

Скотина по возможности распредѣлялась отдѣльно: особо лошади, особо коровы и особо овцы. Но такъ какъ не всегда случается, чтобы въ крестьянскомъ обиходѣ было двѣ лошади, то при раздѣлѣ ихъ приходилось иногда или оставлять лошадь въ общемъ владѣніи или давать за нее что-либо другое изъ скота: въ одномъ случаѣ дѣйствительно лошадь у отца и сына осталась неподѣленной, а въ другомъ племянникъ взялъ вмѣсто нея корову. Прочее имущество дѣлилось такъ, чтобы та и другая стороны получали его особо.

Отдѣльныхъ хозяйствъ образовалось по этимъ раздѣламъ 10. Каждое имѣло свой домъ, но лошадей не было въ двухъ хозяйствахъ. Остальнымъ имуществомъ, необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства, новообразовавшіеся дворы владѣли въ достаточномъ количествѣ.

Въ Бореевской волости записано въ раздѣльную книгу съ 1886 года 13 приговоровъ. Изъ нихъ одинъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ по крестьянскимъ

дѣламъ Присутствіемъ вслѣдствіе выраженнаго на самомъ приговорѣ несогласія на условія раздѣла одного изъ членовъ семьи, а также вслѣдствіе несоблюденія 9 ст. Наказа, предписывающей волостному старшинѣ прежде засвидѣтельствованія приговора произвести мѣстное разслѣдованіе о правильности его составленія. Любопытно, что недовольнымъ членомъ семьи былъ не глава ея, 76-лѣтній отецъ, а его старшій сынъ, который, очевидно, въ этомъ случаѣ былъ признанъ уѣзднымъ Присутствіемъ за домохозяина. Законно-утвержденныхъ раздѣловъ въ Бореевской волости было такимъ образомъ за изслѣдуемый періодъ времени 12, а всѣхъ раздѣльныхъ актовъ, на основаніи которыхъ можно судить объ условіяхъ раздѣловъ, имѣется въ правленіи 14, такъ какъ тамъ случайно сохранилась еще копія одного незаконнаго приговора, представленная въ волостной судъ въ качествѣ доказательства правильности иска, который предъявилъ къ отцу одинъ изъ его сыновей за неисполненіе обязательствъ раздѣла. Актъ этотъ относится къ 1898 году, былъ составленъ при участіи четырехъ окольныхъ и сельскаго старосты и въ подлинникѣ хранился у старосты. Крестьяне, очевидно, смотрятъ на эти приговоры, какъ на совершенно законные, и ими одними и довольствуются, потому что самый послѣдній раздѣльный актъ, внесенный въ волостную раздѣльную книгу, относится къ 1892 году, и, значитъ, за все послѣдующее время въ Бореевской волости употреблялись приговоры, только подобные предыдущему. По словамъ мѣстныхъ жителей, это и дѣйствительно такъ: обыкновенно приговоры составляются тамъ сельскими старостами и въ подлинникахъ отдаются тѣмъ семьямъ, которыя будутъ жить на старой дворинѣ, въ копіяхъ же получаются семьями, уходящими на новыя мѣста. Любопытно было бы узнать, какъ бы посмотрѣлъ на законность этихъ актовъ волостной судъ; но, къ сожалѣнію, ему не пришлось высказаться объ этомъ, такъ какъ до судебнаго разбирательства по упомянутому выше приговору 1898 г. сынъ отказался отъ иска.

По годамъ записанные въ раздѣльную книгу приговоры распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1887 году — 1, въ 1888 г.—7, въ 1889 г.— 2, въ 1890 г.—1, въ 1891 г.—1 и въ 1892 г.—1.

Сельскій сходъ по большей части принималъ здѣсь участіе не въ одномъ разрѣшеніи раздѣла вообще, но и въ самомъ распредѣленіи дѣлимаго имущества, такъ что только въ двухъ случаяхъ ему пришлось ограничиться лишь формальнымъ утвержденіемъ совершившагося безъ его участія раздѣла. Въ одномъ изъ нихъ дѣло шло о самовольно отдѣлившемся отъ отца два года тому назадъ сынѣ, уже обзаведшемся собственнымъ хозяйствомъ, а въ другомъ дѣлились два брата, изъ которыхъ младшій выдавалъ старшему за все имущество деньги и между которыми раздѣлъ совершился, очевидно, до такой степени мирно, что въ раздѣльномъ актѣ не указывалось никакихъ его подробностей:

не обозначено даже суммы, уплачиваемой однимъ братомъ другому. Когда же сходъ участвовалъ въ собственномъ смыслѣ въ раздѣлѣ имущества, то иногда, согласно съ закономъ 18 марта 1886 г., онъ входилъ въ разсмотрѣніе дѣлежа только того имущества, которое признается необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства; иногда же, напротивъ, перечислялъ въ раздѣльномъ приговорѣ предметы, подлежавшіе, въ сущности, раздѣлу домашнему. Такъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, 11 января 1887 г., послѣ перечисленія приходившихся на долю каждаго брата построекъ, скота и хозяйственныхъ орудій, замѣчено, что все остальное братья обязались раздѣлить поровну и миролюбно, по особому раздѣльному акту. Точно также особому соглашенію сторонъ было предоставлено распредѣленіе имущества, не относящагося къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ ея сыномъ и дочерью, 7 марта 1890 года. Случалось даже, что и изъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства не все подлежало вѣдѣнію сельскаго схода: такъ, въ 1892 г. въ раздѣльномъ приговорѣ крестьянки дер. Захарова Афимьи Антоновой съ сыновьями и деверемъ помѣщены только причитавшіяся на долю каждаго строенія, скотъ, хлѣбъ и земля, экипажи же, сбруя, земледѣльческія орудія и домашнія принадлежности стороны согласились раздѣлить особо и миролюбно, въ присутствіи посторонняго лица. За то, съ другой стороны, въ раздѣльный актъ были вписаны однажды иконы и зеркала, два раза самовары и одежда, и постоянно заносилось распредѣленіе выкупленной земли, если такая существовала.

Отецъ является, въ качествѣ полновластнаго распредѣлителя семейнаго имущества, только одинъ разъ, когда его сынъ, какъ уже выше было замѣчено, отошелъ отъ него самовольно два года назадъ; поэтому въ раздѣльномъ приговорѣ между ними прямо сказано, что отецъ не надѣляетъ сына ничѣмъ, какъ по указанной причинѣ, такъ и вслѣдствіе того, что сынъ уже завелъ полное собственное хозяйство. Въ прочихъ случаяхъ выдѣла дѣтей изъ семьи отца при жизни послѣдняго общее имущество дѣлится между родителями и дѣтьми обыкновенно болѣе или менѣе безобидно. Приэтомъ, когда отецъ съ матерью еще люди не дряхлые и сами способны къ работѣ, тогда они берутъ себѣ часть равную съ сыновьями, какъ это было, напримѣръ, въ раздѣлѣ крестьянина дер. Селина Петра Васильева съ сыномъ Ларіономъ, 10 марта 1888 года. Въ случаѣ же дряхлости родителей имъ выдѣляется часть не изъ всего имущества и не всегда равная съ сыновьями, а по возможности только то, что необходимо для ихъ пропитанія. Во всѣхъ трехъ бывшихъ здѣсь случаяхъ подобныхъ раздѣловъ родители не оставили за собой земли, ни надѣльной, ни выкупленной; за то изъ постройки и хлѣба «въ зернѣ и землѣ»

имъ были предоставлены части одинаковыя съ сыновьями, изъ скота же одинъ разъ не дано было ничего, а два раза назначены были меньшія части, чѣмъ дѣтямъ. Раздѣльный актъ обыкновенно упоминаетъ, съ какимъ изъ сыновей дряхлые родители будутъ жить, и, предвидя возможность новыхъ несогласій между ними, оговариваетъ, что въ такомъ случаѣ отецъ имѣетъ право отдѣлить себѣ показанную въ приговорѣ его долю. Послѣ смерти родителей имущество ихъ должно было переходить тѣмъ дѣтямъ, съ которыми они жили и которыя ихъ кормили.

При отдѣлѣ сыновей отъ матери также возможны случаи, что мать по своему желанію имѣетъ право лишать сына того или иного изъ общаго имущества. Такъ, 14 декабря 1888 г. отдѣлялся отъ матери крестьянинъ дер. Ожиганова Василій Ивановъ, и въ пользу матери, оставшейся съ пожилою дочерью, было предоставлено все движимое имущество, такъ какъ у сына уже были и собственный скотъ, и собственное хозяйство. Если мать и послѣ раздѣла съ сыномъ остается главою хозяйства, ей дается при раздѣлѣ часть во всемъ имуществѣ, такъ что, напримѣръ, 7 марта 1890 г. крестьянка дер. Рыстанова Наталья Ефимова, съ которой остались жить ея свекровь и дочь, получила во всемъ, кромѣ надѣльной земли, равную долю съ отдѣлившимся сыномъ. Въ одномъ случаѣ мать, престарѣлая и неспособная къ веденію хозяйства, не желала однако жить вмѣстѣ съ какимъ-либо изъ своихъ раздѣлившихся дѣтей,—тогда она получила равную съ сыновьями часть изъ скота и хлѣба «въ землѣ и зернѣ», а вмѣсто строенія и на прокормленіе ея сыновья были обязаны выдавать ей ежегодно по 15 руб. каждый. Наконецъ, когда мать послѣ раздѣла должна была жить вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей, ей въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ не было указано опредѣленной части имѣнія, такъ какъ съ ней остался 12-лѣтній сынъ; но она получила на свою и этого сына доли больше, чѣмъ старшій, отдѣлившійся сынъ,—больше въ скотѣ и строеніяхъ. Изъ двухъ другихъ подобнаго рода актовъ по одному матери дана равная съ сыновьями часть въ строеніяхъ, скотѣ и хлѣбѣ, а по другому—ей оставлены для пропитанія корова съ овцою и дано нѣкоторое количество зернового хлѣба, безъ соразмѣрности, однако, съ долями прочихъ участниковъ дѣлежа, такъ что здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду только возможность пропитанія ея. Такимъ образомъ, въ надѣленіи матерей можно замѣтить въ общемъ то же основаніе, что и при опредѣленіи доли отцовъ,—ихъ хозяйственную и рабочую дѣеспособность. Предусматривалось иногда здѣсь также и дальнѣйшее положеніе матери по отношенію къ отдѣлившимся дѣтямъ: когда она получила собственное хозяйство, въ раздѣльномъ приговорѣ было оговорено, что она впредь уже не можетъ требовать отъ сына никакой помощи; когда она осталась при хозяйствѣ малолѣтняго сына, было замѣчено, что она

можетъ отойти отъ него черезъ десять лѣтъ, по достиженіи сыномъ совершеннолѣтія; а когда она осталась жить при дѣтяхъ, получивши равную съ ними долю во всемъ, кромѣ земли и хозяйственныхъ орудій, сказано было, что въ случаѣ ухода отъ дѣтей она можетъ взять съ собой только то, что назначено ей по раздѣльному акту.

Въ вопросѣ о значеніи для законности раздѣла общаго согласія на него братьевъ любопытенъ раздѣльный актъ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, раздѣлившихся 11 января 1887 г., когда одинъ изъ нихъ былъ въ солдатахъ: братья раздѣлились, не спрашиваясь его, отдѣливъ ему равную съ собой часть и согласившись только уплатить безъ участія его отцовскую недоимку. Въ самомъ раздѣлѣ братьевъ между собою или съ семьей умершаго брата та и другая стороны обыкновенно пользуются одинаковыми правами, и имущество дѣлится поровну, поколѣнно, независимо отъ количества ѣдоковъ и работниковъ той или иной семьи. Но когда братья дѣлятся при жизни одного или обоихъ родителей, или когда собственно происходитъ выдѣлъ изъ семьи одного брата, тогда въ основаніи дѣлежа бываютъ возможны нѣкоторыя уклоненія отъ принципа поколѣнности въ сторону соображеній хозяйственныхъ или просто старшинства. Такъ, 26 февраля 1896 г., при раздѣлѣ крестьянина дер. Усольцева Ѳедора Михайлова съ дѣтьми, когда уходилъ на особое хозяйство младшій братъ, ему была дана сравнительно съ двумя старшими большая часть въ строеніяхъ и скотѣ,—очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы ему сразу же можно было сдѣлаться настоящимъ домохозяиномъ: въ то время какъ старшимъ братьямъ назначено было обоимъ вмѣстѣ только— дворъ, горенка, лошадь, телушка и овца съ двумя ягнятами, младшій братъ получилъ избу съ дворомъ и повитью, лошадь, корову и овцу. Такимъ же образомъ при раздѣлѣ крестьянки дер. Захарова Афимьи Антоновой съ сыновьями и деверемъ, когда уходилъ изъ дому старшій ея сынъ, онъ получилъ сравнительно съ дядей и двумя братьями болѣе скота и 2 изъ 6-ти надѣловъ земли. Точно также 29 января 1888 г. крестьянинъ дер. Полушина Алексѣй Ивановъ, отдѣляясь отъ матери и трехъ братьевъ, получилъ изъ 5-ти надѣловъ земли 2, а изъ скота почти то же, что осталось для всѣхъ прочихъ соучастниковъ дѣлежа, т. е. часть гораздо большую, чѣмъ если бы раздѣлъ происходилъ чисто поколѣнно. Съ другой стороны, при раздѣлахъ крестьянина дер. Пятинской Парфена Леонтьева (9 декабря 1888 г.) и крестьянки дер. Вдовина Наталіи Андреевой съ ихъ сыновьями меньшую долю въ надѣльной землѣ, при равенствѣ во всемъ остальномъ и даже при одинаковомъ количествѣ дѣтей у братьевъ, получили младшіе братья: въ одномъ случаѣ въ полтора, а въ другомъ въ два раза.

Въ надѣленіи сестеръ, при раздѣлахъ братьевъ съ родителями, въ осно-

ваніе раздѣла кладется обыкновенно хозяйственный принципъ, и сестры, такъ какъ не могутъ образовать самостоятельнаго хозяйства, не получаютъ и равной доли съ братьями, хотя и не обдѣляются совершенно. Такъ, при раздѣлѣ крестьянки дер. Вдовина Натальи Андреевой съ сыновьями дочь ея получила почти равную съ братьями часть въ строеніяхъ, вмѣсто же всего остального,— въ томъ числѣ собственной земли, бывшей въ семействѣ,—братья должны были выдать ей 25 рублей. Въ другомъ случаѣ, именно при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ дѣтьми, 18-лѣтней дочери ея была предоставлена равная съ матерью и братомъ доля въ постройкахъ, дана была корова и овца и даже третья часть купчей земли.

Причины раздѣловъ указаны въ 10-ти раздѣльныхъ приговорахъ: въ шести-семейныя несогласія; въ одномъ они же и многосемейность; въ одномъ— несогласія, ветхость и тѣснота дома; въ одномъ—многосемейность; и въ одномъ было постановлено отдѣлить одного изъ братьевъ потому, что другіе братья, жившіе въ отхожихъ промыслахъ, не могли довѣрить ему хозяйства, отецъ же у нихъ умеръ, а мать была стара.

Въ распредѣленіи между дѣлящимися сторонами построекъ по большей части бывало такъ, что каждая сторона что-нибудь получала изъ общихъ строеній. Только въ трехъ случахъ было противоположное: братъ получилъ отъ брата за все имѣніе деньги; мать выговорила себѣ отъ каждаго изъ сыновей на содержаніе по 15 руб. ежегодно; и братъ остался жить вмѣстѣ съ другимъ братомъ, получивъ свою долю въ постройкѣ деньгами. Во всѣхъ остальныхъ приговорахъ обыкновенно точно указывается доля каждаго участника дѣлежа въ общей постройкѣ, хотя бы онъ оставался жить вмѣстѣ съ другими; приэтомъ иногда оговаривалось, что въ случаѣ прекращенія совмѣстнаго жительства каждый можетъ отломать свою часть отъ другой. Не всегда однако приходилось такъ, чтобы сторона, уходившая въ отдѣлъ, была обезпечена совершенно отдѣльнымъ помѣщеніемъ для жительства, хотя, конечно, въ виду семейныхъ несогласій, какъ главной причины раздѣловъ, это по возможности и наблюдалось, такъ что только въ одномъ случаѣ братъ, уходившій изъ семьи и получившій за домъ 100 руб., долженъ былъ два года жить вмѣстѣ съ матерью и братьями; въ двухъ же другихъ случаяхъ отдѣлившіяся дѣти хотя и не получали жилыхъ построекъ, но уже сами ранѣе обзавелись ими. За то стороны, рѣшавшіяся и послѣ раздѣла жить общимъ хозяйствомъ, только по одному приговору имѣли для себя каждая по избѣ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ по необходимости не могли отдѣлиться другъ отъ друга потому, что избу получалъ кто-нибудь одинъ, а прочіе лишь надворныя постройки: горницу, полдвора, дворъ, хлѣвъ и под. При этомъ родители, за исклю-

ченіемъ одного случая, всегда оставались жить съ тѣми дѣтьми, которымъ доставались старыя избы,—на новыя мѣста не уходили.

Хозяйственныя постройки обыкновенно дѣлились такъ, чтобы отходящая изъ семьи сторона, по возможности, была надѣлена или амбаромъ, или сараемъ, или даже только срубами и бревнами для нихъ, причемъ одна такая постройка уравновѣшивалась другою, такъ какъ рѣдко случалось, чтобы въ хозяйствѣ было по два и болѣе амбара, сарая и проч. Далеко не всегда однако возможно было отпустить отдѣлявшихся членовъ семьи даже съ какой-нибудь одной хозяйственной постройкой, и въ 5-ти случаяхъ разсматриваемыхъ раздѣловъ они уходили только съ избой и дворомъ. Овинъ и баня даже совсѣмъ не поступали въ раздѣлъ: о нихъ упомянуто въ 17-ти раздѣльныхъ актахъ, и во всѣхъ ихъ баня и овинъ оставались и послѣ раздѣла въ общемъ пользованіи.

При дѣлежѣ скота относительно лошадей наблюдались хозяйственныя соображенія,—чтобы вновь образующееся хозяйство по возможности не оказалось безъ лошади, такъ что, если на всѣхъ участниковъ раздѣла не доставало по особой лошади, то она давалась уходившему изъ семьи члену и кому-либо изъ тѣхъ, которые и послѣ раздѣла опять соединялись въ общее хозяйство; для остальныхъ же лицъ изъ этихъ послѣднихъ лошадь уравновѣшивалась другою скотиною,—лишнею коровою или овцами. Но, разумѣется, не всегда было возможно достигнуть и этого, такъ какъ часто въ раздѣлявшейся семьѣ была и всего-то одна лошадь. Подробности распредѣленія скота имѣются въ 11-ти приговорахъ, и по тремъ изъ нихъ новыя хозяйства должны были начинаться безъ лошадей, а по одному—безъ лошадей оставались даже обѣ стороны. Въ хозяйствахъ же, остававшихся на старомъ мѣстѣ и представлявшихъ изъ себя и послѣ раздѣла соединеніе двухъ или болѣе его участниковъ (такихъ хозяйствъ было 6), только въ одномъ случаѣ пришлись двѣ лошади,—по одной на каждаго изъ двухъ братьевъ, а во всѣхъ остальныхъ тамъ была лишь одна лошадь. Тѣмъ изъ участниковъ раздѣла, которые уже не могли быть домохозяевами,—престарѣлымъ родителямъ и дочерямъ,—выдѣлялась обыкновенно корова и одна или двѣ овцы. Только въ одномъ случаѣ отецъ не получилъ никакой скотины, а въ одномъ не получила ничего изъ скота 18-лѣтняя дочь.

О распредѣленіи надѣльной земли имѣются свѣдѣнія въ 9-ти раздѣльныхъ актахъ, и только въ двухъ случаяхъ поколѣнный и похозяйственный принципы раздѣла совпали: это—когда дѣлились три взрослыхъ брата, взявшіе каждый по одному надѣлу, и когда способный къ работѣ отецъ выдѣлилъ старшаго сына и далъ ему одинъ надѣлъ, а себѣ съ младшимъ сыномъ оставилъ два надѣла. Въ прочихъ же раздѣлахъ принималась въ разсчетъ по преимуществу хозяйственная способность дѣлившихся сторонъ: такъ, когда отъ

матери съ 18-лѣтней ея дочерью отдѣлился сынъ, ей данъ былъ 1 надѣлъ, а сыну $1^1/_2$; когда отъ другой матери съ 33-лѣтней дочерью ушелъ сынъ, ей дали 1 надѣлъ, а сыну—2. Въ одномъ случаѣ была принята во вниманіе выкупленная земля и ею замѣнена надѣльная: братъ получилъ два надѣла выкупленной, а семьѣ его умершаго старшаго брата отданы были 2 надѣла общественной земли. Въ другихъ случаяхъ основанія неравномѣрности распредѣленія надѣльной земли между хозяйствами невозможно опредѣлить, такъ какъ въ приговорахъ объ этомъ не говорится ничего.

Собственная земля, помимо указанной выше замѣны ею надѣльной, подвергалась дѣлежу въ трехъ раздѣльныхъ актахъ: въ двухъ ее подѣлили между собою поровну братья, безъ выдѣла матери и сестрѣ, а въ одномъ эта земля подѣлена была въ равныхъ частяхъ между матерью, дочерью и отдѣлявшимся отъ нихъ сыномъ.

Хлѣбъ въ зернѣ и землѣ въ 9-ти приговорахъ раздѣленъ совершенно одинаково,—поколѣнно, считая за особое колѣно престарѣлыхъ родителей и независимо отъ количества ѣдоковъ въ каждомъ колѣнѣ, а также и отъ того, какъ будутъ жить послѣ раздѣла эти колѣна,—всѣ порознь или нѣкоторыя вмѣстѣ. Только въ одномъ приговорѣ сдѣлано было въ этомъ отношеніи различіе между хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ въ землѣ, и дряхлые родители имѣли право получить свою долю въ одномъ зерновомъ хлѣбѣ.

Хозяйственныя принадлежности,—сбруя, экипажи, земледѣльческія орудія,—дѣлились или похозяйственно, поровну на каждое отдѣльное хозяйство, совпадавшее впрочемъ и съ отдѣльнымъ колѣномъ; или поколѣнно,—поровну на каждаго участника дѣлежа, независимо отъ того, образуетъ или нѣтъ онъ самостоятельное хозяйство (приэтомъ иногда даже престарѣлые родители получали равную съ сыновьями часть); или, наконецъ, отдѣлявшемуся хозяйству просто выдавалось все въ этомъ отношеніи необходимое.

Изъ одежды и обуви въ одномъ случаѣ отдано было каждому то, что имъ самимъ заведено; въ одномъ одежда раздѣлена поровну,—поколѣнно, считая за особое колѣно дряхлаго отца; и въ двухъ случаяхъ отдѣлявшемуся семейству выдѣлено было только необходимое.

Въ Бушневской волости раздѣльныя книги были заведены на каждое общество отдѣльно, но въ волостномъ правленіи сохранилось этихъ книгъ только 8, тогда какъ всѣхъ сельскихъ обществъ въ волости 13. Въ означенныхъ 8-ми книгахъ записано совершенно ничтожное количество раздѣловъ: 3; два по Баклановскому обществу и одно по Шатуновскому. Два раздѣла изъ нихъ относятся къ 1888 году и одинъ—къ 1898-му. Книги остальныхъ 6-ти обществъ совершенно чисты.

Совсѣмъ невѣроятно, конечно, чтобы на большую волость въ 2006 зе-

мельныхъ душъ за цѣлыя 12 лѣтъ три семейныхъ раздѣла составляли болѣе или менѣе значительную часть фактическихъ раздѣловъ: очевидно, они попали сюда чисто случайно и составляютъ только исключеніе изъ раздѣловъ, совершаемыхъ съ формальной точки зрѣнія незаконно. Я надѣялся опредѣлить здѣсь количество дѣйствительныхъ раздѣловъ изъ сравненія наличнаго числа домохозяевъ волости съ «законнымъ» ихъ числомъ, имѣющимъ право участвовать въ сельскихъ выборахъ, такъ какъ по XIX статьѣ Наказа губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія хозяйства, образующіяся отъ неутвержденныхъ раздѣловъ, не имѣютъ права числиться въ выборномъ отношенія отдѣльными семействами, а должны считаться за одинъ дворъ съ тѣмъ, отъ котораго отдѣлились, какъ будто бы раздѣла между ними вовсе и не существовало. Поэтому въ выборныхъ приговорахъ должно обозначаться только законное количество домохозяевъ общества, т. е. фактическое число дворовъ къ 18 марта 1886 г. плюсъ число дворовъ, образовавшихся послѣ этого времени, по законно-утвержденнымъ раздѣламъ. Дѣйствительное же количество **наличныхъ** домохозяевъ можно было извлечь изъ черновыхъ матеріаловъ по всеобщей переписи 1897 года, хранившихся въ волостномъ правленіи, у писаря, бывшаго счетчика. Къ сожалѣнію, выборные приговоры имѣлись въ правленіи только за 1893 г., такъ что для сравненія приходится прибѣгать къ даннымъ разныхъ годовъ. Въ отношеніи правильности вывода это было бы почти безразлично, еслибы можно быть увѣреннымъ, что, съ одной стороны, въ выборныхъ приговорахъ количество домохозяевъ обозначается постоянно «законное» и что въ него не включаются иногда хозяйства, образовавшіяся послѣ незаконныхъ раздѣловъ, а, съ другой, что къ 1886 году списокъ домохозяевъ заключалъ въ себѣ дѣйствительно всѣ наличные дворы. Увѣренности этой нѣтъ, но нужно думать всетаки, что цыфры законныхъ домохозяевъ измѣняются далеко не такъ быстро, какъ измѣняется число дѣйствительныхъ хозяйствъ, и потому сравненіе тѣхъ и другихъ показаній не можетъ не быть интереснымъ, такъ какъ должно бы показывать хотя и не фактическое количество семейныхъ раздѣловъ за періодъ времени съ 1886 по 1897 гг., но и не далекое отъ дѣйствительности. Вотъ эти числа домохозяевъ, по отдѣльнымъ обществамъ волости, какъ они значатся въ выборныхъ приговорахъ и въ переписныхъ листахъ:

	ОБЩЕСТВА.													ИТОГО.
	Красниковское.	Масловское.	Подлѣсновское.	Баклановское.	Фоминское.	Михалевское.	Бурмакинское.	Стойниковское.	Фаладьинское.	Бушневское.	Куликовское.	Шатуновское.	Зарѣчинское.	
Приговоры 1893 г. .	50	43	54	98	85	45	45	36	60	90	28	46	48	728
Перепись 1897 г. . .	88	67	95	145	148	70	76	64	105	110	53	103	88	1212
Разница между ними	38	24	41	47	63	25	31	28	45	20	25	57	40	484

Разница между дѣйствительнымъ и законнымъ количествомъ домохозяевъ получается такимъ образомъ прямо ужасная—484, такъ что на каждый от-

дѣльный годъ 11-лѣтія 1886—1807 гг. падаетъ въ среднемъ не менѣе 44 семейныхъ раздѣловъ. Меня настолько поразила величина этой цыфры, что я усомнился, дѣйствительно ли перепись производилась по отдѣльнымъ хозяйствамъ, спрашивалъ объ этомъ писаря-счетчика и получилъ увѣреніе въ правильности его показаній. Нужно поэтому думать, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе: можетъ быть, число домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ оставалось неизмѣннымъ съ 1861 года; тогда на каждый годъ пришлось бы не менѣе 13 раздѣловъ, и число это, конечно, болѣе похоже на дѣйствительность, чѣмъ первое.

Изъ вышеозначенныхъ трехъ записанныхъ въ волостныя книги раздѣловъ одинъ представляетъ собою выдѣлъ крестьяниномъ дер. Шатунова Авксентіемъ Ильевымъ средняго сына за неповиненіе и непочтеніе къ родительской власти. Отецъ здѣсь даетъ сыну, что хочетъ, хотя и не обижаетъ его, такъ какъ семья эта, очевидно, богатая. Сынъ состоялъ на службѣ у отца и получалъ отъ него жалованья свыше 300 руб. въ годъ. У него есть уже собственный домъ со всѣми службами, скотъ и все необходимое для веденія хозяйства, но отецъ, выдѣляя его, даетъ ему еще 1000 руб. на дальнѣйшее устройство дома. За то изъ выкупленной земли онъ не далъ сыну ничего, и уже крестьяне дер. Шатунова сами предоставили послѣднему мірской надѣлъ, сложивши его съ какого-то другого односельчанина.

По другому раздѣльному приговору крестьянинъ-собственникъ дер. Кузнецова Яковъ Смирновъ 10 марта 1888 г., «находясь въ престарѣлыхъ лѣтахъ, заблагоразсудилъ при жизни своей раздѣлить между сыновьями своими имущество». Самъ онъ съ женой остался жить вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ въ старомъ домѣ, а старшій сынъ ушелъ въ новый. Для каждаго хозяйства были припасены здѣсь уже особыя хозяйственныя постройки: овины, сараи и амбары,—на родителей же отдѣльной части въ строеніяхъ не было дано. За то изъ скота въ хозяйство младшаго брата,—очевидно, на родителей,—назначены были лишнія сравнительно со старшимъ братомъ двѣ коровы и двѣ овцы. Точно также и хлѣбъ раздѣленъ былъ не похозяйственно, а поколѣнно, - на три равныя части, какъ въ землѣ, такъ и въ зернѣ. Хозяйственныя принадлежности распредѣлены поровну на два хозяйства.

Третій раздѣлъ произошелъ между двумя братьями изъ-за семейныхъ несогласій. Усадебная и полевая земля была раздѣлена между ними поровну; младшій братъ ушелъ въ новую избу и кромѣ нея получилъ еще сарай, баня-же и овинъ остались въ общемъ владѣніи «до пристоя». Какъ распредѣлялись доли въ прочемъ имуществѣ, изъ приговора не видно, но младшій братъ получилъ и въ скотѣ и въ хозяйственныхъ принадлежностяхъ все необходимое.

Въ Введенской волости въ книгу раздѣльныхъ приговоровъ, общую

для всей волости, записано 7 приговоровъ, но два изъ нихъ относятся къ одному и тому же раздѣлу, такъ что всѣхъ законныхъ раздѣловъ значится въ волости 6. Всѣ они относятся къ періоду времени за 1894 — 1898 гг., и именно: къ 1894 — 1, къ 1895 — 1, къ 1896 — 1, къ 1897 — 1 и къ 1898—2. За тотъ же періодъ времени волостнымъ писаремъ даны были мнѣ свѣдѣнія и о количествѣ не записанныхъ въ книгу раздѣловъ; распредѣленіе тѣхъ и другихъ по отдѣльнымъ обществамъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

		Общества.								Всего.
		Бонри-новское.	Гладков-ское.	Емелья-новское.	Дуку-пинское.	Петров-ское.	Попов-ское.	Романов-ское.	Рыков-ское.	
1894—1898 годъ.	Законные	2	—	2	—	2	—	—	—	6
	Незаконные	2	2	3	2	4	1	2	1	17
	Тѣ и другіе . . .	4	2	5	2	6	1	2	1	23

Количество такъ называемыхъ незаконныхъ раздѣловъ превышаетъ, такимъ образомъ, здѣсь число законныхъ раздѣловъ почти втрое, а тѣхъ и другихъ на каждый годъ приходится въ среднемъ около 6 на всю волость.

Не засвидѣтельствованныхъ приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ, такъ какъ они никогда не представляются туда. Пишутся они будто бы, однако, при каждомъ раздѣлѣ, составляются обыкновенно при двухъ-трехъ свидѣтелахъ, скрѣпляются подписью сельскаго старосты и хранятся самими заинтересованными сторонами.

Изъ шести записанныхъ въ раздѣльную книгу случаевъ раздѣла въ двухъ сельскій сходъ, согласно съ закономъ 18 марта 1886 года, ограничившись распредѣленіемъ одного только необходимаго для веденія крестьянскаго хозяйства имущества, относительно всего прочаго замѣтилъ, что оно раздѣлено самими сторонами по особымъ условіямъ между ними. Напротивъ, въ двухъ другихъ раздѣлахъ внесено въ приговоръ схода раздѣленіе обуви и одежды, а въ одномъ — самоваровъ и стѣнныхъ часовъ, хотя въ то же самое время въ этомъ послѣднемъ актѣ замѣчено, что движимость и домашняя обстановка дѣлятся по особому акту. Въ прочихъ приговорахъ распредѣлялось только имущество необходимое для крестьянскаго хозяйства, безъ всякаго упоминанія о доляхъ сторонъ въ остальныхъ хозяйственныхъ и домашнихъ вещахъ, которыя, очевидно, дѣлились самими сторонами, безъ особыхъ письменныхъ условій на это.

Съ согласія отца, какъ домохозяина, заключено четыре раздѣльныхъ приговора. Въ трехъ изъ этихъ случаевъ у него жива еще жена, а въ одномъ

даетъ раздѣлъ своимъ сыновьямъ только престарѣлый отецъ. Относительно власти и доли родителей въ распредѣленіи имущества можно судить на основаніи трехъ приговоровъ, такъ какъ въ четвертомъ о части, взятой ими на себя, не сказано ничего. Цѣлаго хозяйства родители во всѣхъ трехъ случаяхъ не представляютъ изъ себя и потому, независимо отъ того, вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей или отдѣльно будутъ жить, берутъ себѣ изъ общаго имущества только то, что необходимо для пропитанія и жизни вообще, т. е. что-либо изъ строенія, скота, зернового хлѣба, одежды и обуви.

Раздѣлъ братьевъ между собою заключается въ двухъ приговорахъ, причемъ въ одномъ случаѣ у нихъ жива была еще престарѣлая мать. Особой части имущества на нее не было опредѣлено, и, значитъ, «раздѣлъ» между нею и дѣтьми былъ чисто хозяйственный. Между самими же братьями,—какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ, — похозяйственный и поколѣнный принципы дѣлежа совпадали, потому что братья должны были жить отдѣльно другъ отъ друга и получили по равной части, несмотря на то, что составъ семейства и былъ у нихъ различный. Точно также и въ предыдущихъ случаяхъ, т. е. при жизни отца или обоихъ родителей, братья получали на каждаго равныя части, если даже послѣ раздѣла они и оставались жить вмѣстѣ, какъ это было, напримѣръ, при отдѣлѣ трехъ сыновей крест. дер. Соколова Степаномъ Трофимовымъ. Слѣдовательно, собственно между братьями раздѣлъ былъ поколѣнный, а между ними и родителями похозяйственный.

Причинами раздѣловъ въ друхъ приговорахъ указаны семейныя несогласія, въ трехъ—несогласія и многолюдство, а въ одномъ—несогласія, многолюдство и желаніе отца жить отдѣльно отъ дѣтей, «для своего покоя на старости лѣтъ».

При распредѣленіи построекъ наблюдался болѣе хозяйственный, чѣмъ поколѣнный, принципъ, такъ что на родителей, если они оставались послѣ раздѣла жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, не выговаривалось отдѣльной части ни жилыхъ, ни хозяйственныхъ строеній. Это было въ двухъ раздѣлахъ. Въ третьемъ отецъ съ матерью, отдѣливъ отъ себя троихъ сыновей въ новый домъ, сами остались жить въ старомъ, а изъ холостой постройки взяли себѣ амбаръ и свиной сарай. Въ четвертомъ раздѣлѣ отецъ не взялъ для себя никакой постройки, а выговорилъ право жить у того изъ дѣтей, у кого самъ пожелаетъ. Онъ же не взялъ себѣ ничего и изо всего остальнаго имущества, обязавши дѣтей выдавать ему по 12 руб. ежегодно.

Братья послѣ раздѣла остались жить вмѣстѣ, не распредѣляя между собой никакихъ построекъ, только въ одномъ случаѣ, — когда отъ нихъ отдѣлился отецъ съ матерью. По всѣмъ остальнымъ приговорамъ происходилъ между ними раздѣлъ и строеній, причемъ только одинъ разъ онъ былъ не совсѣмъ полный,

такъ какъ старшій сынъ, отдѣлившись отъ младшаго брата и отъ отца, получилъ хотя и особую избу съ дворомъ, но въ связи со старымъ домомъ. Въ отцовскомъ домѣ остался жить въ трехъ случаяхъ старшій изъ братьевъ и въ одномъ младшій. На общій счетъ заблаговременно былъ выстроенъ братьями особый домъ для отдѣлявшейся семьи только одинъ разъ, а въ трехъ другихъ тотъ изъ братьевъ, который оставался въ родительскомъ домѣ, выплачивалъ уходившему изъ него соотвѣтственную сумму денегъ на пріобрѣтеніе особаго дома.

Хозяйственныя постройки между братьями, когда они образовывали самостоятельныя хозяйства, дѣлились, поровну, т. е. поколѣнно и вмѣстѣ похозяйственно. Если не было двухъ или болѣе построекъ одинаковаго назначенія, то одна замѣнялась соотвѣтствующей по стоимости постройкою другого рода: амбаръ, напримѣръ, сараемъ, сарай мякинницей и под. Въ общемъ владѣніи оставались и послѣ раздѣла обыкновенно овины и бани: первый въ трехъ случаяхъ, вторая въ двухъ. При одномъ раздѣлѣ, кромѣ овина и бани, остались еще въ совмѣстномъ пользованіи: амбаръ, сарай, погребъ и колодезь.

При раздѣлѣ земли строго наблюдалась домохозяйственная право-и трудо-способность участниковъ дѣлежа, такъ что принципъ распредѣленія ея былъ поколѣнно-трудовой. Поэтому родители во всѣхъ разсматриваемыхъ раздѣлахъ, будучи уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, вовсе не взяли себѣ земли,—ни надѣльной, ни выкупленной, братья же дѣлили между собою ту и другую землю всегда поровну, независимо отъ того, велико ли у каждаго изъ нихъ было семейство.

Въ распредѣленіи скота между родителями и дѣтьми къ хозяйственному принципу присоединялся иногда и поколѣнный Такъ, отецъ съ матерью, отдѣливши трехъ сыновей и отказавшись отъ земли, оставили себѣ однако лошадь и корову; въ другомъ случаѣ на долю младшаго брата, съ которымъ захотѣли жить и родители, дана была лишняя противъ старшаго корова,—очевидно на отца и на мать; за то въ другихъ двухъ раздѣлахъ ни отецъ, ни мать не взяли себѣ изъ скота ничего. Между братьями скотъ дѣлился поколѣнно, поровну: отдѣльно лошади, коровы и овцы. На каждое хозяйство во всѣхъ разсматриваемыхъ раздѣлахъ досталось по лошади и не менѣе, чѣмъ по одной, коровѣ и по двѣ овцы.

Изъ зернового хлѣба и принадлежностей крестьянскаго хозяйства только въ одномъ случаѣ назначена была на долю родителей особая часть, — тогда, когда они отдѣлили отъ себя троихъ сыновей; въ остальныхъ раздѣлахъ хлѣбъ, земледѣльческія орудія, экипажи и под. дѣлились между одними братьями,—поровну, безразлично отъ того, съ кѣмъ изъ нихъ будетъ жить отецъ, или мать, или тотъ и другая.

Одежда и обувь оставлялась за каждымъ членомъ семейства та, какую кто носилъ или какую кто себѣ самъ завелъ.

Въ Вохтомской волости, самой глухой и самой маленькой изо всего уѣзда, состоящей всего только изъ двухъ сельскихъ обществъ, раздѣльныя книги имѣются для каждаго общества отдѣльно, но ни одного приговора въ нихъ не записано. Незаконныхъ раздѣльныхъ актовъ въ волостномъ правленіи также нѣтъ, такъ что никакихъ документальныхъ свѣдѣній объ условіяхъ раздѣловъ въ этой волости нельзя было получить. По словамъ мѣстныхъ жителей, приговоры сельскаго схода при раздѣлахъ вообще тамъ не пишутся, а заключаются только, и то не всегда, письменныя условія самими дѣлящимися сторонами, даже безъ участія старосты. Раздѣлы, конечно, существуютъ и здѣсь, и даже раздѣлы совершенно самовольные, когда дѣти уходятъ отъ отца безъ позволенія послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ родители иногда ничего не даютъ отдѣлившимся дѣтямъ; напротивъ, послѣднія еще обязываются обществомъ платить за отца подати и выдавать ему ту или другую ежегодную сумму на пропитаніе.

Количество раздѣловъ въ Вохтомской волости удалось выяснить за періодъ времени съ 1894 г., изъ сравненія наличнаго, сообщеннаго волостнымъ старшиной, числа домохозяевъ каждой деревни въ 1898 г. съ тѣмъ, какое было въ 1894 г. и какое обозначено въ раскладочныхъ приговорахъ этого года, содержащихъ число дѣйствительныхъ домохозяевъ того времени. Оказалось, что по Яковлевскому обществу было за это время до 30 раздѣловъ, а по Долговскому до 17-ти, всего—около 47,—почти по 12 раздѣловъ на каждый годъ, что для такой малолюдной и для такой глухой волости нельзя не признать числомъ сравнительно очень значительнымъ.

Въ Идской волости книга для записи раздѣловъ существуетъ, но въ ней не записано ничего. Въ волостномъ правленіи сохранилось однако 11 раздѣльныхъ приговоровъ, написанныхъ на особыхъ листахъ и, очевидно, представленныхъ въ свое время въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 1 относится къ 1887 году, 7—къ 1889 г., 1—къ 1890 г. и 2—къ 1891 г. Послѣднимъ годомъ, очевидно, закончились всякія попытки представленія приговоровъ въ правленіе, и послѣ этого, по словамъ мѣстныхъ жителей, раздѣлы происходятъ уже съ формальной точки зрѣнія исключительно незаконные. Ихъ бываетъ въ волости будто бы только 2 — 3 въ годъ, и производятся они самими заинтересованными сторонами, при свидѣтеляхъ и сельскомъ старостѣ. Письменныя условія притомъ не всегда заключаются, а если заключаются, то къ нимъ подписывается староста и свидѣтели. Сыновья, отходя отъ отца, часто обязуются платить за него подати или выдавать ему извѣстную сумму на пропитаніе.

Изъ указанныхъ 11-ти раздѣльныхъ приговоровъ пять засвидѣтельствованы сельскимъ старостой и волостнымъ правленіемъ, такъ что въ первой инстанціи

носили на себѣ всѣ признаки законности. Но четыре изъ нихъ восходили на разсмотрѣніе высшей власти, которая по разнымъ причинамъ не утвердила ни одного, такъ что только одинъ семейный раздѣлъ,—между братьями Осиповыми изъ дер. Строева, и является здѣсь болѣе или менѣе законнымъ.

Всѣ четыре неутвержденныхъ раздѣла относятся къ 1889 году, и, можетъ быть, такое, такъ сказать, повально-отрицательное отношеніе къ нимъ уѣзднаго Присутствія, не оставшееся, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ въ населеніи, вселило въ послѣднемъ убѣжденіе въ серьезной и даже непреодолимой трудности раздѣловъ, если производить ихъ по всѣмъ правиламъ недавняго закона. Не будетъ, слѣдовательно, невѣроятнымъ предположеніе, что именно по этой причинѣ прекратились вскорѣ всякія попытки къ заключенію законныхъ раздѣловъ, такъ какъ сравнительное обиліе представленныхъ въ 1889 году въ правленіе раздѣльныхъ актовъ доказываетъ, что вначалѣ населеніе не имѣло особаго предубѣжденія противъ того пути къ раздѣламъ, который указанъ закономъ 18 марта 1886 года.

Въ трехъ случаяхъ причиною неутвержденія уѣзднымъ Присутствіемъ раздѣльныхъ приговоровъ послужило то обстоятельство, что старшиною не было произведено установленнаго Наказомъ губернскаго Присутствія мѣстнаго разслѣдованія о правильности раздѣла, а также, что въ самыхъ приговорахъ не обозначено было количества крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, и числа всѣхъ домохозяевъ общества. Присутствіе требовало только дополненія раздѣльныхъ актовъ, но волостное правленіе и сами крестьяне, очевидно, сочли возможнымъ обойтись и безъ его утвержденія, такъ что оставили приговоры, какъ они были первоначально написаны. Четвертый раздѣльный актъ по жалобѣ отца и по отзыву непремѣннаго члена Присутствія былъ вовсе отмѣненъ послѣднимъ, такъ какъ былъ заключенъ вопреки правиламъ закона 1886 г., требующимъ согласія на раздѣлъ главы семейства, и такъ какъ происходилъ не въ тотъ срокъ, который установленъ для раздѣловъ въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Изъ 6-ти раздѣльныхъ актовъ, которые не свидѣтельствованы волостнымъ правленіемъ, одинъ представляетъ изъ себя только заявленіе матери сельскому старостѣ, чтобы сходъ произвелъ раздѣлъ ея дѣтей; остальные же пять не были засвидѣтельствованы правленіемъ вѣроятно потому, что ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ ни подписи, ни печати сельскаго старосты, хотя онъ въ двухъ случаяхъ несомнѣнно былъ на сходѣ, такъ какъ это упомянуто въ самыхъ приговорахъ; да и на прочихъ раздѣлахъ сельскій староста, вѣроятно, также былъ, потому что они происходили на сходахъ, и къ раздѣльнымъ актамъ подписались бывшіе на сходѣ крестьяне.

Объ объемѣ в л а с т и с е л ь с к а г о с х о д а и самихъ заинтересованныхъ лицъ на раздѣлъ вообще можно судить на основаніи 9-ти раздѣльныхъ актовъ. Въ

одномъ, какъ уже выше было упомянуто, мать просила сельскаго старосту произвести раздѣлъ ея дѣтей на сходѣ и такимъ образомъ признавала за послѣднимъ полную въ этомъ отношеніи власть. Самаго раздѣла здѣсь однако не указано, и потому нельзя узнать, какъ отнесся сходъ къ предоставленному ему праву и какъ подчинились его власти дѣти.—Два другіе приговора, относящіеся къ 1889 и 1891 гг., представляютъ въ сущности только формальное утвержденіе сходомъ раздѣловъ, фактически состоявшихся уже нѣсколько лѣтъ ранѣе, по добровольному согласію сторонъ, такъ что въ этихъ случаяхъ сходу пришлось ограничиться весьма, напротивъ, незначительнымъ участіемъ въ раздѣлѣ. Точно также и въ другихъ четырехъ случаяхъ раздѣловъ центръ тяжести ихъ лежалъ не на сходѣ, а на самихъ дѣлившихся семействахъ, потому что здѣсь прежде поступленія дѣла на сходъ раздѣлъ происходилъ въ семьѣ, и тамъ же заключалось особое письменное условіе, которое сходъ только признавалъ и переписывалъ. Эти домашніе раздѣльные акты были представлены въ правленіе вмѣстѣ съ приговорами схода, и изъ нихъ видно, что иногда раздѣлъ происходилъ исключительно въ предѣлахъ семьи, такъ что и подписывались къ акту только заинтересованныя стороны (въ одномъ случаѣ даже только отецъ); иногда, напротивъ, здѣсь присутствовали свидѣтели: крестьяне-сосѣди, крестьяне другихъ деревень и даже разъ—только двѣ крестьянки-сосѣдки. Наконецъ, въ одномъ случаѣ приговору сельскаго схода о раздѣлѣ отца съ сыномъ предшествовало духовное завѣщаніе отца, а потомъ обоюдная, данная сельскому старостѣ росписка отца и сына въ ихъ взаимныхъ обязательствахъ. На основаніи этой росписки сходъ произвелъ подробный между ними раздѣлъ и составилъ отдѣльный приговоръ, который приводили въ исполненіе черезъ 10 мѣсяцевъ старшина и староста съ окольными людьми. Приэтомъ они не выдали отцу сполна всего, что̀ ему назначено было, и потому онъ принесъ жалобу непремѣнному члену уѣзднаго Присутствія, и послѣднее, какъ уже выше сказано было, отмѣнило самый приговоръ, какъ незаконный.

Предѣлы вѣдѣнія схода въ самомъ распредѣленіи или только въ утвержденіи распредѣленія между сторонами общаго ихъ имущества сравнительно широкіе. Между десятью раздѣльными приговорами, въ которыхъ есть подробности этого распредѣленія, нѣтъ ни одного, ограничивающагося раздѣломъ только указаннаго въ законѣ 1886 года имущества: вездѣ къ этому имуществу, т. е. къ строеніямъ, домашнему скоту, надѣльной землѣ, хлѣбу и необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, присоединяется что-нибудь лишнее. Такъ, въ одномъ случаѣ была раздѣлена собственная земля, въ двухъ—общіе долги, въ семи—одежда, въ четырехъ—вообще все домашнее обзаведеніе, безъ указанія отдѣльныхъ его вещей, а въ нѣсколькихъ случаяхъ перечислены и такіе предметы, какъ самоваръ, часы, бревна, посуда, тесъ, бересто, овчины,

кадки, лари, шкафы, столы, ухваты, ковши, топоры, чугуны, стулья, мохъ, шерсть, лодка, кровать и даже одинъ разъ—кринка масла. По сравненію съ раздѣльными приговорами предыдущихъ волостей, здѣсь между прочимъ въ двухъ актахъ упомянуто о раздѣленіи навоза, но послѣдній, можетъ быть, собственно говоря, отнесенъ къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, такъ что долженъ бы и всегда подлежать вѣдѣнію сельскаго схода.

Права и власть отца при раздѣлахъ внѣшнимъ образомъ выражаются въ томъ, что раздѣльный приговоръ пишется по большей части отъ его имени, такъ что, если изъ семьи отдѣляется одинъ изъ сыновей, а прочіе остаются, отецъ и оставшіяся дѣти какъ будто даютъ уходящему члену семейства, что сами находятъ нужнымъ; если же отецъ, находящійся уже въ престарѣлыхъ годахъ, даетъ раздѣлъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, онъ представляется какъ будто бы полновластнымъ распредѣлителемъ между ними общаго имущества, и потому, напримѣръ, при раздѣлѣ кр-на дер. Пуповатаго Александра Яковлева съ сыномъ, по духовному завѣщанію его, сказано въ завѣщаніи, что отецъ награждаетъ сына такимъ-то и такимъ-то имуществомъ. Въ самомъ распредѣленіи общаго имѣнія отецъ однако получаетъ на себя и на жену, если она у него жива, гораздо меньшую часть, чѣмъ его дѣти, такъ какъ главнымъ соображеніемъ приэтомъ служитъ хозяйственная работоспособность и будущность каждаго члена семьи, имѣющаго право на общее имущество. Когда отецъ послѣ раздѣла остается жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, на него иногда даже вовсе не указывается особой части — въ землѣ, въ посѣянномъ хлѣбѣ, въ строеніяхъ и въ хозяйственныхъ и домашнихъ принадлежностяхъ, дается же обыкновенно что-нибудь опредѣленное въ зерновомъ хлѣбѣ и въ скотѣ: въ хлѣбѣ по большей части равная съ дѣтьми часть, а въ скотѣ меньшая, такъ какъ ему уже нѣтъ надобности въ лошади. Однако, въ одномъ случаѣ раздѣла дѣтей при отцѣ послѣднему выдѣлено было въ каждомъ полѣ по 10 загоновъ земли, хотя онъ и долженъ былъ жить со старшимъ сыномъ; относительно этой земли оговорено было въ приговорѣ, что послѣ смерти отца она поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми братьями по равнымъ частямъ. Въ остальномъ имуществѣ подобной оговорки не было ни разу, и нужно думать, что оно поступало тому сыну, съ которымъ отецъ жилъ. — Объ обязанности дѣтей давать родителямъ пропитаніе послѣ раздѣла раздѣльные акты обыкновенно не упоминаютъ. Только въ одномъ случаѣ сынъ былъ обязанъ выдавать на пропитаніе отца по 15 рублей ежегодно,—это, когда сынъ у него былъ единственный. Такимъ же образомъ мать, просившая сходъ о раздѣлѣ своихъ дѣтей, представила ему подписку сына объ ежегодной уплатѣ ей 3-хъ рублей, съ условіемъ не препятствовать выдачѣ паспорта. Такимъ образомъ дѣти, которыя послѣ раздѣла начинали жить

отдѣльно отъ родителей, очевидно, освобождались тѣмъ самымъ и отъ обязанности кормить ихъ.

При матери дѣти дѣлились въ 6-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто было, мать просила старосту произвести раздѣлъ дѣтей на сельскомъ сходѣ и такимъ образомъ сама не признавала за собой никакой власти въ распредѣленіи общаго имущества. Изъ другихъ подобныхъ раздѣльныхъ приговоровъ въ одномъ, между крестьянкою дер. Заболотья Марьей Прокофьевой и дѣтьми, дѣло представлено въ такомъ видѣ, какъ бы мать раздаетъ сыновьямъ и невѣсткѣ общее имущество по собственному усмотрѣнію; въ прочихъ же приговорахъ раздѣлъ производится собственно между братьями, что̀, надо думать, бывало обыкновенно и на самомъ дѣлѣ. Ни въ одномъ случаѣ мать не уходитъ отъ дѣтей совсѣмъ, а всегда остается жить вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ: по двумъ раздѣльнымъ актамъ — со старшимъ сыномъ, а по тремъ—съ младшими. Особой части на нее не выдѣлено было въ одномъ приговорѣ, по которому она живетъ съ двумя младшими сыновьями и который собственно только формально узаконялъ раздѣлъ, фактически существовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ прочихъ случаяхъ мать получала всегда: избу безъ надворныхъ построекъ, корову или телушку, одинъ разъ—овцу, два раза—нѣкоторое количество зернового хлѣба, не въ равной долѣ съ дѣтьми, и одинъ разъ — одежду, какая на нее была шита. Остальное имущество дѣлилось только между дѣтьми, и мать не получала въ немъ никакой части, такъ что при этихъ раздѣлахъ преобладало хозяйственное основаніе, а не поколѣнное. Платежъ общихъ долговъ также не распространялся на мать, а о судьбѣ назначеннаго ей имущества послѣ ея смерти не говорится нигдѣ ничего. Обязанность дѣтей, съ которыми мать по раздѣльному приговору осталась жить, кормить ее упомянута только въ одномъ случаѣ,—когда на мать не было выдѣлено и указано особаго имущества.

Между братьями безъ родителей было два раздѣла, и въ обоихъ случаяхъ общее имѣніе раздѣлено было на нихъ поровну, такъ что принципы хозяйственный и поколѣнный здѣсь совпадали. Притомъ, когда дѣлились братья Павелъ Сергѣевъ и Иванъ и Максимъ Михайловы изъ дер. Строева, младшаго брата не было дома,—онъ служилъ въ солдатахъ,—и дѣлежъ произошелъ безъ него. — Въ раздѣлѣ же братьевъ при родителяхъ, по одному приговору старшій братъ получилъ больше младшихъ въ надѣльной землѣ, — вѣроятно потому, что съ нимъ осталась жить мать. Въ четырехъ остальныхъ раздѣльныхъ актахъ, въ которыхъ части братьевъ и родителей указаны съ точностію, части эти были совершенно равны, независимо отъ состава семейства у каждаго брата.

Семья умершаго брата участвовала въ двухъ раздѣлахъ. Въ одномъ свекровь даетъ невѣсткѣ на дѣтей ея часть земли, равную съ той, какая была

назначена среднему сыну, и зернового хлѣба втрое болѣе, чѣмъ ему; а какъ дѣлилось остальное имущество, не извѣстно, потому что семейства эти жили врозь еще за нѣсколько лѣтъ до составленія приговора. Въ другомъ случаѣ подобныхъ раздѣловъ о той долѣ имущества, которую далъ снохѣ свекоръ, отдѣляя отъ себя еще сына, также не сказано почти ничего и даже не видно, были ли у этой снохи дѣти.

Причины раздѣловъ указаны въ трехъ приговорахъ,—во всѣхъ семейныя несогласія, причемъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ разладъ между отцомъ и сыномъ дошелъ до такой степени, что, по заявленію отца, онъ опасался за свою жизнь.

При распредѣленіи отдѣльныхъ частей общаго имущества жилыя постройки дѣлились поколѣнно, считая за особое колѣно родителей. Только въ одномъ случаѣ отецъ съ матерью просто перешли на жительство къ старшему сыну, не получивши повидимому никакой части въ строеніяхъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда они должны были жить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, имъ указывалась опредѣленная часть жилой постройки,—именно изба, тогда какъ сыну, съ которымъ они соединялись, отводилась другая половина дома, дворъ или даже полдвора. Приэтомъ только одинъ разъ мать и младшій сынъ получили новую избу съ дворомъ на сломъ, чтобы построиться на другомъ мѣстѣ; въ прочихъ—мать оставалась въ старомъ домѣ и на старой дворинѣ. Отецъ ушелъ изъ стараго дома также въ одномъ случаѣ,—когда отдѣлялъ отъ себя единственнаго сына. Между ними сначала рѣшено было получить отцу съ сына 770 руб. за старый домъ и черезъ два года выстроиться на новомъ мѣстѣ, а до того времени жить у сына; но сынъ вскорѣ выгналъ отца, и тотъ построилъ себѣ отдѣльный домъ, такъ какъ имѣлъ собственный капиталъ. Между братьями далеко не всегда можно было раздѣлиться такъ, чтобы каждому доставался совершенно отдѣльный и вполнѣ устроенный домъ: часто приходилось отламывать только часть дома или же оставаться нѣкоторое время всѣмъ подъ одной крышей. Такъ, одинъ разъ, напримѣръ, старшій изъ трехъ братьевъ получилъ старую избу и клѣть, средній—старый дворъ и бревна, а младшій—новую избу: послѣдніе двое должны были 2 года жить вмѣстѣ, а всѣ трое это же время жили подъ одной кровлей и разгородили только на общій счетъ сѣни. Въ другомъ случаѣ старую избу и полдвора беретъ старшій братъ, младшій же съ матерью должны были отломать полдвора и новую избу и перейти на другое мѣсто. Или: мать со старшимъ сыномъ остается на старомъ мѣстѣ въ передней избѣ, заднюю же отламываетъ средній сынъ, а младшій получаетъ отдѣльную новую избу и 300 бревенъ. Или: отецъ со старшимъ сыномъ переходятъ въ новый домъ, средній же и младшій сыновья дѣлятъ старый домъ такъ, что новую избу съ крыльцомъ и сѣнями получаетъ

первый, а второй долженъ отломать старую избу съ дворомъ и подволокой и переселиться на новое мѣсто. Вообще полнаго обезпеченія всѣхъ дѣлившихся сторонъ жилыми постройками не было ни разу, а всегда кому-нибудь нужно было или жить до времени въ старомъ домѣ, или отламывать отъ него только нѣкоторую часть, или же строиться на новомъ мѣстѣ уже послѣ раздѣла, имѣя пока одни только срубы.

Хозяйственныя постройки распредѣлялись обыкновенно по хозяйствамъ, и потому родители, остававшіеся жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, не получали изъ нихъ ничего. Но и дѣти по большей части имѣли въ своемъ распоряженіи для раздѣла весьма небольшое количество этихъ построекъ, такъ что, распредѣляя ихъ по возможности такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ хоть что-нибудь въ этомъ родѣ,—то амбаръ, то сарай, то мякинницу,—принуждены были чаще всего оставлять нѣкоторыя изъ строеній,—на время или навсегда,—въ общемъ пользованіи. Напримѣръ: три брата пользуются сообща овиномъ, амбаромъ, погребомъ и банею; два брата—амбаромъ, овиномъ и мякинницею; два брата—овиномъ, который согласились даже сообща перестроить; два брата—амбаромъ втеченіе года и овиномъ навсегда; отецъ, сынъ и сноха—овиномъ и сараемъ, и т. под.

Лошади всегда дѣлились по хозяйствамъ, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла отдѣльнаго хозяйства, никогда ихъ и не получали. Но лошадь такое цѣнное имущество въ крестьянскомъ обиходѣ, что и на каждое хозяйство не всегда приходилось дать особую лошадь, хотя, впрочемъ, здѣсь число раздѣловъ, при которыхъ всѣмъ хозяйствамъ досталось по лошади, сравнительно значительное,—пять. Въ прочихъ раздѣлахъ или одна лошадь давалась на два хозяйства; или выражалось согласіе сторонъ сообща пользоваться въ цѣлое лѣто лошадью, доставшеюся одному хозяйству; или, наконецъ, лошадь замѣнялась при раздѣлѣ чѣмъ-нибудь другимъ: въ одномъ случаѣ—коровою, а въ другомъ—двумя хорошими сбруями. Остальная скотина, какъ необходимая не столько для веденія крестьянскаго хозяйства, сколько вообще для пропитанія семьи, дѣлилась поколѣнно, и потому одна корова, а если возможно, то и овца, назначались родителямъ, а прочее дѣлилось поровну между младшими поколѣніями,—такъ, что, когда не доставало на всѣхъ по коровѣ и по овцѣ, корова уравновѣшивалась телушками или овцами. Ни которому хозяйству не досталось ни коровы ни овцы только одинъ разъ,—при раздѣлѣ трехъ братьевъ, крестьянъ дер. Строева Павла Сергѣева и Ивана и Максима Михайловыхъ, 12 ноября 1889 года.

Надѣльная земля дѣлилась похозяйственно, и потому только одинъ разъ отецъ взялъ на себя часть ея, по 10 загоновъ въ каждомъ полѣ, къ одному мѣсту,—въ виду того вѣроятно, что, хотя онъ и остался жить съ

сыномъ, но былъ еще въ силахъ,—59-ти лѣтъ. Притомъ же, послѣ его смерти земля эта должна была поступить опять въ раздѣлъ между его дѣтьми поровну, и такимъ образомъ хозяйственный принципъ дѣлежа возстановлялся сполна. Изъ остальныхъ указанныхъ въ приговорахъ распредѣленій надѣльной земли неравномѣрность раздѣла ея между самыми хозяйствами случилась одинъ разъ,— когда старшій братъ, оставшись съ матерью, получилъ тягло огородной земли, а два другихъ брата по полтяглу. — Въ раздѣлахъ собственной земли, бывшихъ только по двумъ приговорамъ, однажды мать, оставшись жить съ двумя младшими сыновьями, взяла на свое хозяйство 27 десятинъ, а другому сыну и дѣтямъ умершаго сына дала только по $6^1/_2$ десятинъ. Въ другомъ случаѣ собственная земля подѣлена была поровну между братьями, и мать, жившая съ однимъ изъ нихъ, не получила этой земли ничего.

Хлѣбъ въ зернѣ дѣлился обыкновенно поколѣнно, и на родителей выдѣлялась или равная съ дѣтьми часть, или же только нѣкоторое количество, за вычетомъ котораго все остальное поступало въ раздѣлъ дѣтей поровну. Въ двухъ однако раздѣлахъ на отца съ матерью и на мать не было назначено изъ зернового хлѣба ничего, а весь онъ пошелъ на сыновей.—Хлѣбъ въ землѣ дѣлился только одинъ разъ и вполнѣ похозяйственно, такъ что отецъ, отдѣляя старшаго сына и самъ оставаясь съ младшимъ, далъ первому изъ посѣяннаго хлѣба половину.

Отступленія отъ похозяйственнаго распредѣленія сбруи, экипажей и земледѣльческихъ орудій встрѣчаются два раза:—когда въ одномъ случаѣ отецъ, отдѣляясь отъ сына и не составляя особаго хозяйства, взялъ себѣ хомутъ, шлею, сани, молотило, косу и колоколецъ, и когда въ другомъ раздѣлѣ матери досталась вмѣсто полушубка дуга и хомутъ.

Изъ одежды поступало обыкновенно каждому члену семьи то, что было шито на него или что онъ завелъ себѣ самъ, а посуда и домашнія принадлежности дѣлились по хозяйствамъ. Въ одномъ впрочемъ раздѣлѣ самоваръ поступилъ въ общее пользованіе раздѣлившихся братьевъ.

Платежъ общихъ долговъ распредѣлялся въ двухъ приговорахъ: по одному долгъ должны были заплатить только братья, безъ участія матери, поровну, а по другому—одинъ изъ братьевъ взялся заплатить долгъ младшаго брата, бывшаго на военной службѣ.

Въ раздѣльную книгу Каликинской волости вписано три приговора: одинъ—въ 1894 г. и два—въ 1898 г. Волость эта большая, въ 3032 надѣльныхъ души, и состоитъ изъ 13-ти сельскихъ обществъ. Очевидно, что указанные раздѣлы должны быть только весьма незначительной частью всѣхъ вообще раздѣловъ. О приблизительномъ числѣ ихъ за 1894—1898 гг. и за

1886—1898 гг. можно до нѣкоторой степени судить изъ представляемой ниже таблицы, которая показываетъ, съ одной стороны, наличное число домохозяевъ по раскладочнымъ вѣдомостямъ 1894—1898 гг., заключающимъ въ себѣ всякій отдѣльный дворъ, независимо отъ того, по законному или незаконному раздѣлу онъ образовался, и, съ другой, формально-законное число домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ 1898 г., въ которые не должны были вноситься съ 1886 г. домохозяева, не получившіе надлежащаго утвержденія своихъ раздѣловъ. Поэтому разница между числами раскладочныхъ вѣдомостей должна бы показать приблизительное количество всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ особо и во всей волости вмѣстѣ по отдѣльнымъ годамъ и за весь періодъ времени 1894—1898 гг., а разница между цифрою раскладочныхъ вѣдомостей за 1898 г. и цифрою домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ этого года должна обозначить приблизительное число всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ и въ волости за періодъ времени съ 1886 по 1898 гг. Цифры эти, конечно, не могутъ показать дѣйствительнаго числа раздѣловъ, потому что увеличеніе и уменьшеніе количества крестьянскихъ хозяйствъ происходятъ и отъ другихъ, кромѣ раздѣловъ, причинъ,—приписки къ обществамъ отдѣльныхъ семействъ со стороны и выписки на сторону, а также вымиранія семей,—но причины эти производятъ настолько незначительное измѣненіе въ числѣ хозяйствъ, что дозволяютъ считать цифры разницы другъ съ другомъ наличныхъ хозяевъ и цифры разницы этихъ же чиселъ съ числами законныхъ домохозяевъ за весьма близкія къ дѣйствительнымъ цифрамъ семейныхъ раздѣловъ. Но нужно замѣтить, что приводимая ниже таблица не можетъ быть вполнѣ точною и совершенно полною еще и потому, что раскладочныя вѣдомости сохранились въ волостномъ правленіи не всѣ, а въ выборныхъ приговорахъ не всегда обозначено общее число домохозяевъ: для этой цифры оставлено иногда тамъ одно только мѣсто, такъ что въ подобныхъ случаяхъ для общихъ итоговъ она заимствована нами изъ выборныхъ приговоровъ какого-либо предшествующаго года, начиная съ 1894-го, тѣмъ болѣе, что измѣнялась она вообще очень рѣдко и весьма незначительно.

Вотъ эта таблица:

ОБЩЕСТВА.	Раскладочныя вѣдомости.					Выборные приговоры 1894—1898 года.	Число сем. раздѣловъ.	
	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.		1894—1898 гг.	1886—1898 или 1861—1898 года.
Аксеновское. . . .	373	383	380	377	378	270	5	108
Горловское	нѣтъ.	91		88	97	82	не менѣе 6	15
Григоровское . . .	64	64	нѣтъ.	68	70	42	6	28
Дорковское	38	38		36	36	23	—	15
Климовское . . .	98	нѣтъ.		101	101	82	3	19
Липихинское . . .	92	90	91	90	91	74	—	17
Макарьинское . .	нѣтъ	65	65	65	62	55	—	7
Мальгинское . . .		94	нѣтъ.	93	91	62	—	29
Мелехинское . . .	45	49	48	51	53	52	8	1
Натальинское. . .	363	365	нѣтъ.	376	383	250	20	133
Никулинское. . .	89	90	90	90	91	90	2	1
Сывкинское . . .	46	47	46	46	48	26	2	22
Федяевское. . .	54	54	53	54	53	52	—	1
Вся волость .	—	—	—	—	—	—	около 52	396

Количество раздѣловъ за періодъ времени 1894—1898 гг. явилось здѣсь изъ сравненія чиселъ раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ числами тѣхъ же вѣдомостей за 1894 годъ. Вмѣсто послѣднихъ цифръ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ за 1894 г. раскладочныхъ вѣдомостей не оказалось, взяты вѣдомости 1895 г., а когда числа 1898 г. оказались равными или даже меньшими чиселъ 1894 г., предполагалось, хотя конечно и не съ полнымъ основаніемъ, что семейныхъ раздѣловъ тутъ за весь разсматриваемый періодъ времени совсѣмъ не было. Въ общей сложности во всей волости оказалось такимъ образомъ за это время около 52 раздѣловъ или, среднимъ числомъ, по 13 раздѣловъ въ годъ.

Количество раздѣловъ за 1886—1898 гг. получилось изъ сличенія раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ выборными приговорами за тотъ же годъ; но такъ какъ общая и годичныя цифры оказались приэтомъ настолько значительными, что въ среднемъ приходилось бы на всю волость не менѣе 33-хъ раздѣловъ въ годъ, а на періодъ времени за 1886—1894 гг. и еще

болѣе несообразное число (396—52=344 : 8=43), то нужно думать, что и здѣсь, какъ и въ Бушневской волости, количество домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ почти не измѣнялось, можетъ быть, съ самаго начала волостной жизни, съ 1861 года. При такомъ предположеніи средняя цифра ежегодныхъ раздѣловъ равнялась бы почти 11-ти, а это настолько близко подходитъ къ средней и очень вѣроятной цифрѣ за 1894—1898 гг., что указанное предположеніе должно считать довольно близкимъ къ дѣйствительности.

Обращаясь къ раздѣламъ, записаннымъ въ волостную книгу, видимъ, что два изъ нихъ происходили между братьями при жизни матери, и одинъ—только между братьями. Въ первыхъ двухъ случаяхъ у обоихъ братьевъ были уже до раздѣла особыя осѣдлости и особые дома съ хозяйственными строеніями, такъ что раздѣлы здѣсь состояли собственно въ выдѣлѣ нѣкоторой части имущества матери. Въ одномъ случаѣ старшій братъ даже не присутствовалъ при раздѣлѣ, а, «находясь на промышленности», нотаріально передалъ свои права сыну. Мать осталась притомъ въ старомъ домѣ со старшимъ сыномъ и получила на себя корову и 10 мѣръ хлѣба, а все остальное раздѣлено было между братьями поровну. Въ другомъ раздѣлѣ точно также мать рѣшилась жить со старшимъ сыномъ, и точно также ей дана была корова и 10 мѣръ хлѣба, а прочее пошло поровну на братьевъ, такъ что и собственная земля раздѣлена была только между ними же.—По третьему раздѣльному приговору двое братьевъ разошлись въ разные дома: старшій остался въ прежнемъ домѣ, а младшій ушелъ въ новый. Все хозяйство и надѣльную землю они раздѣлили между собою на двѣ равныя части, причемъ у обоихъ у нихъ оказалось по лошади, и вообще они были снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства въ достаточномъ количествѣ.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ—многолюдство, а въ другомъ—семейныя несогласія.

Въ Коровской волости на каждое сельское общество существуетъ особая раздѣльная книга, но записано въ этихъ книгахъ съ 1886 г. только три приговора: два по Ермаковскому обществу и одинъ по Маланьинскому. Раздѣлы эти были: въ 1887 г., 1889 г. и 1898 г. Книги прочихъ четырехъ обществъ совершенно пустыя.

Такъ какъ въ волостномъ правленіи имѣются раскладочные приговоры, составленные особо для каждой деревни въ 1894 и 1895 гг., по закону 8 іюня 1893 г., на 12 лѣтъ, и, такъ какъ, съ другой стороны, тамъ же есть списки домохозяевъ каждаго общества, также по отдѣльнымъ деревнямъ, составленные къ 1 января 1896 г., то здѣсь возможно было составить изъ сличенія цифръ тѣхъ и другихъ списковъ приблизительное представленіе о числѣ семейныхъ раздѣловъ съ 1886 по 1894—1895 гг. Раскладочные

приговоры несомнѣнно представляютъ наличное число отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ ко времени ихъ составленія, т. е. по однѣмъ деревнямъ къ 1894-му, а по другимъ къ 1895 году. Но общая сумма этихъ чиселъ не можетъ выражать количества всѣхъ хозяйствъ волости, такъ какъ по нѣкоторымъ деревнямъ раскладочные приговоры находились у земскаго начальника, и потому относительно обществъ, къ которымъ эти деревни принадлежатъ, приходится ограничиться цифрою домохозяевъ меньшей, чѣмъ въ дѣйствительности. Списки же домохозяевъ хотя и составлены были къ 1896 году, т. е. позже, чѣмъ писались раскладочные приговоры, однако число хозяйствъ въ нихъ поставлено менѣе, чѣмъ по раскладкамъ, и слѣдовательно въ нихъ вносились не всѣ отдѣльные дворы, а вѣроятно только такіе, которые образовались по законнымъ семейнымъ раздѣламъ. Притомъ, числа списковъ разнятся отъ цифръ раскладочныхъ приговоровъ не особенно значительно, и можно поэтому думать, что они остались неизмѣнными не съ 1861-го, а съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, разница между тѣми и другими должны дать приблизительное минимальное число семейныхъ раздѣловъ за 1886—1894—1895 гг., потому что увеличеніе и уменьшеніе хозяйствъ отъ другихъ, помимо раздѣловъ, причинъ всегда бываетъ очень незначительнымъ. Сопоставленіе цифръ раскладочныхъ приговоровъ и списковъ домохозяевъ по каждому обществу представляетъ слѣдующая таблица:

	Общества.						Вся волость.
	Ермаковское.	Есаковское.	Маланьинское.	Рязановское.	Селивановское.	Трясевское.	
Списки домохозяевъ въ 1896 г.	242	41	90	42	62	42	519
Раскладочн. приговоры въ 1894 или 1895 году	болѣе 264	43	болѣе 94	болѣе 44	болѣе 68	45	болѣе 558
Приблизительное число семейн. раздѣловъ въ 1886-1894—1895 г.	22	2	4	2	6	3	болѣе 39

Въ среднемъ, такимъ образомъ, на всю волость приходится въ годъ не менѣе четырехъ или пяти семейныхъ раздѣловъ, и число это при сравнительной незначительности волости является довольно вѣроятнымъ.

Изъ записанныхъ въ раздѣльныя книги приговоровъ два касаются раздѣловъ между братьями при жизни одного и обоихъ родителей и одинъ—только между братьями.

8 февраля 1887 г. раздѣлился крестьянинъ дер. Баршкадина Иванъ Власовъ съ двумя сыновьями вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

Здѣсь любопытно то, что раздѣлились между собою не одни дѣти, но и родители, такъ какъ отецъ остался жить со старшимъ сыномъ, а мать съ младшимъ. Въ раздѣльный приговоръ внесены доли каждой стороны только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ,—остальное же имущество было раздѣлено по домашнему полюбовному акту, предъявленному сходу, но не записанному въ его приговоръ. Изъ того имущества, которое дѣлилось на сходѣ, родители получили по нѣкоторой, хотя и не равной съ дѣтьми, части въ строеніяхъ и скотѣ, а все прочее раздѣлено было чисто похозяйственно, поровну между братьями, такъ что отцу досталась изба, горница, сарай и корова, а матери—горница и корова, между тѣмъ какъ братья взяли себѣ по двору, по сараю, амбару, по лошади, коровѣ, овцѣ съ ягнятами и т. д. Относительно имущества отца сказано, что послѣ его смерти оно переходитъ къ старшему сыну и дѣтямъ его.

При раздѣлѣ крестьянина дер. Гузина Ивана Миронова съ двумя сыновьями въ приговоръ внесены доли каждаго участника дѣлежа не только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ, землѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, но и въ одеждѣ, иконахъ, самоварахъ, посудѣ и часахъ, а относительно остальной движимости сказано, что она должна быть раздѣлена между братьями поровну и миролюбно. Отецъ (65 лѣтъ) остался жить съ младшимъ сыномъ на старомъ мѣстѣ, и доставшееся ему имѣніе должно послѣ его смерти перейти въ пользу этого сына, который обязанъ кормить и поить его до смерти. На долю его была дана изба, корова, телушка, два поросенка, нѣкоторыя иконы, самоваръ, треть чайной посуды и треть зерновою хлѣба и корма для скота, такъ что только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а хозяйственныя постройки, лошади, хлѣбъ въ землѣ, самая земля и земледѣльческія принадлежности раздѣлены были на два хозяйства между братьями, поровну. Въ общемъ владѣніи остались баня и овинъ, а одежда оставлена каждому члену семьи та, какая на немъ была. Самый раздѣлъ произошелъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

По третьему приговору отдѣлялся 20 марта 1898 года изъ 6-ти братьевъ старшій. Но такъ какъ у него былъ уже до этого времени собственный домъ и полное хозяйство, а усадебная и полевая земля значилась на немъ отдѣльно еще по раскладочному приговору 1894 года, то, очевидно, этотъ раздѣлъ существовалъ фактически ранѣе, и раздѣльный приговоръ только давалъ ему законную форму.

Въ Мирохановскомъ волостномъ правленіи сохранилось только четыре раздѣльныхъ приговора, составленныхъ на сельскихъ сходахъ, подписанныхъ участниками схода и сельскими старостами, но почему-то не засвидѣтельствованныхъ волостнымъ правленіемъ и не записанныхъ въ книгу, такъ что и

раздѣлы эти являются въ сущности не вполнѣ законными. Одинъ изъ нихъ относится къ 1892 г., два—къ 1897-му и одинъ къ 1898 году.

Не подлежащее вѣдѣнію сельскаго схода имущество упомянуто здѣсь только въ одномъ приговорѣ,—когда между деверемъ и невѣсткой дѣлилось не только то, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, но и иконы, самовары, столы, шкафы, лари и отцовскіе частные долги. О согласіи родителей на раздѣлъ упомянуто во всѣхъ трехъ приговорахъ, производившихся при ихъ жизни; въ одномъ изъ нихъ это согласіе шло даже, какъ отъ главы семейства, отъ матери, потому что отца уже не было въ живыхъ.

Особая часть имущества была выдѣлена отцу только въ одномъ случаѣ, а въ двухъ остальныхъ родители просто оставались жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и отдѣльной доли общаго имѣнія на нихъ не указывалось; братья же, равно какъ и деверь со всей семьей невѣстки, вездѣ пользовались одинаковыми правами на распредѣлявшееся между ними похозяйственно и поровну имущество. Что касается отца, хотя и оставшагося жить вмѣстѣ съ сыномъ, но взявшаго себѣ особую долю, то послѣдняя заключалась въ строеніяхъ, скотѣ и зерновомъ и посѣянномъ хлѣбѣ. Слѣдовательно, только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а все остальное, такъ же какъ и имущество въ прочихъ раздѣлахъ, дѣлилось по отдѣльнымъ хозяйствамъ, независимо отъ состава семействъ.

Въ жилыхъ постройкахъ не всегда возможно было каждому хозяйству имѣть готовое и вполнѣ отдѣльное отъ другихъ помѣщеніе, такъ что въ одномъ случаѣ два младшіе брата получили со старшаго вмѣсто своей части общаго дома деньги, а въ другомъ—хотя младшій братъ и сталъ жить въ своемъ домѣ, но послѣдній былъ пристроенъ къ старому,—сзади. Родители во всѣхъ трехъ случаяхъ остались жить съ тѣми дѣтьми, которыя получили старые дома: въ двухъ раздѣлахъ со старшими и въ одномъ—съ младшимъ сыномъ.

Изъ хозяйственныхъ строеній въ общемъ владѣніи по всѣмъ четыремъ раздѣламъ остались овины; кромѣ этого, по одному раздѣлу раздѣлившіяся семейства должны были пользоваться сообща мякинницей, погребомъ и баней, а по другому—амбаромъ, сараемъ и баней.

По особой лошади и даже по коровѣ не получили братья въ одномъ раздѣлѣ: отецъ взялъ себѣ здѣсь со старшимъ сыномъ лошадь и двухъ коровъ, а старшему и младшему сыновьямъ достались,—одному теленокъ, другому—телушка.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ обоихъ многосемейность.

Въ Муравьищенской волости не записано въ книгу ни одного семейнаго раздѣла. Но тамъ сохранилось въ волостномъ правленіи 11 раздѣльныхъ актовъ, составленныхъ на сельскихъ сходахъ и представленныхъ сельскими

старостами въ правленіе для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 6 актовъ относятся ко времени до 18 марта 1886 г., начиная съ 1873 г., а 5 къ послѣдующему времени, именно: 3 къ 1887-му и 1 къ 1897 году. Кромѣ того, волостнымъ старшиною было указано мнѣ еще 5 раздѣловъ, бывшихъ въ волости за 1886—1898 гг., такъ что всѣхъ раздѣловъ за эти 12 лѣтъ было здѣсь только 10, что объясняется, можетъ быть, незначительностью самой волости, состоящей лишь изъ 5 сельскихъ обществъ, а, можетъ быть, и тѣмъ, что волость эта сравнительно глухая, и отхожій промыселъ развитъ здѣсь нѣсколько менѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

По своей формѣ раздѣльные приговоры до и послѣ 1886 года ничѣмъ существеннымъ не отличаются, такъ что, очевидно, законъ 18 марта нисколько не повліялъ ни вообще на условія, какими раздѣлы сопровождались здѣсь ранѣе, ни, въ частности, на участіе, какое принималъ въ нихъ сельскій сходъ и общество. Волостнымъ правленіемъ засвидѣтельствованы три приговора: два до 18 марта 1886 г. (одинъ въ 1875-мъ, другой въ 1877 г.) и одинъ 5 декабря 1897 года, почему-то не занесенный въ раздѣльную книгу. Изъ остальныхъ раздѣльныхъ актовъ на нѣкоторыхъ подписались бывшіе на сходахъ крестьяне и сельскій староста, который иногда прикладывалъ, а иногда не прикладывалъ своей печати; на другихъ—только крестьяне, безъ старосты; а въ одномъ случаѣ раздѣлъ происходилъ, очевидно, домашнимъ порядкомъ, такъ какъ къ приговору подписались лишь дѣлившіяся стороны. Значитъ, вообще участіе схода въ семейныхъ раздѣлахъ здѣсь не всегда признавалось обязательнымъ, и раздѣлы могли совершаться помимо общества. Самъ сходъ признавалъ это возможнымъ по крайней мѣрѣ въ распредѣленіи дѣлимаго имущества и, напримѣръ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Ноговицына Ильиныхъ, въ мартѣ 1875 г., ограничился однимъ дозволеніемъ раздѣла вообще, поручивши произвести его старостѣ съ окольными людьми. Точно также въ декабрѣ 1885 г. сходъ особымъ приговоромъ дозволилъ произвести раздѣлъ между крестьяниномъ дер. Бочкова Павломъ Сергѣевымъ и его неродной матерью съ малолѣтними дѣтьми въ присутствіи опекуна, сельскаго старосты и окольныхъ людей.

Что касается того, какого рода имущество записывалось въ приговоры и, слѣдовательно, подвергалось вѣдѣнію сельскаго общества, то по большей части оно ограничивалось только необходимыми для веденія крестьянскаго хозяйства предметами, а иногда и другими, болѣе или менѣе цѣнными вещами. Такъ, въ трехъ раздѣльныхъ приговорахъ упомянуто распредѣленіе одежды и обуви, въ двухъ—одежды, въ одномъ—долговыхъ обязательствъ, а въ нѣкоторыхъ—такихъ предметовъ, какъ: самоваръ, чайная посуда, коверъ, лари, шкафы и карманные часы.

Отецъ и сынъ дѣлились между собою только по одному приговору, и

отецъ надѣлялъ имуществомъ сына, какъ хотѣлъ, такъ что и въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что онъ «награждаетъ» сына такимъ-то и такимъ-то имѣніемъ. Что оставилъ тутъ отецъ себѣ, изъ приговора не видно, но сына онъ надѣлилъ повидимому достаточно и даже отдалъ ему не только лошадь, корову, 2-хъ овецъ, избу сбоку и земледѣльческія орудія, но и весь посѣянный хлѣбъ, выдѣливъ себѣ изъ зерноваго хлѣба двѣ трети,—очевидно, на себя и жену. Такимъ образомъ онъ, хотя и «награждалъ» сына, однако считалъ себя вправѣ взять на свою долю только то, что необходимо было ему для пропитанія, а не для веденія самостоятельнаго хозяйства.

Сыновья при матери раздѣлялись въ трехъ случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ мать даетъ отдѣляющемуся отъ нея и отъ младшаго брата и сестры сыну также что̀ хочетъ, оставляя однако въ своемъ домѣ изъ зерноваго и посѣяннаго хлѣба только половину и тѣмъ самымъ не признавая за собой и дочерью равныхъ съ сыномъ на этотъ хлѣбъ правъ. Въ другомъ случаѣ мать, отъ которой отдѣлился неродной сынъ съ двумя своими сестрами, получила часть общаго имѣнія только на своихъ малолѣтнихъ дѣтей; а въ третьемъ было оговорено, что, если мать вздумаетъ отойти отъ сына, съ которымъ согласилась жить, то послѣдній обязанъ выдать ей избу и корову. Значитъ, и въ отношеніи къ матери, какъ и къ отцу, вообще право признавалось не на все имущество, а только на то, которое необходимо для жизни ея, но не для отдѣльнаго хозяйствованія.

Права тестя относительно раздѣла имѣнія между нимъ и принятымъ въ домъ зятемъ болѣе широкія и опредѣляются вполнѣ его волею. Такъ, когда зять, проживши съ тестемъ мирно 9 лѣтъ, началъ на десятомъ притѣснять его, тотъ попросилъ сельскій сходъ вывести зятя изъ дому, и сходъ удалилъ его къ родной матери, а изъ имѣнія постановилъ выдать ему только за работу его минувшимъ лѣтомъ 5 мѣръ озимаваго хлѣба, 3 мѣры ячменя и 10 мѣръ овса. Въ другомъ случаѣ тесть, принимая зятя въ домъ, заблаговременно составляетъ съ нимъ раздѣльный актъ, по которому въ случаѣ раздѣла подписываетъ ему половину всего имущества и оговариваетъ, что, если онъ, тесть, «по милости Божіей» помретъ, то его доля имѣнія должна пойти зятю, за выдѣломъ только коровы старшей дочери. Съ своей стороны, зять обязуется за это кормить тестя до смерти.

Свекоръ, раздѣляя между собой и снохой съ двумя ея малолѣтними сыновьями скотину, а также зерновой и посѣянный хлѣбъ, счелъ себя вправѣ взять изъ скота половину, а изъ хлѣба только третью часть. Въ другомъ раздѣлѣ свекровь беретъ себѣ изъ имущества умершаго сына, вдова котораго, оставшись съ малолѣтнею дочерью, хочетъ снова выйти замужъ, всю постройку, а невѣстку «награждаетъ» скотиной и всѣмъ зерновымъ хлѣбомъ.

Братъ, отъ котораго уходитъ «въ келью» сестра, также «награждаетъ»

ее по собственному усмотрѣнію. Онъ берется поставить ей изъ бани келью, даетъ право безпрепятственно рубить въ его полосѣ лѣсъ для отопленія и снабжаетъ ее двумя шубами и сапогами, а также 10-ю мѣрами ржи, предупреждая однако, что послѣ этого она должна кормиться сама.

Братья безъ родителей дѣлились одинъ разъ и оба получили по равной части во всемъ имуществѣ. Точно также и при матери они получали себѣ совершенно равныя части, независимо отъ состава семейства у каждаго. Только убогій братъ при раздѣлѣ кр-нки дер. Быкова Феклы Сергѣевой съ неродными дѣтьми получилъ гораздо большую часть, чѣмъ его братья и сестры: все имущество здѣсь было точно оцѣнено, и половина его отдана была убогому, а другую половину раздѣлили на 5 частей,—поровну на трехъ сестеръ и двухъ братьевъ.

Доля зятя, какъ уже было ранѣе видно, опредѣляется или волею тестя или особымъ съ нимъ договоромъ. Когда тесть подписывалъ зятю половину имущества, онъ оговорилъ также и то, кому эта половина пойдетъ послѣ смерти зятя: если тотъ «по милости Божіей» помретъ, все должна наслѣдовать его «хозяйка».

Право сестеръ на общее съ братьями имѣніе тоже было видно выше: въ одномъ раздѣлѣ сестра получила только то, чѣмъ «наградилъ» ее братъ, а въ другомъ тремъ сестрамъ, правда малолѣтнимъ, были выдѣлены, по точной оцѣнкѣ, совершенно равныя съ братьями части.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ семейныя ссоры, а въ другомъ—притѣсненіе зятемъ тестя.

Общая оцѣнка всего дѣлимаго имущества, безъ указанія цѣнности отдѣльныхъ предметовъ, производилась два раза, и въ обоихъ отдѣлившіеся братья получили свои доли деньгами съ тѣхъ, которые остались жить въ родительскомъ домѣ. Въ третьемъ раздѣльномъ приговорѣ, уже упомянутомъ выше, оцѣнена была подробно каждая вещь, и сообразно этому разсчитана точно доля каждаго участника дѣлежа.

При распредѣленіи построекъ не всегда случалось, чтобы отдѣльныя хозяйства были обезпечены жилыми помѣщеніями. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія изъ дому стороны не получили въ этомъ отношеніи совсѣмъ ничего, а въ двухъ братья взяли свои части деньгами, такъ что одному брату негдѣ было жить, и въ раздѣлѣ выговорено было право прожить ему 2 года въ избѣ старшаго брата, хотя въ этомъ же самомъ случаѣ мать, оставшаяся жить со старшимъ сыномъ, взяла себѣ избу, такъ что поколѣнный принципъ раздѣла имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ похозяйственный. По двумъ другимъ раздѣльнымъ актамъ раздѣлъ вовсе даже не касался построекъ,—ни жилыхъ, ни холостыхъ,—и раздѣлившіяся стороны должны были жить въ одной избѣ

и послѣ раздѣла, какъ и до него. Затѣмъ, въ одномъ случаѣ отдѣлившійся отъ отца сынъ хотя и получилъ себѣ избу, но она была пристроена сбоку къ избѣ отца и не имѣла даже особыхъ сѣней; въ раздѣлѣ было сказано, что сынъ можетъ не отламывать этой избы до своей «исправы», т. е. до тѣхъ поръ, пока не соберется съ силами, чтобы поставить особый домъ. Когда же отдѣлялись члены семьи, не имѣвшіе возможности образовать отдѣльное хозяйство, — напримѣръ, вдова, выходившая вновь замужъ, — имъ въ постройкахъ совсѣмъ не давали части.

Относительно хозяйственныхъ строеній еще менѣе можно было ожидать, чтобы дѣлившіяся семьи были снабжены ими каждая отдѣльно въ достаточномъ количествѣ. Поэтому, здѣсь по большей части оставались и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи такія постройки, какъ овинъ, баня и другія. Овинъ, напримѣръ, остался въ общемъ владѣніи въ четырехъ случаяхъ, баня — въ двухъ, а амбаромъ рѣшено было однажды пользоваться сообща до «исправы» одной изъ дѣлившихся сторонъ.

Домашнею скотиною дѣлившіяся семьи тоже не могли быть снабжены всегда въ достаточномъ числѣ. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія на новое хозяйство семьи оказались безъ всякаго скота; въ двухъ рѣшено было пользоваться сообща лошадью и послѣ раздѣла, — на одно лѣто и навсегда; въ одномъ — отдѣлившаяся семья уходила безъ лошади, такъ какъ та осталась въ старомъ домѣ; а въ одномъ, напротивъ, уходившей въ новое замужество невѣсткѣ дана была и лошадь, и корова, и три овцы.

Зерновой хлѣбъ дѣлился иногда поколѣнно, — поровну, иногда — похозяйственно, а иногда по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ. Такъ, свекоръ, напримѣръ, беретъ себѣ треть, а двѣ трети отдѣляетъ снохѣ съ двумя ея малолѣтними сыновьями; въ другомъ случаѣ отецъ на себя и жену взялъ двѣ трети, а отдѣлившемуся сыну далъ треть; въ третьемъ — старшему сыну, ушедшему отъ матери, брата и сестры, дана была половина, а другая осталась всѣмъ прочимъ членамъ семьи; въ четвертомъ, наконецъ, единокровные, но неединоутробные братья и сестры взяли каждый поровну, а матери не было предоставлено ничего.

Посѣянный хлѣбъ обыкновенно дѣлился похозяйственно, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла особаго хозяйства, не получали и хлѣба въ землѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда все прочее имущество, за выдѣломъ половины на убогаго брата, дѣлилось между единокровными братьями и сестрами поровну, хлѣбъ въ землѣ раздѣленъ былъ на двѣ половины, и одну изъ нихъ дали малолѣтнимъ брату и сестрѣ, отдѣлившимся съ матерью, а другую взялъ старшій братъ, принявшій къ себѣ убогаго брата и двухъ сестеръ. Впрочемъ, похозяйственный принципъ дѣлежа въ двухъ случаяхъ и здѣсь былъ

выдержанъ не совсѣмъ; въ первомъ свекоръ взялъ себѣ хлѣба въ землѣ треть, а другія двѣ отдалъ снохѣ съ двумя малолѣтними сыновьями; въ другомъ— уходившей въ новое замужество невѣсткѣ съ малолѣтней дочерью дали цѣлую половину посѣяннаго ея мужемъ хлѣба.

Сбруя и земледѣльческія орудія дѣлились по хозяйствамъ; одежда давалась какая кому шита, а обувь распредѣлялась «по ногамъ».

Въ Судайской волости не записано въ книгу ни одного раздѣльнаго приговора. Точно также нѣтъ въ волостномъ правленіи ни одного и неутвержденнаго акта за все время послѣ 18 марта 1886 года. По словамъ волостного писаря, мѣстнаго старожила, въ настоящее время раздѣлы тамъ часты, но крестьяне будто бы не составляютъ при нихъ никакихъ приговоровъ, такъ какъ старостамъ объяснена незаконность подобнаго рода документовъ. Поэтому совсѣмъ нельзя судить, какъ происходятъ въ этой волости раздѣлы теперь: принимаетъ въ нихъ какое-либо участіе общество въ лицѣ сельскаго схода и старосты, или же все дѣло ограничивается предѣлами семьи и свидѣтелями изъ сосѣдей.

За то за время, предшествующее 18 марта 1886 года, въ волостномъ правленіи сохранились на отдѣльныхъ листахъ приговоры о семейныхъ раздѣлахъ, начиная съ 1871 года. Такихъ приговоровъ 38; къ 1887 году относятся 3, къ 1872—8, къ 1873—4, 1874—6, къ 1875—5, къ 1880—1, къ 1881—2, къ 1882—4, къ 1883—1, къ 1884—2, къ 1885—1 и къ неизвѣстному году—1.

Три изъ этихъ приговоровъ представляютъ собою простое дозволеніе сельскаго схода раздѣлиться тѣмъ или другимъ лицамъ, безъ всякихъ подробностей и условій раздѣла, такъ что вѣроятно самый дѣлежъ общаго имущества происходилъ здѣсь домашнимъ порядкомъ. Затѣмъ, въ трехъ приговорахъ совершенно не обозначено, при комъ производился раздѣлъ, и нѣтъ никакихъ подписей у приговора: ни старосты, ни свидѣтелей, ни даже самихъ дѣлившихся лицъ, хотя изъ приговоровъ и видно, что раздѣлы эти происходили не семейнымъ порядкомъ, а на сельскомъ сходѣ, или же при крестьянахъ деревни, къ которой принадлежали дѣлившіеся. Одинъ раздѣльный актъ 1871 г. былъ признанъ волостнымъ правленіемъ незаконнымъ, такъ какъ раздѣлъ происходилъ безъ участія старосты. У трехъ другихъ актовъ также нѣтъ ни подписи, ни печати сельскаго старосты, а существуютъ только подписи свидѣтелей, почему и можно думать, что эти раздѣлы происходили не на сельскихъ сходахъ, а болѣе частнымъ порядкомъ. Далѣе, къ 14-ти приговорамъ подписался или приложилъ свою печать староста, и подписалось еще по нѣскольку свидѣтелей, такъ что, можно думать, эти раздѣлы производились только съ общаго разрѣшенія схода, старостами и свидѣтелями, безъ участія схода въ самыхъ под-

робностяхъ распредѣленія дѣлимаго имущества. Даже вѣроятно, что иногда не требовалось отъ схода и разрѣшенія на раздѣлъ вообще, а послѣдній сначала производился со старостой и свидѣтелями и потомъ уже представлялся на утвержденіе схода или волостного правленія. Такой именно порядокъ раздѣла виденъ въ трехъ приговорахъ сельскаго схода, утверждавшихъ заранѣе составленные, при участіи старосты и свидѣтелей, раздѣльные акты, а также въ приговорѣ 30 іюня 1872 г. о раздѣлѣ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Маркова. Этотъ послѣдній приговоръ есть собственно представленный старостой въ волостное правленіе при особомъ рапортѣ протоколъ произведеннаго имъ при свидѣтеляхъ раздѣла. Въ немъ содержится отчасти и самый процессъ дѣла: кр-нъ Матвѣй Григорьевъ пожаловался старостѣ, что его братъ увезъ къ себѣ неподѣленный между ними отцовскій гуменный сарай; староста отправился въ деревню и пригласилъ на раздѣлъ свидѣтелей и братьевъ; Александръ Григорьевъ не явился, и раздѣлъ произведенъ былъ безъ него, а о всемъ изложенномъ и составленъ настоящій «актъ». Были однако же раздѣлы, сполна производившіеся на сельскихъ сходахъ, такъ какъ, напримѣръ, раздѣлъ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Аленушкина, 5 февр. 1875 г., заключенъ въ формальномъ приговорѣ сельскаго схода. Иногда еще раздѣлъ совершался не при старостѣ, а по предложеніямъ и при участіи волостного старшины. Правда, это было одинъ только разъ, и то, можетъ быть, потому, что дѣлились кр-не собственники, дер. Сельца Стараго братья Никифоровы, самое имущество которыхъ находилось не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ была собственная мастерская. Раздѣлъ между ними совершенъ былъ при волостномъ старшинѣ и «третейскихъ» людяхъ.

Наконецъ, было нѣсколько раздѣловъ, произведенныхъ по предписаніямъ волостного правленія, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, непремѣннаго члена Присутствія и мирового посредника.

Одно изъ предписаній волостного правленія послѣдовало вслѣдствіе рѣшенія волостного суда, и раздѣлъ (между братьями и матерью) произведенъ былъ сельскимъ старостой со всѣми домохозяевами деревни. Объ участіи послѣднихъ въ двухъ раздѣлахъ, также произведенныхъ по приказу волостного правленія, въ раздѣльныхъ приговорахъ не сказано ничего, а только замѣчено, что раздѣлы эти произошли безъ споровъ, «добровольно и по любви». Затѣмъ, въ 1874 г. волостнымъ правленіемъ предложено было сельскому старостѣ возстановить старый раздѣлъ между братьями Дмитріемъ и Макаромъ Корниловыми, крестьянами дер. Савина, раздѣлившимися еще въ 1863 году. По словамъ Макара, ему досталась тогда передняя половина двора, которую онъ, уходя на военную службу, добровольно уступилъ на время брату, а теперь требуетъ возвращенія ея, а также и другихъ вещей, оставленныхъ имъ въ то время

отцу, перешедшему жить къ Дмитрію, гдѣ послѣ его смерти онѣ и остались. Сельскій староста пригласилъ на сходъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые присутствовали при раздѣлѣ 1863 г., и ими тогдашній раздѣлъ былъ дѣйствительно возстановленъ. Наконецъ, также по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, волостное правленіе распорядилось производствомъ раздѣла въ 1885 году. Крестьянинъ дер. Макарова Иванъ Русовъ прислалъ тогда изъ Москвы въ правленіе прошеніе, въ которомъ «всепокорнѣйше» просилъ сообщить ему: «почему законной женѣ моей Настасьѣ Ивановой Русовой не отдѣляютъ принадлежащую мнѣ землю, такъ какъ я постоянно, что съ меня требуется подушные подати плачу всегда исправно каждый годъ и потому покорнѣйше прошу правленіе сдѣлать распоряженіе безъ всякаго препятствія съ моей стороны о выдачѣ принадлежащей мнѣ земли женѣ моей вышеписанной». Волостное правленіе передало это прошеніе старостѣ для исполненія, а тотъ созвалъ сходъ, постановившій раздѣлить надѣльную землю между просителемъ и его отцомъ пополамъ.

До уѣзднаго Присутствія раздѣлъ восходилъ только въ одномъ случаѣ. Въ 1881 г. крестьянинъ дер. Филипповскаго Лаврентій Кузьминъ отпустилъ отъ себя сына Александра, взявши съ него обязательство платить за него подати за 1 тягло и выдавать ему съ матерью по 35 руб. ежегодно на прокормленіе. Раздѣлъ этотъ былъ произведенъ въ присутствіи сельскаго старосты и постороннихъ свидѣтелей, а затѣмъ утвержденъ въ тотъ же день особымъ приговоромъ сельскаго схода и такимъ образомъ имѣлъ повидимому признаки совершенной законности. Но въ январѣ 1882 г. Александръ Лаврентьевъ подалъ жалобу въ уѣздное Присутствіе: онъ говорилъ, что отецъ его ведетъ невоздержную жизнь, пропивая посылаемыя имъ деньги, и выгналъ его съ семьей изъ дому, на устройство котораго Александръ Лаврентьевъ истратилъ будто бы до 700 рублей; правда, онъ согласился на раздѣлъ съ отцомъ, но раздѣлъ этотъ—семейный и не имѣетъ никакой законной силы. Присутствіе, потребовавъ отъ волостного правленія объясненій, постановило передать дѣло сельскому сходу. Сходъ собрался въ мартѣ 1882 г., призналъ обвиненіе сыномъ отца въ нетрезвости ложнымъ, объяснилъ, что Александръ Лаврентьевъ самъ ушелъ отъ отца къ тещѣ, и постановилъ снова утвердить раздѣлъ 1881 г., прибавивъ, что, если Александръ Лаврентьевъ не станетъ высылать отцу денегъ, то не давать ему раздѣла и вовсе. Въ іюлѣ 1882 г. угроза эта была приведена въ исполненіе, и сходъ, по предписанію волостного правленія, постановилъ не давать Александру Лаврентьеву, за грубости его отцу, озимового хлѣба съ даннаго ему въ 1881 г. тягла. Тогда 1 октября 1883 г. Александръ Лаврентьевъ снова жалуется уѣздному Присутствію и проситъ его передать дѣло волостному или третейскому суду, такъ какъ раздѣлъ 1881 г.

былъ будто бы вынужденъ у него невыдачей паспорта и такъ какъ принятое имъ тогда по отношенію къ отцу денежное обязательство непосильно для него. Присутствіе почему-то признало раздѣлъ 1881 г. миролюбнымъ соглашеніемъ, которое не подлежитъ обжалованію, и предписало волостному правленію согласить тяжущихся миромъ. Въ январѣ 1884 г. правленіе донесло Присутствію, что оно исполнило это предписаніе: между Александромъ Лаврентьевымъ и его отцомъ состоялось соглашеніе, по которому отецъ удовлетворился ежегодной выдачей ему 20 руб. и оплатой за него душевого надѣла.

По предписанію мирового посредника раздѣлы произведены были два раза. Въ 1871 г. крестьянинъ дер. Гришнева Иванъ Кондаковъ жаловался въ волостное правленіе, что, когда въ 1863 г. онъ взятъ былъ въ солдаты, жена его ушла къ своимъ родителямъ, и у брата его Никиты осталось ихъ общее имущество. Теперь, когда онъ вернулся со службы, невѣстка не пускаетъ его въ домъ, а братъ живетъ въ Петербургѣ. Старшина распорядился переписать имѣніе и сдать его подъ росписку жившей у Никиты матери Кондаковыхъ. Въ февралѣ 1872 г. дѣло разбиралось на волостномъ судѣ, который выдѣлилъ матери седьмую часть имущества, а остальное подѣлилъ между братьями поровну. Тогда Никита пожаловался мировому посреднику, указывая, что братъ, уходя въ солдаты, взялъ на свою часть 100 бревенъ и что теперь, если ужъ дѣлить между ними имущество, то дѣлить только то, которое было 10 лѣтъ назадъ, а не то, которое сейчасъ,—преумноженное трудами его одного. Посредникъ предписалъ волостному правленію дать разъясненіе по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и склонить стороны къ мирному соглашенію. 18 марта 1872 г. это соглашеніе было достигнуто, и между братьями произошелъ раздѣлъ. Другой случай былъ въ 1874 г., когда крестьянинъ дер. Зорина Василій Гавриловъ жаловался посреднику, что въ 1855 г., когда онъ былъ на богомольѣ въ Кіевѣ, братья его раздѣлились, утаили отъ него раздѣльный актъ и выдали ему только телушку, 8 мѣръ ржи, 4 мѣры овса и избу. Посредникъ приказалъ произвести дознаніе, по которому оказалось, что Василью выдѣлена была еще, кромѣ упомянутаго имъ имущества, треть овина и амбара и что онъ, возвратившись въ томъ же году домой, согласился на раздѣлъ и написалъ раздѣльный актъ; но такъ какъ онъ ничего не заплатилъ за написаніе акта писарю, то послѣдній и оставилъ актъ у себя. Теперь староста вмѣстѣ съ братьями Василія произвелъ оцѣнку амбара и овина; братья выдали затѣмъ причитавшуюся Василію треть деньгами, а обо всемъ этомъ написали раздѣльный актъ, который и подписали вмѣстѣ со старостой.

Непремѣннымъ членомъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія приказано было произвести раздѣлъ въ 1882 г., между крестьянкой села Шартанова Марьей Померанцевой и сыномъ ея Лавромъ, въ имуществѣ, отказан-

номъ Марьѣ мужемъ ея по духовному завѣщанію. Раздѣлъ, названный миролюбнымъ, произошелъ въ присутствіи старшины, который подписался къ акту вмѣстѣ со сторонними свидѣтелями, и самый актъ былъ потомъ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи.

Имущество, заносившееся въ раздѣльные акты и, слѣдовательно, подлежавшее вѣдѣнію тѣхъ, кто присутствовалъ при раздѣлѣ, было не всегда одинаково. Въ трехъ случаяхъ его не было записано въ приговоръ совсѣмъ, такъ какъ послѣдній представлялъ собою только общее дозволеніе на раздѣлъ, оставляя подробности его самимъ дѣлившимся сторонамъ. Затѣмъ, одинъ приговоръ упоминаетъ только о строеніяхъ и о выдачѣ дѣтьми ежегоднаго пропитанія отцу; одинъ—только о землѣ и о хлѣбѣ; два—о строеніяхъ, скотѣ и о хлѣбѣ; и одинъ—о строеніяхъ, скотѣ, сбруѣ и хлѣбѣ. За то въ 28-ми другихъ раздѣльныхъ актахъ, кромѣ имущества, составляющаго необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, упоминается многое иное, чтò этой необходимости не имѣетъ, но считается почему-либо особенно цѣннымъ въ крестьянскомъ быту вообще или въ данныхъ случаяхъ въ частности. Такъ, навозъ упомянутъ въ 5-ти приговорахъ; платежи по долговымъ обязательствамъ—въ 11-ти, причемъ недоимки въ податяхъ и хлѣбные долги по запаснымъ магазинамъ были только въ 5-ти случаяхъ, а прочее представляли частныя обязательства; одежда—въ 11-ти; обувь—въ 1-мъ, а разныя другія домашнія и хозяйственныя принадлежности — въ 17-ти приговорахъ, причемъ онѣ иногда обозначались однимъ общимъ именемъ «рухляди», «утвари» и под., а иногда подробно указывались и самые эти предметы, какъ-то: иконы, самовары, чайная посуда, стѣнные и карманные часы, зеркала, шкафы, лари, подносы, перины, подушки, столы, котлы, безмѣны, чугуны, жернова, стулья, книги, говядина, сковорода, сковородникъ, косарь и т. д. Въ трехъ случаяхъ дѣлились также купленныя земли; въ одномъ—доходъ съ отданныхъ въ наемъ лавокъ; въ одномъ—арендованная земля, и въ одномъ—мастерская въ Петербургѣ.

При жизни отца и матери или одного отца раздѣлы происходили въ 10-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ относительно участія и власти отца въ раздѣлѣ не сказано ничего, потому что раздѣльный приговоръ представляетъ только дозволеніе схода на раздѣлъ. Изъ другихъ случаевъ въ одномъ сынъ, уже упомянутый выше Русовъ, просилъ о раздѣлѣ волостное правленіе, такъ что отецъ его, очевидно, не давалъ ему просимой надѣльной земли добровольно. Въ нѣкоторыхъ раздѣльныхъ приговорахъ, напротивъ, отецъ отпускаетъ отъ себя дѣтей миролюбно, съ Божіимъ или родительскимъ благословеніемъ, и «награждаетъ» ихъ такимъ-то имуществомъ. Если же сынъ уходитъ отъ отца противъ воли послѣдняго, отецъ имѣлъ право не давать ему почти ничего. Такъ, при раздѣлѣ между крестьянами дер. Филипповскаго Лаврентіемъ Кузь-

минымъ и сыномъ его Александромъ, доходившемъ не одинъ разъ до уѣзднаго Присутствія, отецъ далъ сыну только земли на одно тягло и взялъ съ него обязательство оплачивать подати за его, отца, собственное тягло и выдавать ему и матери, по смерть ихъ, 35 руб. ежегодно на прокормленіе. И сходъ, какъ мы видѣли, не только утвердилъ эти условія раздѣла, но еще прибавилъ, что, если сынъ будетъ продолжать оказывать отцу грубости, то не нужно давать ему и вовсе раздѣла. Такимъ же образомъ ежегодной выдачи на пропитаніе себѣ потребовалъ отецъ и въ другомъ раздѣлѣ, взявши обязательство съ каждаго изъ своихъ трехъ сыновей выдавать ему всякій годъ: по 5 руб., по 6 мѣръ ржи и по 3 мѣры овса. Далѣе, крестьянинъ дер. Ѳедосова Назаръ Епифановъ, дозволяя въ 1872 г. своему сыну Петру раздѣлъ «отъ всѣхъ сдоровъ и отъ несогласія», надѣлилъ его «добровольно» всякимъ имѣніемъ и, оставивши себѣ полдуши надѣльной земли, обязалъ сына оплачивать подать за эту землю до смерти его, «для прокормленія». Въ остальныхъ случаяхъ отцы не брали себѣ земли, а оставляли обыкновенно избу или домъ съ дворомъ и нѣкоторую часть хлѣба въ землѣ и зернѣ. Изъ посѣяннаго хлѣба отецъ взялъ себѣ въ трехъ случаяхъ по равной части съ дѣтьми; въ одномъ—болѣе на треть,—вѣроятно потому, что работалъ онъ, а сынъ жилъ въ Москвѣ; и въ одномъ—болѣе вдвое въ озимовомъ хлѣбѣ и весь посѣянный овесъ.—Изъ прочаго имущества доля отца указана только въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ, когда отецъ получилъ поровну съ сыновьями въ навозѣ, сбруѣ и домашней посудѣ. Судьба отцовской части имущества послѣ его смерти оговорена была также въ одномъ случаѣ: изба съ дворомъ должна была остаться его женѣ, такъ какъ та выстроила ее на свой счетъ; ей же пойдетъ клѣть и гуменный сарай.

Раздѣлы дѣтей съ матерью или при матери заключаются въ 15-ти приговорахъ, при чемъ въ 10-ти изъ нихъ мать остается послѣ раздѣла съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, а въ 5-ти ей повидимому дается совершенно отдѣльная часть, для отдѣльнаго жительства. На власть и права матери относительно раздѣла вообще и распредѣленія самаго имущества здѣсь указываютъ иногда выраженія что мать «даетъ» раздѣлъ своимъ дѣтямъ и «награждаетъ» ихъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, а себѣ «беретъ» то-то и то-то. Но что она всетаки не является совершенно полновластной распорядительницей раздѣла и не можетъ не дать сыну никакой части, видно между прочимъ изъ упомянутаго выше раздѣла между крестьянской села Шартанова Марьей Померанцевой и ея сыномъ, когда самый раздѣлъ произошелъ по предписанію непремѣннаго члена и касался имущества—въ томъ числѣ и не принадлежащаго къ крестьянскому надѣльному хозяйству,—оставленнаго Померанцевой мужемъ ея по духовному завѣщанію.—Относильно дальнѣйшихъ обязательствъ дѣтей кормить мать упоминается въ трехъ приго-

ворахъ: по одному мать, отпуская отъ себя сына, отказавшагося отъ всего отцовскаго имущества, и оставаясь съ другимъ сыномъ и дочерью, въ свою очередь дала подписку не спрашивать съ отдѣленнаго сына на свое пропитаніе никогда и ничего; по другому—сынъ, съ которымъ мать осталась жить, долженъ кормить ее, не касаясь ея части, до смерти; по третьему—сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась съ двумя несовершеннолѣтними сыновьями, обязался выдавать ей ежегодно по 10 руб., когда одного изъ братьевъ отдадутъ въ солдаты, а другой еще не будетъ совершеннолѣтнимъ. Кому должно пойти имущество матери послѣ ея смерти, сказано въ двухъ случаяхъ: въ одномъ только тѣмъ дѣтямъ, съ которыми мать будетъ жить, а въ другомъ—поровну между всѣми дѣтьми, хотя жила она у одного сына. Между прочимъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Плоскова, братьевъ Ивановыхъ, матери дана была изба, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она ее не продавала, а давала въ ней жить тому сыну, съ которымъ пожелаетъ.—Что касается самой доли общаго имущества, выдававшейся матери, то въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя вовсе отдѣлялась отъ дѣтей, она брала себѣ помѣщеніе для жилья,—избу, хотя бы дѣтямъ ея это жилье и не всѣмъ доставалось. Изъ скота ей давалась въ этомъ случаѣ корова и овца, иногда съ теленкомъ и ягнятами. Земля дана была только одинъ разъ, полтягла, причемъ дѣти взяли себѣ по тяглу. Изъ хлѣба—въ двухъ случаяхъ поровну съ дѣтьми, а въ двухъ другихъ—въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ каждому сыну. Изъ прочаго имѣнія матери дано было въ одномъ случаѣ всего по равной съ дѣтьми части и въ одномъ—только ларь; въ остальныхъ же раздѣлахъ, гдѣ ея часть обозначена ясно, никакого другаго имущества ей не назначалось. Въ раздѣлахъ, послѣ которыхъ мать оставалась жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, ей въ одномъ случаѣ дана была только изба; въ двухъ—только нѣкоторое количество зерноваго хлѣба; въ четырехъ—изба или горница и корова съ овцой, теленкомъ, курицами, или только одна корова; и въ одномъ—кромѣ предыдущаго ей дана была еще равная съ сыновьями часть хлѣба.

Раздѣльныхъ приговоровъ между братьями безъ родителей—8. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчено, что раздѣлы эти —«миролюбные», «добровольные», а изъ нѣкоторыхъ видно, что при нихъ не всегда признавалось необходимымъ участвовать тому или другому изъ братьевъ, или не всегда требовалось согласіе на раздѣлъ всѣхъ братьевъ. Такъ, уже выше упоминалось, что однажды раздѣлъ происходилъ въ то время, когда одинъ изъ братьевъ былъ на богомольѣ въ Кіевѣ. Въ другой разъ при раздѣлѣ былъ только одинъ братъ, а вмѣсто другого присутствовала жена его по довѣрительному письму. Былъ даже такой случай, что сначала подѣлились между собою жены братьевъ, въ отсутствіе своихъ мужей, а потомъ уже окончательно раздѣлились и эти послѣдніе. Во

время отсутствія одного изъ братьевъ произошелъ однажды раздѣлъ между остальными также и при жизни отца, но братъ этотъ всетаки особымъ письмомъ далъ свое согласіе на раздѣлъ. Напротивъ, когда одинъ изъ братьевъ отказался придти, по приглашенію старосты, на раздѣлъ отцовскаго гуменнаго сарая, раздѣлъ былъ произведенъ безъ него, старостою съ другимъ братомъ и посторонними свидѣтелями. Когда, затѣмъ, въ одномъ случаѣ между дѣлившимися были малолѣтніе братья и сестры, раздѣлъ сдѣланъ былъ полный, и сельскій сходъ рѣшилъ отдать части малолѣтнихъ тому изъ старшихъ братьевъ, который согласится взять ихъ къ себѣ. Въ противномъ случаѣ постановлено было избрать изъ среды общества опекуна, чтобы онъ впослѣдствіи обществу же отдалъ въ своемъ опекунствѣ отчетъ. Избирать опекуна изъ среды общества однако не оказалось нужнымъ, такъ какъ малолѣтнихъ братьевъ согласился взять одинъ изъ старшихъ, которому и отдано было ихъ имущество подъ росписку, опекуномъ же назначенъ былъ другой братъ, хотя онъ и долженъ былъ жить отдѣльно отъ нихъ.

При самомъ распредѣленіи общаго имущества братья по большей части получали себѣ равныя другъ съ другомъ части, такъ что раздѣлъ между ними производился обыкновенно поколѣнно, независимо отъ возраста ихъ, семейнаго положенія и того, отдѣльныя ли хозяйства образуются изъ семьи каждаго изъ нихъ, или нѣсколько братьевъ, соединяясь, образуютъ общее хозяйство. Но были однако раздѣлы, гдѣ эта равномѣрность соблюдалась не вполнѣ, а тотъ или другой братъ почему-либо получалъ въ какомъ нибудь отношеніи болѣе прочихъ братьевъ. Такихъ раздѣловъ было 8. Въ однихъ изъ нихъ неравномѣрность распредѣленія общаго имущества зависѣла отъ хозяйственныхъ соображеній, и такимъ образомъ получались, напримѣръ, такія сочетанія: сынъ, отдѣляясь отъ матери и двухъ младшихъ братьевъ, получаетъ цѣлую половину посѣяннаго хлѣба; средній сынъ, также отдѣлившійся отъ матери и двухъ братьевъ, беретъ себѣ половину овина, земледѣльческихъ орудій и навозу, а двое малолѣтнихъ братьевъ, оставаясь съ матерью, не получаютъ ничего изъ скота,—вѣроятно потому, что уже корову и овцу получила жившая съ ними мать. Въ другихъ случаяхъ на неравное распредѣленіе между братьями дѣлимаго имѣнія вліяло количество труда, вложеннаго каждымъ изъ нихъ на пріобрѣтеніе его, такъ что старшій братъ получаетъ, напримѣръ, вдвое болѣе младшаго въ хлѣбѣ; въ другомъ раздѣлѣ доля старшаго брата болѣе, чѣмъ младшихъ, лошадью и коровой. Иногда къ трудовому соображенію присоединялось еще семейное. Вслѣдствіе этого старшій братъ получаетъ не одну, а двѣ трети хлѣба потому, что у него дѣти и что онъ обработывалъ тягло 8 лѣтъ; онъ же беретъ себѣ болѣе младшаго брата лошадью, двумя коровами, теленкомъ, овцою и одной частью всей домашней утвари. Были и другія причины нерав-

наго раздѣла между братьями. Такъ, въ одномъ случаѣ старшій братъ получилъ себѣ всю жилую стройку потому, что обязался выкормить и выпоить двухъ малолѣтнихъ братьевъ, на которыхъ особой доли не было дано; въ другомъ раздѣлѣ одинъ изъ братьевъ взялъ себѣ безъ дѣлежа гуменный сарай, такъ какъ построилъ его самъ, и въ томъ же раздѣлѣ два брата не допустили третьяго къ участію въ дѣлежѣ сбруи, посуды и одежды,—вѣроятно потому же, что завели это безъ него.

Семейство умершаго брата участвовало въ раздѣлѣ въ двухъ случаяхъ и въ обоихъ получило на себя одинаковую часть съ частями живыхъ братьевъ, такъ что и здѣсь раздѣлъ былъ чисто поколѣнный. На малолѣтнюю сестру братъ, принявшій ее къ себѣ, взялъ равную съ братьями часть хлѣба, а изо всего остальнего имущества не получилъ на нее ничего. По другому раздѣльному приговору мать получила на свою малолѣтнюю дочь изъ имущества умершаго отца нѣкоторую часть домашней скотины, зерноваго хлѣба, одежды и иконъ, и была назначена ея опекуншей. Наконецъ, одинъ разъ въ раздѣлѣ нѣсколькихъ братьевъ участвовала ихъ тетка, которой дана была только теплая горница.

Причинами раздѣловъ изъ восьми указанныхъ въ приговорахъ случаевъ въ 7-ми были семейныя несогласія и раздоры, а въ одномъ—многолюдство.

Особыя жилыя помѣщенія предоставляются для каждаго новаго хозяйства только по 8-ми раздѣльнымъ приговорамъ, и не всегда эти помѣщенія являются вполнѣ устроенными и готовыми: иногда одной сторонѣ достается только особая изба безъ двора; иногда дворъ дѣлится на двѣ части, а иногда избу нужно еще перевезти на другую дворину и поэтому жить нѣкоторое время и послѣ раздѣла вмѣстѣ. Совершенно безъ всякой части въ жилыхъ помѣщеніяхъ уходило какое-либо изъ отдѣлившихся семействъ въ 16-ти случаяхъ, въ двухъ изъ которыхъ были взяты въ возмѣщеніе за домъ съ той стороны, которая въ немъ оставалась, деньги, а въ трехъ дано было нѣкоторое количество бревенъ для будущей собственной постройки. Въ 7-ми другихъ раздѣлахъ уходившему семейству приходилось довольствоваться только какою-нибудь частью стараго дома на отломъ,—сейчасъ или же спустя нѣкоторое время; можно было даже навсегда остаться въ старомъ домѣ,—только въ отдѣльной половинѣ его. Такимъ образомъ отдѣлявшіяся семейства получали: полдома и полдвора, одинъ этажъ дома, дворъ и срубы для избы, полдвора, дворъ, избу съ сѣнями и т. под. Все это приводило къ тому, что въ раздѣльныхъ актахъ довольно часто встрѣчается условіе, по которому и послѣ раздѣла устанавливалось на нѣкоторое время совмѣстное жительство раздѣлившихся семей, или же опредѣлялся срокъ, ранѣе котораго нельзя было принуждать уходившую на новое мѣсто семью отламывать доставшуюся ей часть прежняго дома. Такъ, одинъ разъ опредѣ-

лено было жить вмѣстѣ въ избѣ и дворѣ 2 года, въ двухъ раздѣлахъ - полтора года (въ одномъ было поставлено условіе—«жить тихо, смирно»), въ пяти—годъ, и въ двухъ—полгода. Условлено было въ одномъ случаѣ не гонить на новую дворину 20 лѣтъ, а въ другомъ—2 года.

Хозяйственныя постройки дѣлились по возможности такъ, чтобы каждому отдѣльному хозяйству достался или сарай, или мякинница, или амбаръ, или погребъ и т. под. Поэтому постройка извѣстнаго рода, доставшаяся одному семейству, замѣнялась для другой семьи постройкою какого-либо другого рода. Но иногда одну и ту же постройку дѣлили на нѣсколько частей, такъ что дѣлившимся доставалось, напримѣръ, по полсараю, по одной трети овина и амбара, по одной пятой овина, по полъовину и по полбанѣ и т. д. Съ другой стороны, нерѣдко случалось, что послѣ раздѣла у какого-нибудь одного или двухъ хозяйствъ и вовсе не оказывалось хозяйственныхъ строеній въ отдѣльное пользованіе. Такихъ раздѣловъ было 17. Понятно поэтому, что въ отношеніи хозяйственныхъ построекъ, такъ же какъ и въ отношеніи жилыхъ, нерѣдко приходилось оставлять старый порядокъ общаго ими пользованія, тѣмъ болѣе, что въ такихъ постройкахъ, какъ напримѣръ гуменныя, поводовъ къ взаимнымъ ссорамъ бываетъ немного. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что въ 13-ти случаяхъ рѣшено владѣть сообща овиномъ безсрочно, а въ одномъ—3 и въ одномъ — 2 года; гуменными постройками вообще—одинъ разъ условлено пользоваться навсегда и одинъ—на годъ; банею — въ двухъ случаяхъ — навсегда; погребомъ—въ одномъ случаѣ—тоже навсегда, а клѣтью,—въ одномъ раздѣлѣ—на нѣкоторое время, до постройки особой.

Безъ всякаго домашняго скота новое хозяйство уходило изъ стараго дома въ 4-хъ раздѣлахъ, причемъ въ трехъ случаяхъ это были отдѣлы сыновей отъ родителей противъ воли послѣднихъ, а въ четвертомъ вся скотина двухъ братьевъ и матери состояла изъ коровы и лошади, оцѣненной въ 3 рубля. Лошадь досталась одному изъ братьевъ, а корову отдали матери,—съ условіемъ, чтобы она не продавала ее, а давала пользоваться семейству того сына, съ кѣмъ останется жить. Не досталось лошади какому-либо изъ новыхъ хозяйствъ въ 15-ти случаяхъ, въ которыхъ этотъ недостатокъ долженъ былъ возмѣщаться другою скотиною: коровами и овцами. Затѣмъ, въ 6-ти другихъ раздѣлахъ хотя также не хватало каждому хозяйству по особой лошади, но въ нихъ это обстоятельство уравновѣшивалось уже не скотиною, а нѣкоторою суммою денегъ, выдававшеюся безлошадному хозяйству той стороной, которая взяла изъ стараго хозяйства лошадь. Кому приэтомъ нужно было брать лошадь, рѣшалось иногда жеребьемъ. Такъ, когда дѣлились крестьяне дер. Лобанова, братья Григорій и Филиппъ Евстафьевы, то относительно лошади въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что нужно было бы кинуть жеребій о томъ,

кому ее отдать, но такъ какъ у Филиппа, все одно, денегъ на выдачу Григорію нѣтъ, то пусть возьметъ лошадь послѣдній и выдастъ за нее двумя рублями болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по оцѣнкѣ. Наконецъ, въ 8-ми раздѣлахъ каждое новое хозяйство получило по отдѣльной лошади, причемъ два хозяйства оказались даже съ двумя, а одно съ тремя лошадьми. Иногда еще въ раздѣльныхъ приговорахъ оговаривалось, что лошадью можетъ пользоваться нѣкоторое время и хозяйство, не получившее ея. Такъ, въ одномъ случаѣ отецъ выговорилъ себѣ право взять у сына лошади на 10 дней; въ другомъ—одна лошадь дана была на два хозяйства; и въ третьемъ—отецъ позволяетъ сыну на своей лошади запахать и заборонить въ первое послѣ раздѣла лѣто. Прочая скотина дѣлилась по возможности такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ была корова или по крайней мѣрѣ телушка; однако, и тутъ было 6 раздѣловъ, послѣ которыхъ въ одномъ или даже въ двухъ хозяйствахъ не было ни одной коровы. Безъ овецъ оставалось то или другое хозяйство, или оба вмѣстѣ, въ 4-хъ случаяхъ.

Посѣянный хлѣбъ дѣлился въ 13-ти раздѣлахъ. Между отцомъ и отдѣлявшимся отъ него сыномъ онъ былъ подѣленъ въ двухъ случаяхъ поровну; въ одномъ—отецъ взялъ себѣ двѣ трети, а сыну далъ треть; и въ одномъ—три четверти озимового хлѣба и весь посѣянный овесъ достались отцу, а сыну только четверть озимового хлѣба.—Когда дѣлились дѣти при матери, то послѣдняя въ двухъ раздѣлахъ не получила изъ хлѣба въ землѣ ничего; въ одномъ—она взяла на себя и дочь равную часть съ сыномъ; въ одномъ—ей дана была одинаковая доля съ сыновьями; и въ двухъ раздѣлахъ мать получила посѣяннаго хлѣба вдвое менѣе каждаго сына.—Братья, а равно и деверь съ невѣсткою, дѣлившіеся между собой и съ матерью, только въ одномъ случаѣ получили изъ хлѣба въ землѣ неравныя части,—когда старшій братъ, отдѣлившись отъ двухъ младшихъ, взялъ себѣ половину этого хлѣба, раздѣливши его чисто похозяйственно.

Изъ зерноваго хлѣба отецъ, отдѣляя отъ себя сына, обыкновенно давалъ ему по собственному усмотрѣнію нѣкоторую часть, а прочее оставлялъ себѣ, такъ что, въ какомъ отношеніи стояли эти части другъ къ другу, нельзя видѣть. Только въ одномъ случаѣ отецъ, оставшись жить съ сыномъ и отпустивши другого, раздѣлилъ хлѣбъ на три части: двѣ трети оставилъ въ своемъ домѣ, а одну отдалъ ушедшему сыну.—Матери, при раздѣлѣ сыновей, одинъ разъ не было дано никакой части зернового хлѣба; другой разъ для нея выдѣлено было нѣкоторое количество, а остальное дѣти раздѣлили поровну между собой; въ четырехъ раздѣлахъ она получила равную часть съ сыновьями, хотя только въ двухъ изъ этихъ раздѣловъ должна была жить отдѣльно отъ дѣтей; въ одномъ—ей дана была вдвое, а въ другомъ въ полтора раза меньшая

часть, чѣмъ каждому сыну, и, наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ мать, отдѣляя сына и оставаясь съ дочерью, взяла на себя и дочь: половину ярового хлѣба, половину муки и двѣ трети ржи.—Братья обыкновенно дѣлили между собою, а также между собой и семьей умершаго брата общій или оставшійся за выдѣломъ родителямъ хлѣбъ поровну и поколѣнно, независимо отъ того, вмѣстѣ или порознь они будутъ жить. Только въ двухъ случаяхъ старшій братъ взялъ себѣ вдвое болѣе младшаго,—вѣроятно потому, что болѣе и работалъ надъ этимъ хлѣбомъ.—Малолѣтняя сестра одинъ разъ получила равную съ братьями часть зернового хлѣба, а въ другой—ей была выдѣлена послѣ умершаго отца нѣкоторая, но неизвѣстно которая, доля.

Распредѣленіе надѣльной земли указано только въ 4-хъ раздѣльныхъ приговорахъ,—вѣроятно потому, что оно вообще зависитъ болѣе отъ сельскаго общества и по рѣшенію послѣдняго можетъ измѣняться въ какое угодно время, а не только при раздѣлахъ. Отпуская сына, отецъ въ одномъ раздѣлѣ взялъ себѣ «для прокормленія» полдуши, обязавъ сына платить за эту землю подати; въ другомъ случаѣ земля была раздѣлена между отцомъ и сыномъ поровну; а въ третьемъ отецъ, оставшись съ однимъ сыномъ, далъ другому цѣлую половину земли.—По четвертому раздѣлу мать, раздѣлившись съ двумя сыновьями, взяла себѣ полтягла земли, а дѣти ея по тяглу.—Относительно собственной земли въ одномъ раздѣлѣ, между матерью и сыновьями, сказано, что она пойдетъ «законнымъ порядкомъ наслѣдства»; въ другомъ—два брата должны были владѣть лѣсомъ и пашнею пополамъ; въ третьемъ случаѣ мать съ дочерью и сынъ должны были засѣвать эту землю сообща; если же мать не станетъ почему-либо сѣять, то сынъ имѣетъ право засѣять всю землю одинъ.

Экипажи, земледѣльческія орудія и сбруя упоминаются въ 16-ти раздѣльныхъ приговорахъ, но выяснить болѣе или менѣе точно основанія ихъ распредѣленія между дѣлившимися сторонами невозможно, такъ какъ сравнительная цѣнность ихъ изъ документовъ не видна. Несомнѣнно только то, что здѣсь не было одного,—похозяйственнаго или поколѣннаго,—принципа, а дѣйствовали и тотъ и другой, хотя и съ преобладаніемъ перваго. Такъ, на хозяйственныя соображенія указываетъ то обстоятельство, что по пяти приговорамъ, ни мать, ни отецъ, не составляя изъ себя особаго хозяйства, хотя иногда и совершенно отдѣляясь отъ дѣтей, не получали ничего изъ этихъ принадлежностей хозяйства. Напротивъ, когда мать въ одномъ раздѣлѣ взяла себѣ полтягла надѣльной земли, ей были даны андрецъ и колеса. Точно также по хозяйственнымъ, очевидно, интересамъ средній сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась со старшимъ и младшими сыновьями, получилъ себѣ не третью часть земледѣльческихъ орудій, а половину. Наоборотъ, на поколѣнное

основаніе дѣлежа указываетъ тотъ случай, когда старшій изъ братьевъ, отдѣляясь отъ второго брата, оставшагося съ тремя малолѣтними братьями и сестрой, получилъ не половину экипажей и сбруи, а только пятую часть; точно также отецъ, отдѣливъ отъ себя одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому изъ сбруи одну треть, а двѣ трети оставилъ у себя дома.—Раздѣловъ, послѣ которыхъ какое-либо изъ новыхъ хозяйствъ вовсе не получало земледѣльческихъ орудій, было — 3.

Общіе долги въ трехъ случаяхъ раздѣловъ между братьями, образовавшими каждый самостоятельныя хозяйства, распредѣлены были поровну. На мать возложена была равная съ сыновьями часть хлѣбнаго долга только въ томъ раздѣлѣ, по которому она взяла себѣ полтягла земли и слѣдовательно стала главой собственнаго хозяйства; въ четырехъ же другихъ случаяхъ, когда матери не брали земли, и общіе долги распредѣлены были только между сыновьями—домохозяевами: въ двухъ раздѣлахъ поровну и въ двухъ не поровну. Въ одномъ изъ послѣднихъ взялся уплатить общій долгъ старшій сынъ, потому что онъ получилъ всю домашнюю движимость, кромѣ скота и одежды; во второмъ раздѣлѣ два брата согласились, что недоимку въ 33 руб. 9$^1/_2$ коп. уплатитъ тотъ изъ нихъ, которому не приведется идти въ солдаты, или же, если рекрутская очередь минуетъ ихъ обоихъ,—тотъ, кому это выпадетъ по жребію. Наконецъ, въ трехъ раздѣлахъ сыновья взяли на себя уплату родительскаго долга какъ бы въ видѣ вознагражденія за дозволеніе отдѣлиться. Поэтому, напримѣръ, сынъ, отойдя отъ матери съ сестрой, выплатилъ отцовскій долгъ въ 60 руб. и недоимку за годъ; другой сынъ, отдѣлившись отъ матери и брата съ сестрой, взялъ на себя недоимку отца въ 34 р. 3 к.; третій, раздѣлившись съ отцомъ, долженъ былъ,—также безъ возмѣщенія въ какомъ-либо другомъ имуществѣ,— уплатить вмѣсто отца недоимку за два года, въ количествѣ 45 р. 32 к.

Навозъ дѣлился и поколѣнно и похозяйственно. Такъ отецъ, отдѣливши одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому треть навоза; старшій братъ, отдѣлившись отъ матери, которая вмѣстѣ съ двумя младшими сыновьями образовала одно хозяйство, получилъ также треть навоза,—въ этихъ случаяхъ раздѣлъ былъ, очевидно, поколѣнный. Наоборотъ, когда мать, не получая земли, не имѣетъ части и въ навозѣ, или когда два брата, оставшись съ матерью взяли себѣ только половину навоза, а другую отдали отдѣлившемуся брату,—здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду основанія чисто хозяйственнаго характера.

Изъ трехъ случаевъ раздѣла корма для скота, въ одномъ дѣлились два брата и взяли себѣ поровну, въ двухъ же другихъ случаяхъ матери, не составившей отдѣльнаго хозяйства, дана была въ кормѣ равная часть съ

сыновьями, такъ какъ ей досталась скотина, которую нужно было кормить. Раздѣлъ здѣсь былъ, значитъ, болѣе поколѣнный, чѣмъ похозяйственный.

Одежда въ двухъ раздѣлахъ дана была каждому члену дѣлившейся семьи, какая на него заведена, въ прочихъ же перечислялись вѣроятно только тѣ одежды, которыя были болѣе или менѣе общими въ семействѣ. Какими именно основаніями руководились въ распредѣленіи этихъ одеждъ, изъ раздѣльныхъ актовъ невозможно видѣть.

Въ распредѣленіи домашней «рухляди», насколько объ этомъ возможно судить на основаніи тѣхъ раздѣльныхъ приговоровъ, въ которыхъ указываются доставшіяся дѣлившимся сторонамъ опредѣленныя ея части, а не отдѣльные предметы, руководились и хозяйственными и поколѣнными и трудовыми соображеніями. Такъ, когда старшій сынъ, отдѣляясь отъ матери и младшихъ братьевъ, получаетъ изъ домашнихъ вещей только то, что даетъ ему мать, имѣются въ виду интересы хозяйственные. Когда же отецъ, отдѣляя одного сына и оставаясь съ другимъ, даетъ первому треть въ домашней посудѣ; или когда средній сынъ, раздѣляясь съ матерью, при которой остаются старшій и младшій сыновья, получаетъ на себя не половину, а только треть домашней посуды; или когда, наконецъ, старшій братъ, отдѣлившись отъ второго брата, взявшаго къ себѣ троихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестру, получилъ только пятую часть домашнихъ вещей,—во всѣхъ этихъ раздѣлахъ, очевидно, руководились поколѣнными, а не хозяйственными основаніями. А тѣ и другія соображенія совпадали другъ съ другомъ въ тѣхъ (четырехъ) случаяхъ раздѣловъ братьевъ или деверя съ невѣсткой, въ которыхъ участники дѣлежа, образовавши каждый особое хозяйство, взяли изъ домашнихъ принадлежностей равныя другъ съ другомъ части. То же самое было и при упоминавшемся ранѣе раздѣлѣ матери съ дѣтьми, когда она получила лично на себя полтягла земли и потому взяла изъ мелкихъ домашнихъ вещей равную долю съ сыновьями.—Наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ старшій братъ, раздѣлившись съ младшимъ, получилъ на себя двѣ трети домашней утвари, вѣроятно, потому же, почему онъ получилъ двѣ трети и хлѣба: онъ обрабатывалъ тягло въ продолженіе 8-ми лѣтъ, и кромѣ того у него было болѣе, чѣмъ у младшаго, дѣтей.

Такимъ образомъ, ни сколько-нибудь приблизительнаго количества семейныхъ раздѣловъ за тотъ или другой промежутокъ времени по всему Чухломскому уѣзду, ни совершенно единообразныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, по которымъ бы эти раздѣлы происходили по уѣзду всегда и вездѣ, нельзя установить, такъ какъ какую-либо регистрацію раздѣловъ, а слѣдовательно и статистику ихъ сдѣлалъ невозможною законъ 18 марта 1886 г.,

косвеннымъ образомъ поставившій въ число незаконныхъ почти всѣ совершающіеся теперь раздѣлы; условія же, при которыхъ эти раздѣлы происходятъ, бываютъ настолько разнообразны и сопровождаются такими различными обстоятельствами, что почти каждый раздѣлъ имѣетъ собственную физіономію, и черты, принадлежащія имъ всѣмъ, имѣютъ поэтому очень общій и отвлеченный характеръ. Законъ 18 марта 1886 г. не сдѣлался рамкой, въ которую бы укладывались всѣ крестьянскіе раздѣлы, и нисколько не послужилъ къ сокращенію ихъ; вопреки своей цѣли, онъ фактически только изъялъ раздѣлы почти изъ всякаго вѣдѣнія учрежденій, стоящихъ надъ сельскимъ обществомъ. Но, являясь въ настоящей дѣйствительности какъ бы несуществующимъ, законъ этотъ въ рукахъ усерднаго крестьянскаго начальства, которое бы рѣшилось примѣнять его во всей его строгости, способенъ послужить къ немалому разстройству семейныхъ отношеній, а въ рукахъ недобросовѣстныхъ лицъ изъ самихъ крестьянъ можетъ сдѣлаться иногда благовиднымъ предлогомъ для уклоненія отъ платежа разнаго рода повинностей, такъ какъ по этому закону крестьянскіе дворы, образовавшіеся помимо его, должны считаться въ отношеніи отбыванія всякихъ казенныхъ повинностей за одинъ дворъ, и «всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей»; значитъ, недоимка, накопившаяся на одномъ изъ образовавшихся послѣ раздѣла хозяйствъ, должна взыскиваться со всѣхъ этихъ хозяйствъ, а не съ одного его.

Ѳ. Покровскій.

ПЕРМЯКИ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (лѣшій, икоты, кикиморы, сусѣдка, водяной, полудница, чугунная баба). — Характеръ пермяка.—Бытовыя и санитарныя условія (трахома, чосотка). — Домашнія средства лѣченія (черъ-эшванъ, челнанъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя). — Заговоры, кабала.—Внѣшній типъ пермяка и одежда.—Воззрѣнія его на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но нѣкогда несомнѣнно владѣла не только обоими ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Инвы, такъ называемый Инвинскій край, почти сплошь заселены пермяками. Инвинскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егвинскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердвинскую (Питеевскую), Верхъ-Инвинскую, Кувинскую, Бѣлоевскую, Кудымкорскую и Тиминскую. Кромѣ перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенныя пермяками только отчасти: Купросская, Нердвинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Инвы пермяки сохранились еще по теченію р. Косы, Чердынскаго уѣзда, да въ Зюздинской (Аѳанасьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовскаго у.). Собственно въ Инвинскомъ краѣ пермяковъ насчитываютъ приблизительно 70$^3/_4$ тысячи, а всего съ Чердынцами и Зюздяками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыряне, называютъ: «коми-мортъ» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводитъ на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти всѣ пермяки, кромѣ своего родного языка, говорятъ еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужского рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ, «дѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется к: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется п: Пилипъ, вмѣсто Филиппъ; ц—ч или с, напр., саръ, сарича, вмѣсто царь, царица; л—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣдъ Филиппъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотрѣть на царя и царицу и видѣлъ ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки слѣдовало бы сказать такъ: «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотрѣть на саря и саричу и видѣва икъ, а бабка сидѣу, обѣдалъ и никого не видѣулъ». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляетъ изъ себя переходъ отъ «елъ» къ «улъ» и къ «олъ». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Инвинскаго края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки вѣрятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что всѣ думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напакостить, какъ бы устроить какую-либо мерзость доброму человѣку. Лѣшій не прочь попугать, кричитъ, хохочетъ, а иной разъ даже и украдетъ у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ дорогу, онъ пропалъ, если только, по оплошности своей, не приметъ должныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшимъ можно—стоитъ только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть на изнанку свои шамшуры (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть на изнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только видавшихъ лѣшаго, но и гостившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждаго высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшіе живутъ въ больнихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькіе. Но и между «сухоухими дядями», какъ называютъ лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такіе, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, принявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Казань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простого смертнаго можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣтъ—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взошедшему въ избу лѣшему, выбраться изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуновъ, «сухоухій дядя» и самъ выведетъ на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводить порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помретъ, либо скотина падетъ. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится какъ это здѣсь дознано-де долголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всѣ тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлитъ послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзнью отнюдь нельзя курить: икота табаку не любитъ; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня курящимъ, говорилъ: «сво̀о знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насъ, русскихъ, также принадлежатъ къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало непріятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждаго жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроеннаго дома. Постоянная резиденція сусѣдки - подполье (голбецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка почитаютъ и холятъ его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскателенъ—слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; онъ не пугаетъ людей, и если его и побаиваются, то все же божескихъ почестей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставятъ въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволенъ, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣетъ, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволенъ, тогда онъ и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея онъ наплететъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что̀ больше любитъ), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство прахомъ пойдетъ: все равно старайся—не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро сплетенными косами—стоитъ только ихъ разчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мнѣ лично приходилось видѣть подобныя косы въ головѣ и бородѣ у иныхъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдкиной любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видятъ его, а по большей части слышатъ, когда онъ сѣетъ муку. Это совсѣмъ маленькій и сѣденькій старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленькій, синенькій огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить соннаго человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давишь», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водяной (Саисъкульпіанъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непремѣнно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбѣ черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устраивай. Какую голову давали водяному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ, для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкъ) выдернетъ и броситъ въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинные волосы, засѣвъ гдѣ-нибудь между ивовыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усѣянной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домахъ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что̀ дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запирать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запираютъ замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по пермяцки «йертанъ», очевидно исковерканное слово Іердань.

«Православный» пермякъ вѣруетъ въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы» [1]). Въ рудникахъ и штольняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждать.

Понятія пермяковъ объ Единомъ Истинномъ Богѣ весьма скудны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдѣльнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слывшую за куринаго бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ «Кочѣ», Чердынскаго уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скотъ изъ разныхъ мѣстъ, верстъ за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаетъ въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашиваетъ: «Какого Бога купилъ»?—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь. «Какъ Чудотворца?» всполошился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая». «То-то, удовлетворился старикъ» а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!?... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ—пусть святитъ. Чудотворца, говоритъ, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басненькій (красивый, хорошій, приглядный) старичекъ»! Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобщившись св. Таинъ, спросила священника: «А когда исповѣдать-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться. «Ты зачѣмъ, говоритъ ему священникъ, вѣдь ты не говѣлъ»? «Нѣтъ,

---

[1]) Въ самое недавнее время въ полдни т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадайся—въ припадкѣ злости она можетъ съѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все не отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скуки съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. молитва: «Егорій храбрый, Микова Миволстивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, спасите и сохраните меня; матушка вода не прогвоти, а будь миволстива»! Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермяковъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходятъ крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счестья» или, если ребенокъ боленъ, то она или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученіемъ «счестья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаютъ не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждаго изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Анфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы Агапіи», а потомъ, черезъ день-два: «батюшка, разслужи молебенъ, что̀ я заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на происшедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядахъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказываетъ, но самаго населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждается, забывая, что въ этой косности далеко небезвинно и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Словъ «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣтъ. Пришелъ, сунулъ руку для рукопожатія—значитъ поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значитъ простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перещеголяли насъ, русскихъ. Воровство—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣтъ, а почему бы не наоборотъ»? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что̀ лежатъ въ люлькахъ. Гостепріимны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣшительно каждаго пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угощаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣшнимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному прделагается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовые рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити (разумѣется Орелъ) и около-бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти» («Пермская старина» А. Дмитріева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Иньва, Обва и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованныхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ объ утвержденіи за Григоріемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обвѣ, Иньвѣ и Косьвѣ») отошло за него людей 14.003 чел. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описаніе котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патріотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко, онъ постоять съумѣетъ. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе Императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на однѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—х л ѣ б о п а ш е с т в о. Зимою, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ трудѣ за безцѣнокъ неприспособленность пермяка даетъ себя знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя—заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

имѣется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшекъ включительно, но никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удойны. Оно и не мудрено: кормятъ ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доятъ, такъ какъ пермянки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоятъ, не придетъ—искать станутъ, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣетъ ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже г р я з ь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодъ, заставляетъ отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ Чердынскаго уѣзда у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Брага—питье, мучное, и густое; чтобы оно было крѣпче, его держатъ на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькіе червячки. Эти червячки быстро ростутъ, становятся прежирнѣйшими. Попали въ кружку,—ковырнулъ перстомъ, и нѣтъ досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живетъ въ жилыхъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «т щ а т е л ь н о» выскребается лопатою. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомѣрно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцію: плеснетъ изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоими полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чуть теплой водѣ. Прямыми послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и милліарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется бо́льшаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпорожденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпорожденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей не водится. Всѣмъ извѣстно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концевъ, идти въ свои курныя бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ вліяніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жарою кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточнаго становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покупаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставлять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуется оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальныя заразныя и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости, на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляетъ немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермякахъ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, и ими не вычесываются; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя въ силу какихъ-то непонятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводятъ, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣть вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебные обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при поѣзжанахъ, и вопіющая грязь никѣмъ не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе. Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи котораго можно вполнѣ достовѣрно узнать: какой богъ или какой покойникъ нашелъ на больного (значитъ, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвисъ». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльнаго бога,—вотъ его-то именно и находятъ при помощи заклятія. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ названіе: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вяжущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводитъ имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ извѣстныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладетъ узелокъ къ хлѣбу, гаситъ огарокъ восковой свѣчки и кладетъ ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшванницѣ, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшванницѣ рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его, приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самымъ ран-

нимъ утромъ на тощакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящіе уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесеннаго узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и челпанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчку и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящіе уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжвисъ или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствію—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе черъэшвана производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обыкновенно къ полатямъ такъ, чтобы топорище было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному так. обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, черъэшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексѣя, Божьяго чевовѣка—Егвенской, Егорей—Крабвой Юсьвинской, Щипицинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиранія боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произноситъ ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени котораго качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебенъ, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удостовѣряясь такимъ образомъ въ невиновности боговъ, черъэшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается черъэшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а топоръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обвернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шеи). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаетъ имя напавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе черъэшванницы, и так. обр. ублаготворивъ бога, выздоровѣть самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквахъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбѣленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ и формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черъэшванницѣ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаяній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи паціентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черъэшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ в ѣ ж л и в ц е в ъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самыя невинныя, самыя безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенною славою пользуются тѣ знахари, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполнѣ обезпечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такіе счастливцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чашку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водой поятъ или натираютъ больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжливца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ нѣкто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому извѣстныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему пріѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ

нельзя не признать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднею осенью въ самую гололедицу олинъ и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за сѣномъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ залѣзъ на возъ и, понукнувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угораздило опрокинуться. Грянулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣлъ на него вѣжливецъ Николай, покачалъ головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣться, Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взялъ оттуда здоровое полѣно, принесъ его въ избу, розыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими прибилъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полѣно было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противуположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣна, оставилъ больного полежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подѣйствовало слишкомъ сильно; голова съ правой стороны плеча перекочевала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ паціентовъ Николая не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ потрафить. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже безплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходитъ онъ съ головой свернутой на лѣвую сторону.

При оспѣ ребятъ, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ и подпариваютъ (почти также лѣчатъ и сифилисъ, давая при этомъ больнымъ сулему или внутрь или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ перваго же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, «чтобы не осердить оспицу». Очевидно, и оспица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый так. обр. ребенокъ все время находится или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглой, вонючей и до нельзя грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно отворяемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе оспеннаго больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія оспенныхъ ужасны: нѣкоторыя деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь «божья милость». Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхожденія этой болѣзни, по возможности скрываютъ, такъ какъ пермяки свято вѣрятъ, что стоитъ только начать лѣчить, и «оспица» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нѣчто невозможное, невѣроятное, но и то, о чемъ громко говорить не принято. Когда у напившагося до потери сознанія начинаетъ наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (острое отравленіе алькоголемъ), тогда ему ложкою или лезвіемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стошнитъ. Эта-то тошнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни бо̀льшую роль, чѣмъ настои изъ травъ и сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смѣютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжливца. Сами колдуны крѣпко хранятъ свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявшій идетъ къ вѣжливцу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что̀ почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что̀ именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишетъ свою кабалу также, но приэтомъ пишетъ буквы на выворотъ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки т. е. на просвѣтъ [1]). Здѣсь приведу тексты кабалы какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабалахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабалѣ гласитъ слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоитъ; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофанъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлалъ. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чертой ты у насъ никуда не пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же безпокоитъ, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя подарить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...» [2])

---

[1]) Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.
[2]) Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь. 1895 г.

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотнымъ и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—лѣсному царю просьбу; гдѣ у насъ находится лошадь, 50 рублей стоитъ; быть тобы у васъ? Дайте намъ добромъ, мы бы вамъ жеваемъ поднести $^{1}/_{4}$ водки, да рыбный пирокъ. На это вы не согласны, то иначе. . . . . . Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не дасте, мы станемъ съ вами ссорится».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печкѣ, самимъ подателемъ прошенія, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю [1]). Самая подача прошенія лѣсному царю производится такъ. Знахарь вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнію потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекресткѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо, своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой нибудь пень или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочтя описаніе обоихъ кабалъ, вы видите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отдарить лѣсного царя, причемъ въ экземплярѣ моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практичнымъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выберется изъ лѣсу и придетъ домой, то писавшій кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполненъ обѣтъ, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоитъ ли говорить, что знахарь зорко слѣдитъ за исполненіемъ обѣщанія и умѣетъ использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угонятъ его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидитъ ни самъ крестьянинъ, ни его родня. Почешетъ тогда пермякъ свою голову и рѣшитъ: «за дѣло наказалъ меня лѣсной царь—я обманулъ его»! Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣритъ и по-

[1]) Это обстоятельство, очевидно, неизвѣстное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ или одну полную кабалу (какъ я) или, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

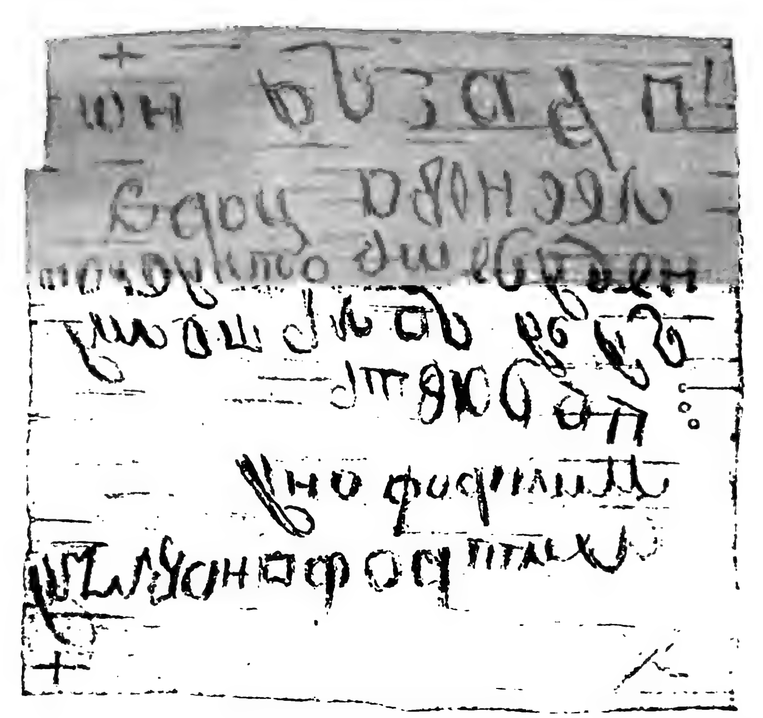

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

№ 1.

№ 2.

Кабала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углемъ).

№ 2 (писана гвоздемъ)

бивается его и, въ третьихъ, остальные вѣжливцы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ профессіональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть сжигается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ самимъ знахаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угля. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошелъ». Попытаюсь разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рисуется елка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты невправѣ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мнѣ правильной только въ ея первомъ изображеніи; вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддѣльную. Судите сами: можетъ ли и хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики – писать буквы на выворотъ, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотнѣйшая—поддѣльна; если же нѣтъ, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и приэтомъ съ совершенно иными знаками, чѣмъ у той, что пріобрѣтена мною [1]).

Собственно кабала состоитъ изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служитъ только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добропорядочность принесутъ дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія напоилъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталась кабала и г. Теплоухову.

---

[1]) 1 Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бѣлый царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль знахарей не ограничивается писаніемъ кабалъ и черъэшваномъ. При описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одежды. По наружному виду, пермякъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣднихъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшіе, узенькіе, монгольскаго типа; у нѣкоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нерѣдки случаи альбинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣетъ замѣчательно бѣлые волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видятъ днемъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣтъ. Пермяцкая одежда незатѣйливая. Женщины носятъ на головѣ шамшуры (родъ нашего очипка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашняго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинутъ платокъ, а талію охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго тѣмъ, что онъ обшитъ опушкою изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Неимѣніе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурного тона и встрѣчается или у записного лѣнтяя или у пьяницы. Поверхъ этой одежды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (пальто), а зимой шерстяной зипунъ; кто побогаче—носитъ и шубу. Мужская одежда, кромѣ обыкновеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вродѣ матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запонъ всегда или бѣлаго или синяго цвѣта. Шапки лѣтомъ круглыя, войлочныя, киргизскаго образца, а зимой большія, самодѣльныя изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныя и очень теплыя. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднее неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Случается, что во время беременности, рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе она никакъ не одѣвается, и ходитъ тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ замнюю стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь изодраннымъ дубасомъ.

Отдѣльныя части одежды называются лопотью, лопотиною; вся же одежда и бѣлье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изодрава всю лопоть», говоритъ пермянка, когда у ней ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хвамъ чисто-чисто и рубива»,—плачетъ она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такіе любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадетъ совсѣмъ съ плечъ. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣрья, объ этомъ и говорить не стоитъ. Ребятъ одѣваютъ совсѣмъ попросту и у иныхъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашенкѣ сомнительной цѣлости. Повидимому, нигдѣ такъ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества пріемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Пріемышей много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и пріемными дѣтьми и, взростивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтеннаго какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытовая черта замѣчательно гуманная. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятія о цѣломудріи почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочны и устои семейной жизни. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствіемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и не вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего наживешь—говоритъ пермякъ—а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволокъ есть (ребенокъ, управляющій лошадью во время бороненья)». Братъ моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, сжалилась надъ нимъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. «Жениться—женись и дѣтей наживай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Мнѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ болѣе, чѣмъ юномъ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣчала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣетъ ребенка: «не видала я его, что-ли», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ мѣстныхъ этнографовъ, Рогова, перваго бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онѣ по крайней мѣрѣ въ мнѣніи общества, уже потеряли дѣвство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей

своихъ невинными, оскорбляются сватовствомъ, бранятъ, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: «что разь (т. е. развѣ) дочь моя пенна (отъ слова пеня, пенный—виновный), что пришелъ ты сватать»? Неимѣніе дѣтей для замужней женщины большое несчастіе; ее бьютъ и корятъ всѣ въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки пригулять дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ нижеподписавшіеся ставили условіе: истецъ отдаетъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истеченіи срока, представилъ ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платитъ нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истеченіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жену и даже съ ребенкомъ, но не мужского, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора найма, проситъ присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрятъ на честныхъ дѣвушекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина пермячка съ просьбой о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, въ виду того, что мужъ безпощадно бьетъ ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно.— «За что же бьетъ онъ тебя. Вѣрно сама нехорошо себя ведешь», — спрашиваетъ ее земскій. — «Именно за то и бьетъ, батюшка, что съизмала себя хорошо держала».—«Какъ-такъ»?—«Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня коритъ: даже въ дѣвкахъ была, никто на тебя не позарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На увѣщанія одного изъ священниковъ жить нравственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣдь мы, батюшка, и такъ по божьи живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣлъ, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ»! Не удивительно, поэтому, что въ семьѣ пермяка рѣдко бываетъ тишь да гладь. Всѣ семейные устои расшатаны, взаимнаго уваженія и довѣрія нѣтъ и въ поминѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже и на языкѣ пермяцкомъ. Семейныя отношенія среди пермяковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощеніе отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ предродовой и послѣродовой періоды, тяжелая работа— все это немало способствуетъ измельчанію народа. Мужчины бьютъ женщинъ сильно, бьютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бьютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься—еще и не такъ вздуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнію бьющихъ, не наносятъ. «Да нешто я билъ; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнулъ», говоритъ супругъ, по поводу причитаній нѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательной жестокостью, доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, что на нее смотрятъ лишь какъ на самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явленіе совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваютъ женъ у своихъ братьевъ; нерѣдкость даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бываютъ случаи и сожительства сыновей съ матерями и дочерей съ отцами. Случаи послѣдняго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.—за тѣми, пріемыши.—Свадебные обряды.—Угощеніе (столы, пелвянянь).—Похороны.—Поминки.—Душа покойнаго.—Заговоры отъ сглазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ человѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именины и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто; на нихъ смотрятъ небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко натопленную баню, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломы, а на нее и кладутъ роженицу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больше; онѣ помогаютъ роженицѣ. Если, по мнѣнію этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то онѣ начинаютъ мять бабѣ животъ, трясутъ ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшиваніе производятъ или за руки, если ребенокъ идетъ правильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ неправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжкихъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употребленіемъ средствъ симпатическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расплетеніе волосъ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмываетъ и паритъ ребенка. Одна изъ бабушекъ въ тоже время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, зачерпнувъ тамъ пригоршнею воды, которую непремѣнно черпаетъ не противъ теченія, а по теченію, спускаетъ ее по локтю въ туясъ (ведерко изъ бересты). Приэтомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды тридевять горстей (т. е. три раза по девяти), которыя считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, «сзади»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и спрыски-

ваетъ ею съ березоваго уголька (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденнаго; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продѣлывается отъ «уроковъ»—отъ сглазу. Въ силу уроковъ вѣрятъ далеко не одни пермяки, а и люди весьма интеллигентные. Новорожденнаго, затѣмъ, приносятъ въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженицу же, напоивъ и накормивъ, оставляютъ въ покоѣ. Въ ближайшій праздничный день новорожденнаго несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ обѣдни батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и одно для всѣхъ дѣвочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходятъ недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреные имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рожденіи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный пирогъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаютъ иной разъ не только не меньше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подбавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленькій ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разревется не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываютъ, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснѣйшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время мороза). Съ достиженіемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребятъ начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жаль лишь одного—школъ не хватаетъ.

Именины празднуются у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ именинникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто видалъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», напьется по этому случаю до-пьяна, предварительно сходивъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды, они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невѣсты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, преизрядно выдрали, а затѣмъ и женили въ тотъ же операціонный день. О томъ же говоритъ и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня жонили,
Я на мельничѣ былъ.
Пріѣзжаю я домой,
Меня жавуютъ жоной.

Женятъ пермяковъ чаще всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявшія свою волюшку. Поэтому, чуть не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтѣ силъ, становится обладателемъ препочтеннѣйшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрнѣйшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вещей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ, заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланный родителями жениха сватъ или сваха, при входѣ въ домъ невѣсты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришелъ сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отопкомъ не кидаться (старыми лаптями), ожегомъ (палка, которой мѣшаютъ въ печи уголья, отъ сгоранія она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невѣста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породнимся)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значитъ. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаньи напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невѣсты только куражатся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концевъ послѣдуетъ отказъ. Сватъ усиленно выхваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спитъ и видитъ только одно—свою желанную невѣсту (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тотъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ исхудалъ, того и гляди помретъ, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнимую услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невѣсты не отстаютъ отъ свата и до небесъ восхваляютъ добрыя качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преминетъ сказать, что лучше работящей, невиннѣйшей его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволоками, найти нельзя. Зато и сватъ, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говоритъ, что за невѣстой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же сватъ уговаривается съ родителями невѣсты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, что̀ только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходитъ и до драки. Сваты чаще всего пріѣзжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ тоже время на хозяйскій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, водка. Распитіе ея составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идетъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невѣста потчуетъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удаляется, а родители ея и сватъ начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здѣсь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много разворительно, но страшно и мало дать. Тогда молодушку изъѣдятъ покорами: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ покончена, сватъ уѣзжаетъ и пріѣзжаетъ обратно не позднѣе слѣдующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершается пропой, но не рукобитье (этого уже нѣтъ). Пріѣзжаютъ возможно рано и ужъ ни въ какомъ случаѣ не позднѣе полудня. Пріѣзжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, привозятъ: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только вошелъ женихъ, невѣста накрываетъ на столъ, а ее родственницы устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, жениха и невѣсту сажаютъ въ передній уголъ и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголъ, до конца пропоя, а конецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермяковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропоя (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невѣсту нарочно привезеннымъ для нея дессертомъ: пряниками, конфектами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разумѣется, что сугубо непраздными остаются приэтомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка распивается чуть ли не моментально, за нею тотчасъ же появляется новая, приготовленная въ ожиданіи пріѣзда дорогихъ гостей родителями невѣсты, а чаще ими же сдѣланная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣтъ, то подается или хмѣльное—прехмѣльное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитью наступаетъ только тогда, когда всѣ поѣзжане, а нынѣ и женихъ съ невѣстой перепились. Раньше было въ обычаѣ, что новонарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современнаго рукобитья представляется безшабашнымъ пьянствомъ. Да и сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ изрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропоя или рукобитья составляетъ весьма существенное значеніе при просватаньи. Послѣ дачи слова еще можно отказаться, но послѣ пропоя отказъ невозможенъ. Рукобитье—половина закона, и отказаться послѣ него значитъ «законъ разлучить», а это великій грѣхъ.

Свадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бываютъ въ одно промежговѣнье. Въ день свадьбы женихъ еще до сбора поѣзжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ пріѣзда гостей. Среди поѣзжанъ находится и заранѣе приглашенный вѣжливецъ, безъ котораго свадьба не обходится. Собственно говоря при совершеніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякомъ случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжливца, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онъ слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только поѣзжане усѣлись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ и женщины ѣздятъ лѣтомъ верхами, причемъ женщины и дѣвушки ѣздятъ по-мужски, и ѣздятъ прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуетъ ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь въ ухабѣ, это уже означаетъ нерадивость вѣжливца: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и, поэтому обязанъ тотчасъ же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, и никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ поѣзжанъ. Для постороннихъ же, т. е. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказанье. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ снѣжные сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортитъ. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не равны силою. Есть получше-покрѣпче, есть и по-

хуже-послабже. Разъ въ свадьбѣ принялъ руководительство лучшій—сильнѣйшій вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортитъ. Даже встрѣчныя свадьбы должны будутъ не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустьяхъ. Пока вѣжливецъ не пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаютъ каждое его слово. Зато, когда колдунъ напьется до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ постели не одну недѣлю. Бьютъ вѣжливца только безобразно пьянаго, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бьютъ же его за сдѣланный кому-нибудь до этого времени вредъ, т. е. самимъ поѣзжанамъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣннымъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и прилѣпляютъ этотъ воскъ къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ продѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ тоже время доказываетъ и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависитъ всякая пакость въ Божьемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказываетъ, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступилась. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участи. По возращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подвыпившій старый вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою силу. Да не на таковскаго напалъ; шутникъ-колдунъ, съ нимъ и спорить не сталъ. «Куда, говоритъ онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее закляну, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не высидѣть».—«Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Поспорили. Взяли по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то заклятія. Потомъ подошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ стараго стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подалъ ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, всетаки весь выпилъ. Поѣзжане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрятъ поѣзжане—что за притча такая: мутитъ стараго вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пьетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Блѣднѣетъ старикъ и, въ концѣ концевъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки шутникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ касторовато масла. Вѣжливецъ потерялъ всякій престижъ, а слѣд. и зароботокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многіе послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый обрядъ вѣнчанія оказывается невозможно дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большимъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные, выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодушки заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашмуръ—съ этого момента пермянка становится покрытой. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ запазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невѣсты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простылъ. Пирогъ разламывается молодухою пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ тотъ, такъ и другая обязаны съѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самаго вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнчающіеся еще при рукобитьи и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательнаго ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невѣстою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побьютъ преосновательно, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьютъ. При чтеніи евангелія во время вѣнчанія невѣста, разъ она нравственна, подходитъ къ аналою и кладетъ на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невѣста так. обр. передаетъ Самому Богу. То, что̀ обозначало раньше цѣломудріе, то, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы дѣвической красоты и чистоты вызываетъ нынчѣ сальныя улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньше онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едвали можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительскаго дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтѣ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возращеніи не соблюдается, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стеречься задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходятъ въ низенькія двери пермяцкихъ избушекъ, перегнувшись чуть не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попоятъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбецъ (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ простъ до нельзя. Открывается голбецъ, куда по малюсенькой и зачастую чуть живой лѣсенкѣ спускаются въ предшествіи вѣжливца и свахъ съ шуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣзжане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное ложе молодыхъ и выпивъ бражки, поѣзжане уходятъ кверху, и въ голбцѣ остаются только молодые съ вѣжливцемъ и свахами. Въ самомъ голбцѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный пирогъ на закуску. Съ благословенія вѣжливца начинаетъ, при помощи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ и молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допировывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливца изъ подполья, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьютъ за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушено. Тостамъ при выпивкѣ нѣтъ числа: пьютъ за каждаго гостя отдѣльно, пьютъ за горе и удачу, даже за дѣла подпольныя, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣзжане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почиститься, т. е. помыться. Поѣзжане же во время мытья ихъ бьютъ о двери и стѣны ея разную глиняную посуду, разумѣется, уже никуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая даритъ свою свекровку ею самою вышитою и сшитою рубашкою; рубаха эта, хотя и ночная, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ и тѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу сызнова. Понятно, что такое издѣвательство не проходитъ даромъ и поѣзжане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣрнѣе—дольше, тотъ бросаетъ или монеты покрупнѣе или почаще. По окончаніи метенія

половъ, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодушки) беретъ стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшетъ, а гости въ это время вновь пьютъ и бьютъ нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и при метеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходки съ ласковой улыбочкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Иные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плеснутъ на хорошую, бѣлую рубашку стаканъ краснаго или другого вина, да бросятъ въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы—это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдъ. Готовитъ его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ иныхъ стряпухъ. Чѣмъ больше кушаній въ смыслѣ перемѣнъ, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ щей, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельнянъ—традиціоннаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малые ребята; грудныхъ поятъ только теплой бражкой (тоже хмѣльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидятъ иногда по полсутокъ, а смѣны блюдъ считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы—самый главный. Онъ называется большіе столы. У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣтъ почти никакой; конечно въ послѣднихъ по меньше блюдъ и —только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправленіи невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносится и передается дружкѣ, который и ѣдетъ съ нимъ въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ вещи къ молодымъ.

Такъ совершается свадьба въ захолустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посовѣтовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то—дѣло подходящее, пріѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинаетъ происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бьютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходятъ къ

образамъ и молятся Богу. Прослышавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплой бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣжливца, но уже ломанныя русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермяцкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, признано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ розыскамъ (Роговъ, Шищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, пирующіе угощаются на славу, кушая разные пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсенъ невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ отдариванья, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенья включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарятъ самымъ дорогимъ, деньгами. При самомъ разъѣздѣ съ рукобитья невѣста дарить и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинаетъ ѣздить по гостямъ. Въ поѣздкахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣстѣ подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь слезы запѣваетъ вытчица, при чемъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводитъ не раньше, какъ встанетъ по серединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубоваго,
На бѣлокатанномъ войлочкѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочики,
На свои рѣзвыя ноженьки.
Ужъ я кваняюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищу-смѣкаю,
Не могу высмѣкати,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего родимаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здѣсь вытчица начинаетъ перебирать рѣшительно всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляютъ ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концевъ, подъѣзжаетъ обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводитъ пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшіеся поѣзжане.

На встрѣчу выходитъ изъ дому сестра или близкая родственница невѣсты, выноситъ съ собой теплую брагу или водку и подчуетъ ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей питье. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входятъ въ домъ. Здѣсь съизнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дому успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, вылѣзаютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильно, помочь ей. Во время пѣнія пѣсенъ никакихъ плясокъ не происходитъ.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, время отъ времени, потягиваютъ бражку) и вновь въ голосъ начиваютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ пермяки крайне невзыскательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общею любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣвокатанномъ войочкѣ,
На своя рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватьюшкѣ.
Поспѣшите дойти до меня,
До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареньице—
Да на худое рукодѣйице,
У меня стойко свучивося.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причемъ невѣста даритъ каждаго посильно и какъ при рукобитьѣ было уговорено. Послѣ одариванія съ невѣстой остаются только ея подруги, которыя и помогаютъ ей снаряжаться къ свадьбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженье) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное вытье: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ дѣвушки посылаются за водой, идя за ней, онѣ поютъ.

Ужъ вы, кумушки,
Вы, подруженьки,
Посъужите мнѣ, моводешенькѣ (невѣста идетъ съ ними же).
Отъ роду мнѣ впервые,
Сегодня мнѣ въ посвѣднее.
Вы возьмите ведра
На круты пвеча,
Идите вы по воду
На Дунай рѣчьку быструю.
Ужъ вы черпайте, мои кумушки,
По пути воды бѣгучей.
Принесите мнѣ воду
И наварите щевоку.
Наварите щевоки слизкіе—
Хорошо мнѣ умыватися,
Чисто стнаряжатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а поѣзжанки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; приэтомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитаютъ. Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, то въ честь ихъ поютъ поминальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,
Со восточной сторонушки.
Вы слуйте же, вѣтры буйные,
Со сырой земли бѣвы снѣжки.
Раздвойся-ка, мать-сыра земля,
Расковися-ка гробова доска,
Распахнитеся, саваны бѣвые,
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) батюшки (матушки),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),
Да свои очи ясныя.
Да проснись-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Да отъ сна, отъ вѣчнаго,
Отверзи уста свадкія.
Востань-ка, востань-ка,
Родимый (ая) мой (моя) батюшка (матушка),
На свои рѣзвыя ноженьки.
Направь-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Сызоперыя крывышка,
Полетай-ка родимый (ая) батюшка (матушка)
На сине морюшко.
Ужъ ты смой-ко, родимый (ая) батюшка (матушка),
Со бѣва лича ражавчину,
Съ ретива сердца червоточены.
Прилстай-ка, родимый (ая) батюшка (матушка),
Да въ нашу горенку.
Бвагосвовъяйте меня, родимый (ая) батюшка (матушка),
Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постилаютъ солому и уже на соломѣ начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вытью. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще непорочныхъ, обязательно носятъ въ косѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадьбы—ленту «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше—

и еще совсѣмъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣстѣ съ красотой пѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сумеркаются
О красной дѣвушкѣ.
Цвѣтная красота
Бьется—убивается,
Около дѣвушки завивается.
Повно вамъ дѣвушки
Красоватся,
Пора времечку
Разставатся.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,
Во свою праву рученьку,
Свою русу косыньку.
Развяжи авую ленточку
Предъ Пресвятую икону
Божью Матерь.
Пусть она тутъ успокоится
И отъ всего прихранится,
Пока я буду умываться,
Хорошо снаряжаться.

Дѣвушки идутъ топить баню, а когда истопятъ ее, то расплетаютъ невѣстину косу, садятъ ее за столъ и поютъ.

Ужъ не васточка—
Касаточка,
Она вьется-увивается
Оково матушки родимой.
Помоги-ка дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
Да души красной дѣвицы.
Развяжи-ка, родимая матушка,
Мои авыя ленточки,
Расплети мою дѣвичью красоту.
И въ говубушку трубчату косу
Не подымаются мои рученьки бѣвыя,
На свою буйну гововушку.

Мать, если же ея нѣтъ у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста проситъ благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вмѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, иныя идутъ разряженными (замаскированными) и приэтомъ всѣ поютъ пѣсни.

Наглядись-ка моя
Руса косынька,
Наглядись-ка авая ленточка,
Какъ на небо съ синя-говубое.
На батюшку на свѣтьу—мѣсяцъ
И на частыя мевкія звѣздочки.
Наглядись-ка моя русая коса
На всѣ четыре сторонушки:
На поя—на широкія,
На вуга—на зеленыя,
На всѣ дороженьки
И тропиночки.
Наглядись-ка моя руса коса
На лѣса дремучіе,
На рѣченьки быстрыя,
На всѣ уочки-переуочки.

Дѣвушки подходятъ къ банѣ, передъ дверьми которой останавливаются, заводя новую пѣсню.

Ужъ вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопивили мнѣ банюшку.
Нагрѣли-ли воды горячія?
Накипятиви-ли щевоки слизкіе?
Приготовиви-ли вѣтошки шевковыя,
Мыва-то канфарныя?

Въ баню, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, причемъ невѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выйдетъ замужъ и ея мужъ шибко парить (бить) станетъ». Баню для невѣсты топятъ подъ наблюденіемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ баню не поколотилъ головѣшекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обрекатся на всю жизнь на битье супругомъ и его родней. По окончаніи мытья, вновь начинается вытье пѣсенъ.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученьки бѣвыя,
Не согрѣли мое тѣво бѣвое
Отъ вѣничка горячаго.
Не увадивось мое сердечико
Вашей этой тепвой банюшкой.
Раскатись-ка наша банюшка
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка наша банюшка
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,
Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то сопротивничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка наша каменка
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка наша каменка
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Мои-то сопротивнички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здѣсь, уже передъ самыми дверями, всѣ поѣзжане хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ всхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни пермяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, порой при сильномъ вѣтрѣ, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передъ дверьми дома поется пѣсня:

Не хотѣва, родимая матушка,
На мосту заморозити.
Прищипава рѣзвыя ноженьки
Ко сафьянымъ ко башмачикамъ.
Прищипава бѣвы рученьки
Ко скобѣ ко желѣзной.
Я иду, моводешенька,
Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Перекваднинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходитъ мать или сестра невѣсты и выносятъ ей пить (брагу). Невѣста входитъ въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣдній разъ въ этотъ день—заплетаютъ косу, причемъ «красота» въ нее уже не вплетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невѣсту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончаніи этой пѣсни всѣ присутствующіе отдариваютъ невѣсту деньгами и плачутъ, припѣвая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.
Ужъ и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святыя иконы смѣняти.
Есть Божіи храмы—построены,
Есть святыя иконы—смѣняны.
Не откупится будетъ этой гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки.
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки,
Не отдарится будетъ гривной зовотой
Отъ чужаго чужъ-чуженина.
Откупишься ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки
Моей-то буйной гововушкой.
Отдаришься, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвичьей красотой
Чужому чужъ-чуженину.
И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванія, вновь даритъ невѣсту деньгами и приноситъ ей шашмуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шамшуръ снимается только въ банѣ и надѣвается на голову женщины даже при ея погребеніи.

Я бы дѣвица возрадовалася,
Душа моя возвеселивася.
Я еще бы дѣвушкой остававася,
Да еще бы красовавася.

Много слезъ приходится пролить и невѣстѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день. Не успѣетъ зазариться востокъ, какъ въ домѣ невѣсты все приходитъ въ движеніе; вновь появляется угощеніе, вновь то заплетается, то расплетается невѣстина коса и, по прежнему, поются заунывныя, словно похоронныя, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнія къ самимъ себѣ, приправляемыя слезами.

Ужъ ты, васточка-касаточка,
Она вьется-увивается,
Оково матушки родимой.
Вы могите ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки,
До души красной дѣвицы,
До моей буйной гововушки,
До моей дѣвьей красоты,
Развязать авую ленточку,
Расплести мою дѣвью «красоту».
И т. дал.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и наканунѣ, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая родственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время вплетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣсту и вновь невѣстина коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,
Не спасибо, мои подруженьки,
Обмануви меня, моводешеньку,
Посадили за стоу дубовенькій.
Посмотри-ка, родимая матушка—
Развязали мои авыя ленточки,
Расплели мою русую косу.
Растрепавли мою буйную говоушку.
Нѣтъ, не жавѣетъ меня мамонька,
Не выводитъ изъ-за стова дубаваго,
Не плететъ мнѣ русу косыньку.
Не завяжетъ мнѣ авую ленточку;
Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Пора мнѣ разставитися
Со своей дѣвьей красотой разставатися.
Ну, что такое свучивося.
Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?
И т. дал.

Когда рѣшительно всѣ кумушки-подруженьки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»
Отъ меня—моводешеньки
По стову по дубовенькому;
Среди пова остановивася,
Низко всѣмъ поквонивася...
Вотъ пошва моя «красота»
Съ душой красной дѣвицей,
И пошва—до дверей дошва;
И пошва по новымъ сѣнямъ,
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.
Вотъ и пошва наша «красота»
И до саней дошва,
Въ саночки садивася,
Во Божью церковь катився.
Пріѣзжаетъ къ Божьему храму—
Тутъ она остановивася,
Красной дѣвицѣ поквонивася.
Ты прощай, прощай, моя дѣвица;
Ужъ не довго красоватися,
Пора-времячко разставатися.
Вотъ заходятъ они
Во Божью церковь.
Среди церкви становятся,
Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
Богу молятся.
Свѣчи ярко зажигаютя,
Попы, дьяконы одѣваются;
Двери царскія растворяются;
Книги евангелья открываются...
Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной дѣвушки
Во святую книгу-евангелья.
Тутъ она остановивося,
Низко дѣвушкѣ поквонивася.
Ты прощай-прощай, красная дѣвица,
Хорошо мы съ тобой красовалися.
Ужъ и гдѣ мы съ тобой увидимся,
Гдѣ встрѣчу мы совстрѣтимся:
И во снѣ мы не увидимся.
Только разъ еще увидимся—
Во христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолясь, проситъ у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она проситъ его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, поддерживаемая подруженьками-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, запѣваетъ.

Я стою моводешенька
Среди пова дубоваго
На бѣвокатанномъ на войокѣ
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваняюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго
Своему родимому батюшкѣ.
Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
Не звата, ни серебра,
Ни скатнаго жемчуга.
Прошу я у васъ,
Родимый батюшка,
Бвагосъовъенница великаго.
Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
Хорошо снаряжатися,
Во Божью церковь ѣхати,
Законъ божій приняти
Со чужимъ, со чуженином,
Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣсту словами: Богъ бвагосъовитъ». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсью (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбецъ и уноситъ съ собой мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣсту и снаряжаютъ ее. При одѣваніи прежде всего «лычикомъ» крѣпко-на крѣпко вяжутъ невѣстино бѣлое тѣло, а ужъ сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совсѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молится Богу, вставъ—обязательно—по серединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлочкѣ.

За кого же я Богу молюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За царя бваговѣрнаго,
За царичу усердную.
За кого Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Я за батюшку родимаго
И за матушку родимую.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же поквонъ повожу?
За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.
За кого же я еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,
За чужую свекровь-матушку.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же еще поквонъ повожу?
За чужихъ-то деверей-братчиковъ,
За чужихъ зововокъ-сестричекъ.
За кого же еще Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Да за чужаго чужъ-чуженина,
За свою буйную гововушку.
Создай намъ, Боже и Господи,
Даръ здоровья намъ крѣпкаго,
Ума-разума хорошаго.

Свашитъ со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входитъ, освѣдомляясь предварительно, можно или нѣтъ ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаетъ невѣста пѣніемъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Воспріемная крестная матушка,
Ты зачѣмъ поздно пріѣхава,
Когда я уже засватана
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.
Ты тогда бы пріѣхава,
Когда я бывa не сосватанная.
Сѣва бы межъ родимаго батюшки
И межъ родимую мою матушку,
Разговорива бы ихъ о моей-то выдачѣ.
Я бы еще дѣвушкой-то оставася,
Весну красную красовавася.
Разскажи-ка, моя кресненькая,
Про чужую дальнюю сторонушку,
Про чужаго отца-батюшку,
Про чужую свекровь-матушку,
Про чужаго деверя-братчика,
Про чужаго чужъ-чуженина.

Крестная маменька или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поетъ ея окончаніе:

Разскажу я тебѣ, моя крестница,
Про чужую дальнюю сторонушку:
«Ровно зимонька студеная».
Какъ чужой-то свекоръ-батюшка—
«Въ поѣ ровно лютой звѣрь».
Какъ чужая-то свекровь-матушка—
«Ровно звая мѣдвѣдича».
Какъ чужіе-то деверья-братчики,
«Какъ черные собои».
Какъ чужая чужъ-чуженина—
«Великая зазнобушка,
Безъ морозу тебя вызнобитъ
И безъ вѣтру тебя высушитъ».

Невѣста, за частую совершенно не знающая своего чужъ-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорятъ пермяки: говосомъ воетъ. Вытчица, подружки, да и вся родня, словно спохватившись, ревутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается дѣйствительно потрясающая. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтитища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсенъ ожидаетъ невѣста и поѣзжане пріѣзда жениха. Время тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающійся поѣздъ жениха—зимой на нѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда всѣ сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзжаютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки.
Мои ѣдутъ сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ нелѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкіе.
Налетятъ черны вороны,
Подхватятъ меня бѣвую лебедушку
За сиво-перыя крывышки;
Утащатъ меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моей буйной гововушкой.
Торговався бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моей буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подъѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачь. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходитъ изъ саней и говоритъ: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ. Дома ли хозяинъ»? На что домохозяинъ (—зяйка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:—«дома». Тогда колдунъ спрашиваетъ: «быво ли сватовство; быво ли просватанье; быво ли обрученье»? Ему отвѣчаетъ: «Быво». Тогда спрашивающій говоритъ: «нашъ князь просится въ вашъ дворъ въѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣчать или самимъ въѣзжать»?—«Ну, хорошо, отвѣчаютъ изъ избы въ окно, встрѣчать выйдемъ; сами встрѣчать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно уславливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки и, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуетъ: «о томъ бьемся, о томъ кваняемся, нѣтъ ли у васъ звыхъ собакъ; нѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣвамъ; старыхъ старухъ по поватямъ»! Ворота отпираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отпирая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однакоже выговорить себѣ немного-не-мало, какъ-то, чтобы его напоили до-пьяна. Послѣ угощенія братца, поѣзжане въѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ беретъ въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный пирогъ, лагунъ съ пивомъ и входитъ въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладетъ передъ иконами поклоны и приговариваетъ: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ»! — «Аминь. Ваша молитва», отвѣчаетъ ему вытчица.—«Мы прибыли со всѣмъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгиня»?—«Жива и здрава», отвѣчають ему.—«Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что ждави», говорить вѣжливецъ и проходить за занавѣсъ, гдѣ сидить невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите мои гостинчики со чужой, дальней сторонушки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не приму ваши гостинчики
Со чужой, дальной сторонушки
Безъ родимаго отца-батюшки,
Безъ родимой моей матушки,
Безъ братчика родимаго,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсъ приходять отецъ и мать и благословляютъ невѣсту, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашиваетъ: «смѣть ширнуть, пырнуть; наша невѣста укукливась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на куньихъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черяннянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ нырните: наша невѣста укокливась». Послѣ этого невѣста беретъ изъ рукъ вѣжливца подарки, подымаетъ ихъ на свою «буйную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпана, символизирующаго довольство. Люди зажиточные приносятъ не по одному, а по нѣсколько штукъ, и тогда невѣстѣ приходится знакомиться съ вкусомъ каждаго изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣзжане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передній уголъ на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходитъ съ ними за занавѣсъ къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же запѣваютъ.

Свашенька-разсвашенька,
Зачѣмъ скоро подскочива
Безъ спроса родимаго батюшки,
И родимой матушки?
Не приму я ваше цвѣтно пватьице
Безъ родимаго батюшки,
Родимой моей матушки.
Вы могите дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
До моей буйной гововушки.
Благосъовъяйте меня, мовбдешеньки
Хорошо мнѣ снаряжатися
Мнѣ въ Божью церковь ѣхати,
Законъ Божій приняти.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова»! Какъ только послѣдовало это объявленіе, встаетъ вѣжливецъ и говоритъ: «Господи Исусе Христе, помилуй насъ. Моводой князь сидитъ за стовомъ дубовенькимъ, за стовешенкой кедровою, за скатертью шитой-браною, за питьями за бражными, за явствами за свадкими; кваняется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвыя ручки, за бумажный

платочекъ. Время али не время выводить. Говорьятъ, что время»? Послѣ этаго запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсъ и поетъ.

Я не выйду и не выступлю	Мнѣ въ Божью церковь ѣхати
Изъ кути-занавѣса	За чужъ-чужимъ чужениномъ,
Безъ родимаго батюшки,	Мнѣ законъ Божій приняти,
Безъ родимой моей матушки.	Чудный крестъ цѣвовати:
Бвагосъовъяйте меня моводешеньку	Бвагосъовъяйте меня всѣ крещеные!

Невѣсту выводятъ на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣшивая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и кланяется на всѣ четыре стороны, затѣмъ, отвѣшиваетъ особый поклонъ жениху. Когда она сядетъ, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобитьи. Сваха подноситъ невѣстѣ опояску, и та лично опоясываетъ ею жениха, который и отдариваетъ свою ласковую княгинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжливца, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обрусѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладываньи молодыхъ въ голбцѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣваніе молодыхъ, причемъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говоритъ: «стану, я рабъ божій, бвагосъовясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совнышко, подъ бѣвый мѣсяцъ, подъ часты мевки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присущая; подойду поближая, поквонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присушить, праву ручку поцѣвую, о чемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ одѣяломъ, доканчиваетъ: «Аминь» и уходитъ.

Иногда на другой день свадьбы всѣ поѣзжане раннимъ утромъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причемъ вся эта ватага идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросаетъ—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она задариваетъ водяного, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умываніи происходятъ комичныя картинки. Только кто-нибудь вымылся, глядь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбы устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной парень работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, пріѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявятъ: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости, такую-то дѣвку высватали. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будетъ; чѣмъ строшную (работницу) держать, лучше стряпку въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ «работникомъ». Взять на себя работника значитъ — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Пріѣдетъ женихъ и видитъ—уродъ его невѣста. Перетерпитъ до свадьбы, зато потомъ.... тяжелое житье и отъ мужа, и отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то, такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаще всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подъѣхалъ къ дому пермякъ; ему лѣнь самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричитъ: «Кага, каа-га»! (ворона, ворона). Зато собственныхъ именъ не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее.—«Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ»? спрашиваютъ тамъ.—«Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленіемъ спрашиваютъ: «да неужели же сосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣжденіемъ въ голосѣ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говоритъ: «какъ же, въ суѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ—никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣдны, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ разсчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой и сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча—собака попалась, не поѣду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ее». Зато попадись навстрѣчу свинья—лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдаются то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодушка не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ сборное воскресенье всѣ молодушки пріѣзжаютъ въ церковь и здѣсь встрѣчаются съ своими подруженьками. Послѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злоключеніяхъ и приэтомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхава «сковородники» продавать (губы при плачѣ слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посѣщаютъ неохотно; но стоитъ кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боясь смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе неудивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ни разу не соборованнаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начинаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обмываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкой и стелютъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности никуда негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякое время года, т. е. и лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собой челпанъ и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку залѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадается на встрѣчу, бросается взятый изъ дома челпанъ—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлѣбъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжко оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорбленіе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большаго парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Подымитесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со гвубокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Раздвойся ты, сыра-земля,
Развався гробова доска
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты востань-ко, востань,
Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня моводешеньки
Про мое житье-бытье сиротское.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясенъ ты мой сокоичекъ.
Куда ты взъетѣлъ
Мой сокоичекъ.
Во вѣчныя твои свояси.
Оставъяешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Оставій ты мнѣ на память
Твой хорошій образъ
Ангейскаго лича,
Не могу я твой икъ зааа-а-абыныть.

Провожая свекра, причитають такъ.

Богдарный ты мой батюшка,
Не во пору, не во времьячко
Оставъявъ насъ моводыхъ.
Какъ мы будемъ дома правити?
Кто насъ будетъ будить
По утру ранешенько?
Кто намъ будетъ работу сказывать?
Твой сынъ моводенекъ,
Я сама зевененька —
Остаюсь съ мавыми дѣткааа-а-аамииии.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейскаго смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ-причитаніи свекровкѣ, женщинѣ—какъ вездѣ—суровой, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,
Веикая моя надѣюшка!
Не во пору, не во времьячко
Подвомивись твои рѣзвыя ноженьки,
Повавивась твоя буйная говоушка,
Опаи твои бѣвыя рученьки
И не будутъ мнѣ помогати.
И пойду я на лѣтнюю работу,
Оставъю я своихъ мавыхъ дѣточекъ
Съ чужой-то свугой и замѣнушкой.
Не по моему дѣво дѣваютъ.
Возмутиться мое серче ретивое
И вспомниться богдарная
Моя матушка.
При веикой моей заботушкѣ
Прійдемъ съ поя по вечеру поздненько,
Повстрѣчаешь ты насъ, наша матушка,
И все дѣо твое исправъенное
Да и про насъ ужинъ приготовъее-е-сеный.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,
Ученича моя (учительница-наставительница)!
Кто мнѣ дѣво прикажетъ,
Ученича моя!
Ужъ и тыжъ меня любива,
Ученича моя!
И любива ты и бива,
Ученича моя!
Наставъяа на умъ-разумъ ты меня,
Ученича моoo-о-ояяя!

Привезеннаго въ село покойника, первоначально оставляютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отцу-батюшкѣ духовному и проситъ его прійти и отпѣть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаніями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровенъ, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершеніи краткой литіи, везетъ покойника къ церковной паперти и оттуда вноситъ въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровож-

деніи духовенства (а при неуплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносятъ изъ церкви на кладбище. Могилы копаютъ весьма неглубокія. Какъ только покойника выносятъ изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно раздаются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, слезы прекращаются и поѣзжане уѣзжаютъ домой помянуть покойника. Торопятся пермяки съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по звобѣ» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ юдоль скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—придти ей отъ трупа назадъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятностей, поскорѣе распроститься съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохраненія и заставляетъ пермяковъ продѣлывать разныя странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ послѣднемъ случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ могъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только вставать изъ могилъ, но и совершать довольно-таки отдаленныя прогулки, вывертываютъ оглобли и самыя дровни перевертываютъ вверхъ копыльями (полозьями), причемъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направленію дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылѣзти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, если и поѣдетъ, такъ не въ сторону семейщиковъ, а въ противоположную, не найдетъ ихъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенныя работы покойникъ положитъ такъ много времени, что до пѣтуховъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокойничка». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, устроить какую-либо каверзу или упросить кого слѣдуетъ напомнить о своемъ загробномъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по домашнему обиходу. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, сверхъ обыденныхъ поминокъ, сорокоустъ (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кромѣ того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальники. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣднѣ 15 — 20 коп.), въ церковь несутъ кто пирогъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе явствъ является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики пріѣзжаютъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести явства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая зимой баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъ-за пазухи вытаскиваетъ толстѣйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ тряпицахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шали не пожалѣетъ, чтобы донести все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо пирогъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этотъ-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминовенія. Сама снѣдь, во время литургіи (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесеннаго, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣритъ пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видима для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основного начала, нельзя не придти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кромѣ пара, и ѣсть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячею ѣдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 денъ не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не вошла въ домъ въ это время, пермяки нанимаютъ кого-нибудь изъ грамотной нищей братіи читать псалтирь. Въ 40 дней устраивается общій для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по окончаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходныя двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины—мужчину; послѣ умершей женщины—женщину. По убѣжденію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходитъ изъ дому, если только какъ-нибудь успѣла забраться, и душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причитаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно вылѣчиться отъ хворости безъ травъ и снадобій,—отъ тѣхъ болѣзней, что приключились с г л а з у. Для

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку слѣдуетъ не показываться черному-черемному (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнѣйшее средство: посыпьте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ. чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасаютъ отъ сглаза. Сыпать соль слѣдуетъ не только при встрѣчѣ съ помянутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боишься сглазу. Захвалили вашего жеребенка, позавидовали вашей косѣ, силѣ или дородству и вы боитесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительныя, заболѣваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, слѣдуетъ заговорить дитя. И что̀ болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, пригласить нельзя—средствъ нѣтъ, да и дорогъ нѣтъ или онѣ дальнія. Бываетъ и такъ: пріѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долго ѣздить, а пріѣдешь въ больницу—его въ ней нѣтъ. Заклинатели—тѣ же вѣжливцы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ обращикъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, переповока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ дѣвки довгововоски; отъ бабы кручнововоски; отъ мужика стригововоска; отъ всякаго человѣка: отъ темнокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутнаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремьяна, пріидите Вы къ намъ, въ нашу пользу, къ рабу мваденцу мвадому (имя рекъ)». Приэтомъ заговорщица (таковыми обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами надъ маленькими не занимаются) беретъ въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего происходятъ въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начерпанной девять разъ ковшемъ водой, паритъ сглаженнаго приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мваденечъ (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоитъ только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водой, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченныхъ.

III.

Домоустройство. — Пища (брага, черинянь, кумышка). — Соціальное и семейное положеніе женщины.—Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другіе промыслы (охота, талисманъ, магнитъ).—Народное образованіе.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнѣе. Семьи по 30 и по 40 чел. были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣтъ. Говорятъ, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ здѣсь большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаетъ въ томъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадебъ. Вольная дѣвушка, попавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ея мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, а если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для новаго дома и закупивъ потребное количество лѣса, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьезное, начинается молитвою. Молятся только семейщики у себя въ домѣ, а помолясь идутъ на работу— рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строится домъ. Щепа, отлетѣвшая отъ перваго удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ вездѣ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ класть на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, равняющійся съ поверхностью пола, работы пріостанавливаются и назначается «оквадъ». Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угощеніе. При наложеніи на фундаментъ перваго вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяиномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щепа и копѣйка или больше, въ зависимости отъ богачества. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподымаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лаптевыми опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлый холстъ рыбный пирогъ (символъ будущаго довольства домохозяина); если ни у самихъ хозяевъ, ни у сосѣдей нѣтъ рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вмѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусниковъ идетъ на заработокъ за пирогомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ лѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолясь Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонь до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ въ тре-

*) Матица—это бревно, которое проходитъ по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыя доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земли, насыпаемой въ защиту отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

-кій уголъ и оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается матица—онъ идетъ по ней, снимаетъ пирогъ и, положивъ его на голову и все время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа пирогъ на головѣ лѣвой рукой, онъ молится Богу, а послѣ этого снимаетъ пирогъ и слѣзаетъ внизъ по углу. Работа эта—доставанье пирога очень серьезна. Наградой за труды для ловкача служатъ: холстъ и опояски—покромки. Самый же пирогъ идетъ въ общій кругъ, т. е. дѣлится между всѣми работниками. Послѣ подъема матицы никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ всѣхъ и самъ со всѣми угощается.

При разрѣшеніи вопроса о поселеніи хозяевъ въ новомъ домѣ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и близкому человѣку порадѣть. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато плохо бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обѣихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обоихъ домовъ въ одинъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ придется уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ подняться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ полночь новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея хозяинъ съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и таковою же курицей, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ беретъ съ собой кота (тоже желателенъ черный). Вся процессія двигается въ путь. Вошедшій въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголъ икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставитъ квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. Но тутъ-то и сказываются обоюдные хитрости домохозяевъ. Хватается одинъ изъ нихъ за вьюшки—не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да оно и не диво. Противникъ его еще утромъ велѣлъ своему малолѣтнему сынишкѣ незамѣтно прокрасться въ избу и положить вьюшки ушками книзу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истопить печку и хлѣбы садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдушко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новомъ домѣ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Остающаяся семья, боясь. чтобы спорина въ хлѣбѣ и во всемъ другомъ не перешла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;

на руки одѣваютъ теплыя шубницы (рукавицы), а на голову шапку. Разряженная такимъ образомъ семья сидитъ на лавкахъ и не встаетъ съ нихъ, пока выселяющіеся не выселятся совсѣмъ. Новоселы, чтобы къ нимъ какъ-нибудь въ домъ не попала кикимора—отчаянная блудня, топятъ печь оставшимися отъ постройки дома щепками. Когда щепки израсходуются, кикимора отойдетъ отъ дома и не будетъ нарушать спокойствія живущихъ.

Самыя избы и деревни ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ; между бѣлыми избами очень часто попадаются и черныя, курныя. Деревеньки чаще всего располагаются не на горѣ, а подъ горой, почему грязь въ деревняхъ, особенно весною и осенью, непролазная. Самая деревня расположена или просто нагромождена домами безъ всякаго порядка; никакихъ иныхъ соображеній, кромѣ своихъ собственныхъ, не признается. Окна у большинства избъ (въ глухихъ пермяцкихъ мѣстечкахъ) дѣлаются во дворъ, а не на улицу. Такое устройство удобно, конечно, въ хозяйственномъ отношеніи: хозяева во всякое время видятъ все, что творится на скотномъ дворѣ; за то въ избахъ очень мало свѣта, да и воздухъ, попадающій лѣтомъ въ избу, сильно насыщенъ ароматами скотнаго двора. Въ настоящее время въ оконныя рамы почти вездѣ уже вставляются стекла, а все-таки еще попадаются окна не съ стеклами, а съ заслонками изъ бычьяго пузыря или бычьей брюшины («сирьеныя»). Каждый хозяинъ обноситъ свою усадьбу плотнымъ заборомъ, а иногда и тынникомъ. Въ этомъ-то, скрытомъ отъ взоровъ, заплотѣ построенъ домъ, такъ что проѣзжій положительно не видитъ въ деревнѣ ни одного дома, а все только заборы, дѣлаемые иногда настолько высокими, что изъ-за нихъ не видно даже крышъ. Крыши домовъ тесовыя и этимъ пермяцкая деревня рѣзко отличается отъ великорусскихъ нерѣдко соломенныхъ деревень. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить малочисленность здѣсь деревенскихъ пожаровъ, несмотря на то, что сами пермяки крайне неаккуратны въ обращеніи съ огнемъ. Всѣ надворныя постройки также тесовыя, равно какъ и масса гуменъ. Потолокъ, за самыми рѣдкими исключеніями, замѣняетъ собой крышу; входныя двери до крайности узки и низки. Неподалеку отъ избы помѣщается баня, похожая болѣе на курятникъ или собачью конуру. Почти всѣ бани курныя, съ земляннымъ поломъ. Внутри каменка и лавка для мытья; полки бываютъ рѣдко, да и помѣстить ихъ въ банѣ положительно некуда. Въ низкихъ баняхъ мыться можно только сидя. Мыло и въ банѣ не употребляется и идетъ исключительно при стиркѣ бѣлья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моются особаго рода глиной («земляннымъ мыломъ»).

Во многихъ деревушкахъ выстроены часовенки, по виду и по размѣрамъ, напоминающія небольшія церковки. Каждая деревня строитъ часовню въ честь своего собственнаго деревенскаго святого, и онѣ высоко чтутся пермяками. Въ дни чествованія именъ этихъ святыхъ здѣсь зачастую происходятъ вакханаліи.

Всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляетъ наболышая, если только она еще въ силахъ, а если нѣтъ, то старшая по ней невѣстка. Она готовитъ кушанья и питье; она же наряжаетъ на работу другихъ женщинъ.

Пермяки любятъ поѣсть хорошо и разнообразно. Мясо-солонина и рыба, тоже соленая, какъ наиболѣе дешевая, въ рѣдкій день не появляются за столомъ мало-мальски сможнаго пермяка. Зато, если въ домѣ нѣтъ ничего, такъ пермякъ умѣетъ изготавливать кушанья изъ ничего. Весною посылаетъ всѣхъ бабъ и ребятъ въ паровое поле собирать пестики. Пестиками называется полевой хвощъ; онъ выходитъ изъ земли, очень рано и собирать его надо въ самомъ раннемъ возрастѣ, пока онъ не размятлился, не распушился; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свой вкусъ. Постики ѣдятъ въ яичницѣ, въ пирогахъ и отваренными въ круто-посоленной водѣ. Изъ травъ въ большемъ почетѣ такъ же пиканы. Это тѣ самыя дудки, что растутъ въ каждомъ огородѣ и на поляхъ и изъ которыхъ многіе изъ насъ въ дни юности прыскали водой. Изъ пиканъ приготовляютъ только два кушанья: варятъ въ водѣ и ѣдятъ ихъ горячими, круто подсаливая, или квасятъ и ѣдятъ холодными съ квасниной. Запахъ у пикановъ неважный, и въ мѣстахъ не пермяцкихъ ихъ кладутъ въ кадки, изъ которыхъ берутъ воду для поливки огорода, такъ какъ настоявшаяся на пиканахъ вода хорошо помогаетъ отъ блохъ, истребляющихъ капустную и другую росаду.

Такимъ образомъ, пермяки весной нуждаются, въ крайности, въ очень немногомъ. Зато въ дни довольства у нихъ достаточно всего изъ явствъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить чисто пермяцкія—кушанье «пельняни» и питье—брагу.

Я поставилъ слово «пельняни» въ ковычкахъ не зря. До сихъ поръ тысячи людей кушали и говорили про это кушанье, а названіе его перевирали самымъ разнообразнымъ образомъ. Такъ, Немировичъ-Данченко пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кама и Уралъ», 1890 г. стр. 505: «Твой гость. Назадъ поѣду, приверну.... Ужъ и перменями я тебя тоды угощу». Совсѣмъ недавно въ газетѣ, издающейся въ Пермской губерніи, коренной корреспондентъ изъ г. Перми пишетъ такъ: «перменями они называются потому, что придуманы пермяками». Никогда такъ ихъ не называли. Правда, кушанье это чисто пермяцкое, но ничего съ пермяками, точнѣе, съ ихъ именемъ, общаго не имѣетъ. Слово «пермяне» не существуетъ, какъ это совершенно вѣрно разъяснилъ г. Роговъ, а есть слово «пельнянь», что по-русски значитъ хлѣбное ухо (пель-ухо, нянь-хлѣбъ). Тѣ, кому приходилось кушать пельняни, знаютъ, что по формѣ своей они напоминаютъ ухо. Пельняни — традиціонное кушанье пермяковъ, и безъ него они дорогого гостя не встрѣтятъ и не проводятъ.

Кушанье это весьма распространено по Сибири, часто встрѣчается и у насъ русскихъ, только мы ѣдимъ его совершенно не по-пермяцки. Пельняни дѣлаются рѣшительно изо всего: мяса, рябковъ, рыбы соленой и свѣжей, капусты, и проч. Способъ приготовленія ихъ чисто пермяцкій описанъ уже Роговымъ и я, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе его теперь уже почти библіографическая рѣдкость, дѣлаю изъ него выдержку. «Пельняни дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ, ячныхъ сочней и свиного, разведенаго водой, фарша. Сочень перегибается и защипывается по краямъ. Получается пирожокъ, который съ прямого края выгибается дугой на большемъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его—правильный полукругъ—измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія пельняни варятся въ водѣ». Въ одномъ только я не согласенъ съ почтеннымъ авторомъ. Онъ говоритъ: «ѣдятъ руками, безъ уксуса». Пельняни всегда и у всѣхъ ѣдятъ съ домашнимъ уксусомъ, приготовливаемымъ изъ-подъ пива. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ. Пельняни вкусное и сытное кушанье; они тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ мельче изрублена заправка—фаршъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, даже лѣнивый пермякъ, какъ только дѣло доходитъ до рубки фарша, беретъ въ руки мясное корыто и усердно рубитъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока фаршъ не превратится въ совершенно однородную полужидкую, отъ разведенія его водой, массу.

Какъ нелегко пермяку обойтись безъ пельняней, такъ же точно трудно ему обойтись и безъ браги. Первые составляютъ, конечно, роскошь, хотя капустные и не дорогую, а вторая уже замѣняетъ собою насущный хлѣбъ, и очень часто многія семьи въ недородъ если не умираютъ съ голоду, такъ только благодаря ей. Вотъ какъ Роговъ описываетъ ея изготовленіе и потребленіе. «Обыкновенное питье пермяковъ составляетъ брага. Неимѣніе браги—немалое несчастіе для пермяка. Лишившись возможности пить брагу, пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не имѣетъ средствъ удовлетворить своей страсти. Брага приготовляется изъ «бражнаго солода», который дѣлается изъ одной части ржаного солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкая и густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною (каверъ-ырошъ); получается она, когда насолоду (бражный заторъ) разводятъ большимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ насолоды, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ приготовляютъ квасину бѣдняки, по неимѣнію въ достаткѣ «бражнаго» (солода), послѣднимъ—зажиточные. Густая брага составляетъ постоянное питье зажиточныхъ пермяковъ, дѣлается теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче пермякъ. Она чрезвы-

чайно питательна: напившись густой браги, пермякъ ѣстъ очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или колобка тѣста, замѣшаннаго на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, и въ этомъ видѣ особенно уважается пермяками. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная (кодвитъ), то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносятъ лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполицу. Теплая брага (шонытъ ырошъ) получается, если, послѣ приготовленія, ставятъ ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она укисаетъ и становится очень крѣпкою. Ее дѣлаютъ только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьбамъ, къ поминкамъ, къ важнымъ, рабочимъ днямъ—всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная, теплая брага называется сюремкой. Страстные любители теплой браги, мужчины и женщины, приготовляютъ ее, кромѣ праздниковъ, на всякій воскресный день: по утру на шесткѣ, во время топки печи, подогрѣваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, распиваютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія — совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлаютъ съ конопляной кугликой (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или, лучше, какъ выражаются пермяки, дурна, потому, что отъ нея, говорятъ они, «люди дурятъ». Она производитъ сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большемъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники—болѣе полуведра на человѣка въ день». Къ этому, съ своей стороны, могу добавить, что, по внѣшнему своему виду, брага холодная напоминаетъ собою наши кислыя щи; она весьма пѣнна и въ лѣтніе жаркіе дни незамѣнима, такъ какъ не только утоляетъ жажду, но въ тоже самое время и кормитъ человѣка. Цвѣтомъ своимъ она напоминаетъ ополоски, получаемыя при мытьѣ чайнаго стакана, когда чай былъ налитъ съ молокомъ. Густота браги, хотя и зависитъ отъ бражнаго, но въ среднемъ всетаки одинакова, и рѣдко бываетъ гуще пивного сусла. Холодная или, какъ здѣсь называютъ, «коведняя» брага замѣняетъ многимъ не только питье, но и ѣду. Я лично наблюдалъ недородъ, почти граничащій съ голодомъ и благополучно минувшій, лишь благодаря брагѣ. Нельзя сказать того же про особенно уважаемую теплую брагу; она замѣняетъ съ успѣхомъ водку, такъ какъ пермяки нынѣ изощрились и прибавляютъ въ нее при заквашиваніи водку, спиртъ и даже ромъ. И потому, что теплая брага пьется рѣшительно во всякое время года, дня и ночи и рѣшительно всѣми и старыми, и малыми и грудными дѣтьми, то состояніе, въ какомъ обыденно находится пермякъ, нельзя не признать полупьянымъ. Такое состояніе не можетъ не отзываться на пермякахъ, и наружный видъ пермяка всегда какой-то тупой, апатичный. Бѣдные пермяки, не имѣя возможности вливать въ брагу, для большей ея хмѣльности, водку и спиртъ, все же хотя отчасти

достигаютъ большей ея хмѣльности опусканіемъ въ нее на время броженія горсточки изюма или ягодъ изъ подъ домашней настойки.

Безъ браги и пельняней существованіе пермяка какъ будто немыслимо; почти въ той же мѣрѣ оно не мыслимо и безъ двухъ другихъ атрибутовъ пермяцкаго существованія: черняняя и кумышки. Чернянь, по-русски рыбный пирогъ, составляетъ, во первыхъ, принадлежность каждаго пермяцки порядочнаго человѣка; во вторыхъ, онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность и всякаго рода веселыхъ, серьезныхъ и печальныхъ торжествъ. Наконецъ, онъ особенно вкусно пермяками готовится—это тоже немаловажно. Рыбный пирогъ приготовляется рѣшительно изъ всѣхъ видовъ рыбы, но чтобы пирогъ былъ надлежаще вкусенъ, пермяки отнюдь не счищаютъ съ рыбы чешую и, кто, по незнанію и не разсмотрѣвъ этого обстоятельства, начнетъ жевать взятую рыбу, тотъ долго послѣ будетъ выплевывать рыбьи чешуйки. Пирогъ готовится чаще всего въ черномъ или ячномъ тѣстѣ и рѣжется не кусками, а съ него снимается верхняя корка и рыба достается изъ полученнаго отверстія: такого рода рѣзкой достигается сохраненіе разсола.

У пермяковъ, какъ и вообще у русскихъ, усердно соблюдается правило: «рыба плавала». Для того, чтобы она могла наслаждаться своей стихіей и въ загробной жизни, пермяки приготавливаютъ и пьютъ свою кумышку-своедѣлку. Кумышка это та же водка, но только неочищенная. Тѣмъ, кому извѣстенъ вредъ сивушнаго масла, легко сознаютъ, какой вредъ приноситъ эта кумышка, при ежедневномъ ея употребленіи. Крѣпостью своею кумышка мало отличается отъ обыкновенной водки, хотя нѣкоторые мастера изготовляютъ ее % на 60, а то и болѣе. Съ способомъ ея изготовленія ознакомиться не трудно (тѣмъ болѣе, что и припасовъ для ея изготовленія требуется немного, и всѣ они подъ рукой). Вотъ какъ готовится кумышка—шандара, или своедѣлка, или курытъ-ва (горькая водка). На пудъ ржаной муки и два фунта хорошаго хмеля берется такое количество воды, чтобы, при размѣшиваніи, получилась полужидкая масса. Эту массу на сутки ставятъ париться, заквашиваться въ печь въ большихъ корчагахъ. Заквашиваніе должно происходить въ вольномъ жару. Полученную на другіе сутки барду сливаютъ въ чугунные котлы, и эти котлы ставятъ на огонь, закрывъ верхъ ихъ деревянной крышкой. У одного изъ краевъ этой крышки сдѣлано круглое отверстіе, съ вершокъ въ діаметрѣ; въ это отверстіе вставляется мѣдная или желѣзная трубка, согнутая на подобіе французской буквы s. Второй конецъ трубки вставляется въ глиняную корчагу, также закрытую деревянной крышкой съ отверстіемъ въ ней для трубки. Какъ корчага, такъ и трубка держатся или обложенными холодными и мокрыми тряпками, или (если есть проточная вода) въ холодной водѣ. Благодаря такому несложному устройству прибора, пермяки выгоняютъ съ пуда муки одну четверть крѣпчайшей до 80% водки, такъ

называемой «съ носка», и столько же % въ 40—45. Такъ какъ свой хлѣбъ пермяки для себя на деньги не перекладываютъ, такъ какъ дрова еще, относительно говоря, недороги, то главную цѣну своедѣлки составляетъ хмель. Но и хмѣль недорогъ. Поэтому, кумышка, какъ выгодный, крѣпкій и быстро дурманящій продуктъ, господствовала раньше, да и нынче очень въ ходу. Съ поднятіемъ цѣнъ на вино, она играетъ прямо-таки выдающуюся роль. Всѣ кары за производство кумышки безсильны, такъ какъ пермяки исчислили математически, что выгоднѣе попадаться и варить кумышку, чѣмъ, не попадаясь, покупать вино въ лавкахъ.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ яствъ и питій у пермяковъ наблюдается и вся та пища и питье, что имѣется и у насъ, русскихъ. Но то, что пермякъ ѣстъ повседневно, русскіе ѣдятъ лишь въ большіе праздники. Въ этомъ да въ деревянныхъ крышахъ пермяки обогнали нас на-много.

Кухонная посуда, употребляемая пермянками для изготовленія кушаній, почти ничѣмъ не отличается отъ нашей и упомянуть развѣ только о плетеныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей корзинкахъ, имѣющихъ видъ плоской шляпы. Въ нихъ скатанный хлѣбъ-тѣсто поднимается на печкѣ и пріобрѣтаетъ круглую и правильную форму. Сѣчка для мяса имѣется, конечно, въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ нея нельзя приготовить пельняней.

Если мы всмотримся въ полумракъ избушки, то замѣтимъ, что въ избѣ, кромѣ глинобитной печи, занявшей чуть не треть избы, имѣются палати, въ красномъ углу иконы, а по стѣнамъ лавки. Въ этой избѣ, пространствомъ до двухъ саженъ въ квадратѣ, помѣщаются отъ двухъ до двадцати и болѣе человѣкъ. Здѣсь спятъ и ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, все наружу.

Женщины у пермяковъ мало приносятъ дохода, кромѣ чисто семейнаго. Правда, онѣ помогаютъ мужьямъ въ отработкѣ полевыхъ работъ, но такъ неумѣло, что только дивиться стоитъ. Вотъ, напримѣръ, вышли люди на работу—на сѣнокосъ. Вездѣ люди идутъ и косятъ, а какъ только коса притупилась—точатъ ее. Совсѣмъ не то здѣсь. Баба ложится на траву и ждетъ, когда къ ней подойдетъ ея благовѣрный или родственникъ, чтобы взять косу и наточить ее. Конечно все по дому исправляется женщиной, да только немногое ей и исправлять-то. Все, что потребно для насыщенія, уже приготовлено ея мужемъ, отцемъ или братомъ; остается состряпать—это для женщины и нетрудно и необременительно. Изъ остальной женской работы на пермянкахъ, главн. обр., лежитъ шитье и приготовленіе одежды. Для приготовленія ея обыкновенно засѣвается до пуда льна. Ленъ не полется, а что уродилось, за то и Бога благодарятъ. Пермянки всецѣло живутъ на то, что или заработалъ мужъ, или на то, что безъ помощи мужа и ея уродилъ въ поляхъ и лѣсахъ самъ Господь Богъ. Въ свободное зимнее время какъ дѣвушки, такъ

и женщины ткутъ домашній холстъ для себя и домашнихъ и—ужъ совсѣмъ отъ нечего дѣлать—для продажи. Въ каждой волости найдется нѣсколько искусницъ по части тканья опоясокъ, и—дальше пермянки не пошли.

Пожалуй, не многимъ больше придется сказать и о пермякахъ, разъ коснешься ихняго только домашняго, а не полевого хозяйства. Все, что полагается сдѣлать пермяку въ домѣ, ограничивается мелкими домашними подѣлками и рубкой фарша для пельняней. Что же касается полевыхъ работъ, то пермякъ абсолютно земледѣлецъ: дѣлаетъ здѣсь, при своихъ скудныхъ средствахъ, не только необходимое, но и многое. Все, чѣмъ только существуетъ пермякъ, хлѣбъ. Его урожай—пермяцкое богатство, неурожай—пермяцкое несчастье, при крайней неприспособленности пермяковъ къ борьбѣ съ нимъ. Никакой спеціальной работы у нихъ нѣтъ. Никакого ремесла у пермяковъ не имѣется уже потому, что и изучать-то его не у кого. Все, что только употребляется у пермяковъ, все покупное, все привезенное—до крестьянскаго кованаго гвоздя включительно. Своего ничего нѣтъ. Подковы, телѣжные хода и т. п., все пріобрѣтено и пріобрѣтается отъ вятскихъ кустарей за недешевую плату. Никто и никогда пермяковъ никакимъ ремесламъ не училъ, никакихъ ремеслъ они до сего времени не знаютъ и безъ помощи, безъ указанія, никогда имъ не научатся.

Земледѣліе у пермяковъ находится почти въ первобытномъ состояніи, не смотря на то, что безъ землепашества пермякъ немыслимъ, и на это дѣло онъ не жалѣетъ ни труда, ни денегъ. Немало вредитъ сельскому хозяйству и полное пренебреженіе пермяка къ чужимъ интересамъ. Всѣ поля у пермяковъ, во избѣжаніи потравы ихъ скотомъ, огорожены. Иначе имъ поступить нельзя, такъ какъ даже до такой несложной мысли, какъ: не лучше ли и не выгоднѣе ли вмѣсто городьбы держать скотину при пастухахъ, они не додумались. Надо замѣтить, что изгороди городятся всѣми хозяевами извѣстнаго поля по разсчету, кому сколько саженъ приведется. Вотъ здѣсь-то и открывается просторъ для злоупотребленій и для доказательства пренебреженія пермяковъ къ чужимъ интересамъ. При недобросовѣстномъ отношеніи со стороны сосѣдей, мало-мальски зажиточный человѣкъ, помимо общей изгороди, огораживаетъ свое поле еще и со всѣхъ другихъ сторонъ. Страшная черезполосица, существующая у пермяковъ, дѣлаетъ то, что въ одной перемѣнѣ бываетъ отъ трехъ-четырехъ до семи-восьми полосъ и каждую полосу, во избѣжаніе потравъ, слѣдуетъ огородить. Когда вы проѣзжаете по Иньвинскому краю, то видите сплошной переплетъ изгородей. Одинъ изъ пермяковъ вычислилъ, что всего въ одной только Юсьвинской волости 2.500 тысячъ саженъ изгороди. Считая стоимость изгороди только въ 80 коп. за полторы сажени, причемъ изгородь будетъ обыкновенной высоты въ 8 жердей, оказывается, что на городьбу полей въ этой волости затрачено немного-немало, какъ 1.500,000 рублей. Принявъ во

вниманіе то обстоятельство, что изгородь держится не больше 10 лѣтъ, т. е. въ теченіе этого времени должна быть обновлена, приходится вывести такое заключеніе: Юсьвинская волость на городьбу полей ежегодно тратитъ 150.000 руб. и всетаки изъ-за потравъ снимаетъ плохой урожай. И едва ли стоимость изгороди не выше цѣнности земель этой волости. Тоже самое и въ другихъ волостяхъ, если только не въ высшей степени. Пермяки знаютъ, что неудобренная земля родитъ плохо, и они не жалѣютъ ни времени, ни труда на удобреніе земли. Они усердно навозятъ землю, и рогатый скотъ держатъ почти для навоза. Они рубятъ въ болотахъ болотную кочку, сушатъ и пережигаютъ ее, удобряя поля такою перегорѣлой кочкой. Они удобряютъ землю всякимъ отбросомъ: щепьемъ, костями и ночнымъ золотомъ. Словомъ, дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать, а земля все родитъ плохо. А виновата-то всетаки не земля, и это знаютъ и сами пермяки; только вину-то они относятъ не туда, куда слѣдуетъ. Они воображаютъ, что урожаи стали плохи отъ того, что попы рѣдко служатъ молебны, что сами они, пермяки, согрѣшили. Между тѣмъ, у пермяковъ нѣтъ ни плуга, ни порядочной бороны, ни пониманія, что не масса зеренъ родитъ хлѣбъ, а качество зеренъ. Жалкій ральникъ замѣняетъ плугъ. Глубоко ли онъ входитъ въ землю. Онъ только чешетъ ее, да и то неровно. На каждую десятину земли высѣвается масса сѣмянъ, а именно: отъ 10 до 12 пудовъ ржи, отъ 25 до 30 пудовъ овса, отъ 15 до 18 пудовъ ячменя; пшеница же сѣется, какъ и рожь. Громадность цифръ поразительна. Не всѣ сѣмена взойдутъ, часть ихъ погибнетъ безъ всхода только потому, что сѣмена не были отсортированы и не могли бы, при иныхъ условіяхъ, быть посѣяны. Что подборъ зеренъ необходимъ, это сознаютъ и пермяки; много семей (женщины и старики) цѣлую зиму заняты выбираніемъ полновѣсныхъ зеренъ для предстоящаго весенняго посѣва. Молотьба производится въ гумнахъ на земляномъ току.

Слѣдомъ за земледѣліемъ у пермяковъ идетъ коневодство. Пермяковъ-безлошадниковъ крайне мало; зато такихъ, у кого имѣется нѣсколько взрослыхъ лошадей и нѣсколько подростковъ—и не оберешься. Впрочемъ, лошади—мелочь, худоба и полнѣйшая изнуренность. Скотъ содержится или на плохомъ сѣнѣ или на яровой соломѣ. Причиной тому служитъ слишкомъ малое количество сѣнокосныхъ угодій, съ одной стороны, и погоня пермяковъ за количествомъ, а не за качествомъ скота, съ другой. Притомъ, здѣсь желаютъ какъ можно скорѣе использовать работоспособность животнаго. Многіе хозяева держатъ по-много лошадей только потому, что яровую солому дѣвать некуда, а на ней все же хоть и худенькая лошаденка выростаетъ. Пока растетъ—навозъ даетъ и кой-что по домашнему обиходу дѣлать помогаетъ, а подросла, глянь—въ нужную пору ее и по-боку, анъ подати-то уплачены, свадьба исправлена,

сына въ солдаты снарядили и много разныхъ другихъ удобствъ приноситъ лишняя ничего нестоющая лошадь. Про удойный скотъ нельзя и говорить, разъ называешь его рогатымъ. Скотъ пермяковъ весь комолый. Говорятъ, что онъ смирнѣе, и комолая скотина никого поранить не можетъ и поэтому безопаснѣе рогатой. Пермяки держатъ иногда до 12—15 коровъ и бычковъ съ подростками; разумѣется, это бываетъ въ годы урожайные и богатые яровой соломой. Молока мало употребляется въ пищу, оно квасится, съ него собирается сметана въ какую-либо посудину и, когда посудина полна, бьется масло. Сметана, за время ея собиранія, отъ времени горкнетъ, плѣсневѣетъ, и масло получается невкусное и горькое. Кромѣ того, и при большемъ количествѣ скота масла получаютъ такъ мало, что лишне говорить объ этомъ продуктѣ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь крестьяне не держатъ пастуховъ при скотѣ, а оставляютъ его на волѣ и въ силу необходимости должны отпускать его въ лѣсъ. Придетъ корова домой, ее подоятъ. Нѣтъ—можетъ быть завтра будетъ. Не пришла дня три, надо поискать—не равно на грѣхъ—звѣрь задавилъ. Чаще всего ее находятъ, затрачивая на поиски немало дорогого лѣтняго времени; но и отъ найденой проку мало—молока уже нѣтъ. Зимою же бабы-пермянки доятъ неохотно, говоря, что отъ морозу руки трескаются. У пермяковъ находится въ изобиліи и другой скотъ: овцы, свиньи, отчасти козы. Голодная скотина употребляетъ всѣ мѣры, чтобы удовлетворить чувство голода; она перепрыгиваетъ, разворачиваетъ изгороди и идетъ въ хлѣбныя поля. Видя попраніе своихъ правъ, пермякъ не церемонится со скотомъ. Онъ хватаетъ топоръ или вилы и преспокойно бросаетъ первое или тычетъ вторымъ. А присмотритесь къ пермяку поближе, и вы увидите, что на самомъ дѣлѣ онъ любитъ скотъ, только ходить за нимъ не умѣетъ. Кромѣ скота, пермяки держатъ помногу птицы: куръ, индюшекъ, гусей, утокъ. Множество рѣчекъ, пересѣкающихъ пермяцкій край, даетъ удобства для вскармливанія гусей и утокъ. За ними только и призору надо, что зимой и ранней весной выпустить на волю. Даже выросшую птицу пермякъ не умѣетъ использовать: онъ не несетъ ее на торжокъ, а кушаетъ самъ. Рябчики употребляются каждымъ, кто только умѣетъ владѣть ружьемъ; продажа же ихъ ничтожна.

Вообще пермякъ не знаетъ, какъ использовать себя, не знаетъ онъ во многихъ еще мѣстахъ и соразмѣрности между трудомъ и деньгами, такъ какъ трудиться за деньги ему не приходилось.

Кромѣ хлѣбопашества и домашнихъ промысловъ, пермяки занимаются еще промыслами случайными: охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ; кустарными: изготовленіемъ домашней деревянной посуды, мѣстныхъ полевыхъ орудій и т. п.

Вообще охотниковъ среди пермяковъ немного, да и до охотниковъ-зырянъ имъ далеко. Пермякъ-охотникъ стрѣляетъ дичь (звѣря почти не бьетъ,

за исключеніемъ куницы и бѣлки) только въ томъ случаѣ, когда она сидитъ на мѣстѣ, когда его ружье навѣрняка донесетъ дробь, т. е. сажень за 10—15 и когда дичь сидитъ не одна, а въ кучкѣ; изъ остальныхъ въ розницу бьетъ только рябка, да и то осенью, т. е. когда его легко сохранить до заморозковъ и предстоитъ возможность взять хорошую цѣну. Крупнаго звѣря пермякъ избѣгаетъ, онъ его боится.

Ни одинъ охотникъ не пойдетъ на охоту и до днесь, разъ онъ не имѣетъ талисмана. Изъ талисмановъ охотничьихъ укажу на одинъ. Документъ нижепрописанный и очень старъ, и очень испытанъ. Онъ взятъ мною отъ внука охотника, носившаго этотъ талисманъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ пермяки грамотны, а каждому изъ нихъ лестно имѣть заговоръ, поэтому неграмотные заставляютъ таковые списывать и носятъ записки у себя запазухой. Вотъ экземпляръ одного изъ такихъ «ношенныхъ» заговоровъ.

«Господи Исусе христе Боже нашъ Помилуй насъ.

Господи Боже благослови стану я рабъ божій благословесь, и пойду перекрестесь изъ избы во двѣри изъ воротъ воротами изъ заворъ заворы въ чистое поле восточную сторону подъ красное солнце подъ младъ мѣсяцъ подъ вечернія звѣзды утреннія плакати я рабъ божій и подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю (имя рекъ) Медвеною росою умоюся утруся христовою пеленою облекуся свѣтлымъ бѣлымъ подпояшусь, пойду я рабъ божій (имя рекъ) въ восточную сторону на святой океанъ море и на океанную сторону и на бѣлый островъ и на томъ Свѣтломъ Океанѣ морѣ и на сіонской горѣ и на бѣломъ островѣ стоитъ Святая Апостольская Церковь, стоитъ сырой дубъ на томъ сыромъ дубу Сидятъ двенадцать Апостоловъ, я рабъ божій (имя рекъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли, пойдите и молите вы къ самому Истинному Христу просите и молитѣ у самого у истиннаго Христаи самъ истинный Христосъ. Отворилъ бы свою теплую пазуху и выпустилъ звѣрей шалучихъ заокованныхъ лисицъ черныхъ красныхъ и пуршистыхъ зайцовъ, черноухихъ кривоногихъ и косолапыхъ горностейлей, чернохвостыхъ рисей, коротколопыхъ росомагъ и широколопыхъ, пойду я рабъ божій (имя рекъ) во ту Святую Апостольскую Церковь и завижу напрестолѣ сидящихъ Святыхъ Апостоловъ Василья Великаго Михайла Архангела, Ксенофонта Изосима и Савватія и Климонта Священномученика и возьмите вы огненное оружіе и поѣзжайте на всѣ четыре Стороны на востокъ, западъ, полденъ и на сѣверъ гоните и палите стреляйте всякихъ звѣрей волковъ серыхъ, лисицъ черныхъ, красныхъ и пурнастыхъ зайцевъ, черноухихъ и кривоногихъ и косолопыхъ горносталей Чернохвостыхъ, рисей, Коротколапыхъ росомагъ Широколапыхъ, въ ночныхъ часахъ денныхъ и въ полуночныхъ затри дѣвятье реками затри дѣвяти морями и затри девяти ловцами, хитрыхъ и мудрыхъ, изъ заозеръ изъ под-

озеровъ изъ мелкихъ речекъ, изъ великихъ луговъ изъ чистаго поля, изъ темнаго лѣсу изъ подъ всякаго пня, изъ подъ колоды, изъ подчища, изъ подъ вершины изъ подъ всякаго куста, изъ подъ всякаго дерева, изъ подлежащаго остожья, изъ подъ сена, и они бы постарымъ тропамъ и поновымъ безъ детатки и безъ оглядка и безъ отвороту на мою путину, на мою лыжницу къ моимъ ловушкамъ къ моимъ поставушкамъ, ко клепцамъ, деревяннымъ жильнымъ и железнымъ поставушкамъ высокимъ и погребамъ глубокимъ избушкамъ теплымъ на мой путикъ и на моей лыжницѣ много питеры и эдеры Сахарны питья медвяныя пищи, и еще небываетъ милибы и елибы опасу не имели не зыку не крику ни треску ни моего Стуку Грапосту, и я рабъ божій (Имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Пресвятой Матери Божіей Покрову Богородицѣ во еси ты Матерь Вожія Покровъ богородица какъ же ты стерегла и берегла Самого Іисуса Христа Царя небеснаго крыла и укрывала своими ризами нетленными и пеленами Господними отъ всякихъ людей отъ страшныхъ и отъ попутныхъ злыхъ отъ попа отъ попадьи, отъ Діакона, Діаконицы, отъ Дьячка отъ Дьячицы отъ пономаря отъ пономарицы, отъ сутулова, Горбатова, отъ шипива, Киловатова отъ двоеротыхъ безъ зубовъ, отъ простоволоса, отъ женскаго белаго полу, отъ красныхъ волосовъ, отъ черныхъ и отъ Черемныхъ волосовъ, отъ рыжихъ и отъ белыхъ, отъ вдовы самокрутки отъ колдуна отъ колдуньи, отъ блядуна отъ блядуньи отъ вѣщія вѣщицы, отъ Старца отъ Старицы отъ мельника отъ мельничихи и отъ дѣвки простоволоски и отъ своей радости, и на пече сидящаго изъ окна гледящаго и всквось заплотъ смотрящаго и на путѣ сидящаго и вой вы вѣтры буйные холодные и совсѣхъ Четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу съ полдня и сѣвѣру прійдитѣ возмитѣ отъ злыхъ Человѣковъ всѣ злые дѣла поганые не давъ сок. . . . . (два совершенно истершіяся слова) ненавистями, возьмите и понеситѣ залѣса темные и зареки быстрые и за болота сыпучіе и на четыре грязи топучіе и тутъ таковыхъ поразитѣ и тутъ затопчитѣ и назадъ не носите и въ младѣ мѣсяцѣ и на ущербѣ и на исходѣ будьтѣ мои слова божественные тверды и крепки и Лепки, Тверже камня и востраго ножа булатнова въ томъ словѣ ключь и замокъ во сходную пятницу отдаваемые и до представленія свѣта и которые мои словеса божественные забылись не помянулъ сполна мастеръ недоучилъ или самъ позабылъ которы, прійдитѣ пріймитѣ пособитѣ и помогите мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) на мои пути и на мою лыжницу всякихъ звѣрей приведите и всѣ мои словеса божественные заедино слово и всѣ мои зубы за ѣдинъ зубъ и тѣмъ моимъ словамъ божественный ключь въ небо, а замокъ въ море подъ бѣлымъ алатыревымъ камнемъ, еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Василію Великому, Михайлу Архангелу, поставьте огненный столбъ отъ земли и до небеси въ кругъ моихъ

ловушекъ и вкругъ моихъ поставушекъ чтобъ волхвамъ восхитителямъ и колдунамъ колдунницамъ блядунамъ и блядуницамъ неохитити и не помудрити еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Якову Спутнику какъ же ты Яковъ Спутникъ стоишь при пути и при дорогѣ указываешь путь и дорогу всякому человѣку и такъ же ты Спутникъ Яковъ, стой при пути и при дорогѣ указывай Путь и дорогу на мою лыжницу въ ночныхъ часахъ въ денныхъ и въ полуночныхъ часахъ о росьвѣтѣ свѣта, и допредставленія свѣта и во вѣки вѣковъ Аминь». Подобные талисманы находятся у очень многихъ охотниковъ.

Кромѣ заговоровъ, почти у каждаго охотника имѣется «магнитъ». Магнитъ вообще играетъ въ пермяцкой жизни большую роль. Свойство магнита, по мнѣнію пермяка, распространяется на притягиваніе къ владѣльцу магнита рѣшительно всего. Взялъ магнитъ на охоту, онъ и будетъ тянуть звѣря и птицу; подвѣсилъ его къ продольнику или крюку и онъ будетъ притягивать налимовъ и другую рыбу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушки относятся къ какому-нибудь мѣстному Донъ-Жуану неособенно благосклонно, то и тутъ магнитъ оказывается незамѣнимымъ: онъ окончательно привораживаетъ дѣвицъ. «Магниты» расходятся въ нашихъ мѣстахъ въ слишкомъ большемъ количествѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ способовъ ловли звѣрей и птицъ, среди пермяковъ существуетъ еще рядъ различныхъ ловушекъ, въ которыя залавливаютъ звѣря и птицу. Всѣ эти ловушки-поставушки самаго примитивнаго устройства и не разъ были описаны.

Шкурки звѣрей всегда поступаютъ на продажу. Торгъ ими происходитъ въ с. Егвинскомъ 17 марта. Скупщики такъ монополизировали скупку шкурокъ, что продажа ихъ приноситъ только разочарованіе охотникамъ и большіе барыши покупателямъ. Лучшая куница рѣдко продается дороже 3 – 3 руб. 50 коп., а такъ какъ пермяки въ цѣнности звѣрей никакого толку не имѣютъ, то самыя цѣнныя шкурки покупаются отъ охотниковъ совсѣмъ за безцѣнокъ. Такъ, чернобурая лисица, прекраснаго качества и весьма крупная, была куплена купцемъ-милліонеромъ, изъ жалости къ охотнику, всего за 40 коп. Такіе случаи нееднничны. Они-то глав. обр. и составляютъ причину упадка охотничьяго промысла.

Рыболовнымъ промысломъ занимаются не только сами пермяки, но и пермянки и ихъ дѣти. Рыба составляетъ одно изъ наиболѣе любимыхъ кушаній пермяковъ, а потому и страсть ихъ къ рыболовству естественна. Естественно также, что это любимое кушанье никогда почти не поступаетъ въ продажу, а идетъ въ черинянн (рыбные пироги). Рыба ловится или неводами (этотъ родъ ловли мало употребителенъ, въ виду дороговизны снаряда и засоренности рѣкъ, почему снасти рвутся слишкомъ скоро), или сакомъ (наметомъ), или просто бред-

никами изъ сѣти или двухъ трехъ кусковъ самаго рѣдкаго домашняго холста. Такой бредникъ называется «недотка». Недотка самый зловредный снарядъ. Изъ мелкой рыбы варится уха или готовятся рыбные пироги и рыбныя селянки (рыба жарится съ яицами или съ картофелемъ). Часть этой же рыбешки идетъ въ ѣду и прямо сырою. Сильно нажимая пальцами на тѣло рыбешки, пермяки проводятъ пальцами отъ головы до хвоста ея и выдавливаютъ изъ рыбки ея внутренности, а затѣмъ кушаютъ ее. Крупную рыбу—лещей и налимовъ, язей и щукъ и т. п. ловятъ или удами, или на крюки, а осенью и весной въ запоры. Запоры состоятъ изъ слѣдующаго. Теченіе рѣки заграждается по ширинѣ рядомъ кольевъ, которые и переплетаются ивовыми прутьями, причемъ, приблизительно черезъ сажень, между кольями оставляютъ не заплетенное пространство, въ которое и вставляютъ на длинныхъ жердяхъ морды (плетенныя изъ ивы конусообразныя корзинки). Такія загражденія перепортили здѣсь всѣ рѣки. Рыбѣ волей-неволей приходится лѣзть въ эти корзинки и становиться добычей человѣка. Особенно много вреда приносятъ эти запоры весной, когда во время половодья рыба усердно оставляетъ на прутьяхъ запора свою икру. Какъ только вода начинаетъ спадать, икра сохнетъ или попадаетъ въ клювъ птицы. Вообще я долженъ сказать, рыба истребляется пермяками невѣроятно и ея становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Кромѣ лѣтней ловли, кой-кто занимается и зимней, но та ведется и въ маломъ размѣрѣ, и только запорами. О зимней ловлѣ рыбы другими снастями, пермяки, къ величайшему счастью рыбъ, понятія не имѣютъ.

Для болѣе успѣшнаго хода ловли рыбы употребляется магнитъ и всякаго рода заговоры. Рыбная ловля, разумѣется, находится въ полной зависимости отъ добрыхъ отношеній къ водяному, а потому для успѣха ловли необходимо постараться заблаговременно расположить его въ свою пользу, т. е. подарить его чѣмъ-нибудь. Въ противномъ же случаѣ, водяной не только не дастъ рыбы, но можетъ устроить непріятности и самому рыболову: вытолкнуть его изъ лодки, а то и утопить.

Изъ домашнихъ *ремеслъ и издѣлій* приносятъ пермякамъ пользу: кузнечное, до нѣкоторой степени плотничное и гончарное, а пермячкамъ выдѣлка домашняго холста и другой домашней одежды.

Вообще кузнецовъ у пермяковъ мало; работы ихъ ограничиваются только ковкою лошадей, свариваніемъ поломанныхъ частей и—только. Съ увѣренностью можно сказать одно: гвозди, подковы, косы, телѣжные хода, серпы и т. д. все это привозится изъ Вятской губерніи, несмотря на то, что матеріалъ въ сыромъ видѣ идетъ зачастую изъ Пермской же губерніи. Удивляться здѣсь не приходится. Откуда можетъ научиться пермякъ разнаго рода мастерствамъ, когда среди пермяковъ нѣтъ ни одного ремесленнаго училища. Сами по себѣ пермяки люди переимчи-

вые, люди способные. Намъ извѣстны такіе изъ нихъ, которые, кончивъ только мѣстную земскую школу, собственнымъ трудомъ дошли до того, что устроили въ своихъ хибаркахъ электрическое освѣщеніе. Устройство разнаго рода сельско-хозяйственныхъ орудій по моделямъ тоже совсѣмъ не рѣдкость. Обыкновенная глиняная посуда стала изготовляться на весь Инвенскій край всего пять-шесть лѣтъ, да и то благодаря сообразительности крестьянъ Юсьвинской волости, а до этого времени каждую зиму пріѣзжали изъ Вятки кустари-крестьяне и снабжали десятки тысячъ народа этимъ товаромъ, являющимся предметомъ первѣйшей необходимости. Издѣлія изъ дерева не идутъ дальше кадокъ, корытъ, лодокъ и т. п. Что касается даже ложкарнаго промысла, и тотъ отсутствуетъ, такъ какъ токарныхъ станковъ у пермяковъ не имѣется. Недалеко отъ своихъ мужей ушли и пермянки. Обыкновенная женская работа: приготовленіе къ пряжѣ льна, пряденіе его и тканье холста тѣ же, что и у насъ на всей Руси, и среди пермянокъ попадаются искусницы въ тканьѣ. Самый узоръ рисунковъ и пестръ, и не оригиналенъ. Трудно сказать, что у пермяковъ есть свои узоры, свой вкусъ.

Кромѣ домашнихъ промысловъ и работъ, пермяки каждую зиму отправляются еще въ отхожіе промыслы: на рудники, заводы, рубку дровъ и въ лѣса и т. п. Выходъ на эти работы для пермяка неизбѣженъ, такъ какъ подати и другія повинности имъ уплачиваются исключительно этими заработками. Самыя трудныя, но и самыя надежныя работы рудничныя. Здѣсь пермяковъ подряжаютъ на выработку или вывозку извѣстнаго числа пудовъ подрядчики изъ своей же братьи-крестьянъ. Тѣ, хотя и выжимаютъ все, что можно, но все же разсчитываютъ сполна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ нимъ на слѣдующій годъ никто не пойдетъ. Зато совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются работы на разнаго рода заводы, которыя сдаются по подряду или по сдѣлкѣ самихъ заводоуправленій. Здѣсь пермяку приходится жутко. Богатѣйшіе заводовладѣльцы ранней осенью посылаютъ къ пермякамъ своихъ довѣренныхъ съ предложеніемъ записаться на какую-либо работу и взять въ число ея задатокъ. Осень—самое хлѣбное, но и самое безденежное время для пермяка. Хлѣбъ еще необмолоченъ, да еще и не выяснилось, въ какой цѣнѣ будетъ, а старшина и староста уже требуютъ подати и недоимки. Дающій деньги обѣщаетъ всякія блага. Если рабочіе придутъ рано, до вскрытія рѣки, говорятъ нанимающіеся на сплавныя работы: «мы дадимъ хлѣба и работу на берегу». «Иди пилить лѣсъ на дрова—предлагаютъ другому; онъ уже давно въ бунтахъ на берегу Камы лежитъ». И идутъ, приходятъ, дѣйствительно рѣка еще не вскрылась. Работы и хлѣба нѣтъ. И ждутъ пермяки и день, и два, и недѣли, иной разъ выжидаютъ мѣсяцъ. Совсѣмъ они исхарчатся; все, что было на себѣ, проѣдятъ; иные, имѣющіе дома сотни пудовъ хлѣба, идутъ, прижатые голодомъ,

просить «Христа-ради» и, наконецъ, не вытерпѣвъ, сбѣгаютъ съ работъ. Тотъ, кто подрядился на распиловку, пришелъ и видитъ, что лѣсъ совсѣмъ не въ бунтахъ, а лежитъ въ самой рѣкѣ въ плотахъ.—«Какъ такъ, давайте его на берегъ, намъ пилить надо».—«Да еще рабочихъ нѣтъ, подождите—скоро придутъ». Ждутъ и эти рабочіе и, затѣмъ, такъ же бѣгутъ домой. Дома ихъ уже ждетъ начальство, требуетъ деньги въ подать, высылаетъ на работы, по требованію огорченнаго убѣгомъ рабочихъ завода. Не ограничиваясь этимъ, тѣ же заводы предъявляютъ къ пермякамъ еще иски о возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неотработки, а выданныя на руки сбѣжавшимъ рабочимъ деньги удерживаютъ со всей артели, при окончательномъ разсчетѣ. Что касается систематическаго обсчета рабочихъ, то о немъ можно было бы написать цѣлыя книги. Тамъ, гдѣ разсчеты ведутся на чистоту, пермяку въ рудникахъ приходится крайне тяжело отъ положенія работъ. Промозглый, до нельзя сырой воздухъ, сквозной вѣтеръ, кромѣшная тьма, вода зачастую выше щиколдки,—все это ведетъ къ массовымъ заболѣваніямъ сыпнымъ тифомъ. Совмѣстное житье въ душныхъ, вонючихъ казармахъ заставляетъ перемогающихся пермяковъ снабжать схваченной ими болѣзнью и своихъ прибывающихъ вновь сотоварищей. Тифозныя вспышки, ежегодно повторяющіяся среди пермяковъ, всегда совпадаютъ съ праздникомъ Рожд. Хр. и великимъ постомъ—временемъ возврата народа изъ рудниковъ: въ первый разъ—для взноса податей, а второй по случаю окончанія работъ. Тифъ это грозный бичъ пермяцкаго народа; здѣсь онъ никогда не переводится. Правда, онъ у насъ не такъ страшенъ, смертность, относительно говоря, незначительна, но ущербъ отъ тифа не ограничивается только смертью. Эта болѣзнь надолго лишаетъ и больного, и его семью, вслѣдствіе изоляціи, возможности добывать сторонніе заработки и сильно и надолго подрываетъ силы самого больного. На самыхъ работахъ пермякъ заслужилъ почетную репутацію хорошаго и выносливаго работника. Для пермяка нѣтъ ничего грязнаго, нѣтъ ничего не подходящаго. Разъ работа, по его мнѣнію, выгодна, онъ идетъ на нее безъ разговоровъ. Въ своей домашней, не рабочей жизни пермякъ, напротивъ, крайне лѣнивъ. «Успѣю» вотъ слово, которое можетъ быть девизомъ пермяка. Только нужда заставляетъ его бросить брагу и, одѣвшись въ шабуръ, выйти изъ избы. И взявшись за дѣло, онъ не старается закончить его. Не хватило, напримѣръ, дровъ и приходится мужику ѣхать за ними въ лѣсъ. Онъ везетъ домой цѣлую лѣсину, отрубаетъ отъ нея кусокъ, рубитъ дровъ на истоплю и уходитъ домой. Завтра, утромъ, онъ пойдетъ снова нарубить на новую истоплю: «на седне кватитъ».

При всемъ этомъ пермякъ очень любознателенъ и охотно готовъ поучиться уму-разуму. Вы не найдете ни одной школы или школки въ селахъ и деревняхъ съ пермяцкимъ населеніемъ, которая была бы не переполнена уче-

никами. Даже дѣвочекъ учатъ охотно и если учатъ менѣе, чѣмъ мальчиковъ, такъ потому, что, по мнѣнію пермяковъ, въ женскихъ школахъ учатъ немногому и не преподаютъ того, что составляетъ для дѣвочекъ самое главное—рукодѣлій. Въ школахъ же рукодѣлію не учатъ за отсутствіемъ средствъ. Разсматривая типъ народной школы, я долженъ сказать, что въ церковныя школы по первоначалу дѣтей начинали отдавать охотнѣе, но, затѣмъ, довѣріе къ нимъ было подорвано и, вѣроятно, на-долго. Теперь въ эти школы отдаютъ малышей или непринятыхъ за неимѣніемъ вакансій въ земскія школы. Пермяки говорятъ, что въ церковныхъ школахъ учатъ плохо. Почему плохо учатъ—этого они не знаютъ. По моему мнѣнію, первое и главное затрудненіе—это неимѣніе у этихъ школъ матеріальныхъ средствъ; второе — неимѣніе подходящихъ учителей и завѣдывающихъ этими школами. Конечно, у пермяковъ, какъ и вездѣ, таковыми значатся священники. Понятно, грамотѣ можетъ учить только грамотный человѣкъ, а между тѣмъ практика показываетъ намъ и совершенно обратные факты. Случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ грамотностью одного изъ завѣдывающихъ школою. Я привожу рукопись эту дословно. Прочтите ее и скажите, правъ или нѣтъ пермякъ, когда онъ говоритъ: «шоко попы учатъ». Вѣдь многаго ученія, при такомъ руководителѣ, и ждать нельзя. Вотъ документъ:

В. П. И. 14 Ноября.

Михайло Архангельской Церкви священника І—на Ш—ва отношеніе 14 Ноября 1890 г. № 16-мъ.

Въ Архангельское волостное Провленіе.

Совѣтъ Бротства Св. Стефана постоновили Журналѣ своемъ отъ 14 Морта 1890 г. За № 2-мъ заботясь опросвѣщеніи религіозно-нравственной жизни норода, открыли Пермской Губерніи при каждомъ приходѣ школы Грамотности и зыскивая причины нехожденіе мальчиковъ въ школу, нашли Припятсвія таковы, 1-е осень дожливая, грязъ, холодъ, 2-е, Зимой морозъ, вьюга, 3-е, весною розлитіе рѣкъ, а бѣдный людъ не можетъ здѣлать мольчику теплой одежды отъ чего мольчики болѣе хворроютъ тифозной горячкой, посему всѣ органы вывѣли заключеніе и обратились за разрѣшеніемъ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Епископу Влодиміру Пермскому и Соликамскому Каковый Журналъ Утвердилъ: Со-Укозаніемъ мѣстностей, напримѣръ моемъ приходѣ назначило открыть, въ деревнѣ Нижней-Лопвѣ, просить общества пособіе для школы, 1-е сторожа, 2 отопленіе, 3-е Учителю жалованье за труды, какое-либо Вознагражденіе.

По сему Всепокорнѣйше прошу Архангельское волостное Провленіе предложить на сходѣ обществу что бы они неоставили безнимапія, выбрали сторожа, доли оттопленіе, и денежное пособіе Учителю за труды. О Чемъ покорнѣйше

прошу Ар. волостное провленіе почтить меня Формально Увѣдомить. Михаило-Архангельской-церкви подписался: Священникъ I—нъ Ш—въ.

Ни одна буква въ этомъ документѣ ни прибавлена, ни убавлена. Священникъ Ш—въ завѣдывалъ и училъ ребятъ или, какъ онъ говорилъ, былъ «преподавателемъ русской граматики» болѣе пяти лѣтъ. Чему выучились у него ребята, какъ пишутъ они — я не знаю. Настоящій фактъ слишкомъ неединичный; въ противномъ случаѣ, я не обратилъ бы на него вниманія. Конечно, въ значительно болѣе мягкой формѣ, но почти тоже приходится изрѣдка наблюдать и въ земскихъ пермяцкихъ школахъ. Учителя тамъ пишутъ грамотно, но поведеніе ихъ ниже всякой критики. Повторяю, и теперь при подобныхъ учителяхъ учащихся больше, чѣмъ мѣстъ въ школахъ, особенно тамъ, гдѣ учителя стоятъ на высотѣ своего положенія; такихъ, само собой разумѣется, тоже достаточно, даже больше. Большинство выучившихся пермяковъ идутъ въ учителя, въ писаря, лѣсные сторожа и т. п. должности, навсегда порывая свою связь съ землей. Это крайне прискорбное явленіе нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ тѣмъ, что школа даетъ пока пермякамъ только кое-какія знанія, но не учитъ пермяка ни кустарнымъ промысламъ, ни сельскому хозяйству. Въ послѣднемъ, правда, нынче сдѣлана слабая попытка: открыта сельскохозяйственная школа и опытно-показательное поле, но дѣло какъ въ той, такъ и въ другомъ ведется настолько неосновательно, что крестьяне рѣшительно ничего не теряютъ, игнорируя ихъ.

Для спасенія себя отъ полнаго обезлѣсенья, пермяки принимаютъ средства, къ сожалѣнію, неудачныя по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Когда лѣсъ почти исчезъ, пермяки сознали его пользу. Правда, они и теперь истребляютъ его всѣми мѣрами, но уже не у себя, а у владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ и, въ тоже время, стараются развести свой лѣсъ взамѣнъ вырубленнаго. Такъ, въ то время, когда еще не было и рѣчи о посадкѣ деревъ (зеленыхъ праздникахъ), пермяки уже садили деревья для пробы. А между тѣмъ, едва вышелъ законъ о выдачѣ премій за лѣсоразведеніе, какъ пермяки уже получили отказъ отъ премирующаго такіе труды министерства, отказъ на просьбу не о выдачѣ медали или денегъ, а сѣмянъ. А вѣдь, пермяки хотѣли засѣять немного-немало почти двѣ тысячи десятинъ!

IV.

Васильевъ день. — Крещенскій праздникъ. — Масляница. — Великій четвергъ. — Семикъ. — Широкія и узкія субботы.—Первый громъ.—Петровъ день.—Марія Голиндуха.—Праздникъ Флора и Лавра (скотьяго бога; обряды жертвоприношеній; хожденіе въ воду; лошадиная гоньба). — Частные деревенскіе праздники. — Ярмарки. — Воровство; конокрадство. — Рождественскіе святки и игры на нихъ.—Посидѣнки или супрядки.—Зимнія помочи.

Пермякъ веселится по поводу церковныхъ празднествъ, а равно и тогда, когда онъ веселится самостоятельно, потому что желаетъ повеселиться. Вообще праздничныхъ дней у пермяковъ достаточно. Общій ихъ типъ почти одинъ и тотъ же. Сначала бываетъ богомолье, хотя распитіе бражки и кумышки до молебна не только не воспрещается, но даже считается до нѣкоторой степени бонтонностью, такъ какъ доступно только тѣмъ, кто въ состояніи, напившись до молебна, принять поповъ и всю уйму народа, что придетъ въ избу слѣдомъ за ними и не оставитъ этой избы до тѣхъ поръ, пока темная ночь не принудитъ и самыхъ выносливыхъ вспомнить о снѣ.

Первое января, какъ первый день новаго года, почти неизвѣстенъ пермякамъ, а чтится ими и называется Васильевымъ днемъ. Празднованіе этого дня начинается съ утра. Какъ только всѣ въ домѣ поднялись, домохозяинъ приглашаетъ семью помолиться. Вся семья, включая и работниковъ, становится у образовъ и втеченіе времени отъ четверти часа до получаса усердно молится, причемъ тѣ, кто не знаютъ никакихъ молитвъ, только и дѣлаютъ, что твердятъ съ глубокими вздохами: «Осподи Сусе, Осподи Сусе». По окончаніи молитвы хозяинъ направляется къ печкѣ, гдѣ заботливой рукой хозяйки еще съ вечера приготовлена теплая бражка. Выпивъ кружку браги, хозяинъ наливаетъ другую и подноситъ ее старѣйшему члену семьи, затѣмъ слѣдующему, пока не переберетъ всѣхъ. Тоже самое продѣлываютъ въ слѣдъ за хозяиномъ, по старшинству, и другіе члены семьи. Повторяю, празднованіе начинается рано, чаще еще до свѣту, съ такимъ разсчетомъ, чтобы питье браги у себя въ домѣ было закончено до разсвѣта, такъ какъ съ первыми лучами солнца мужчины уже направляются въ гости къ сосѣдямъ, гдѣ и продолжаютъ пить брагу до тѣхъ поръ, пока не слягутъ. Въ состояніи охмѣленія пермяки становятся крайне буйными и раздражительными; пустить въ это время въ ходъ ножъ, топоръ и, въ особенности, свое любимое національное оружіе «стяжекъ» (обломокъ жерди) или просто палку—ничего не стоитъ. Рѣдкій праздникъ обходится безъ крупныхъ дракъ; что же касается мелкихъ ссоръ, то таковыя на праздникахъ положительно обязательны. Женщины ведутъ

себя нѣсколько сдержаннѣе. Онѣ начинаютъ ходьбу по гостямъ только съ полудня, хотя къ вечеру и онѣ становятся въ большинствѣ случаевъ пьяными. Въ первый день праздника (всѣ праздники продолжаются по нѣсколько дней) приготовляется часамъ къ 8—9 утра завтракъ, а къ 12—1 дня обѣдъ или полдникъ. Часамъ къ 8 вечера приготовляется паужинъ, а затѣмъ всѣ ложатся спать, чтобы на завтра проснуться снова часа въ два утра и приняться за бражку. На второй и послѣдующіе дни столовъ, т. е. угощенія яствами для постороннихъ не дѣлается. Въ ночь на Васильевъ вечеръ дѣвушки пермянки бѣгаютъ на улицу погадать о своей судьбѣ, о грядущемъ счастьи и несчастьи. Обряды гаданья обще-русскіе и поэтому описывать ихъ излишне.

Въ Крещенье кой-кто и теперь, несмотря на зимнюю стужу, разъ только онъ рядился (маскировался), купается въ проруби и тѣмъ очищаетъ себя отъ грѣха. Рядомъ за толпой молящихся помѣщаются лошади, которымъ такъ же, какъ и людямъ, дается крещенская вода—лучшее средство отъ всякаго рода болѣзней. Попоивъ лошадей, пермяки гоняютъ ихъ, чтобы вся вода вошла въ нутро лошади и, так. обр., на животное оказала бы наибольшее вліяніе.

Послѣ Крещенья вплоть до масляницы у пермяковъ нѣтъ особенно чтимыхъ дней; зато масляница «празднуется» всѣми, и каждый, у кого только есть хоть какая-либо физическая возможность, не преминетъ возвратиться домой къ этому празднику, хотя бы работалъ на выгодной работѣ и за нѣсколько сотъ верстъ. Во все время масляницы пекутся рыбные пироги, готовятся различныя постряпушки и всѣ семейщики ходятъ съ ранняго утра и до поздняго вечера полупьяными. Никакихъ работъ въ эти дни нѣтъ. Всѣ кутятъ, кто только можетъ и какъ кто можетъ. Любвеобильные отцы и матери поятъ даже дѣтей, не исключая и грудныхъ, теплою бражкой. Нѣкоторые затѣйники устраиваютъ масляничный поѣздъ. Устройство его нехитро: въ маленькія дровни, на которыя брошенъ ворохъ соломы, запрягаются одна или двѣ лошади; на дровни садится масляница (одѣтый въ шубу на выворотъ и въ женское платье мужикъ, у плеча его метла). Лошади обильно изукрашены соломой. Если на одной изъ лошадей посаженъ, также съ вывороченной на изнанку шубой, мальчуганъ, то и у него на спинѣ и на головѣ болтаются пучки соломы. Для ребятъ и дѣвицъ въ каждой деревушкѣ, какъ бы она ни была мала, устраивается горка «катушка». Оффиціально празднованіе масляницы кончается въ воскресенье, хотя первый день великаго поста у пермяковъ составляетъ продолженіе масляной, но при постномъ столѣ; только со вторника, а иные и со среды кончаютъ гульбу. Можно положительно сказать, что масляница—самый разорительный для пермяковъ праздникъ и на немъ пропивается все, что у кого припасено или осталось отъ зимнихъ стороннихъ заработковъ.

Слѣдующимъ за масляницей праздниковъ является Великій четвергъ. Праздникъ этотъ отличается нѣкоторыми особенностями. Всегда рано встающіе пермяки, въ этотъ день стараются встать возможно раньше. Они вѣрятъ, что все нижеописанное только тогда исполнится, когда будетъ выполнено до восхода солнца. Проснувшійся пермякъ, вставъ на ноги, тотчасъ же хватается за ружье, разъ онъ охотникъ, и бѣжитъ съ нимъ въ поле, стараясь вернуться не съ пустыми руками, а хотя бы съ застрѣленной вороной или воробьемъ. Рыбакъ бѣжитъ къ рѣчкѣ, сталкиваетъ тамъ на снѣгъ свою лодку, кладетъ въ нее свои рыболовныя снасти и, взявъ въ руки весла, дѣлаетъ видъ, что плыветъ. Плотникъ идетъ въ лѣсъ и вырубаетъ тамъ хотя бы лычинку. Разумѣется, всякому пріятно принести что-нибудь домой, т. е. птицу, рыбу и т. п., но иногда это не удается, тогда возвращающійся дѣлаетъ видъ, что путешествіе его было вполнѣ удачно, что ему что-то попало и онъ несетъ добычу. Каждый пермякъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, старается приберечь къ этому дню сколько, нибудь мѣдяковъ и, считая ихъ, говоритъ: «разъ!.. два!.. три!.. у-у, какъ много»! Ни одна пермянка не оставитъ въ этотъ знаменательный день пустою свою печь; каждая изъ нихъ старается изо всѣхъ силъ поставить въ нее какъ можно больше кушаній; ставятъ по нѣсколько корчагъ съ пивомъ, брагой и проч. Какъ только женщина проснулась, она тотчасъ же накрываетъ столъ скатеркой и ставитъ на него хлѣбъ, соль и кувшинъ браги. Боже упаси, не накрыть стола—весь годъ придется жить въ проголодь. Накрывъ столъ, женщина открываетъ дымное окошко (отверствіе въ стѣнѣ для выпуска дыма при топкѣ печи въ курныхъ избахъ) и въ него кличетъ соотвѣтственными кличками скотъ и другую живность до птицъ включительно. Тамъ, гдѣ устроены настоящія печи, то же самое хозяйка кричитъ въ печную трубу. Благодаря такимъ мѣрамъ, пермякъ увѣренъ, что и скотъ, и птица втеченіе всего года будутъ находиться и въ цѣлости, и въ сохранности. Спѣшно управившись по хозяйству, пермянки садятся за шитье или пряжу, причемъ всѣми силами стараются сработать какъ можно больше до солнцевосхода. Мужчины кромѣ всего выше сказаннаго осматриваютъ амбары и другія мѣста складовъ хлѣба. Дома пермяковъ къ этому дню слегка прибираются и на полъ избы накладываются вѣтви можжевельника. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дѣвушки поютъ пѣсни, не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ тѣмъ особымъ обычаямъ, что сопровождаютъ этотъ праздникъ. Вакханалія, пѣсни, плясъ и глубокая вѣра пермяковъ въ чертовщину особенно становятся дикими, когда принимаешь во вниманіе благоговѣйный трепетъ истинныхъ христіанъ, ожидающихъ наступленія Страстей Господнихъ.

Не меньшимъ уваженіемъ и приготовленіями къ встрѣчѣ сопровождается и «семикъ». Ровно черезъ семь недѣль послѣ Великаго четверга въ четвергъ же

начинается празднованіе семика. Въ этотъ день, только разъ за весь годъ, души всѣхъ умершихъ, по вѣрованію пермяковъ, получаютъ отъ Господа однодневный отпускъ на землю, гдѣ и присутствуютъ при трапезѣ своихъ родственниковъ, которая совершается послѣдними въ домахъ и на могилахъ. Трапезуютъ веселыми и нарядными, чтобы не обезпокоить душу, а то она можетъ еще, замѣтивъ какіе-нибудь безпорядки, разсердиться, наслать какую-нибудь болѣзнь и тогда предстоятъ, кромѣ боли физической, еще и матеріальные расходы: надо будетъ вязать черъэшванъ и справлять экстраординарныя поминки. Души покойниковъ не только присутствуютъ при трапезѣ своихъ живыхъ родственниковъ, но пьютъ и ѣдятъ. Къ празднованію семика начинаютъ готовиться заблаговременно. Такъ, уже за недѣлю ловятъ рыбу, колютъ барановъ и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащатъ мыть какъ можно чище на ближайшую рѣчку, чтобы въ самый семикъ покойники не осудили женщинъ за нечистоплотность. За недѣлю же начинается и кумышко-и-пивоваренье, а передъ семикомъ изготовляется въ изобиліи и теплая бражка. Въ самый семикъ бабамъ не до сна: имъ въ этотъ день предстоитъ слишкомъ много работы, поэтому почти не встрѣтишь такой избы, гдѣ бы уже съ полуночи не топилась печь. Съ этого ранняго времени уже стряпаются пельмени, тупоськи (колобки, приготовляемые изъ творожнаго сыра или изъ ячной муки), оладьи, блины, шаньги, рыбныя селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся, по пасхальному, яйца. Только что покончивъ со стряпней, хозяйки все изготовленное ставятъ на столъ, а передъ иконой затепливаютъ восковую свѣчку и вся семья молится Богу. Затѣмъ, домохозяинъ приказываетъ отодвинуть столъ отъ лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко отъ стола для того, чтобы усопшимъ можно было совершенно свободно помѣститься у стола со всѣмъ ихъ скарбомъ, иногда очень многочисленнымъ. Скарбъ этотъ заключается у покойниковъ въ тѣхъ вещахъ, которыя они покрали на этомъ свѣтѣ, будучи живыми: съ этими краденными вещами покойникамъ суждено носиться вѣчно. Когда все, что приказываетъ хозяинъ, сдѣлано, хозяинъ и хозяйка оборачиваются къ столу, низко кланяются и говорятъ: «вошъшы» (кушайте). Простоявъ не менѣе получаса у стола, дымящагося кушаньями, которыя, къ тому же заранѣе надломлены для болѣе свободнаго выхода пара, служащаго, какъ уже было говорено, единственной пищей мертвыхъ душъ,— за тотъ же столъ садятся и всѣ живые. Основательно закусивъ обильной стряпней, вся семья отправляется въ церковь, а оттуда на кладбище, захвативъ съ собой и на кладбище разной стряпни, пива, браги и водки. Причемъ, чтобы кушанья можно было донести горячими, ихъ тщательно завертываютъ теплыми тряпками и одеждой. Пришедшіе накрываютъ могилу скатерткой

и, ломая пироги пополамъ, разбивая и расколупывая яйца, ставятъ все на скатертку, равно какъ и напитки, послѣ чего женщины начинаютъ свои причитанія. Причитаютъ женщины каждая на свой ладъ, причемъ жалуются умершимъ на тѣ горя и обиды, что имъ, по ихъ мнѣнію, приходится переносить отъ свекра, мужа, мачихи, снохи или братьевъ и т. д. Причитанія произносятся зачастую въ присутствіи противной стороны и, по возвращеніи причитавшихъ домой, служатъ порою поводомъ къ дальнѣйшимъ ссорамъ. Вотъ образчикъ причитанія надъ могилой матери дѣвушки, жалующейся покойницѣ на свое плохое житье отъ злой мачихи.

Мàмъ иней тэ, мàтушка,	Маменька ты, матушка,
А мыля тэ кувинъ,	А зачѣмъ ты умерла,
Да мèнэ кòлинъ	Да меня оставила
Енысвэ на грѣхъ,	Богу на грѣхъ,
Да отерысвэ на смѣхъ.	Да людямъ на смѣхъ.
Сякэй роботасэ ме кèра	Всякую работу я дѣлаю
И быдэнся унаджикъ уджва,	И всѣхъ больше работаю,
А мàчикавысъ все мèнэ видэ.	А мачиха все меня ругаетъ.
Сусѣдасъ ме ветва,	Въ сосѣди я схожу,
Да гортэ вòкта,	Да домой возвращусь,
Сыя и сыпонда мèнэ видэ	Она и за это меня ругаетъ
И сяко мèнэ шувасъ.	И всяко меня назоветъ.
И пòндасъ ювасьны:	И начнетъ спрашивать:
«Кычэ пэ тэ б...ь ветвинъ»...	«Куда ты б...ь ходила».
А àчисъ куйвэ кыджь дэчка-а-а....	А сама лежитъ (на постели) какъ свинья-я-я...

Легко себѣ представить, что будетъ у пермяка дома, если захвораетъ мачиха. Вѣдь въ этомъ случаѣ болѣзнь напущена матерью недовольной, а такъ какъ лѣченіе всякой болѣзни бьетъ пермяцкую семью по карману, то и неудовольствіе будетъ не единоличное, а всей семьи. Если въ семьѣ все обстоитъ благополучно, то причитаніе сводится къ сожалѣніямъ по поводу того, что извѣстный обрядъ или дѣло за смертью покойнаго (ницы) приходится сдѣлать уже не ему. Такъ, мать плачетъ надъ сыномъ и говоритъ, что кормить ее подъ старость, а когда она умретъ, то закрыть ея глаза ему не придется. Жена оплакиваетъ мужа въ виду того, что теперь ее и ея малыхъ дѣтушекъ уже не призрѣть ему, мужу, а если ихъ обидятъ, то и не защитить. Окончившее церковную службу духовенство совершаетъ въ это время надъ могилами усопшихъ, по приглашенію родныхъ, панихиды или литіи. Позади священниковъ идутъ люди, которымъ передается (чаще всего самими

священниками) кое-что изъ разставленнаго на могилахъ: рыбный пирогъ, селянка, блины и т. п. По уходѣ духовенства, начинается обрядъ настоящаго поминанія, тризна. Какъ мужики, такъ и бабы приглашаютъ и родныхъ, и знакомыхъ помянуть покойныхъ, кто чѣмъ можетъ. Пермякъ вообще никогда не отказывающійся отъ угощенія, въ данномъ случаѣ даже торопится исполнить просьбу приглашающихъ, чтобы тѣ не могли какъ-нибудь увидѣть въ его промедленіи желанія оскорбить память усопшихъ. Каждый пришедшій пробуетъ по немногу всего приготовленнаго, откладывая хоть нѣсколько крошекъ на могилу умершаго и, выливая на нее хоть по капелькѣ изъ питья. Забыть про голодъ покойника никто не рѣшается, мало ли чего онъ можетъ надѣлать. Если извѣстно кушанье или питье, которымъ покойный (ая) отдавалъ особенное предпочтеніе, то ихъ откладываютъ (выливаютъ) побольше: пусть не жалуется на жадность живыхъ. Когда помянуты всѣ родные и знакомые, свои и сосѣдскіе, поминальщики съ раскраснѣвшимися лицами, подъ шумный говоръ, а иной разъ и подъ звуки разухабистой пѣсни, отправляются по домамъ, гдѣ продолжаютъ поминать дорогихъ покойниковъ, вспоминая объ ихъ былыхъ добрыхъ качествахъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить, а языкъ ворочаться. Не въ рѣдкость и такіе случаи, когда чтущій покойника переусердствуетъ еще на кладбищѣ и, забывая свой обычный передъ этимъ мѣстомъ страхъ, преспокойно ложится спать на немъ, причемъ могила почитаемаго родственника становится изголовьемъ. Насколько пѣсни возвращающихся съ кладбища поминальщиковъ не сходятся съ только что совершеннымъ обрядомъ, указываютъ записанныя именно при возвращеніи поминальщиковъ съ семика пѣсни, сопровождаемыя пляской и звуками гармоніи, въ родѣ слѣдующей:

Ахъ ты, звирь ли, мой звиречокъ,
Ясной соковочокъ.
Расповадився звиречокъ
За ягодку ричьку;
Што за ягодку за ричьку—
Къ Аннушкѣ сестричкѣ.
Аннушка сестричка
По саду гулява,
Калину ломава.
Я калинушку ломава
Дружка поджидала.
Прикоди ко мньѣ звиречокъ
Во времья ты въ гости,
Когда батюшка дома ньету,
Матушка въ гостякъ,
Мивы братцы за стрѣльбою,
Мивы сестры за гульбою,
Мои сношки говубушки—
Они за роботой.
Только я, мвада мваденька,
Одна остававась,
Со звирькомъ лежала,
На правой ручкѣ держала,
Лѣвой обнимала.
Лѣвой ручкой обнимала,
Къ серчу прижимава.
Я къ сердечку прижимава,
Крѣпко чевовала.

Почти въ томъ же духѣ проводятся и другіе поминальные дни, число которыхъ значительно, хотя, должно замѣтить, празднованіе большинства остальныхъ поминальныхъ дней, сводится лишь къ подачѣ тѣхъ или иныхъ даровъ въ церковь и къ служенію, а у бѣдныхъ—къ поминанію покойныхъ.

Наибольшею популярностью пользуются изъ этихъ скорбныхъ дней широкія субботы: три субботы передъ Димитріевской, празднуемой въ ближайшую къ 26 октября субботу. Субботы эти называются широкими въ отличіе отъ остальныхъ субботъ, въ которыя также происходитъ поминаніе и которыя называются узкими. Разница между этими субботами, главн. обр., заключается въ количествѣ поминаемыхъ. Въ узкія субботы поминаются ближайшіе родственники или недавно скончавшіеся дальніе, а въ широкія поминаются рѣшительно всѣ, кто когда-либо состоялъ въ родствѣ и еще не исчезъ изъ памяти поминальщиковъ. Обрядъ поминовенія родни въ Родительскую субботу и иные поминальные празднуемые, вѣрнѣе, чтимые дни происходитъ у пермяковъ такъ же, какъ и въ широкія субботы.

Вскорѣ послѣ семика пермякамъ приходится считаться съ первымъ громомъ. Это также дѣло не изъ послѣднихъ и требуетъ нѣкотораго знанія. Вообще грома и громовержца Илью—пророка у насъ въ достаточной степени побаиваются. Хотя самое небо, по вѣрованіямъ пермяковъ, находится въ непосредственномъ владѣніи Бога, такъ, напримѣръ: Онъ небо и запираетъ, и оттыкаетъ, прямымъ слѣдствіемъ чего бываетъ засуха и дождь, но, тѣмъ не менѣе, Ильѣ пророку небо отдано для прогулокъ, отъ чего бываетъ громъ и градъ. Особенно благоговѣйно встрѣчается здѣсь первый весенній громъ. Происходитъ это отъ того, что пермяки боятся, какъ бы ихъ желанія и надежды не разбились объ этотъ громъ. Противъ грома нѣтъ ни одного заговора или наговора; точно также нѣтъ ни заговоровъ, ни наговоровъ и противъ вѣтровъ. Громовой заговоръ, какъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, совсѣмъ не отъ грома. «Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословесь и перекрестясь. Умываюсь чистою водою, утираюсь и обтираюсь бѣлымъ полотенцемъ выйду я на чистое поле, увидѣлъ я тучу и морокъ, какъ па небеса поднимаются и Оноки, и Меланіи, святую русскую землю очищаютъ, нечистаго духа и непріятную силу, какъ Илья пророкъ, скорный помощникъ, какъ онъ грянулъ и хряснулъ, всѣ поразсыпались и песокъ разсыпался, какъ зеленая вичка день и ночь дрожитъ, такъ же и отъ меня раба Божія (имя рекъ) всѣ люди боялись бы и дрожали, какъ царь царица преіужаснулись, такъ чтобы и люди пріужасались, и, душа моя у меня, слово мое—громъ, и, я же тутъ хочу заговориться, на всѣ четыре стороны, и Бѣло-каменной стѣной и булатнымъ тыномъ отъ сырой-мать земли до небеси, по шистику и по кристику и по ангелу, сѣкутъ и рубятъ, а до меня до раба человѣка не допускаетъ, будьте мои словеса крѣпки и лѣпки

тверже камня и остраго булатнаго ножа, полно-полновицею, крутоверховы, противъ слова стой и противъ зуба и тридцать три слова, чтобы были на зубахъ, и каждый часъ и каждую минуту мои словеса, чтобы были всѣ полны, что прочитала (алъ)». Заговоръ этотъ называется громовымъ потому, во первыхъ, что въ немъ упоминается о громѣ, а во вторыхъ, потому, что онъ начнетъ дѣйствовать, т. е. держать всѣхъ въ страхѣ только съ тѣхъ поръ, какъ будетъ прочтенъ при первомъ весеннемъ громѣ. Если громовой заговоръ исполненъ, а заговорившаго все-таки никто не боится, это значитъ: или первый громъ былъ раньше и заговаривающимъ пропущенъ, или же, что прежде чѣмъ заговаривающій успѣлъ окончить свой заговоръ, кто-нибудь его уже упредилъ имъ и получилъ себѣ просимое. Только разъ въ годъ, только на одинъ годъ, только один человѣкъ можетъ получить просимое въ громовомъ заговорѣ.

Говоря о громѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о кой-какихъ растерянныхъ громовержцемъ предметахъ, тѣмъ болѣе что часть ихъ находится у пермяковъ. Будучи сами прекрасными наѣздниками, пермяки и Илью пророка представляютъ себѣ ѣздящимъ по небу не иначе, какъ на верховой лошадкѣ. По повѣрью пермяковъ, лошадь эта была въ полной верховой упряжкѣ, но (времени точно никто не знаетъ) обронилъ Илья пророкъ сѣдло съ своей лошадки и оно пало въ Архангельской волости, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ. Заинтересованный разсказомъ, я осматривалъ сѣдло и нашелъ слѣдующее. На краю села находится небольшая деревянная оградка, внутри ея столбикъ съ иконой, какихъ немало встрѣчается на перекресткахъ дорогъ, и передъ нимъ огромный камень, вѣсомъ приблизительно въ 70 пудовъ. Форма этого камня, дѣйствительно, слегка напоминаетъ собой очертанія грубаго сѣдла. Въ настоящее время я не могу сказать, что представляетъ изъ себя этотъ камень. Вѣроятно, осколокъ метеора. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ошибской волости (въ 20 в. по прямому направленію) на одномъ изъ полей находится такой же камень, причемъ народная молва прямо говоритъ, что онъ упалъ съ неба, что подъ нимъ зарытъ очень большой и цѣнный кладъ. Дѣйствительно, камень этотъ точно такого же строенія, какъ и Архангельскій, только значительно больше послѣдняго.

Свойство молніи бить чаще всего въ хвойный лѣсъ извѣстно пермякамъ, но они увѣрены, что молніей Господь Богъ преслѣдуетъ всегда нечистую силу (діавола), послѣдній же, укрываясь отъ гнѣва Божьяго, естественно, спѣшитъ укрыться въ лѣстной чащѣ, гдѣ разглядѣть его уже становится дѣломъ хитрымъ. Хотя громъ и убиваетъ людей, но только не дѣвушекъ: «Илья Пророкъ съ земли дѣвокъ не воруетъ». Еслибы отъ громового удара что-либо загорѣлось, то такой пожаръ можно тушить не водой, а молокомъ и брагой.

Въ Петровъ день, а также въ послѣднее воскресенье передъ Покровомъ Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марію-Голиндуху пермяки приносятъ въ мѣстныя часовни: бараньи ноги и головы —въ первый праздникъ; курицъ и разную другую птицу (колотую)—въ послѣдній. Святые Петръ и Павелъ, равно «Егорій Краброй» считаются покровителями животныхъ; отсюда происходитъ обрядъ принесенія имъ въ жертву животныхъ. Около Петровокъ зачастую начинаютъ теряться молодые барашки то отъ хвори, то отъ деревенскихъ собакъ и отъ острыхъ зубовъ «сѣраго» пріятеля, дѣткамъ котораго тоже вѣдь надо кормиться. Тогда-то перепуганныя хозяйки и даютъ торжественное обѣщаніе принести апостоламъ одну или двѣ бараньи ноги или голову, чтобы только они сохранили ихъ скотинку. То, что случается съ мелкимъ скотомъ лѣтомъ, тоже повторяется съ молодою птицей осенью. И ястребъ, и злой человѣкъ, и хворь все преслѣдуетъ выводокъ, какъ же тутъ за сохраненіе ихъ не пожертвуешь Маріи-Голиндухѣ—«куриному богу» (точнѣе: птичьему). Дѣйствительно, въ часовняхъ, гдѣ только празднуютъ эти праздники, приносятся бараньи ноги, головы и птица въ избыткѣ. Все принесенное послѣ молебновъ поступаетъ въ пользу духовенства и употребляется таковымъ для собственныхъ нуждъ или продается имъ же, въ засоленомъ видѣ, бѣдной паствѣ по схожей цѣнѣ.

Изъ осеннихъ праздниковъ необходимо отмѣтить праздникъ Флора и Лавра,—«скотьяго бога». Этотъ праздникъ занимаетъ первенствующее значеніе между всѣми праздниками остальныхъ покровителей животныхъ. Онъ празднуется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но глав. обр. въ д. Кочѣ, Чердынскаго, и въ д. Бутылевой, Соликамскаго уѣзда. Съ прошлаго года власть не духовная, а административная запретила празднованіе въ Кочѣ. Праздникъ перенесли въ ближайшую деревеньку Соликамскаго уѣзда. Впрочемъ, такія запрещенія въ мѣстахъ, переполненныхъ старовѣрами, даже и небезопасны.—«Идите къ намъ, молитесь, какъ мы молимся, и приносите жертвы, кому хотите». Вѣдь, вотъ что говорятъ старцы, а лѣсовъ у нихъ такъ много, и пермяку, чтобы выполнить все то, что выполнялъ онъ самъ и его дѣды и прадѣды, переходъ изъ церкви православной въ старовѣрье становится даже заманчивымъ.—«Мы, если перейдешь къ намъ, ни за крестины, ни за свадьбу ничего не требуемъ». Къ кому будетъ лежать сердце? Нѣтъ, средство для борьбы съ празднествами въ честь скотьяго бога едвали выбрано удачное. Болѣе всего свѣтомъ церковнаго и школьнаго ученія надо бороться съ такими явленіями, какъ нижеописываемое. Память Флора и Лавра чествуется церковью 18 августа, но у пермяковъ сборы къ этому празднику начинаются еще задолго, а у иныхъ чуть не за цѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что когда болѣетъ какая-либо скотина, пермяки, прося покровителя животныхъ о выздоровленіи ея, даютъ обѣтъ принести часть

ея или часть другой скотины, если больная не съѣдобна, или, если скотина невелика, привести ее на веревочкѣ къ святому вмѣсто живой. Есть и такіе поклонники, что обѣщають въ жертву и очень большихъ животныхъ, напримѣръ, трехъ-четырехъ лѣтнихъ быковъ. Такіе жертвователи проживають нерѣдко за много десятковъ верстъ отъ часовенъ, гдѣ празднуется память святыхъ и поэтому отправляться имъ къ празднику приходится задолго. Къ этому же времени со всѣхъ сторонъ отправляются къ празднику и нищіе, какъ профессіоналы, такъ и любители, въ чаяніи хорошей подачки. Особенно много народа стекалось въ д. Кочѣ. Въ ночь на праздникъ то тутъ, то тамъ зажигаются большіе костры, фантастически освѣщающіе и группы народа, и тутъ же стоящій скотъ. Шумъ отъ говора, блеянія и мычанія скота, кой-гдѣ отъ пѣсенъ и пьяной ругани стоитъ всю ночь. Съ наступленіемъ же ночи начинается обрядъ жертвоприношенія животныхъ. Всѣхъ животныхъ колютъ около самой часовни, причемъ шкуры заколотыхъ остаются въ пользу часовни, а часть мяса идетъ на угощеніе богомольцевъ. Нѣкоторые богатые люди, взамѣнъ мяса и шкуры, платятъ соотвѣтственную сумму денегъ. Самое важное, такимъ образомъ, не жертва мяса, а фактъ «закланія» и принесенія за это закланіе хотя бы денегъ въ доходъ часовни. Особо приставленныя лица колютъ приведенный скотъ и слѣдятъ за исполненіемъ обряда жертвованія. Доходность отъ такого празднованія весьма велика. Такъ, напримѣръ, въ Кочу приводили иногда до 50 штукъ быковъ и множество барановъ. Въ жертву можно приносить не каждую скотину, а только «невинную» и, притомъ, мужского пола. Рознятое и пожертвованное въ пользу богомольцевъ мясо варится въ нарочно для этого устроенныхъ котлахъ неподалеку же отъ часовни. Въ варево идутъ глав. обр. ноги и головы. Поспѣвшее варево и мясо изъ него раздаются особыми сторожами; народъ рвется къ котламъ, чтобы получить хоть кусочекъ мяска, служащаго вѣрнымъ средствомъ противъ всякихъ скотскихъ болѣзней. Давка, шумъ и драка, приправляемые крупною бранью, не перестаютъ все время вокругъ часовни. Съ ранняго утра приходятъ священники и начинается служеніе молебновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ д. Бутылевой, Юсьвинской волости, къ этому времени запруживаютъ высокой плотиной мимо протекающую рѣчку и въ образовавшемся так. обр. прудѣ, подъ пѣніе духовенства, богомольцы становятся въ воду—иные по колѣна, иные на колѣни, иные заходятъ въ воду по поясъ и выше—какъ кто обѣщалъ святому. Все это происходитъ въ Пермской губерніи 18 августа, т. е. въ то время, когда нерѣдко уже бываютъ заморозки. Стояніе въ водѣ продолжается не минуту или двѣ, а все время совершенія молебна, да еще и не простого, а съ водосвященьемъ. Много ревматизмовъ, много тифа и всякой простуды уносится отъ праздниковъ святымъ, признаваемымъ пермяками за покровителей животныхъ. Намъ лично приходи-

лось видѣть немало народа, стоявшаго въ студеной водѣ по горло. Какъ только оканчивается молебствіе, священники идутъ между выстроенными въ два ряда лошадьми и окропляютъ ихъ святой водой. Въ д. Бутылевой эта шеринга простиралась въ длину, по крайней мѣрѣ, на полверсты. Затѣмъ, всѣ лошадевладѣльцы начинаютъ гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь въ потъ—признакъ всосанія воды въ кровь лошади. Разумѣется, наряду съ этимъ фигурируетъ и желаніе хвастнуть лошадью, чтобы въ первой же ярмаркѣ продать ее возможно дороже. Послѣднее обстоятельство часто бываетъ причиною нежданно-негаданной смерти спортсмена. Въ узкомъ мѣстѣ отчаянная гоньба становится особенно опасной и, вслѣдствіе столкновеній и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, много отуманенныхъ кумышкою и брагою головъ закончило свой жизненный путь преждевременно. Почти также празднуется этотъ праздникъ и въ другихъ пермяцкихъ поселкахъ.

Это празднованіе, впрочемъ только въ слишкомъ слабой степени, напоминаетъ празднованіе св. Георгія Побѣдоносца (такое празднованіе нынѣ уже выходитъ изъ моды, но раньше было повсемѣстно), когда также выгоняли скотъ, кропили его святой водой и, радуясь открывшемуся дешевому способу кормленія скота на подножномъ корму, народъ пилъ и ликовалъ.

Въ промежутокъ времени между праздникомъ «скотьяго бога» и праздниками святокъ проходитъ слишкомъ много времени, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь не отпраздновать праздника. Не знаемъ, гдѣ найдется больше частныхъ «деревенскихъ» праздниковъ, какъ у пермяковъ. Построена у насъ часовня въ въ честь Егорья,—празднуемъ его и на зимняго, и на вешняго; построена на «Микову милостиваго»,—празднуемъ его и весной, и зимой и т. д. Къ каждому празднику чтущіе его готовятся заблаговременно. Но еще болѣе благовременными считаютъ себя люди, непричастные къ празднику: уже задолго до праздниковъ начинаютъ они поговаривать о днѣ грядущемъ, и съ ранняго утра толпы народа тѣснятся около каждой избы въ чаяніи получить кружку браги, а не то и кумышки. Во время часовенныхъ праздниковъ къ приходу духовенства какъ хозяева, такъ и хозяйки нерѣдко бываютъ сильно пьяны, но все же каждый ихъ нихъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они служили у него отдѣльный молебенъ. Большинство священниковъ этому подчиняются, и нововведенія молодыхъ батюшекъ, уходящихъ изъ такихъ домовъ, встрѣчаются съ негодованіемъ.

Нельзя не отмѣтить и религіозности пермяка. Войдите вы въ его домъ: въ немъ передъ каждой иконой теплится зажженная восковая свѣчка; столъ покрытъ свѣжею скатертью, на немъ разставлены яства и питья.

Почти также непригдядно проходятъ и многочисленныя здѣсь ярмарки, чаще всего пріурочиваемыя къ часовеннымъ или церковнымъ праздникамъ. Разнообразіемъ тутъ является только кража, та кража, о которой человѣкъ, не

не знающій быта пермяковъ, не можетъ составить себѣ понятія о ней. Крадутъ всѣ, крадутъ все, что ни попало подъ руку. Попалась живая курица—хватай ее, а перья еще у живой можно ощипать по дорогѣ. Многіе для кражи отправляются изъ Соликамскаго уѣзда въ Кунгурскій и другіе. Кажется нигдѣ воровство такъ не развито, и не можетъ быть такъ развито, какъ у пермяковъ. Главная причина та, что воровство за порокъ не признается. Правда, Богъ воровства не долюбливаетъ. Но, вѣдь, не такая ужъ страшная кара полагается, чтобы бояться воровства. Самое большое наказаніе—это тасканіе покойнымъ съ собой всего, что онъ успѣлъ наворовать за земную жизнь, слѣд., чтобы воровство было полезнѣе, а отвѣтственность возможно легче, слѣдуетъ воровать только вещи негромоздскія, тогда ихъ и на томъ свѣтѣ носить будетъ нетрудно, въ особенности же при сознаніи того, что и за семиковымъ столомъ для помѣщенія ихъ достанетъ мѣста и онѣ мирной трапезѣ не помѣшаютъ. Къ воровству же вещей негромоздскихъ располагаетъ удобство скрывать ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно высокая ихъ цѣнность по сравненію съ вещами громоздкими, встрѣчающимися въ крестьянскомъ обиходѣ. Конокрадство, этотъ страшнѣйшій бичъ каждаго крестьянина, свилъ въ пермяцкомъ краѣ прочное гнѣздо, причемъ къ особенно наглымъ ворамъ здѣсь питаютъ нѣчто въ родѣ уваженія и даже благоговѣнія. Звѣрскія расправы, производимыя надъ этими любителями чужой собственности почти повсемѣстно, здѣсь рѣдки. Впрочемъ, разъ пермяка вывели изъ терпѣнія, онъ не прочь примѣнить къ конокраду не кару, не истязаніе, а мѣру исправительную: отхлестать его кнутовищемъ. Пермяки удостовѣряютъ, что мѣра эта радикальна, т. е. что послѣ ея примѣненія виновный не станетъ больше воровать. Въ данномъ случаѣ пермяки безусловно правы: наказанный так. обр. конокрадъ заканчиваетъ на третій-четвертый день послѣ пріема порки свою жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ.

Изъ числа остальныхъ особо чтимыхъ празднествъ нельзя не отмѣтить дни святочные (предъ-рождественскіе); самое же Рождество Хр. равно какъ и Пасха, здѣсь не чтятся и за праздники не признаются. Не признаются здѣсь также за праздники и большинство праздниковъ православныхъ, напримѣръ: Благовѣщеніе, Вербное воскресенье и многіе другіе. Въ недѣлю передъ Рождествомъ Хр. молодежью устраиваются различныя игры, въ большей части напоминающія наши русскіе хороводы. Игры эти имѣютъ мѣсто лишь на святкахъ, поэтому онѣ выдѣляются здѣсь изъ общаго круга игръ и пѣсенъ. Какъ святочныя, такъ и всѣ другія пермяцкія игры, въ общемъ, сводятся къ пѣнію, хожденію подъ это пѣніе молодежи кругомъ, и къ исполненію всего того, о чемъ поется въ пѣснѣ.

Крѣнъ мой, крѣнъ,
Садовой мой крѣнъ.

Кто тебья сѣяу?
Кто полевау?

Менья сѣяу Иванъ,
Поливау Силиванъ.
Силиванова жена
Крѣнъ укаживава.
Дѣвка по саду гулява,
Буйну говову чесава.
И сама при косѣ приговаривава:
Ты рости, рости коса
До шевкова пояса,
До сырой земли,
Чтобы люди глядѣли—
Завидовали.
Что завидовали
Сподзавидовали.
Ошшо ѣкали бояре
Изъ нова города,
Да завидѣли дѣвичу:
Дѣвка моетча да румянитча.
«Безъ тово дѣвка баска
(Безъ того дѣвка хороша).
Безъ того корошa,
Не бѣлися, душа,
Не румянься, душа,
Душа будь кoроша».

Когда поется эта пѣсня, всѣ дѣвушки встаютъ стаей къ дверямъ и берутся руками за дверную скобку, кавалеры же разсаживаются по лавкамъ. Какъ только пѣсня оканчивается, одинъ изъ кавалеровъ встаетъ, подходитъ къ играющимъ дѣвушкамъ и проситъ у нихъ позволенія выдернуть на свой пай «крѣновинку». Дѣвушки наперерывъ спрашиваютъ парня: на что ему хрѣнъ и высказываютъ свои, порой довольно таки циничныя догадки. Парень же отвѣчаетъ, что хрѣнъ ему нуженъ для продажи проѣзжему купцу. Повѣривъ на слово говорящему, дѣвушки позволяютъ ему выдернуть одну хрѣновинку, что тотъ и исполняетъ, причемъ выдергиваетъ почти всегда свою временную подругу жизни, съ которой отправляется на лавку. Тутъ онъ усаживается самъ, а дѣвушку садитъ къ себѣ на колѣни. Пѣсня начинается съизнова, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія дѣвушки не разсядутся на колѣняхъ своихъ благопріятелей. Послѣ же этого двѣ какихъ-нибудь дѣвушки идутъ на средину избы, обходятъ сидящихъ и спрашиваютъ: «сладокъ ли крѣнъ»? Отвѣтъ отъ всѣхъ получается одинъ и тотъ же: «горькой». Тогда дѣвушки говорятъ: «а коли горекъ, то можно и крѣнъ подсластить, подбавить сакару», причемъ цѣлуютъ другъ друга. Тотчасъ же цѣлуются и сидящія парочки, и дѣвушки сходятъ съ колѣнъ парней, чѣмъ заканчиваютъ эту игру, если парни не требуютъ повторенія пѣсни.

Либединъ мой, либединъ, либедушка бѣвая. И. т. д.; конецъ пѣсни:

Пошелъ мой—отъ лебединъ,
Во три торга торговать.
Во три торга торговать,
Закупочки закупать.
Дорогу покупку,
Шовкову плетку.
Отворите ворота,
Пропустите лебьедя.
Здраствуй, жонушка,
Здраствуй, лебедушка!
Я принесъ тебьѣ гостинечъ—
Шовкову плетку.

Погледите люди,
Жена-то мужа любитъ,
Погледите добры,
Жена-то мужа добритъ.
Къ людямъ кодитъ пличикомъ,
Ко мнѣ, радость, личикомъ.
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣвая.

При пѣніи пѣсни «Либединъ мой, либединъ» дѣвушки и парни становятся кругомъ и ходятъ въ ту или другую сторону (хороводъ водятъ), причемъ одна изъ дѣвушекъ становится въ самый кругъ. При пѣніи словъ «отворяйте ворота», кругъ разрывается пополамъ и въ него входитъ одинъ изъ парней, неся съ собой что-нибудь завернутое въ свертокъ и изображающее юбку. Свертокъ этотъ онъ подаетъ дѣвушкѣ, но та отвертывается отъ подарка и бросаетъ его на полъ; парень выходитъ изъ круга и входитъ вновь въ него при повтореніи тѣхъ же словъ «отворите ворота», причемъ приноситъ съ собой и подаетъ дѣвушкѣ взятую у кого-либо изъ играющихъ шаль или простой головной платокъ. Дѣвушка встрѣчаетъ парня еще суровѣе, она сердито смотритъ на него и бросаетъ подарокъ ему прямо въ лицо. Парень еще разъ выходитъ изъ круга, для того чтобы вновь возвратиться въ него уже съ плеткою, при словахъ: «здраствуй, женушка»! Увидѣвъ въ рукахъ парня плетку, дѣвушка сразу измѣняетъ суровое выраженіе лица на привѣтливую улыбку и низко ему кланяется. Парень же слегка стегаетъ дѣвушку плеткой, а при концѣ пѣсни цѣлуетъ ее. Этимъ заканчивается игра.

Святочныхъ гаданій и пѣсенъ у пермяковъ немного; тѣ и другія сводятся къ одному: придется или нѣтъ дѣвушкѣ выйти замужъ въ наступающемъ промежговѣньи. Выйти замужъ—это мечта пермянки. Хоть и плохо, можетъ быть, ей будетъ въ новомъ домѣ, но все же впереди ее ждетъ свой собственный кусокъ хлѣба; дома же, особенно при мачихѣ, дѣвушкѣ живется очень жутко: побои и попреки, да тяжелая, иной разъ совсѣмъ непосильная, работа. Гадая о замужествѣ, дѣвушка отнюдь не идеализируетъ его и спокойно поетъ:

Отдадимъ мы красну дѣвку
Замужъ за Ивана.
У Ивана въ саду яма,
За все будетъ пьяна.
У Пилипа въ саду липа,
За все будетъ бита.

Пермячки любятъ повеселиться и въ простое будничное время. Въ будніе дни онѣ веселятся уже нѣсколько по другому. Будничное веселье проходитъ на вечеринкахъ—посидѣнкахъ, т. наз. «супрядкахъ», когда подъ видомъ пряденія льна сходятся дѣвушки, а также подростки одной или и сосѣдней деревни къ кому-нибудь въ одну изъ до крайности маленькихъ тѣсныхъ бань поработать-позубоскалить; туда же, конечно, иногда заходятъ и молодые парни. Всѣ посидѣнки начинаются съ сумерекъ и продолжаются до поздней ночи, а иногда и ранняго утра. На супрядкахъ поются пѣсни и играются различныя игры.

Точно также поютъ и веселятся дѣвушки на зимнихъ помочахъ. Зимнія помочи устраиваются людьми болѣе или менѣе зажиточными и изрѣдка духовенствомъ. Словомъ, устраиваются тѣми, кто не въ состояніи собственными силами справиться съ пряденьемъ льна. Пришедшія на помочь дѣвицы собственно говоря, во время самой «помочи», никакой помощи хозяевамъ-устроителямъ ея не оказываютъ, а только пьютъ да ѣдятъ въ изобиліи приготовленныя яства и питія, пляшутъ да поютъ. Но зато, уходя съ помочи, онѣ получаютъ, каждая на свой пай, извѣстную часть кудели, которую должны расчесать, выпрясть въ нитки и представить, затѣмъ, хозяевамъ помочи. Если прикинуть все, что истрачивается хозяиномъ на помочь и что стоитъ дѣйствительная работа, то, конечно, становится жаль дѣвушекъ-помочанъ, отдающихъ свой трудъ ни за грошъ. Но если принять во вниманіе, что такія помочи, дѣйствительно, веселы, то станетъ понятнымъ, почему молодежь поступается горбомъ. Не приглашаемые сюда парни бродятъ по близости дома съ помочью и разсчеты ихъ иногда оправдываются. Нѣтъ-нѣтъ, кто нибудь изъ участницъ помочи исчезнетъ съ нея преждевременно. Вотъ на этихъ-то супрядкахъ и помочахъ и «созрѣваютъ», по выраженію пермяковъ, ихъ дочери. Дѣвушки невинныя считаются ими еще не созрѣвшими; о замужествѣ ихъ до періода созрѣванія думать рано—такая дѣвушка, несмотря на свои годы, считается ребенкомъ.

V.

Пѣсни.—Сказки (Кривая Лютра, Лѣнивая жена, Сказка про медвѣдя, Иванушка-дурачекъ, Глупые люди и Молодая старуха).—Присказки.—Пословицы.

Пермяцкая народная поэзія крайне бѣдна. Она представляетъ плохую передѣлку занмствованныхъ великорусскихъ пѣсенъ. На пермяцкомъ языкѣ имѣется лишь нѣсколько пѣсенъ. Народныхъ музыкальныхъ инструментовъ (нынѣ въ ходу только гармонія) у пермяковъ также нѣтъ.

Торокàнъ тэ, торокàнъ,	Тараканъ ты, тараканъ,
Торокàнъ àбу-овàнъ.	Тараканъ не живучій.
Шѐлье пыранъ-чувъены,	Въ щель залѣзешь—тычутъ,
Гòрвэ кàянъ-бокъ сòтэ.	На печь поднимешься - бокъ ожжешь.
Торокàнъ àбу-овàнъ.	Тараканъ не живучій.
Чѐлядь, пѐтамъ да мунàмъ,	Ребята, выйдемъ да пойдемъ,
Еръ гэгэрсэ гэгэртàмъ,	Около поля покружимся,
Пѣганука-сэ кутàмъ.	Пѣгануху поймаемъ.
Вàнька пòсэдзе ырàмъ,	На Ванькино крыльце зайдемъ,
Сурсэ, брàгасэ ювàмъ,	Пива, браги попьемъ,
Кòми письня висьтавàмъ.	Пермяцкую пѣсню скажемъ.

Ишшо суръ ектэ,
Ишшо бра̀га ектэ.
Учитикъ Ивано̀къ
Сэтэнъ-же бергавэ,
Кыдзь го̀ра кай вебавэ
Мэдэ ока̀вны мѐнэ.
Чѐлядь, пѐтамъ да муна̀мъ
Ыджитъ туй кузясъ.
Міе вэрасъ пыра̀мъ,
Вэрасъ ошъ сеясъ;
Міе кэзвасъ каямъ
Кэзвасъ уръ пура̀съ.
Торока̀нъ тэ, торока̀нъ,
Торока̀нъ а̀бу-ова̀нъ.

Еще пиво пляшетъ,
Еще брага пляшетъ.
Маленькій Иванъ
Тутъ же вертится,
Какъ пѣвчая птичка летаетъ,
Хочетъ поцѣловать меня.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ
По большой дорогѣ.
Мы въ лѣсъ войдемъ—
Въ лѣсу медвѣдь съѣстъ;
Мы на елку влѣземъ—
На елкѣ бѣлка загрызетъ.
Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.

—

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Прикатили го̀рьюшки!
Кыдзь ме но̀нда овнытэ?
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Га̀жа-эсэ вуинэсэ,
Га̀жа-эсэ ву̀инэсэ,
Мича-эсэ ой-эсэ!

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Пришли горести!
Какъ я буду жить-то?
Ночи и дни коротать,
Ночи и дни коротать,
Веселые дни,
Веселые дни,
Ясныя ночи!

—

Ва̀сэкъ нывка
Во̀лькытъ юра,
Кузь чикися,
Гэрдъ ленто̀чка,
Джѐнытъ го̀ля,
Гэрдъ ернэса,
Вэзъ дуба̀са,
Гэрдъ запо̀на,
Чѐчкомъ чу̀вки,
До̀рэмъ ча̀рки.

Красивая дѣвушка
Съ гладкой головой,
Съ длинной косой,
Съ красной ленточкой,
Съ короткой шеей,
Въ краснай рубашкѣ,
Въ синемъ дубасѣ,
Въ красномъ передникѣ,
Въ бѣлыхъ чулкахъ,
Въ подкованныхъ башмакахъ.

—

Бо̀ба тэ, бо̀ба,
Сѐра тэ зо̀ба,
Кычѐ бо̀ба вѐтвинъ?
Чужѐй гу̀ввэ вѐтви.

Заяцъ ты, заяцъ,
Сѣрозобый ты,
Куда заяцъ ходилъ?
Въ чужой погребъ ходилъ.

«Мый боба сёинъ?	Что заяцъ ѣлъ?
Виэнъ нянь сеи.	Масло съ хлѣбомъ ѣлъ.
Мѐнымъ колинъ-я?	Мнѣ оставилъ ли?
Коли тай, кòли.	Оставилъ, оставилъ.
Кычэ пуктъинъ?	Куда положилъ?
Джоджъ-пòнэ пуктъи	Подъ печь (на концы выходящіе изъ-подъ глинобитной печи) положилъ (русскаго термина нѣтъ) и нѣтъ.
Джоджъ-пòнасъ а̀бу.	
Ширъ на̀тьтэ сёисъ.	Мышь должно быть съѣла.
Кытэнъ ширысъ?	Гдѣ мышь?
Муэ пырисъ.	Въ землю вошла.
Кытэнъ мусъ?	Гдѣ земля?
Біѝэнъ (соччэмъ).	Огнемъ сожжена.
Кытэнъ біысъ?	Гдѣ огонь?
Ва̀энъ кусэмъ.	Водой загасился.

Эти пѣсни распѣваются на вечеринкахъ (супрядкахъ) или при играхъ круговыхъ, на какой-либо полянкѣ.

Пермяки большіе любители сказокъ. Сказокъ у нихъ много, но почти всѣ онѣ представляютъ пересказъ великорусскихъ. Здѣсь приведены только наиболѣе орыгинальныя сказки. Сказокъ на пермяцкомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.

Кривая лютра (кривая вѣдьма).

Жилъ-былъ мужикъ. Семьи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и весьма лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и знать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпаетъ, ни одежды не сдѣлаетъ, а такъ живетъ даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.—Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прясть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило.—Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее рубить, да едва успѣлъ раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ такимъ голосомъ заплакала: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Услыхалъ мужикъ плачъ и задумался: «это, видно, какая-то птица поетъ; нѣтъ, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая—за роботу хочетъ приняться; жаль будетъ, если помретъ».—Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена

давно его опередила, идетъ изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай.—На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Мужикъ снова задумался дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣтъ не стану дѣлать, вонъ у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помретъ. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ:—что̀, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.—Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужь давно тамъ. Только мужикъ за работу, а она и плачетъ такъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ». Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонъ какъ она работать хочетъ, по третій день его посылаетъ.—Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу:—что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило?—Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди.—Взяла баба мотовило, а прясть ей больно не охота. Всетаки думала, думала, да и напряла нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ:—смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не впускай, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова куделя станетъ. А вѣдь я вонъ сколько напряла—жалко будетъ.— Смекнулъ мужикъ, что хитритъ его баба. Онъ видитъ, что напрядено мало, и впустилъ въ избу собаку. Прыгнула собака черезъ кадку, зацѣпилась въниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричитъ его баба:—охъ, хозяинъ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ: не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.—Думалъ, думалъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее:—вотъ, хозяйка, идетъ праздникъ большой—Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (нарядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?—Молчи, хозяинъ, одежу я тебѣ излажу, снаряжу тебя побассѣе (по красивѣе) другихъ.—Наканунѣ праздника, взяза баба и

заколола курицу; перья съ нея ощипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣться, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-премного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся; всѣ съ него глазъ не сводятъ: кто это пришелъ? кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ-другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрежь того, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было немного. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жжетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говоритъ женѣ: — ахъ, ты, такая-сякая, что со мною наробила (сдѣлала)! Погляди-ко на меня, вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. —Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнивую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привелъ онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говоритъ: «смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи; пойдешь—худо тебѣ будетъ». А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ; и теперь на слова мужа она перечила: «а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду». Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видитъ пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести домой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулъ зыбку обратно и слышитъ, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Тащитъ онъ, тащитъ, глядь—вмѣсто его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила—кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣтъ: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говоритъ: «батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житья отъ нея намъ не стало. Спаси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придется меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу». Видитъ мужикъ,—плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора; вѣроятно, жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды

кикимору, и та сейчасъ же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дому. Услыхалъ про это мужикъ, пришелъ и похваляется: «я могу кикимору выгнать». Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ»! Кикимора сейчасъ же убѣжала изъ дому, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, нолѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она изъѣзжалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ѣсть нельзя было—не покойное житье стало. Вотъ, прослышавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: «смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съѣмъ»! Что̀ дѣлать мужику, опять его просятъ выгнать кикимору изъ дома самаго перваго богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. «Будь, что будетъ, думаетъ, пойду». Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлющая. Она закричала: «а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ». Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: «что ты, матушка, говоритъ онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ищетъ съѣсть». Быстро вылетѣла кикимора изъ дому, да прямо къ рѣчкѣ—только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Лѣнивая жена.

Мужикъ задумалъ жениться. Чтожъ, дѣло ладное. И женился. Стали молодые жить-поживать и хозяйничать. Насѣялъ мужикъ хлѣба много-премного, а дѣлать работу было некому. Вотъ онъ говоритъ женѣ: «давай, хозяйка, сваримъ пива да браги, доспѣемъ (устроимъ) помочь». Хозяйка сварила ему пиво, да на грѣхъ оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее

пиво. Вотъ она и говоритъ: — хозяинъ, на что намъ помочь дѣлать; я одна управлюсь съ дѣломъ. Только мѣсто покажи. — Ладно, сказалъ мужикъ, и пошелъ показывать бабѣ, гдѣ ихъ поля. Утромъ чуть свѣтъ баба налила себѣ полный туесъ (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлѣбныя полосы, баба сразу нажала три снопа ржи. Диву дался мужикъ, хвалитъ жену: — да ты у меня баба бойкая, одна все выжнешь! — Выжну, никого не зови, говоритъ баба. — Оставилъ мужикъ бабу на полѣ жать рожь, а самъ пошелъ на другое поле хлѣбъ сѣять. Увидала баба, что осталась одна, взяла буракъ, и давай изъ него пиво пить. Выпила все пиво заразъ и захмѣлѣла. Она положила два снопа подъ себя, а третій подъ голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядитъ, уже ночь на дворѣ, испугалась, стала охать: «экая бѣда, экая бѣда, что я надѣлала, что мнѣ хозяинъ скажетъ»! Побѣжала домой, а мужъ-то ужъ дома дожидается и вотъ спрашиваетъ ее: — что, хозяйка, много нажала? — Полоску всю, слава Богу, выжала, отвѣчаетъ заспиха. — На другое утро мужикъ повелъ свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своихъ полосъ). Пошла баба, съ собой все же захватила новый буракъ пива. Какъ мужикъ ушелъ, она напилась и проспала до полночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалитъ ее мужикъ и вѣритъ, что на самомъ дѣлѣ выжаты двѣ полосы. Пошли на третій день на новое, третье поле, мужикъ оставилъ свою бабу одну, а самъ ушелъ сѣять. Выжала баба три снопа, выпила пива, охмѣлѣла и на снопахъ уснула. Сѣялъ, сѣялъ мужикъ и думаетъ: «дай-ка пойду я, да посмотрю на хозяйку». Пришелъ мужикъ, видитъ — она спитъ. Сталъ онъ ее трясти, а она не просыпается. Осердился мужикъ и думаетъ: «ладно, ты меня обманула, такъ и я надъ тобой шутку устрою». Пошелъ онъ домой, взялъ ведро дегтю и принесъ его на поле. Мужикъ затѣмъ схватилъ бабу, поставилъ ее внизъ головой и выкупалъ ее въ дегтѣ. Такъ какъ она и послѣ этого не проснулась, то онъ оставилъ ее на полѣ. Проснулась баба, когда ужъ стало совсѣмъ темно. Хватила она себя за голову, хватила за бока и заревѣла: «вотъ бѣда, что это? кто это сдѣлалъ надо мною такую шутку? да ужъ я ли это? Нѣтъ, это не я — Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, такъ это не я; нѣтъ ея дома, такъ это я — Марфида». Баба приходитъ домой, стучитъ подъ окномъ и кричитъ: — хозяинъ, Марфида-то дома? — Дома, отвѣчаетъ. — Экая бѣда, видно, я не Марфида. Нѣтъ, думаетъ она, спрошу еще разъ: — дома ли Марфида? — Дома, дома, брагу цѣдитъ, былъ отвѣтъ. — Что я теперь стану дѣлать, стала вздыхать баба, кто я такая, ничего мнѣ не остается, какъ идти, куда глаза глядятъ! — Идетъ баба, подходитъ къ лѣсу, а тамъ у елки сидятъ разбойники. Подбѣжала къ нимъ баба и проситъ: «примите меня къ себѣ». Увидали ее разбойники и испугались:

ночью ужь очень она была страшна и—давай бѣжать, а она за ними. Бѣжали они, бѣжали, глядятъ не отстаетъ отъ нихъ чудище, все по-бабьему кричитъ. Вотъ остановились они и спрашиваютъ его: «кто ты? Иди съ нами, только не кричи». Разбойники повели съ собою Марфиду, привели къ богатому мужику и уговорились воровать у него рѣпу. Подошли они къ ямѣ, гдѣ была рѣпа, и говорятъ Марфидѣ: «полѣзай въ яму, выбрасывай рѣпу въ кучи—крупную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю такъ ѣсть». Лѣзетъ баба въ яму, выбрасываетъ изъ нея рѣпу, да сама во все горло кричитъ: «эту на пе-е-че-ен-ки, эту на па-аре-енки, эту та-акъ ѣсть»! Не кричи ты, убѣждаютъ ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать. Убѣжали разбойники, видятъ, что ихъ поймаютъ, а бабу оставили въ ямѣ. И хорошо они сдѣлали. Проснулись хозяева, пришли къ ямѣ и сильно избили бабу. Ревѣла, ревѣла баба, пошла снова по дорогѣ и опять нашла въ лѣсу тѣхъ же разбойниковъ. Не могли тѣ отъ нея отвязаться, взяли ее снова съ собою. Дошли до другого богатаго мужика. Подняли уголъ у амбара и говорятъ бабѣ: «полѣзай въ амбаръ; тамъ есть ленъ чесанный и нечесанный. Чесанный-то отбирай, да намъ бросай, а нечасаннаго намъ не надо. Только смотри не кричи». Залѣзла баба въ амбаръ, отбираетъ ленъ, а сама опять во все горло кричитъ: «этотъ ленъ че-е-еса-ано-о-й, этотъ не-ече-е-са-ан-ны-ый»! Услышали разбойники, что идутъ хозяева и убѣжали, а бабу оставили въ амбарѣ. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отпустили чуть живою. Бѣда, какъ ревѣла баба и поплелась, куда глаза глядятъ. Пришла въ лѣсъ и набрела опять на тѣхъ же разбойниковъ. Увидала ихъ баба и давай на нихъ что есть мочи кричать: «ахъ вы, такіе-сякіе, зачѣмъ вы меня одну оставили! Меня всю избили». Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать: «будь ты проклята, да на что ты къ намъ привязалась, да на что ты за нами идешь»! Они рѣшили отвязаться отъ нея. «Пойдемъ, говорятъ они ей, къ попу на островъ, тамъ у него рѣпа посѣяна». Бабѣ давно хотѣлось есть и она на это съ радостью согласилась. Черезъ рѣку отъ поповскаго дома былъ островъ. Разбойники устроили къ острову переходъ изъ гнилыхъ досокъ, переѣхали сами съ бабой на лодкѣ и говорятъ ей: «рви, баба, на островѣ рѣпу, а за это мы принесемъ тебѣ мяса». Они уѣхали на другую сторону, а баба принялась рѣпу рвать и что есть мочи кричать: «вотъ и рѣ-ѣпа, вотъ и рѣ-ѣпа-а»! Услыхали ея крикъ попъ и попадья и побѣжали на островъ по переходу, да не успѣли они дойти до половины, какъ увидала ихъ баба и, думая, что это разбойники, закричала: «мясо-то не-е-се-ете-е»? Какъ услышали это попъ и попадья, испугались и бросились обратно, а переходъ-то подъ ними подломился, они упали въ воду. Баба, какъ была, такъ и осталась, да говорятъ и теперь она еще сидитъ на островѣ.

Сказка про медвѣдя.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ были три дочери. Вотъ старикъ говоритъ старухѣ: «я пойду въ лѣсъ дрова рубить и по дорогѣ набросаю стружекъ до того мѣста, гдѣ стану рубить, а ты испеки блинки и пошли ихъ съ дочерью—она по стружкамъ найдетъ меня». Идетъ старикъ лѣсомъ, да стружки бросаетъ, а медвѣдь сидитъ за кустомъ и видитъ это. Медвѣдь стружки сталъ подбирать и бросать по дорогѣ же, да только не по той, по которой старикъ шелъ, а по дорогѣ, ведущей къ нему въ берлогу. Старикъ идетъ ничего не подозрѣвая. Старуха затопила печь, испекла блины и велѣла старшей дочери отнести ихъ. Пошла дѣвица по дорогѣ и по стружкамъ дошла до избы, а въ ней—видитъ—вмѣсто отца медвѣдь сидитъ. Весьма испугалась дѣвица, стоитъ и молчитъ, а медвѣдь говоритъ ей:—останься, дѣвушка, у меня, будь моей хозяйкой.—Нѣтъ, не останусь.—А, не останешься, такъ я тебя съѣмъ!—Съѣлъ медвѣдь дѣвушку, а кости выбросалъ на полати. Ждалъ старикъ въ лѣсу блиновъ до самаго вечера и пошелъ домой. Тутъ онъ кинулся на старуху, сталъ съ ней ругаться и бить, приговаривая: «старая карга, не обманывай, носи мнѣ блины»! На другой день старикъ опять пошелъ въ лѣсъ и наказалъ старухѣ послать ему блиновъ, по той же примѣтѣ. Медвѣдь ужъ давно его караулилъ и снова собралъ и разложилъ стружки по своему. Старуха велѣла второй своей дочери снести отцу блины. Пошла дѣвушка съ блинами и дошла до медвѣжьей избы. Зашла въ нее, а медвѣдь сидитъ на лавкѣ и говоритъ: «дѣвушка, останься у меня, будь моей хозяйкой». Со страху она и слова вымолвить не смогла и побѣжала. Медвѣдь догналъ ее, схватилъ, съѣлъ и кости на полати сбросалъ. Долго ждалъ старикъ блиновъ и, не дождавшись ихъ, пошелъ домой. Онъ опять сталъ бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посылала, старикъ всетаки не вѣрилъ. На третій день старикъ строго-на-строго наказалъ послать ему въ лѣсъ блиновъ. «Не пошлешь, старуха, прибавилъ онъ, я убью тебя». Отправляется нашъ старикъ опять въ лѣсъ и стружки, по пути, бросаетъ, а медвѣдь идетъ сзади его и стружки перебрасываетъ на свою дорогу. Старуха еще до пѣтуховъ встала и все блины печетъ. Напекла и велитъ младшей дочери снести ихъ отцу. Идетъ дѣвушка отъ стружечки къ стружечкѣ и дошла до медвѣжьей избы. Только въ избу взошла, а медвѣдь и испрашиваетъ свою гостью: «будешь, дѣвушка, моей хозяйкой, такъ останься у меня»? Испугалась дѣвушка.—Хорошо, говоритъ, останусь.—Ладно, отвѣчаетъ медвѣдь, а то я съѣлъ бы тебя.—Дѣвушка осталась жить у медвѣдя, стала хозяйничать и кормить его сладко-пресладко.

Медвѣдь какъ-то ушелъ въ лѣсъ и что-то на-долго. Долго ждала его наша дѣвушка и думаетъ: «ну-ка, погляжу я, что у него гдѣ лежитъ». Пошла она въ амбаръ—хлѣба полно. Заглянула въ другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула въ третій, а тамъ — золота до самаго потолка. Амбары-то у медвѣдя все пребольшіе, только рядомъ стоялъ малый чуланчикъ, а въ немъ находились двѣ склянки—одна съ живой, а другая съ мертвой водой. Много дивовалась дѣвушка и пошла потомъ рыться по избѣ. Все перeглядѣла, залѣзла подъ конецъ и на полати. Какъ увидала тамъ человѣчьи кости, такъ и заревѣла: «вѣдь, эти кости, должно быть, моихъ сестеръ»! Взяла она эти кости, сбѣгала въ чуланчикъ за живой и мертвой водой и стала поливать ихъ. Полила на кости сначала мертвой водой—анъ онѣ срослись, а какъ полила живой воды — появилось на нихъ тѣло. Тогда она не пожалѣла воды живой и всю ее вылила на покойницъ. Сестры ожили. Послѣ разлуки на радостяхъ онѣ стали цѣловаться и обниматься. Затѣмъ, онѣ принялись судить-рядить, какъ имъ избавиться отъ медвѣдя. Вотъ младшая сестра говоритъ: «я васъ, сестры, домой отправлю, только теперь, до поры-до времени, спрячьтесь». Только что спрятались сестры, какъ медвѣдь пришелъ изъ лѣсу. Дѣвушка накормила его и, укладывая спать, говоритъ ему:—что же это, хозяинъ, долго ли мы будемъ такъ жить? Вѣдь надо же тебѣ съ моими стариками, съ отцемъ-матерью, помириться!—Ну, такъ что, мириться, такъ мириться.—Такъ вотъ что, продолжала дѣвушка: я завтра, пока ты будешь въ лѣсу, напеку пироговъ да шанегъ, а придешь изъ лѣсу и наѣшься, пироги и шаньги унеси въ гостинецъ отцу.—Согласился медвѣдь, и когда на другой день онъ пошелъ въ лѣсъ, дѣвушка отыскала пребольшой пестерь (корзинку), выгребла изъ амбара весь хлѣбъ, ссыпала его въ пестерь, да туда же посадила старшую сестру, самый же пестерь туго-на-туго перевязала веревкой. Пришелъ медвѣдь, наѣлся, схватилъ пестерь къ себѣ на спину и пошелъ, только успѣла дѣвушка сказать ему: «смотри, дорогой пироги не ѣшь—я полѣзу на крышу и буду глядѣть». Медвѣдь бѣжалъ лѣсомъ, пріутомился и говоритъ: «уфъ, какъ я усталъ. Сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ»! Дѣвушка въ пестерѣ заплакала и молвила: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ».—Вотъ бѣда, подумалъ медвѣдь, какъ это она такъ далеко видитъ меня». Вѣдь я ужь сколько верстъ лѣсомъ прошелъ». Побѣжалъ онъ дальше. Добѣжалъ до стариковской избушки и—хресь въ ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него, да какъ принялись за его пятки, такъ медвѣдь и про пестерь забылъ, давай бѣжать. Прибѣжалъ домой, отдувается и говоритъ: «охъ, какія у васъ собаки злющія, всѣ пятки мнѣ искусали»! Дѣвушка въ оправданіе возразила: «не повѣрю я тебѣ, ни въ жизнь не повѣрю, у насъ собаки смирныя, обманываешь ты, коли говоришь, что онѣ

злющія. Ступай-ка завтра, да поклонись отцу-матери, а я напеку блиновъ и шанегъ». На другой день медвѣдь пошелъ въ лѣсъ; дѣвица напекла пироговъ, сложила въ большой пестерь все золото изъ амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медвѣдя нести пестерь отцу, для мировой. Напился, наѣлся медвѣдь, схватилъ пестерь и побѣжалъ къ старикамъ. Скоро онъ усталъ и думаетъ: «сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ». А дѣвушка изъ пестеря кричитъ: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ»! Побѣжалъ медвѣдь дальше; бѣжитъ да ворчитъ: «вотъ бѣда, и отдохнуть нельзя; какъ это она видитъ меня, вѣдь я далеко ушелъ». Прибѣжалъ къ воротамъ стариковской избушки и опять—хресь въ ворота! Собаки пуще вчерашняго кинулась на него. Схватили за его кожу у голяшекъ, да почти до самыхъ пятъ ее спустили. Освирѣпѣлъ медвѣдь, бросилъ на дворѣ пестерь, а самъ домой бѣжать. Домой прибѣжалъ злющій, весь въ крови. Вошелъ въ избу и кричитъ: «смотри-ка, что со мной ваши собаки сдѣлали, а ты все не вѣришь! Не пойду больше ни за что». Дѣвушка обласкала и урезонила его. Помирился съ нею медвѣдь и пообѣщалъ завтра еще разъ, да только въ самый послѣдній, сходить къ старикамъ на поклонъ. Дѣвушкѣ только этого и надобно было. На утро она проводила медвѣдя въ лѣсъ, напекла пироговъ; со всѣхъ ногъ бѣгаетъ-суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила въ него все шелковье, а поверхъ его пироги, да еще и для себя мѣста оставила. Приходитъ медвѣдь изъ лѣсу домой, давай дѣвушка угощать его, да такъ сладко и такъ много, что онъ едва могъ дышать.—Ну, не хотѣлъ я больше идти къ старикамъ, молвилъ медвѣдь, да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя въ послѣдній разъ: схожу къ старикамъ съ поклономъ.—Иди съ Богомъ, больше тебя посылать я не стану; въ сѣняхъ возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотрѣть на тебя.— Дѣвушка быстро побѣжала на крышу, захвативъ съ собой деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила въ свое платье и верхушку повязала своимъ платкомъ. Ступу она поставила на крышу, а сама скорѣе сбѣжала внизъ, залѣзла въ пестерь, завязалась извнутри и—сидитъ. Медвѣдь схватилъ пестерь, бросилъ его къ себѣ на спину и подумалъ: «что она тутъ наложила,—ровно камни». Медвѣдь бѣжитъ да кряхтитъ и скоро присталъ. Онъ опять захотѣлъ присѣсть на пенекъ, съѣсть пирожекъ. Но дѣвушка сейчасъ такъ жалобно завопила изъ пестеря:—вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѣшь пирожекъ!— Экая бѣда, какъ она меня видитъ. Ну, да ладно, донесу, вѣдь уже въ послѣдній разъ.—Едва добѣжалъ медвѣдь до воротъ и—хреснулъ воротами. Собакъ на него выбѣжало еще больше, еще злѣе. Какъ вцѣпились онѣ въ медвѣдя, изорвали у него въ куски всѣ ляжки; едва онъ отбился, бросилъ пестерь и побѣжалъ домой безъ оглядки. Медвѣдь бѣжитъ да равкаетъ: «погоди ты у меня,

дамъ я тебѣ почувствовать, какъ поправлюсь»! Подбѣжалъ медвѣдь къ избушкѣ и кричитъ: «слѣзай съ крыши, да отпирай двери! Слышишь, слѣзай»! Молчитъ ступа, молчитъ да на одномъ мѣстѣ стоитъ. Совсѣмъ освирѣпѣлъ медвѣдь, полѣзъ на крышу, да какъ брякнетъ по ступѣ лапой, та съ крыши о земь грохнулась и въ мелкія щепы раскололась. Тутъ только медвѣдь догадался, что дѣвушка его обманула. Заревѣлъ тутъ медвѣдь свирѣпымъ воемъ. Онъ бросился затѣмъ къ амбарамъ—вездѣ пусто. Видитъ—его въ конецъ разорили. Долго и сильно ревѣлъ онъ, а все же къ старику и старухѣ больше не пошелъ. Больно ужъ его собаки проняли.

Иванушка-дурачекъ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, а третій былъ у нихъ Иванъ-дуракъ. Вотъ задумали умные братья жениться и послали дурака на мельницу, чтобы солоду смолоть и къ свадьбѣ пива наварить. Смололъ дуракъ солодъ, идетъ съ нимъ домой, да на бѣду захотѣлось ему пить. Неподалеку была рѣчка. Подошелъ Иванъ къ рѣчкѣ, высыпалъ въ нее солодъ, напился и приходитъ домой къ братьямъ. Гдѣ солодъ? спрашиваютъ его братья. Разсказалъ имъ Иванъ, куда хмѣль дѣвалъ. Ругали его братья, да что съ дурака возьмешь. Снова они послали Ивана, чтобы онъ для нихъ хоть хмѣлю купилъ на базарѣ. Пошелъ Иванъ за хмѣлемъ, купилъ его, взвалилъ къ себѣ на плечи и несетъ. Шумитъ хмѣль за плечами, а Ивану покажись, что хмѣль ругаетъ его: «Иванъ-дуракъ, Иванъ-дуракъ»! Разсердился Иванъ: «ишь тоже всякая дрянь ругается»! И онъ выпустилъ хмѣль по вѣтру. Пришелъ домой и разсказалъ братьямъ, за что онъ на хмѣль разсердился. Ругали его братья, ругали, сходили сами за солодомъ и за хмѣлемъ и заварили пиво. Затѣмъ братья куда-то отлучились изъ избы, а Ивана оставили дома. Вотъ Иванъ вылилъ пиво на полъ, принесъ сельницу (корыто, въ которомъ сѣютъ муку и катаютъ хлѣбы), поставилъ ее на полъ, взялъ въ руки хлѣбную лопату, сѣлъ въ сѣльницу и давай по избѣ плавать. Вернулись братья и увидѣли, что Иванъ сдѣлалъ съ ихъ добромъ. Они ругали его и придумали, что для того, чтобы имъ отъ Ивана-дурака отвязаться, надо имъ убѣжать отъ него, а не то все равно онъ разоритъ ихъ. Вотъ они сложили въ мѣшки все свое имущество и стали выжидать время, когда Иванъ уйдетъ. Иванъ подкараулилъ, какъ братья имущество складывали, и залѣзъ въ одинъ изъ мѣшковъ. Видятъ братья—нѣтъ дурака. Они взвалили мѣшки къ себѣ на спины и понесли. Вотъ шли они, шли, дошли до избушки и вздумали въ ней отдохнуть. Взошли въ избушку, развязали мѣшки, а Иванъ-дуракъ тутъ: выскочилъ оттуда и закричалъ: «братья, и я съ вами»! Братья разсердились на Ивана, и

просто не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Въ наказаніе братья велѣли ему нести дверь, что была отнята ими отъ избушки. Пошли братья дальше. Идутъ они, несутъ мѣшки, идетъ и Иванъ-дуракъ и несетъ пребольшую дверь. Долго ли-коротко ли дошли братья до лѣса и вдругъ слышатъ—скачутъ разбойники. Что имъ дѣлать. Полѣзли братья на дерево и мѣшки съ собой захватили; полѣзъ за ними и Иванъ-дуракъ и дверь свою туда же затащилъ. Разбойники, какъ на грѣхъ, остановились подъ тѣмъ же деревомъ. Сидятъ разбойники подъ деревомъ и варятъ кашу. Иванъ-дуракъ все держитъ свою дверь; наконецъ, утомился и говоритъ братьямъ:—ой, братья, не могу двери удержать. —Молчи, дуракъ—они вразумляли его—попадешься ты и мы тогда изъ-за тебя пропадемъ.—Посидѣлъ, посидѣлъ Иванъ, и опять говоритъ:—братья, у меня брюхо болитъ, усидѣть не могу.—Молчи дуракъ—снова они твердили ему—попадешься разбойникамъ, и мы изъ-за тебя пропадемъ.—Терпѣлъ Иванъ, терпѣлъ, да вдругъ грохнулся съ дверью на землю и крикнулъ. Разбойники, кто куда, всѣ со страху поразбѣжались. Только одинъ изъ нихъ до того испугался, что съ мѣста сойти не могъ. Иванъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ-за пояса ножъ и обрѣзалъ имъ у разбойника языкъ. Пустился разбойникъ догонять своихъ товарищей. Онъ кричитъ имъ въ догонку: «стойте, братья, одинъ талалалекъ, одинъ талалалекъ»! Безъ языка не могъ онъ крикнуть имъ: «одинъ человѣкъ». Разбойники, услыхавъ его, подумали, что онъ кричитъ про «сто человѣкъ, сто человѣкъ» и стали убѣгать еще скорѣе. Разбойники бѣжали, бѣжали, да наконецъ одумались. «Стой, братцы,—раздался голосъ—кажется, вѣдь кто-то кричитъ: одинъ человѣкъ, одинъ человѣкъ». Остановились они и видятъ: бѣжитъ къ нимъ ихъ товарищъ; лице у него все какъ есть въ крови. Подбѣжалъ онъ близко—видятъ разбойники, что онъ безъ языка. Выспросили у него, какъ было дѣло, и повернули назадъ: да гдѣ тебѣ...

Иванъ-дуракъ вмѣстѣ съ братьями забралъ все имущество разбойниковъ и ушелъ изъ лѣсу. Онъ пришелъ домой и сталъ жить да поживать.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ощепокъ, а ощепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ заревѣтъ. Услышалъ старикъ, что ревѣтъ его старуха, пришелъ въ избу

и спрашиваетъ:—о чемъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не ревѣть. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ разскажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ ревѣть.—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: «вотъ бѣда, видно, за мной пришли; пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ». Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и распросилъ, о чемъ они ревутъ. Они разсказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плюнулъ на земь и сказалъ: «тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичѣе, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе». Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходитъ въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлѣбнутъ ложку киселя и бѣжатъ въ клить молокомъ захлебнуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачастую и наѣсться не можемъ.—Пошелъ Иванъ въ клить, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходитъ въ нее, а въ избѣ такой дымъ, что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Гладитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: «кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ». Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему; дали ему сто рублей, только бы напредь не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили. Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: «бѣгите скорѣе, узнайте, о

чемъ моя свинья пищитъ». Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости». Слуги, спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: «да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу — въ свахи, да не идетъ, говоритъ не въ чемъ». Слуги разсказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оно оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо, кричитъ баринъ.—Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей проситъ.—Дать ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.—Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходитъ, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричилъ:—чего ей еще надо?—Да вотъ, говоритъ Иванъ, проситъ она барскаго благословенія на дорогу и денегъ сколько-нибудь.—Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: забралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: «идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ—онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Молодая старуха.

Старикъ-иней тэ, старикъ-иней. Кувинъ тай, кувинъ, кòлинъ тай менэ, кòлинъ. А ме кыдзь мэдэчча, кыкъ-òта ернэсъ пасьтава чòчкомъ, сизимъ-ота дубасъ вэзъ пасьтàва, сѣра чувкиэвъ кэмàва, да сѣдъ чàрки кэмàва, шутемъ-кузясъ котэрта, кэзъ увтасъ сувтышта, кыдзь шутнèвта, моводяжысъ ме дынэ вòктасэ; ме этъ кòкэсъ мыччишта, мэдъ кòкэсъ мыччишта-нъія чàйтэны нывка, а то инька.

Свободный переводъ. Эхъ, старикъ ты мой, старикъ, напрасно ты умеръ и меня оставилъ. Возьму-ка я снаряжусь: одѣну рубаху въ двѣ полосы, а синій дубасъ въ семь полосъ, на перекось шеи надѣну платокъ, а на ноги пестрые чулки и черные башмаки. Да какъ побѣгу я по шутьму, какъ подъ елочку-то встану, изъ подъ нея какъ свисну—молодяжки-то (молодые ребята) ко мнѣ и прибѣгутъ. Я имъ какъ покажу одну ногу, какъ покажу другую, такъ они и подумаютъ, что я—дѣвка, а не баба.

Эта побасеночка единственная, какую я могъ достать на пермяцкомъ языкѣ. Такихъ побасенокъ есть, конечно, много, но всѣ онѣ черезчуръ свободны и, поэтому, для печати не пригодны.

Далѣе слѣдуютъ двѣ прискажки, почти всегда употребляемыя не передъ сказками, какъ это дѣлается у насъ, напримѣръ: «по усамъ текло», а послѣ сказокъ. Присказки говорятся однѣ сказочниками, а другія сказочницами. Вотъ какъ заканчиваетъ свои слова балагуръ-сказочникъ: «И я тутъ былъ, медъ и пиво пилъ, по усамъ бѣжало, а въ ротъ не попадало. Дали мнѣ штаны полосами, кафтанъ да колпакъ и стали въ двери толкать. Я выскочилъ и побѣжалъ, а тутъ летятъ птицы, кричатъ: «штаны полосами, штаны полосами»! А я думаю: въ штанахъ-то поросята, въ штанахъ-то поросята. Бѣгу дальше, а птицы летятъ и кричатъ: «синь да хорошъ, синь да хорошъ»! А мнѣ слышится: скинь да положъ, скинь да положь. Вотъ сбросилъ я съ себя штаны, снялъ кафтанъ, положилъ ихъ подъ кокору, да и теперь знаю подъ котору». Такъ заканчиваетъ мужчина, а женщина варіируетъ тоже въ нѣсколько иномъ видѣ: «И я тутъ была, пиво-медъ пила. Дали мнѣ синій дубасъ, рубаху полосату; дали шлыкъ. Я въ подворотню—швыркъ. За воротами дали лошадку ледяную, плетку сѣмянную, а седѣльце гороховое. Ѣхала, ѣхала, увидала пожаръ. Поставила лошадку съ сѣдломъ и съ плеткой къ огороду. Вотъ на пожарѣ мнѣ кричать: «рубаха полосата, рубаха полосата»! А я думаю: въ рубахѣ-то поросята, въ рубахѣ-то поросята. Кричатъ въ двугорядь: «дубасъ синь, да хорошъ; дубасъ синь, да хорошъ»! А я думаю: дубасъ скинь, да положь; дубасъ скинь, да положь. Рубаху я бросила, дубасъ скинула и побѣжала. Побѣжала къ лошадкѣ, а она-то и разстаяла. Посмотрѣла на плетку, ее-то воробьи расклевали, а гороховое сѣдло вороны на гнѣздо утащили. Такъ я не причемъ осталась».

Въ такомъ же духѣ можно найти нѣсколько другихъ присказокъ. Въ общемъ, всѣ онѣ похожи другъ на друга.

У всѣхъ народовъ пословицы представляютъ житейскую мудрость, облеченную въ форму остроумія, а загадки—житейское остроуміе въ формѣ иносказательной. Трудно найти народъ, не имѣющій на своемъ языкѣ ничего такого, что̀ бы можно было назвать остроумнымъ. Но еще труднѣе, порой, разобраться въ плодахъ житейскаго остроумія.

Послѣ тщательнѣйшаго разбора такого этнографическаго матеріала представляется возможнымъ изъ пермяцкихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ выбрать только нижеслѣдующія.

Изъ пословицъ большею частью великорусскихъ (характерно, впрочемъ, перековерканныхъ):

Вудливой коровѣ Вокъ рога не даетъ.

Сытый говодново не разумѣетъ.

Дальше повожишь—ближе возьмешь.

Старая собака не ваетъ на пустое дерьево.

Кривое дерьево не спрямишь, звово чевовѣка не выучишь.

Звому чевовѣку кошкой въ гваза не скочишь.

Колды сокъ падаетъ, толды и сочись.

Колды кипитъ, толды и вари.

Скоро идешь, ближе будешь; тише идешь, дальше будешь.

Пвоко лежитъ, брюко болитъ.

Пвоко не квади, вора въ грѣкъ не вводи.

Съ вовками жить—по вовчьи выть.

Рыба ишшотъ, гдѣ гвубже, а чевовѣкъ—гдѣ вучше.

Осенью по полью кодить—пирогомъ кормить, весной по полью кодить—стягомъ бить.

У говоднаго клѣбъ на памети.

Береженова Бокъ бережетъ.

Нѣтъ женика—не пойдешь за быка.

Не смѣйся горокъ надъ бобами, самъ наваляешша подъ ногами.

Не смѣйся горокъ—не бѣлѣе зубовъ.

На чужи сани не садись.

Не знаешь броду, не суйся въ воду.

Два медвѣдя въ одной бервогѣ не уживутца.

Изъ загадокъ:

И ночь и день старый чевовѣкъ мьясо крошитъ (лучина горитъ).

Воробей бѣжитъ, кровью... испражняется (лучина горитъ).

Что̀ въ избѣ красиво? (образъ).

Что̀ на спичку не повѣсишь? (яичо).

Что̀ къ стѣнѣ не привалишь? (дорогу).

Сидитъ баба на яру, рошшеперива дыру (ковшъ надъ мельничнымъ жерновомъ).

Двѣ сестры однимъ поясомъ подпоясались (колья въ изгороди).

Чотыре брата однимъ пваткомъ покрылись (столъ).

Гнѣздо повное заперто бѣвыкъ куричъ (зубы).

На краю повки медвидя кувакъ (солонка).

По стѣньѣ ремень растянувся (мохъ въ пазахъ бревенъ).

На уличѣ рогато, въ избѣ безрого (уголъ).

Запвотъ развомашь, квадешь, квадешь, не можежь скваст (щепанная лучина).

На старушкѣ-то спотѣу, да на дѣвку захотѣу, а на дѣвкѣ-то озябъ, да на старушку-то назадъ (печь и полати).

Еслибы не дѣдушковъ шунтюкъ, то бы заросла у бабушки шунтя-мунтя (замокъ).

VI.

Лѣченіе пермяковъ.—Народныя снадобья.—Заговоры.—Цѣлебная сила бани.—Зубная боль.—Лѣченіе больного въ избяной печи. — Средство «очиститься отъ суда». — Стрижка ногтей.—Подмѣнъ бѣсомъ дѣтей.—Муравьиный настой.—Земляное масло.—Отрубленный палецъ. — Болѣзнь — обезноженіе и лѣченіе ея (мыльная вода послѣ покойника). — Вытравленіе плода (снадобья, механическіе пріемы, спорынья, разминаніе живота).—Рѣзунъ трава (вспомог. средство для воровъ).—Средства для защиты отъ воровъ (челпанъ, плакунъ).—Затворъ колдуна.—Состязаніе колдуновъ.—Текстъ заговоровъ.—Примѣты.

Какъ только въ пермяцкой семьѣ кто-нибудь заболѣлъ, ему для исцѣленія даютъ то или другое изъ всѣмъ извѣстныхъ народныхъ снадобій или же зовутъ знахаря-вѣжливца. Снадобья, какъ даваемыя самими домохозяевами, такъ и вѣжливцами, имѣютъ въ массѣ случаевъ рѣшающее значеніе. Оно и неудивительно. Вѣдь иной разъ даютъ напр. сулему и мышьякъ въ большихъ дозахъ: всѣ измѣренія производятся на глазомѣръ.

Кромѣ лѣчебныхъ снадобій, у пермяковъ имѣется множество заговоровъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ. Когда пермяку случится порѣзаться или наколоться до крови, то ему рекомендуется слѣдующій заговоръ «крови»: «Въ роту не вода, въ роту не капли, какъ земля крѣпится, небо вертится, такъ же крѣпись кровь отъ раба человѣка (имя рѣкъ). Стоноись, крѣпись, станоись, крѣпись. Человѣкъ изъ булатнаго камня, а кровь будь крѣпче булатнаго камня. Аминь на аминь, какъ мать поставила, такъ же будь по старому». Еслибы, этотъ заговоръ, паче чаянія, не помогъ, а скорѣе повредилъ, то имѣется слѣдующій и уже самовѣрнѣйшій: «Шла баба по рѣчкѣ, вела быка по ниткѣ. Нитка порвалася—кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канетъ. Кровь закрѣпися, будь моя молитва крѣпка и лѣпка. Ключь мой становися. Аминь». При посредствѣ заговора можно избавиться и отъ такой болѣзни, какъ кила. Вотъ заговоръ противъ нея. «Отъ раба человѣка (имя рѣкъ), отъ бѣла тѣла третье сердце, третья кровь. Какъ Иля провокъ милостивый громомъ гремитъ, огнемъ палитъ—по землѣ очищаетъ, также очисти нечистый духъ—нечисту силу болѣзнь съ громомъ огненнымъ. Отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Сторонись, крѣпись; становись, крѣпись, какъ мать поставила, такъ же будь по старому. По всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ, отпущаемы крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественные заговоры; нечистый духъ, нечистая сила—въ болѣзняхъ хитрость-мудрость и какъ росла-выросла, также сохни высыхай. Вода мутна, вода копна, вода пробѣгшая, какъ вода проходитъ по рѣкѣ, также проходи нечистый духъ, непріятна сила».

Всѣ заговоры и наговоры главн. обр. продѣлываются въ баняхъ. Въ цѣлебную силу бани пермяки вѣрятъ слѣпо и, быть можетъ, благодаря этому безукоризненно гигіеническому средству, они еще не всѣ вымерли. Заболѣетъ малютка и бабушка живо истопитъ баню, куда тащитъ его. Тамъ, разогрѣвъ вѣничекъ, она паритъ дитя, приговаривая одинъ изъ урочныхъ заговоровъ: «Господи благослови. Дай Господи здоровья всѣмъ младенцамъ. Баенька, матушка девяностолѣтенка. Кто разхитилъ и разщипалъ и сучья и вершины, тотъ моего младенца сохрани и избавь отъ черпаго глаза, отъ бѣлыхъ глазъ, отъ рыжаго человѣка, отъ худой думы». Не остается бабушка безмолвной и въ то время, когда распариваетъ вѣникъ. Она наговариваетъ на воду: «Господи благослови. Баинька, матушка (батюшька), Соломія бабушка и теплая парушка; парила, гладила, отъ грѣховъ очистила». Кончая заговоръ, та же бабушка приговариваетъ: «Дай, Господи, тебѣ (имя рѣкъ) добраго зодоровья. Всѣ болѣзни оступитесь въ темные лѣса, на высокія кочки, въ зыбучія болота, къ старому хозяину. Избави тебя Господи, отъ всякихъ болѣзней и отъ колотья и отъ горячки и отъ шепоты-ломоты; не болите не ломите семьдесятъ семь суставовъ и семьдесятъ семь жилъ». Вѣрятъ и въ такой урочный заговоръ: «Сердце не радуйся, глаза не глядись. Ты меня не бойсь. Отъ бѣло-глазаго, черноглазаго и синеглазаго, отъ уроковъ, отъ пороковъ, отъ женскаго полу, отъ маленькихъ ребятъ, отъ долговолосыхъ, отъ русыхъ, отъ бѣлыхъ и отъ всего; будь моя молитва аминь».

Зубную боль лѣчатъ слѣд. заговоромъ, обращеннымъ къ Антипѣ—зубному цѣлителю. «Стану я рабъ Божій человѣкъ (имя рѣкъ). да перекрещуся, обуюся, да еще перекрещуся, умоюся со святой водой—ключевой; оботруся въ полотенце бѣлое и Господу Богу помолюся. Пресвятой мати Богородицѣ—Антипѣ преподобному. Одѣнуся, да еще переодѣнуся; выйду я за двери и выйду я за ворота подъ частыя звѣзды, подъ красно солнце и подъ свѣтлый мѣсяцъ; пойду я въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть океанъ море; на океанѣ морѣ есть островъ; на островѣ стоитъ соборная церква. Въ соборной церкви есть Мать Пресвятая Богородица—Антипа преподобный. Я къ ней пришелъ съ добрыми дѣлами и заповѣдями. Я вамъ покорюся и помолюся: какъ у дерева сукъ сохнетъ и посыхаетъ, также чтобъ сухъ и посыхалъ зубной червь. Пойди за темные лѣса—на сырыя болота. Какъ запираются райскія двери на 12 замковъ, на 12 дверей, также остановитесь мои слова крѣпкія—костныя и крѣпче булата. Щука въ морѣ, ключь—замокъ во рту. Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь». Так. обр. при посредствѣ подобнаго рода заговоровъ пермяки исцѣляются отъ постигающихъ ихъ болѣзней путемъ, такъ сказать, гипнотическимъ—путемъ вѣры въ лѣчебную силу извѣстнаго проходимца. Когда сила эта оказывается недѣйствительною,

здѣшніе доморощенные лѣкаря и лѣкарки обращаются къ другимъ средствамъ. Напримѣръ, одного изъ крестьянъ лѣчили отъ ревматизма тѣмъ, что запарили больного въ избяной печкѣ до смерти. Въ печку, къ тому, была поставлена корчага костей ради полученія изъ нихъ костяного дегтя. Лѣкарка, въ оправданіе неуспѣха лѣченія, положительно ссылалась на то, что больной, выходя изъ печи, переступалъ ногами не «благословесь», почему нечистый духъ «напустился» на него снова, а такъ какъ молитва дѣвы разсердила этого нечистаго духа, то онъ и набросился на мужика съ большимъ ожесточеніемъ. Врагъ отбилъ у него ральникъ (ляжку—бедро) и напустилъ на него хворость, твердила лѣкарка.

Чтобы очиститься отъ суда надо только завести: библію, черную магію и перевернуть ихъ на другую сторону. Будто бы очень помогаетъ и разжеванный печеный хлѣбъ; его только слѣдуетъ посолить возможно круче и держать въ рукѣ или за пазухой. Само собой разумѣется, средство будетъ дѣйствительнѣй, если тотъ же хлѣбъ заговорятъ. Во всякомъ случаѣ, каждому, кто идетъ въ судъ, необходимо знать, что въ порогъ присутственнаго мѣста слѣдуетъ плюнуть три раза. И вообще во всемъ жизненномъ обиходѣ надо знать подходящіе способы. Напримѣръ, стричь ногти можно, но съ тѣмъ, что ихъ необходимо прятать за собственную пазуху, такъ какъ они пригодятся каждому при подъемѣ на райскую гору.

Пермяки вѣрятъ въ силу бѣса, что онъ будто бы можетъ обмѣнить у нихъ ребенка. Противъ этого придуманы особыя мѣры. Здѣсь извѣстенъ такой случай. Ребенокъ, родившійся здоровымъ, захворалъ, значитъ бѣсъ подмѣнилъ ребенкомъ больнымъ (собственно чертенкомъ). И вотъ бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытомъ и, затѣмъ, стали рубить сѣчками по дну корыта. Потомъ онѣ переложили ребенка въ люльку и ушли изъ хаты, будучи увѣрены, что въ ихъ отсутствіи бѣсъ возьметъ обратно своего бѣсенка и возвратитъ похищеннаго ребенка: ни одинъ бѣсъ не позволитъ жить своему «рубленому ребенку», такъ какъ такой ребенокъ не только не принесетъ бѣсу никакой пользы, а даже можетъ повредить общему бѣсовскому дѣлу. Бываетъ иногда, что бѣсъ, возвративъ ребенка, потомъ уморитъ его. Чтобы не произошло послѣдняго, надо ребенка на другой день заговорить. Въ описываемомъ случаѣ ребенокъ началъ поправляться. Когда спасенный, так. обр., ребенокъ выростаетъ, онъ можетъ стать знаменитымъ колдуномъ, такъ какъ хорошо извѣстенъ чорту. Изрѣдка, при подмѣнѣ ребенка бѣсомъ, послѣдняго заставляютъ совершить размѣнъ, причемъ засаживаютъ дитя часа на два-на три въ печку. Если послѣ этой операціи ребенокъ умираетъ, значитъ это было не человѣческое дитя, а самый настоящій чертенокъ и жалѣть объ немъ

грѣхъ. Куда въ этихъ случаяхъ дѣвается настоящее дитя, пермяки объяснить не могутъ.

При наружныхъ, отчасти и внутреннихъ болѣзняхъ пермяки охотно употребляютъ муравьиный настой. Онъ изготовляется такъ: берется обыкновенная тонкогорлая стекляная бутылка, внутреннія стѣнки которой обмазываются чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ. Затѣмъ, бутылка эта вкладывается въ муравейникъ такъ, чтобы горлышко ея приходилось на уровнѣ самаго муравейника. Потревоженные муравьи начинаютъ сновать по своей кучѣ, падаютъ и залѣзаютъ въ бутылку, а колдунъ терпѣливо ждетъ, пока ихъ не налѣзетъ туда столько, сколько ему надо. Бутылку несутъ домой, наливаютъ въ нее немного водки и ставятъ на теплую печь. Здѣсь бутылка остается до тѣхъ поръ, пока всѣ муравьи отъ дѣйствія тепла и вина не разойдутся (не разложатся). Приготовленный так. обр. настой идетъ на излѣченіе многихъ болѣзней: ревматизма и водянки, въ особенности. Пермяки еще ищутъ въ муравейникахъ муравьиное масло, какъ излѣчивающее многія болѣзни, но что-то не слышно ни одного колдуна, у котораго бы оно было.

Отъ многихъ болѣзней — убѣждены пермяки — помогаетъ также земляное масло. Достать его терпѣливому человѣку труда не представляетъ. Въ каждомъ лѣсу растетъ немало грибовъ съ шляпкой, опрокинутой не книзу, а къ верху, т. е. воронкообразныхъ. Въ чашечкѣ такихъ грибовъ находится слизь. Вотъ эта-то слизь и есть земляное масло — «му-ви».

Лѣчить человѣка, помогать ему, считается у пермяковъ дѣломъ благоугоднымъ и поэтому противъ всякой болѣзни только стоитъ слово сказать, какъ насовѣтуютъ вамъ массу самыхъ разнообразныхъ и, будто бы, самыхъ радикально дѣйствующихъ средствъ. Чѣмъ средство ѣдкостнѣе, чѣмъ отъ него сильнѣе достается человѣку, тѣмъ оно излюбленнѣе. Выносливость пермяковъ относительно боли физической прямо-таки поразительна. Сильно болитъ, напр., у крестьянина зубъ. И вотъ большими кузнечными желѣзными щипцами надоѣдливый зубъ больнымъ собственноручно такъ стиснутъ, что не только зубъ, но даже десна расплющилась. «Свѣту не взвидѣлъ» операторъ, но боль перенесъ и на операцію рѣшился. Такое же пренебреженіе къ физическимъ страданіямъ замѣчается и при разнаго рода пораненіяхъ, порубахъ и т. п. несчастьяхъ. Если случается пермяку отрубить себѣ палецъ, то таковой, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить, а отнюдь не бросать. Палецъ этотъ пригоденъ для пермяка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется что-либо украсть или онъ задумаетъ ограбить кого-нибудь. Имѣя такой палецъ, можно идти въ любой домъ. Положивъ его, а не то и мертвую руку, на окно дома и бери себѣ, что нравится: никто этого не услышитъ и не увидитъ. Приэтомъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство: такой палецъ или руку надо заговорить.

Среди пермяковъ часто встрѣчается какая-то болѣзнь, выраженіемъ которой является обезноженіе. Многіе изъ пермяковъ увѣряютъ, что оно происходитъ отъ колдовства. «Только выпилъ рюмку водки отъ такого-то, какъ хватило меня за ноги, такъ съ тѣхъ поръ все хуже и хуже», слышится иногда ропотъ пермяка. Обезноженіе доводитъ пермяка до такого состоянія, что онъ можетъ передвигаться только на четверенкахъ, волоча за собою совершенно неподвижныя отъ колѣнъ ноги. Иной разсказываетъ, что обезноженіе случилось у него отъ средствъ и разныхъ лѣкарствъ, приготовленныхъ имъ самимъ (иногда и колдунами) и принятыхъ передъ солдатчиной, для избавленія отъ нея. Такимъ средствомъ считается, между прочимъ, вода, разведенная мыломъ, которымъ обмывали покойника. Пермяки увѣряютъ, что человѣкъ, выпившій такого снадобья, чернѣетъ, сохнетъ и становится неспособнымъ къ военной службѣ. Чтобы было не слишкомъ противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершеннаго опьяненія. А то недугъ обезноженія приписываютъ излишнему употребленію браги. Вѣдь въ нее для большой хмѣльности нерѣдко кладутъ такія снадобья, какъ коканъ (чемерицу), листовой табакъ и др.

Отъ болѣзни этой, какъ и отъ многихъ другихъ не лѣчатся, да и вообще, хотя къ докторамъ иногда обращаются, имъ, въ тоже время, не вѣрятъ. Ни одинъ пермякъ не скажетъ доктору причинъ заболѣванія, не откроетъ ему своего житья-бытья. Угадаетъ докторъ—хорошо; значитъ, онъ дѣльный, понимающій человѣкъ; не угадаетъ, значитъ, онъ самъ ничего не знаетъ, а только народъ морочитъ. Пермяки цѣнятъ доктора гл. обр. за то, что онъ умѣетъ помочь бабамъ во время родовъ лучше, чѣмъ бабушка, и еще за операціи. Что же касается всего другого, такъ тутъ познанія докторовъ—разсуждаютъ пермяки—слабы, напр. докторамъ даже кикиморы не выгнать, а это сдѣлаетъ у насъ каждый колдунъ. Такое докторское незнаніе явно обличаетъ въ нихъ незнакомство ихъ съ нечистой силой, а не зная ея, развѣ же можно, по мнѣнію пермяка, браться за лѣченіе народа.

При страшной нравственной распущенности пермяцкаго населенія чувство стыдливости однакожъ развито у пермяцкихъ дѣвушекъ. Это, въ данномъ случаѣ, ложное чувство заставляетъ ихъ пользоваться только любовью и избѣгать долга, съ нею сопряженнаго—беременности. Среди общей массы пермянокъ дѣла о вытравленіи плода ничтожны, но способы, нерѣдко примѣняемые для этого разнообразны. Вытравливаніе плода чаще всего производится бабушками-повитушками и преимущественно у первозабеременныхъ, такъ какъ повторно забеременныя, боясь суда и поступившіяся уже разъ чувствомъ стыда, а также ближе познакомившись съ чувствомъ материнства, рѣдко прибѣгаютъ къ этому средству. Вытравливаніе производится двумя способами: при посредствѣ пріема снадобій и при посредствѣ способовъ механическихъ. Къ первымъ необходимо

отнести: порохъ и селитру. Какъ первый, такъ и вторая употребляются въ видѣ растворовъ и пьются въ винѣ. Аббортъ слѣдуетъ вскорѣ за пріемомъ, но всегда сопровождается обильнымъ кровотеченіемъ, влекущимъ за собою въ весьма многихъ случаяхъ смерть матери, иногда же потеря крови лишь весьма обезсиливаетъ мать. Оба эти средства популярны и употребляются не только дѣвушками, но и тѣми бабами, которымъ надоѣло рожать. Въ почетѣ также спорынья. Ее ѣдятъ прямо въ зернѣ или же толкутъ и пьютъ въ видѣ порошка. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего ее пьютъ въ брагѣ. Немало лицъ совершаютъ абборть при помощи особой травы, называемой у пермяковъ «выживательницей брюха». Къ числу способовъ механическихъ нельзя не отнести разминаніе живота. Оно причиняетъ беременной страшныя страданія и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собой смерть не только ребенка, но и матери. Установить фактъ вытравливанія, пока, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда беременница осталась жива; иначе—лишь констатировать причину смерти, такъ какъ никто изъ дѣвушекъ и женщинъ не скажетъ про свое лѣченіе никому изъ родни изъ чувства стыдливости или по чувству страха: «а вдругъ выздоровѣю, да меня за это на судъ потащатъ и дома-то за хлопоты поколотятъ».

Въ травахъ пермянки ищутъ помощи не только отъ болѣзней, но и отъ разныхъ другихъ бѣдъ, которыя приключаются какъ у скота, такъ и по «домашности». Къ числу послѣдняго рода бѣдъ надо отнести крайне распространную у пермяковъ жажду поживиться на чужой счетъ. Если у кого-нибудь зудъ въ рукахъ развился на столько сильно, что—крѣпись не крѣпись—воровать все же надо, тогда остается достать «рѣзунъ траву». Эта трава будтобы обладаетъ даромъ открывать всѣ замки и двери. Обладателю ея не страшны никакія крѣпи. Нѣкоторыя трудности представляетъ умѣніе различить среди другихъ травъ эту дотолѣ невидѣнную траву. Достать ее можно только слѣд. способомъ. Ищущій траву находитъ въ лѣсу дупло, въ которомъ у дятлей выведены дѣти, и, спрятавшись не по-далеку, ждетъ, когда улетитъ дятлиха за кормомъ для дѣтей. Какъ только онъ это замѣтилъ, поскорѣе лѣзетъ къ дырѣ, ведущей въ дупло, загоняетъ въ нее деревянный гвоздь, слѣзаетъ съ дерева и прячется на прежнее мѣсто. Вскорѣ съ кормомъ для ребятъ прилетитъ самка; увидавъ, что входъ закрытъ, она поспѣшно улетитъ куда-то и, затѣмъ, возвращается съ травкой во рту. Какъ только приложитъ она эту травку, гвоздь выпадаетъ. Тогда дятелъ травку эту, какъ ненужную, выброситъ на волю. Вотъ тутъ-то и нельзя зѣвать: кто найдетъ ее—тому счастье: ни одинъ замокъ не остановитъ его, ни однѣ цѣпи не удержатъ. Конечно, въ лѣсу травъ много, можетъ быть, достанется и не та, что «рѣзуномъ» прозывается, но первые же опыты обнаружатъ подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддадутся, но онъ бываетъ даже пойманъ, значитъ, у него припасенъ не «рѣзунъ».

Извѣстны средства, употребляемыя въ защиту отъ всячески исхищренныхъ воровъ. Вотъ одно изъ, будтобы, вѣрнѣйшихъ. При похоронахъ сопровождающіе ихъ берутъ съ собой «челпанъ», который бросается первому встрѣчному. Если пермяку счастье поблагопріятствовало и ему челпанъ достался, то долженъ скорѣе взять его, откусить только одинъ разъ и принести его домой. Приэтомъ необходимо, однакоже, хранить полнѣйшее молчаніе. Кто бы ни встрѣтился и чтобы ни случилось—ни слова, ни звука. Хозяйка такого пермяка должна разрѣзать челпанъ на кусочки и высушить ихъ на сухари. Стоитъ мѣшекъ съ этими сухарями повѣсить подъ крышей дома и ни одинъ воръ не обокрадетъ его. Какъ только войдетъ воръ, хоть бы и съ «рѣзуномъ травой», такъ у него руки опустятся. Воръ сейчасъ же пойметъ, что это мѣсто отъ воровства свято и уйдетъ, ничего не тронувъ. Иначе, хозяева проснутся во-время и изловятъ вора.

Послѣ «рѣзуна» одною изъ наиболѣе употребительныхъ травъ считается трава «плакунъ». Она растетъ въ прудахъ и озерахъ. Найти плакунъ можно только случайно. Одинъ изъ колдуновъ нашелъ траву, рыбачничая въ заводскомъ пруду. Закинулъ разъ-другой мережу и вытащилъ, вмѣсто рыбы, лошадиный черепъ; изъ этого черепа, во всѣ стороны, словно свѣчки восковыя, тянулись какія-то штуки. Рыбакъ разбилъ черепъ и нашелъ въ немъ корень травы «плакуна». Мужичекъ, добывшій плакунъ, употребляетъ эту траву противъ колдуновъ, которые, поэтому, боятся его, какъ чорта, а также для излѣченія отъ цѣлаго ряда болѣзней. Плакунъ обыкновенно вшивается въ ладонку, вмѣстѣ съ воскомъ, ладономъ, при самыхъ завѣтныхъ нашептываніяхъ. Самая ладонка привѣшивается къ обыкновенному тѣльному кресту. Околдовать владѣтеля такой ладонки не можетъ ни одинъ самохитрѣйшій колдунъ. Никакой злодѣй не страшенъ никому подъ защитой ладонки: она охранитъ и сбережетъ его ото всего злого. Кромѣ того «плакунъ» можетъ быть употребленъ для «затвора колдуна». Стоитъ, въ данномъ случаѣ, владѣльцу талисмана, какъ только прошелъ черезъ двери въ его избу подозрительный человѣкъ, потихоньку снять ладонку вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ и обыковенный хлѣбный ножъ воткнуть въ дверной косякъ, а на него повѣсить ладонку и крестъ: ни за что колдуну не выйти въ двери. Весь онъ тогда во власти обладателя «плакуна». Пойдетъ такой человѣкъ къ дверямъ, а тамъ «плакунъ» не пускаетъ его, и вотъ начнетъ его всячески корчить, по полу бросать до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ «плакуна» не сжалится надъ колдуномъ и не сниметъ свой талисманъ. Разумѣется, за это съ колдуна можно выговорить сороковку-другую. Если же иной утверждаетъ, что онъ колдунъ, а между тѣмъ, несмотря на повѣшенную ладонку, изъ дому выйдетъ, то, значитъ, онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ, какихъ развелось теперь не мало.

Колдовство—дѣло не простое и имъ сразу не овладѣешь. Для этого кол-

дуну надо многое узнать и перенести. Настоящій **колдунъ**, или «**матка**», по мнѣнію пермяковъ, только тотъ, кто прошелъ сквозь пасть «лягуши-матки». Сама лягуша-матка выходитъ изъ воды не зря, а только по вызову стараго колдуна. Стараго и заправскаго колдуна **лягуша-матка** всегда слушается, и стоитъ ему назначить баню, въ которую ей надо явиться, она непремѣнно придетъ туда. Ровно въ полночь двери, назначенной для встрѣчи лягуши, бани открываются и въ нихъ появляется преогромнѣйшая лягушечья пасть. Въ эту пасть колдунъ долженъ войти и сквозь нее пройти, если онъ хочетъ стать заправскимъ колдуномъ. Лягуша-матка тоже не проста. Желая испытать твердость новичка, она отступаетъ къ самой каменкѣ: влѣзь-ка, молъ, такъ вылѣзешь въ каменку. Только особенно сильные духомъ проходятъ сквозь пасть лягуши-матки, причемъ прошедшіе и становящіеся съ этихъ поръ настоящими колдунами, иногда, какъ они утверждаютъ, проходятъ такъ, что нигдѣ за лягушину утробу не зацѣпляются—такіе, конечно, чтутся больше. Говорятъ, что и послѣ лягушечьей пасти надо испытать кой-что, напр., **залѣзть въ воду** и выйти изъ нея сухимъ. Въ данномъ случаѣ колдуну идутъ на встрѣчу колючіе ерши, громадныя коровы водяного (не дойныя). Всѣ они стараются по силѣ возможности вредить колдуну. Но тотъ, кто пройдетъ воду, можетъ смѣло идти въ водяные разбойники—грабить суда и проч. Вообще, кто прошелъ воду, тотъ пріобрѣтаетъ рѣдкій даръ сокращенія дорогъ; ему можно идти и по водѣ. Теперь тѣ же ерши и коровы поддержатъ его, какъ одного изъ своихъ начальниковъ.

Въ пермяцкомъ краѣ нерѣдко можно слышать фразу: онъ захворалъ оттого, что перешелъ по дорогѣ въ то время, какъ состязался въ силѣ (въ знаніи) колдованія съ такимъ-то (кэръ этшасисэ тэдисьезъ). Фраза эта подтверждаетъ, что и сами колдуны признаютъ себя неравносильными, и слабѣйшіе отчаянно боятся сильнѣйшихъ. Пермяку надо быть слишкомъ самоувѣреннымъ, чтобы вызвать какого-нибудь извѣстнаго вѣдуна на состязаніе. Самое **состязаніе** состоитъ изъ чтенія разнаго рода заговоровъ, бросанія другъ въ друга зажженными спичками, въ маханіи кисетами съ громовою стрѣлою и, чаще всего, заканчивается свирѣпой потасовкой, послѣ которой побѣдитель, тяжело отдуваясь, садится на лавку и шлетъ оттуда ругань, а поколоченный спѣшитъ удалиться домой.

Мнѣ удалось выманить у одного изъ колдуновъ-побѣдителей тетрадку съ тѣми заговорами, при посредствѣ которыхъ онъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ. Тетрадка состояла изъ слѣд. **заговоровъ**, будто бы, отвращающихъ разныя бѣды и напасти. Отъ **лихорадки**. «Встану я, рабъ Божій (имя рѣкъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ двери въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ синему Океану-Морю. У этаго Океана-моря стоитъ дерево Карколистъ; на этомъ деревѣ Карколистѣ висятъ: Козьма

и Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помошники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій (имя рѣкъ). Прошу великіе помошники Кузьма и Демьянъ, Лука и Павелъ, сказать мнѣ: для чего-же выходятъ изъ моря-Океана Женщины простоволосыя, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точитъ черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и составы. Здѣсь вамъ не житье—не жилише, не прокладище; Гступайте вы болота, Глубокіе озера, за быстрыя рѣки и тем(н)ыя боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки перяныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовыя, тамъ будетъ вамъ жите-жилищс, прокладилище по сей часъ, по сей день, слово мое раба Божьяго (имя рѣкъ) крѣпко, крѣпко». «Отъ звиху (отъ вывиха). Во имя отца и сына и Святаго духа... здѣсь недѣсь на синему Мори лежитъ камень бѣлый, на бѣлому камени кто седитъ, высижаѣ, изъ животой кости цвѣли выкликая: жовтая кость левовъ духъ: якъ у льву духъ не держитса, то щобъ такъ у животой кости раба Божьяго (имя рѣкъ) звихъ не держався. Миколаю угоднику, корый скорый помошнику, Месяцу ясный, князю прекрасный, стань меня у помощь, у первой разъ, у другой разъ, у третій разъ. Аминь». «Отъ пушокъ стрѣлъ, ядеръ, и пулекъ и всякаго оружія и побоища. Взнидіе на гору Господню Господа Нашего Ісуса Христа—со мною, рабомъ божіимъ (имя рѣкъ), и и святого Пророка Претечи и крестителя Господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступитѣ меня, отъ стрѣлъ и пушекъ: и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи —пятисотъ трицать человѣкъ: Молитвами святыхъ Апостоловъ и Молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ, стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ и пушечнымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ пятисотъ трицать человѣкъ всѣмъ святымъ Молитвами и Апостолами, Архангелами и Ангелами, Михаиломъ, и Гавріиломъ, и со всею Небесною силою, и со всѣми преподобными Отцами, и святыми-священномучениками, которыя за Христа Кровь свою проливали, святый Тихонъ..., всякаго супостата; святіе четыре Апостола Іоаннъ, Матвѣй, Марко, Лука, помолитса за меня Господу богу раба божьяго (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ. Слава воимя Господне, Господа Нашего Іисуса Христа. Повергни Господь вороговъ Моихъ и супостатовъ въ Океанъ въ Море и подъ бѣлый камень и каково въ замкахъ Сидѣти крепко, таково было бы слово Христово крѣпко на рабѣ божемъ (имя рѣкъ), и моихъ товаришшовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ: коли эти мои нед(р)уги изо дна моря ключи достануть, тогда меня раба божьяго (имя рѣкъ) и моихъ товаришшовъ въ заговорномъ оружіи не образитъ никакимъ ратнымъ оружьемъ: како не выходитъ, также съ также стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ, замыкаю свои приго-

воренныя словеса замкомъ, а ключь кидаю въ океанъ море, подъ горючь камень Алатырь, а какъ морю не высыкать, и меня не видать, ключей не доставать, такъ меня пушкамъ не убивать, до моего живота, имъ по конецъ вѣка недоставать». «Противъ ружья стрѣлка идущаго напротивъ или сзади. Нужно сказать ему про себя: это идетъ не стрѣлецъ съ ружьемъ, а попъ съ требникомъ; онъ идетъ не птицъ стрѣлять, а молитву давать». «Противъ Меча и Сабельныхъ ударовъ. Кованъ еси братъ. Самъ еси оловянъ, а сердце твое вошанное, ноги тво каменые отъ земли до небесъ, не укуси меня песъ, отъ ай, оба ема отъ земли кому смотрю ти очима своего брата, тогда убоитса твое серце Монхъ очей усмотренія». «На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди въ свою Матерь землю, а ты древо поди въ свою Матерь древо, а вы перья подите во свою Мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ море, а мнѣ бы рабу (имя рѣкъ) было просторно по всей землѣ. Железо, укладъ, сталь, Мѣдь, на меня не ходите, воротитесь ушьми и боками какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому дереву блиско приставать, такъ бы всѣмъ нигможно ни прямо ни тяжоло падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню какъ у мельницы жернова вертятса, такъ бы железо, укладъ, сталь и медь вѣртелисъ бы кругомъ меня и въ меня не падали, а тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не оскверняна. А будь мой приговоръ крѣпокъ и дологъ». «Отъ пищалей, стрѣлъ и кулачныхъ бойцовъ. За дальними горами есть океанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ, стоитъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ, железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьіямъ, пищалямъ и стрѣлкамъ, борцамъ и кулачнымъ бойнамъ большой завѣтъ: подите, вы железо каменьія и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (имя рѣкъ), а дерево къ берегу, а перья птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море сокройтесь отъ раба (имя рѣкъ). А велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихими и смирными. А велитъ онъ не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велитъ схватить у луковъ тивы и бросить стрѣлы на землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, твердеѣ булату, плате и колпакъ крѣпчѣ панцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками бросаю ключи подъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. А какъ подъ замкомъ смычи крѣпки, такъ мои словѣса крѣпки». «Противъ пищалей стрѣлъ и всякаго оружія. Есть море железное на томъ море камень Алатырь, на этомъ камнѣ сидитъ мужъ желѣзный царь, высота его отъ земли до небеси, заповѣдаетъ своимъ желѣз-

нымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока до запада, отъ юга до сѣвѣра, стоитъ подпершись, заказываетъ своимъ дѣтямъ, укладу ли красному и желѣзному каменному и простому и проволокѣ-желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и серебру и ядрамъ подите вы ядра, пушечнымъ ядрамъ не находить, ... пусть же идутъ мимо меня. Я рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товарищшовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ, всегда, и нынѣ и Присно и во вѣки вѣковъ Аминь». «Противъ войска. Господи. Оружіе на діавола.—Крестъ Твой далъ ели намъ трепещетъ бо и трясетса не Могій взарати на силу его, Яко Мертвыя возставляютъ и смерть упразни, сево рады кланяемса Кресту Твоему».

Въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ есть своя особенность и общая черта имъ та, что составленіе ихъ восходитъ ко временамъ сравнительно давнимъ и что всѣ они точно носятъ на себѣ какіе-то слѣды масонства. На это наводятъ слова: мастеръ, карколистъ, алатыревый камень и др.

Разумѣется, роль колдуновъ съ ихъ заговорами гораздо обширнѣе задачъ, направленныхъ на спасеніе и исцѣленіе человѣка. Все, что мы видимъ въ подлунной, все это, въ нѣкоторой степени, подчинено колдуну. Нѣтъ вещи или предмета, которые бы онъ не могъ испортить или исправить. Напримѣръ: въ доселѣ исправной печкѣ сталъ появляться безпорядокъ, она дымитъ. И вотъ надо прочесть этотъ маленькій заговоръ и печь исправится. «Какъ птица вылетаетъ по воздуху, также вылетай и нечистый духъ, непріятна сила, болѣзнь хитрость-мудрость, по указанному мѣсту; изъ 120 древъ, 120 лѣсинъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, хитрость-мудрость, по указанному мѣсту». Или: заболѣла лошадь «ногтемъ» (колики) и самое лучшее прочитать надъ нею заговоръ отъ «ногтя»: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ ногтя, отъ коня отъ Егоревскаго, Егорій храбрый, Егорій милостивый, возьми ты желѣзное копье; желѣзнымъ копьемъ тычь, тычь и подтыкивай изъ ушей, изъ ноздрей, изъ копытъ отъ печенной, отъ почечной, отъ жильной, отъ хвостовой, отъ мозговой, отъ стоячаго, отъ лежачаго и отъ внутренней крестовой, отъ катучаго; вода мутна, вода капна, вода пробѣжная, какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, нечистая сила, болѣзни хитрость-мудрость-ноготь». Или, далѣе, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть надъ ней нижеслѣд. слова: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ одношерстой, двоешерстой, троешерстой. Отъ коровушки, отъ матушки, отъ святоласьевской, отъ бѣла тѣла, отъ третьяго сердца, третьей крови, какъ Илья пророкъ милостивый, Петръ и Павелъ Верховные Апостолы,—громомъ гремитъ, огнемъ палитъ, громомъ очищеннымъ, также очисти нечистую силу, нечистый духъ громомъ огненнымъ, отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Счунись, крѣпись, стано-

вись, по всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ отпущаемъ крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественныя слова, Божественные заговоры. Нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость, какъ съ бѣлаго лебедя вода скатывается, также скатывайся хитрость-мудрость нечистаго духа. Непріятная сила болѣзнь хитрость-мудрость отъ 77 жилъ, 77 костей, отъ 77 суставовъ, ступись, крѣпись, становись, какъ мать поставила, также будь по старому. Болѣзнь хитрость-мудрость, нечистый духъ, непріятная сила, уходи къ старому хозяину, старой хозяйкѣ. По вѣтру пришла, такъ поди по вѣтру, на пустыя мѣста, за темные лѣса, на болотныя мѣста, на зыбучія болота, куда люди не попадаютъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь».

Вліяніе и значеніе всякихъ заговоровъ держатся въ здѣшнемъ краѣ на томъ, что пермякъ весьма суевѣренъ. Онъ вѣритъ, напр., что если захворалъ вечеромъ—помрешь, утромъ—выздоровѣешь. Захворалъ въ Благовѣщенскій день—умрешь, а въ другой какой—выздоровѣешь, а не помрешь. Если ребенокъ родится въ ущербъ—помретъ, а при нарожденіи луны—жить будетъ, и т. п.

Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ примѣтъ.

Лошадь копытомъ бьетъ—къ ведру, ногами переступаетъ—къ дождю.

Собака траву ѣстъ, а кошка блюетъ—къ дождю.

Лучина при горѣніи трещитъ—къ морозу; большой нагаръ на ней—къ теплу.

Лучина сильно дымитъ—къ снѣгу.

Вороны и гуси купаются—къ дождю.

Гусь на одной ногѣ стоитъ—къ морозу.

Кошка царапается—къ сильному вѣтру съ сѣвера; спитъ и прячетъ морду—къ холоду, а поднимаетъ ее вверхъ—къ теплу.

Стоитъ морозъ и начинаетъ пощелкивать—къ теплу.

Ворона кричитъ на полдень—къ теплу, а на сѣверъ—къ холоду.

Солнце встаетъ и первые лучи бросаетъ на лѣсъ—къ дождю.

Рыба кровяниста—къ дождю.

Солнце прячется за тучи или галки летаютъ стаями или ласточки рѣютъ—къ дождю.

Курица носомъ о земь стучитъ—къ дождю, а порхается—къ дождю или къ вьюгѣ.

Ночь на Васильевъ день (1 января) звѣздная—малина уродится.

Ночь на сорокъ мучениковъ или въ этотъ день дождь или снѣгъ—будетъ много грибовъ и ловъ рыбы будетъ хорошъ.

Холодъ въ расцвѣтъ черемухи—много ягодъ и лѣто хорошее.

Рябины много—лѣто будетъ дождливое.

Сильный первый громъ—хорошій урожай, нѣтъ—плохой.

Недѣля передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ съ сѣвернымъ вѣтромъ—урожай, нѣтъ—будетъ плохо.

Много ягодъ на ели (почекъ)—урожай льна.

Иней на бабье лѣто (1 сентября)—хлѣбъ замерзнетъ.

Бабье лѣто хорошее и теплое—осень сухая.

Работать въ Благовѣщенье—быть несчастью.

Курица клокчетъ утромъ—къ несчастью; того же жди, когда она кричитъ, садясь на насѣстъ.

Весь листъ по осени съ березъ опалъ—годъ тяжелый; если нѣтъ—легкій.

Деньги въ землю прятать—къ потерѣ.

Встрѣтить, при путешествіи, кого-нибудь съ деньгами, пересѣкающимъ дорогу—потерять деньги.

Утирать руки мѣшкомъ—быть ногтоѣду.

Встать утромъ и сразу не умыться—насморкъ получить.

Отдать въ люди парное молоко—испортить его у коровы.

Дать хлѣбъ взаймы до солнца—обѣднѣть.

Первая встрѣча не мужикъ, а баба или дѣвка—не къ добру.

Первая встрѣча свинья или возъ съ хлѣбомъ—къ добру; попъ—плохо.

Гдѣ въ Благовѣщеньевъ день тучи идутъ—быть на томъ мѣстѣ граду.

Встать на мѣсто, гдѣ баба ухватомъ повертѣла—восцу (мучительная болѣзнь) получить.

Если изъ этого малаго перечня примѣтъ исключить примѣты метеорологическія и сельскохозяйственныя, то на долю пермяцкой мудрости останется совсѣмъ немного.

Неудивительно, что среди столь суевѣрныхъ и довѣрчивыхъ пермяковъ можетъ поселиться, подъ видомъ лѣшаго, отъявленный мошенникъ, съ безумною наглостью обирающій народъ (напр., извѣстенъ фактъ появленія въ 80 гг. прошлаго вѣка Чердынскаго крестьянина).

VII.

Историческій эпизодъ (1860 гг.) изъ жизни инвенскихъ крестьянъ.—Манифестъ 19 февраля 1861 г.— Ликованіе крестьянъ по этому поводу.—Составъ служащихъ въ управленіи имѣніями гр. Строгановыхъ. — Причины, вызвавшія недоразумѣнія и волненія крестьянъ.— Умиротвореніе волненій и стоимость ихъ.

19 февраля 1861 года, по могучему слову Царя-Освободителя, вышли изъ крѣпостной зависимости и крестьяне Инвенскаго края. Радость ихъ была неописуема. Впрочемъ, должно замѣтить, что этимъ крѣпостнымъ крестьянамъ жилось у послѣдней ихъ владѣлицы, графини Н. П. Строгановой, весьма хорошо. Это была въ высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сихъ поръ чтится пермяками. Высочайшій манифестъ былъ объявленъ крестьянамъ Инвенскаго края въ мартѣ мѣсяцѣ приставомъ Юдинымъ, въ присутствіи управлявшаго Инвенскимъ окружнымъ правленіемъ В. Ф. Гилева. Въ частности, въ с. Егвинскомъ объявленіе произошло 14 марта, въ 5 ч. вечера. Послѣ прочтенія манифеста слышались въ народѣ возгласы: «наконецъ-то, теперь мы—царскіе». Народъ устраивалъ шумныя оваціи приставу и управляющему. Словомъ, заря свободы засвѣтилась такъ ярко, была привѣтствована такъ радостно, что никому и въ голову не приходило, что можетъ вскорѣ грянуть буря и разразиться волненіемъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ недавно привѣтствовали, въ лицѣ управляющаго, свою добрую помѣщицу [1].

Виновниками описываемыхъ волненій были не инвенскіе крестьяне, понесшіе за нихъ тяжкую кару, а служащіе въ управленіи имѣніями гр. Строгановой. Масса служащихъ, въ большинствѣ состоящая изъ завзятыхъ полуграмотныхъ крѣпостниковъ, не только не могла примириться съ выходомъ Инвенскихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но положительно противилась всякому акту, которымъ робкое, въ то время, волостное начальство заявляло о своей законной самостоятельности. «Приказчики» (нѣчто въ родѣ управляющихъ меньшаго ранга) положительно не признавали за освобожденными крестьянами права жить такъ, какъ имъ хотѣлось, а требовали, чтобы они жили такъ, какъ велятъ имъ они—приказчики. Нѣкоторое представленіе о заносчивости этихъ господъ—уже не говоря про отношенія ихъ къ крестьянамъ—въ сношеніяхъ съ новымъ волостнымъ управленіемъ даетъ оффиціальный отзывъ

---

[1] Я прочелъ немало документовъ, относящихся до настоящаго событія и находящихся въ волостныхъ правленіяхъ, куда поступили всѣ дѣла бывшихъ «земскихъ управленій». Кромѣ того, мнѣ удалось разыскать кой-кого изъ очевидцевъ и кой-кого изъ лицъ потерпѣвшихъ. Такъ образовался главнѣйшій матеріалъ нижеслѣдующаго описанія.

одного изъ приказчиковъ (Егвинскаго) Ф. Дружинина, написанный уже послѣ усмиренія волненія и послѣ того, какъ дѣйствія ихъ были въ нѣкоторыхъ частяхъ признаны неправильными и покойной владѣлицей. Между прочимъ, онъ писалъ 12 сент. 1861 г. въ Егвинское волостное правленіе. «Поступивъ на службу въ с. Егвинское Прикащикомъ, я не ожидалъ вольнодумства скрытаго здѣсь, что вскорѣ разкрылось явно, и, я думаю извѣстно Начальство принявшему въ волости, болѣе того нынѣ волостному писарю. При открытіи волости я замѣчаю, что крестьяне, можетъ быть отъ малаго образованія, безъ сомнѣнія говорю, что и отъ даннаго имъ направленія, совершенно отчуждены въ знаніи помѣщичьяго Управленія; вслѣдствіе чего опредѣленный отъ помѣщика прикащикъ не знаетъ, къ кому онъ долженъ обращаться съ законными требованіями, ибо объ избранныхъ Сельскихъ Старостахъ мнѣ не дано знать и, вѣроятно, Волостное Правленіе не считаетъ это нужнымъ; я же состоя въ обязанности знать Сельскихъ Старостъ, нахожусь надо помнить на основаніи положенія Главы 6, § 148, 149 и 150 Волостному Правленію прошу объявить мнѣ имена избранныхъ старостъ, съ показаніемъ въ какихъ деревняхъ они живутъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ не угодно-ли будетъ имъ приказать явиться ко мнѣ для объявленія имъ, ихъ объязанностей къ Помѣщику, но если имъ будетъ трудно меня извѣстить, въ какіе дни и часы собираются Старосты въ Волостное Правленіе, потому какъ прежній порядокъ явки, въ ожиданіи исправности, уже Волостнымъ Правленіемъ измѣненъ. О распоряженіи Волостнаго Правленія ожидаю на семъ же увѣдомленія».

Вмѣсто того, чтобы ничѣмъ не раздражать сельское населеніе, помѣщичье управленіе, не желая тратить ни одной копѣйки болѣе противъ того, что тратилось при прежнихъ крѣпостническихъ условіяхъ, заставило сельское начальство собрать сельскіе сходы для найма рабочихъ на сплавку весенняго «усолскаго» каравана. Кретьяне, исключительно существовавшіе на разныхъ работахъ у гр. Строгановой, тотчасъ же собрались на сходы и готовы были подрядиться. Приказчикъ Купросской волости, вмѣсто того, чтобы предложить сходу наняться на работы, вмѣсто того, чтобы спросить уже некрѣпостныхъ крестьянъ о платѣ за добровольные труды, объявилъ прибывшимъ на сходъ крестьянамъ, что они обязаны къ явкѣ на караванный сплавъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и съ платой за сплавъ по усмотрѣнію управленія. Такого издѣвательства надъ своей, только что загоравшейся, свободой крестьяне не стерпѣли.

Вотъ что произошло на другой день въ Архангельской волости, отстоящей въ 35 в. отъ Купросской. Спустя двѣ или три недѣли по объявленіи воли— разсказывалъ мнѣ очевидецъ событія—согласно распоряженію управляющаго Инвенскимъ округомъ, къ намъ пріѣхалъ членъ правленія Дм. Н. Медвѣдевъ.

Это былъ хорошій человѣкъ и мужики любили его. На 10 марта, по просьбѣ его, у насъ въ селѣ былъ назначенъ сходъ. Сходъ собрался большой. Прибывшій на сходъ Медвѣдевъ заявилъ сходу: не желаетъ ли кто записаться на караванныя работы на прежнихъ основаніяхъ. Крестьяне начали волноваться и вышли изъ зданія волостного правленія, намѣреваясь разойтись по домамъ и тѣмъ выразить свое несогласіе на подчиненіе себя условіямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Стоило Медвѣдеву только спросить: «какова же ваша цѣна, братцы»? и никакого волненія не возникло бы, тѣмъ болѣе, что и цѣну-то крестьяне запросили бы едвали большую. Но управленіе не спрашивало, а требовало записи только на прежнихъ условіяхъ.

На бѣду архангельцевъ, къ зданію ихъ волостного правленія подъѣхалъ богатый купросскій крестьянинъ Ф. А. Мингалевъ, который сообщилъ крестьянамъ, что у нихъ, купросцевъ, вчера нанимали на караванъ, но что они не только не пошли, а даже поколотили приказчика, и что и они, архангельцы, будутъ умны, если послѣдуютъ примѣру купросцевъ. Искра попала въ пороховую бочку. Крестьяне тотчасъ же стали заходить въ волостное правленіе и говорить возбужденно. Кто-то изъ доброжелателей Медвѣдева посовѣтывалъ ему уйти и тотъ, вмѣстѣ съ приказчикомъ, успѣлъ ульзнуть въ окно; пищикъ же И. З. Лунеговъ не успѣлъ воспользоваться такимъ благимъ совѣтомъ. Крестьяне поймали его за волосы, смяли подъ себя и учинили надъ нимъ экзекуцію. Озвѣрѣвшій народъ бросился догонять какъ-то вырвавшагося отъ толпы Лунегова; онъ успѣлъ добѣжать до своего дома, заперъ его и, схвативъ ружье, заявилъ крестьянамъ, что станетъ стрѣлять въ каждаго, кто не послушается его и подойдетъ къ дверямъ. Между крестьянами нашлось нѣсколько благомыслящихъ, которые сказали: «стой, братцы, теперь онъ послѣ порки озвѣрѣлъ; пожалуй и стрѣлитъ»! Ихъ послушались. Тѣмъ не менѣе въ томъ же волостномъ были выдраны тѣ изъ крестьянъ, которые считались «заединщиками помѣщицы».

Не прошло и полусутокъ, какъ въ Егвѣ, въ Кудымкорѣ и дальше знали о всемъ, что произошло въ Купросѣ и въ Аргангельскѣ. «Какъ насъ, царскихъ, опять подъ помѣщицу»!.. всюду раздавалось изъ крестьянскихъ устъ. Но и тутъ не опомнились управляющіе Инвенскаго округа. Чрезъ два дня тѣ же лица прибыли въ с. Егву для найма рабочихъ на караванъ не по ихъ волѣ, а по неволѣ. Эти лица попали какъ разъ туда, гдѣ сельчане, въ силу необъяснимыхъ причинъ, были наиболѣе озлоблены на помѣщичье управленіе. На Егвинскій сходъ собрались уже не одни егвинцы, но и крестьяне окрестныхъ волостей. Все предвѣщало грозу. Послѣ приказанія представителей управленія идти на караванъ по прежнимъ основаніямъ сначала проявилось полное безмолвіе, а затѣмъ, вскорѣ кто-то изъ громадной толпы крикнулъ: «бей ихъ»! Глухо

пронесся въ сосредоточенной толпѣ этотъ зловѣщій кличъ, и еще не успѣли всполошиться строгановскіе служащіе, какъ толпа надвинулась на нихъ... Произошло то, чего никакъ нельзя ни предвидѣть, чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже нельзя ничѣмъ предотвратить и что, въ тоже время, представляетъ самое ужасное при народномъ возмущеніи: стихія разыгралась!.. Что именно произошло въ Егвѣ, этого мнѣ, несмотря на мои распросы, такъ и не удалось точно узнать. Оно и немудрено. Это было нѣчто стихійное. Обезумѣвшіе и очесточившіеся крестьяне «топтали» своихъ противниковъ ногами. Было немало раненыхъ; у одного изъ строгановскихъ служащихъ оказалось содранною кожа почти со всей головы. Встрѣченное такимъ протестомъ крестьянъ приглашеніе идти на караванныя работы управленіемъ гр. Строгановой было принято за возмущеніе противъ нея. Эти крестьянскія волненія стали извѣстны подъ излишне громкимъ названіемъ «караваннаго бунта». Но сама графиня ни о нихъ, ни о способахъ ихъ усмиренія ничего не знала, а какъ только узнала, приняла сторону крестьянъ. Нѣтъ ни одного документа, свидѣтельствующаго о томъ, что мѣстная администрація присутствовала на мѣстѣ происшествія и заранѣе предотвращала возможность какихъ-либо усложненій. Все ограничилось одною перепиской.

Въ тоже время у инвенскихъ крестьянъ происходили уже болѣе крупныя событія. Управленіе грозило:—по нашему будетъ.—Мы чарскіе! кричали крестьяне, не пойдемъ не по волѣ.—Издѣвавшимся ранѣе надъ сельчанами приказчикамъ и всѣмъ, кѣмъ тѣ были недовольны, житья не стало: ихъ били и ругали, а особенно сѣкли. Перепадало даже ямщикамъ, когда они собирались везти управителей или какія-либо «грамоты» въ г. Пермь. Центральное управленіе въ то время было сосредоточено въ с. Кудымкорѣ. За разъясненіемъ тревожныхъ вопросовъ и пошли туда крестьяне. Огромная кудымкорская площадь быстро была запружена народомъ. «Дай манифестъ, читай грамоту»! кричала собравшаяся толпа. Власти уступали ей и читали манифестъ. Чтеніе его сопровождалось криками «ура», но какъ только читающій доходилъ до словъ «временно-обязанные», такъ тотчасъ же въ отвѣтъ ему неслось: «нѣтъ, врешь, мы—чарскіе»! Слово «чарскіе» было роковымъ: при произнесеніи его народъ шалѣлъ. Духовенство выходило съ иконами на площадь и служило молебны. Изъ среды грамотѣевъ толпой было выбрано нѣсколько почетнѣйшихъ, которыхъ посадили на оградѣ мѣстной церкви. Обязанность ихъ заключалась въ безпрерывномъ чтеніи манифеста, причемъ они, во избѣжаніе неудовольствія со стороны слушателей, слова «временно-обязанные» пропускали. Чтеніе грамоты сопровождалось громкимъ «ура» и крикомъ: «мы—чарскіе»! Слухъ объ искаженіи манифеста пропускомъ цитированныхъ словъ дошелъ до графскаго управленія, и вотъ, подъ давленіемъ его, приставъ Юдинъ (человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, вообще добрый) задумалъ прочесть полный манифестъ. Едва

кончилось чтеніе, какъ многолюдная толпа, закричала: «бей его»! Только стѣны кряхнули,—такъ наперла толпа на крѣпкій заборъ. Точно вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ и отъ забора ничего не осталось. Приставъ успѣлъ спастись. Нарядившись въ рясу священника, онъ незамѣтно прошелъ изъ дома среди той толпы, которая такъ гнѣвно и страстно требовала битья его.

Кстати о рясѣ. Ей одной обязано большинство Строгановскихъ служащихъ тѣмъ, что избавились отъ немалыхъ бѣдъ. Въ Егвѣ, Юсьвѣ, въ Кудымкорѣ и въ др. мѣстахъ приказчики и ихъ присные спасались, какъ это теперь всѣмъ извѣстно, лишь благодаря тому, что они свой костюмъ замѣнили одеждой духовенства. Къ этому послѣднему народъ въ то время относился благосклонно. «Тоже на волю вышли»! такъ говорили крестьяне про священниковъ. Если припомнить зависимость духовенства отъ помѣщика, это пермяцкое размышленіе глубоко правдиво. Когда въ с. Егвѣ происходило волненіе крестьянъ, мѣстный священникъ задумалъ было къ нимъ выйти съ крестомъ для возстановленія порядка. «Домой, домой, убьемъ»!.. ревѣли волновавшіеся. Къ счастью, онъ уступилъ угрозамъ толпы и тѣмъ далъ возможность, впослѣдствіи, многимъ спастись въ іерейской одеждѣ отъ народной ярости.

Отовсюду въ с. Кудымкоръ стали стекаться домохозяева, чтобы спасать себя отъ произвола Строгановскихъ управителей. Изъ завода Кувы (почти русскаго) управляющимъ были вытребованы вооруженные люди для защиты какъ его, такъ и имущества управленія. Всѣ служащіе въ немъ скрылись въ каменномъ домѣ управленія. Всѣмъ имъ приходилось жить впроголодь, если изъ дома не доставляли обѣда, а доставлять его было не безопасно. Среди собравшихся крестьянъ появлялись люди, понимавшіе ненормальность положенія и совѣтовавшіе толпѣ бросить всякія затѣи и просить о признаніи своихъ правъ по новому закону (напр., В. П. Вилесовъ), но такимъ совѣтникамъ приходилось плохо отъ взбѣсившейся толпы: они должны были убѣгать подъ охрану Строгановскихъ пищалей. Были и такіе увѣщатели, которые, признавая требованіе Строгановскихъ приказчиковъ незаконными, убѣждали крестьянъ не поднимать волненія, а лишь нравственною силою, т. е. личнымъ неповиновеніемъ не исполнять произвольныхъ требованій крѣпостническихъ заправилъ (напр., М. П. Вилесовъ). Послѣднимъ попало нѣсколько позднѣе, по усмиреніи волненія: такихъ ссылали путемъ административнымъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошелъ первый взрывъ негодованія крестьянъ на крѣпостническій произволъ алчныхъ приказчиковъ добрѣйшей графини—владѣлицы. Въ сущности, ничего незначущіе отдѣльные факты такъ быстро выросли въ грозное событіе, что для подавленія крестьянскаго волненія уже не хватало мѣстныхъ наличныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ Перми никто не пріѣзжалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Пермская адми-

нистрація, получивъ увѣдомленіе о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Инвенскомъ краѣ, отправила за 200 в. для усмиренія волновавшихся роту мѣстнаго гарнизона и, вслѣдъ за нею, въ самомъ непродолжительномъ времени, двѣ сотни казаковъ, донесши о происшедшемъ высшему начальству. Послѣднее, съ своей стороны, туда же послало флигель-адъютанта, кн. Багратіона. Войска взошли прежде всего въ с. Кудымкоръ для спасенія блокированнаго управленія. Впрочемъ, всѣ служащіе въ немъ были цѣлы, и лишь никто изъ нихъ не смѣлъ показываться изъ дому. Затѣмъ, военный отрядъ отправился для усмиренія волновавшихся крестьянъ въ с. Егву.

Егвинскіе крестьяне простодушно привѣтствовали солдатъ, мирно любовались на ихъ до сихъ поръ не виданные здѣсь мундиры и на ихъ мѣрную ходьбу. Отрядъ пришелъ поздно, вечеромъ, но распоряженіе о томъ, что егвинцамъ надо собраться на другой день на церковную площадь рано, утромъ, успѣло распространиться слишкомъ скоро, и утро озарило площадь, усѣянную народомъ. Изъ крестьянъ окрестныхъ волостей здѣсь были всѣ, кто только могъ попасть пѣшимъ. Они ждали и жаждали услыхать отъ царевыхъ слугъ истинный манифестъ, признающій ихъ, какъ и солдатъ, не временно-обязанными, а «царскими»; всѣ жаждали посмотрѣть на еще никогда не виданныхъ въ этой мѣстности царскихъ слугъ. Раннее весеннее утро было прекрасно. Тишина царила полнѣйшая. Вотъ послышался тяжелый шагъ военныхъ, а черезъ нѣсколько минутъ они пришли на площадь. Мы—разсказываетъ очевидецъ событія—тоже стоимъ не подалеку. Вотъ вышелъ одинъ изъ приказчиковъ и читаетъ манифестъ. Мы шапки сняли. Вотъ, думаемъ, настоящій-то привезли, только вдругъ слышимъ за мѣсто «царскіе», читаютъ: «временнообязанные». Ну, мы, значитъ, и закричали: «чарскіе, чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! Въ тѣ поры вышелъ ахвичеръ и что-то гаркнулъ. Сейчасъ это барабанщики заиграли. Никогда мы этой музыки допрежь того не слыхали и давай подходить поближе—всякому послушать хотѣлось. Поиграли на барабанахъ, ахвичеръ опять что-то гаркнулъ, опять заиграли на барабанахъ, мы еще поближе подвинулись. Снова остановилась музыка, а потомъ она заиграла въ третій разъ. Вышелъ опять начальникъ и что-то крикнулъ солдатамъ. Вотъ четверо изъ нихъ вышли впередъ и стрѣльнули въ насъ, да только стрѣляли-то нарочно кверху, чтобы кого не задѣть. Видимъ мы, что насъ только попужать пришли и кричимъ: «чарскіе, не котимъ подъ помѣщика»! А солдаты да какъ стрѣльнуть снова, такъ мы тутъ ужь видимъ, что дѣло-то плохо—троихъ сразу на мѣстѣ положили, да кой-кто еще благимъ матомъ закричалъ: «батюшки, убили, батюшки, убили»! Давайка мы тогда бѣжать.

Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ о подавленіи крестьянскаго волненія военной силой. Очевидно, несчастная стрѣльба была вызвана тѣмъ, что

пермяцкіе крестьяне не поняли, что продѣлывали солдаты, такъ какъ всѣ команды и оклики офицера были произнесены по-русски, а не по-пермяцки. Желаніе крестьянъ послушать военную музыку обошлось имъ недешево! Убиты были трое и оказалось нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Даже первые выстрѣлы чуть было не натворили бѣды, такъ какъ одна изъ пущенныхъ вверхъ пуль залетѣла на кладбище, гдѣ въ это время отпѣвали покойника и пробила подрясникъ у діякона. Залпъ, данный солдатами, отрезвилъ народъ. Даже завзятые крикуны засѣли въ домахъ.

Но это смиреніе волновавшихся крестьянъ уже не спасло ихъ отъ тяжелой расправы. Пріѣхали казаки, прибылъ кн. Багратіонъ и начался судъ «о сопротивленіи воинской командѣ». Плети и казачьи нагайки засвистѣли въ воздухѣ... Приставъ, какъ-то пріѣхавъ въ Егву уже по осени, высѣкъ болѣе 30 человѣкъ, причемъ давалъ по 60—150 розогъ на человѣка. Нѣсколькихъ крикуновъ заковали въ кандалы и сослали въ Сибирь. Казаки были разставлены по всѣмъ окрестнымъ селамъ и безпрестанно разъѣзжали по нимъ, внося въ деревенскую жизнь трепетъ, разврать и всякое безобразіе. Кн. Багратіонъ пробылъ здѣсь очень короткое время, лишь поговорилъ съ крестьянами на площадяхъ Кудымкора и Купроса и отбылъ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь остается бумажка о томъ, гдѣ онъ обѣдалъ и на сколькихъ тройкахъ проѣзжалъ.

Казаки простояли у инвенскихъ крестьянъ долго—19 мѣсяцевъ и стоили имъ много денегъ. Конечно, самый военный постой обошелся бы гораздо дешевле, еслибы и тутъ не было проявлено великое хищничество какъ со стороны волостныхъ главарей, такъ и мелкихъ служащихъ въ Строгановскихъ имѣніяхъ. Изъ документовъ, относящихся къ дѣламъ о содержаніи здѣсь военнаго отряда, видно, что суточное довольствіе, кромѣ квартиръ, обходилось (40 лѣтъ тому назадъ!): каждаго солдата въ 30—35 коп., офицера—въ 50 коп., а офицера, командовавшаго ротой—даже въ 1 р. 50 коп. Одно только Строгановское управленіе истратило и, затѣмъ, судебнымъ порядкомъ взыскало съ волновавшихся крестьянъ 10.686 р. 61 коп. Къ этому слѣдуетъ еще причислить сумму въ 1.422 р. 28 коп., истраченную Егвинской волостью, и не мало денегъ, истраченныхъ другими волостями. Въ общемъ итогѣ, вся денежная потеря крестьянъ волновавшихся мѣстностей Инвенья, навѣрное, исчисляется тысячъ въ 18. А потраченнаго напрасно работнаго времени и не счесть.

Для характеристики тогдашняго времени и нравовъ любопытно указать, куда и на что расходовались тѣ деньги, что потомъ были взысканы съ крестьянъ. «Выдано писарю А. Стародумову за пріемъ суд. слѣдователя съ двумя писарями, 12 декабря, три р.». «Выдано сидѣльцу Могильникову за вино и рыбу 27 р. 9 к. Отдано повѣренному Ягубову за вино 25 р. На водку Кудымкорскимъ

казакамъ 24 к. На покупку $1^1/_2$ ведра вина для солдатъ 7 р. 50 к. Куплено для солдатъ вина изъ Егвинскаго питейнаго дома на 2 р. 40 к. На покупку вина для солдатъ 5 р. Сидѣльцу Могильникову за вино для солдатъ 9 руб. Вина куплено $1^1/_2$ ведра (за тоже количество въ первый разъ взято только 7 р. 50 к.)». «Заплачено за пріемъ г. пристава, письмоводителей, полицейскаго и казаковъ 20 р. пищику Вогулкину». Этому же пищику выдано за содержаніе солдатъ: 4 іюня 30 р.; 17 іюня—50 р.; 12 сентября—35 р.; 28 сентября—9 р. 20 к. Всего Вогулкину уплачено: 144 р. 20 к. Другому пищику Соловьеву на тотъ же предметъ выдано 56 р. А всего только имъ двоимъ 200 р. Самымъ старшимъ и почетнымъ въ волости лицомъ въ то время былъ, конечно, приказчикъ; на его обязанности лежалъ пріемъ почетныхъ гостей. Какъ видно изъ документовъ, онъ кормилъ своихъ невольныхъ гостей очень щедро. Вотъ его счеты.

9 мая приказчику на пріемъ чиновниковъ выдано 40 р.; 15—ему же—6 р. Приказчику Дружинину за солдатъ—25 р.; 10-го мая приказчику Дружинину за цвѣточный чай—4 р.; 17-го ему же на пріемъ чиновниковъ—10 р.; 23-го на пріемъ чиновниковъ ему же—5 р.; 24-го ему же на покупки для чиновниковъ—8 р. 55 к.; 31-го ему же на пріемъ чиновниковъ—5 р. Іюнь: 5-го ему же за солдатъ—20 р.; 7-го ему же за чиновниковъ и солдатъ—135 р.; еще шесть—6 р. Іюль: 23-го приказчику Ф. Дружинину по возвращеніи на лицо—25 руб. Здѣсь кто-то сдѣлалъ приписку такого рода: «пойдутъ къ содержанію войска». Августа 22-го съ записи приказчику Федору Дружинину къ возвращенію 27 р. 55 коп. Всего же получено Дружининымъ 313 р. 10 коп. Кромѣ уплаты этимъ главнымъ лицамъ за содержаніе войскъ, израсходовано за квартиры: 646 р. 54 к., каковыя деньги выданы крестьянамъ с. Егвинскаго. Въ общемъ, квартирное довольствіе войскъ обошлось свыше тысячи рублей. Причемъ къ этому еще надо добавить сумму въ 528 р. 70 коп., истраченную на покупку для солдатъ 44-хъ быковъ и коровъ.

Вся суть, весь смыслъ приведенныхъ здѣсь цифръ заключается въ томъ, что онѣ относится лишь къ тѣмъ немногимъ солдатамъ, что жили въ одной Егвинской волости. Посмотримъ же, сколько ихъ было и долго ли они тутъ стояли. Въ Инвенскомъ краѣ стояло отъ 8—20 чел. втеченіе 19 мѣсяцевъ. Всего на всего сначала прибыло для усмиренія двѣ сотни, но вскорѣ онѣ были отозваны обратно. Если предположимъ, что на с. Егву втеченіе всѣхъ 19 мѣс. приходилась половина солдатъ—а ихъ было меньше—то окажется, что въ ней проживало только 10 чел. Слѣд. оказывается: на квартиру для нихъ—10 тратилось свыше 50 р. въ годъ на человѣка; каждый изъ нихъ съѣлъ только однихъ быковъ по 4,4 штуки. Понятно, при такомъ количествѣ мяса потребовалось

и соотвѣтственное количество вина, а именно на каждаго по 7 р. 60 к. Что касается чиновниковъ, то, такъ какъ ихъ было только трое-четверо, и пріѣзжали они на день, много на два, судя по счету расходовъ на нихъ, здѣсь цифры еще любопытнѣе. Какъ на самомъ дѣлѣ они могли вмѣстить въ себя то, что имъ подавалось угощавшими ихъ! Въ Кудымкорской волости, впрочемъ, сохранился счетъ (ниже приводится буквально) одного изъ приказчиковъ, Ив. Некипѣлова, который провѣрилъ офицеръ и снабдилъ своими замѣтками, очевидно, будучи немало возмущенъ наглостью грабителя-приказчика [1].

Еще также любопытный документъ того же приказчиза: «Счетъ по пріему разныхъ лицъ въ квартирѣ Кудымкорскаго приказчика въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1861 года.

1. Отевскаго приказчика Кирпичева за 14 дней, по 60 коп. въ каждый—8 р. 40 к.

2. Офицеровъ, прибывшихъ изъ г. Перми съ военной командой: 1-го за 12 и 2-хъ за четверы сутки, всего за 20 сутокъ, по 1 р. 50 к.—30 р.

3. Соликамскаго Стряпчаго г. Руднева съ 8 апрѣля по 8 мая и съ 15 по 21 мая жъ, всего за 36 дней, по 1 р. 60 коп.—54 р. 60 к.

---

[1] Свѣдѣніе о количествѣ припасовъ закупленныхъ и употребленныхъ для содержанія офицеровъ съ 12 по 28 Апрѣля 1861 года:

		Руб.	Коп.	Замѣтки офицера:
Муки ржаной	5 п.	2	—	получено и есть.
Крупчатки	2 п.	4	57	15 ф. на пасху солдатамъ
Говядины	2 п.	4	80	возвращено 22 фунт.
Свечь сальныхъ	14 ф.	1	79	получ. 6 ф.
Масла: скоромнаго	14 ф.	2	80	получ. 8 ф. изъ нихъ 3 ф. на пасху солдатамъ.
» постнаго	4¼	—	67¼	получ. 1 фунт.
Просы	3 ф.	—	21	получ.
Луку	1 реш.	—	20	
Капусты	1 в.	—	30	получена гнилая.
Картофели	3	—	27	получ. 1¼ ведра замерзавшей.
Чаю	2 ф.	3	43	получ. 1 фунтъ дряннаго и потому купленъ свой.
Сахару	32 ф.	10	19	получ. 15¼ фунт.
Гусей для жаркова	2	—	73	получены, — соленые.
Яицъ	160	—	69	30 штукъ получены, остальные солдатамъ.
Рыбы судачины	3 ф.	—	30	не было.
Рису	10 ф.	1	50	получ. 6¼ фун.
Варенья банку въ 1 ф.	—	—	40	я не знаю почьему разрѣшенію покупалось все это.
получ. ¼ фун.	2 ф.	—	30	
Изюму	1 ф.	—	40	
Миндалю . . . получ. 1	2 ш.	—	50	
Татеревъ	—	—	—	
Курица . . . получ.	1	—	16	
Ноги скотскіе	2	—	15	не было.
Поросенокъ для холоднаго	1	—	25	
Телятины	14 ф.	—	84	получ. 12 ф.
Свеклы	17 ш.	—	17	получ.
Почьки	—	—	15	не было.
Графинъ хрустальной	—	—	25	
Итого		38	2¼	

4. Письмоводителя его за 36 дней, по 1 р. 50 коп.—54 р.

5. Старшаго засѣдателя Соликамскаго земскаго суда г. Сизикова за 5 дней, по 1 р. 50 коп.—7 р. 50 коп.

6. Исправника Пейкера, приставовъ Юдина и Ромодина, козаковъ и разсыльныхъ (послѣднимъ, очевидно, тоже подавалась водка и проч.), во время производства втеченіе двухъ недѣль въ квартирѣ приказчика допросовъ отъ арестантовъ,—20 р.»

Слѣдуетъ замѣтить, что плата за полное мѣсячное содержаніе одного лица нынѣ, спустя 40 лѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ не превышаетъ 10—11 р. Слѣд. сколько лишнихъ денегъ пришлось сельскому населенію заплатить за алчность помѣщичьихъ служекъ!

Въ указанныхъ счетахъ не помѣщены огромныя суммы денегъ, истраченныя на подводную повинность, на протори и убытки по содержанію военно-судной коммисеіи, и деньги, взысканныя съ крестьянъ за содержаніе и отправку арестантовъ. Арестантовъ только изъ одной Егвинской волости было отправлено въ тюрьму (отъ 2—6 мѣсяцевъ) 35 чел.; изъ нихъ одинъ на полтора года. Ихъ немало доставили и другія волости. У крестьянъ много имущества, скотъ и почти всѣ деньги ушли въ уплату постоя и за судъ. А ушли казаки слѣдомъ за ними, въ добавокъ ко всему, ушли еще бабы и дѣвки.

Какъ только было замирено крестьянское волненіе, тотчасъ же, по распоряженію управленія, стали записывать крестьянъ на караванъ. Однако, между усмиренными пермяками оказалось много такихъ, которые бѣжали и отъ свободы, и отъ своихъ домовъ, чтобы только быть подальше отъ каравана и караванныхъ работъ. Караванные приказчики и вся, ниже ихъ стоящая, челядь въ волю издѣвались надъ растерявшимися крестьянами. Сбѣжавшіе съ работъ явились въ Кудымкоръ къ управляющему, съ заявленіемъ о причинѣ ихъ побѣга. «Уйти насъ вынудилъ —жаловались натерпѣвшіеся на работахъ крестьяне— караванный Орѣшниковъ неплатежомъ намъ харчевыхъ за простойные дни». Были и такіе крестьяне, которыхъ уже сами владѣльцы, подъискавшіе къ тому времени новыхъ и болѣе дешевыхъ рабочихъ, несмотря на заключенное условіе, не приняли на работы, отговариваясь тѣмъ, что нашлись люди подешевле. Пришлось такимъ, исхарчившимъ свои послѣднія на дорогу деньги, бѣднякамъ возвращаться домой, питаясь Христовымъ именемъ. Караванные приказчики, совсѣмъ забывшись, потребовали было, чтобы волости, взамѣнъ самовольно ушедшихъ крестьянъ-рабочихъ, выслали новыхъ, хотя бы и незаподряженныхъ на караваны. Но такой произвомъ приказчиковъ остановило само пневское управленіе. Бумагой своей въ Юсьвинскую Земскую, отъ 6 мая 1861 г., оно дало знать: «Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,

въ 3 пунктѣ 2 статьи воспрещена отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владѣльцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работы, потому Инвенское Правленіе не имѣетъ права избрать людей Инвенскаго Округа и отправить насильственно на караванъ. Поэтому изъ крестьянъ с. Юсьвинскаго избирать людей не нужно, а отправить только тѣхъ, которые обязались поступить на караванъ, согласно заключеннаго ими условія». Къ этому необходимо добавить, что еще до В. манифеста часть людей, какъ крѣпостныхъ, Строгановыми была отдана кн. Голицину. Управленіе его имѣніями также требовало высылки силою крестьянъ на работы, причемъ требовало замѣнить не идущихъ крестьянъ первыми попавшимися изъ нихъ.

После умиротворенія инвенскаго края г. Гилевъ былъ разжалованъ изъ управляющихъ въ члены управленія—случай въ имѣніяхъ Строгановыхъ рѣдкій, если не единственный.

Слѣдомъ за этимъ тяжелымъ для инвенскихъ крестьянъ годомъ пошелъ рядъ лѣтъ еще труднѣйшихъ—рядъ неурожаевъ. Между тѣмъ, натуральныя повинности, переведенныя на деньги, сразу подняли подати крестьянъ съ 2 р. 70 к. до 11 р. 52 к., причомъ имъ во взносѣ податей не давалось ни малѣйшаго послабленія... Вскорѣ, однако, послѣ замиренія волненія крестьянъ честные и добрые люди изъ Строгановскихъ служащихъ, каковыхъ всегда бывало немало, поняли ошибки, допущенныя при недавно возникшихъ недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщичьимъ управленіемъ, пришли на помощь этимъ крестьянамъ. Такъ, главноуправляющій пермскимъ имѣніемъ гр. Строгановой, П. С. Шаринъ, въ виду высокаго оброка крестьянъ, сложилъ своею личною властью по 1 р. 57½ коп. съ души, а также сложилъ со счетовъ и всю недоимку ихъ съ 1861 г. по 1 января 1867 года. Только благодаря такой огромной помощи Шарина, народъ пермяцкій сохранилъ свою жизнеспособность и могъ приняться за улучшеніе своего хозяйственнаго быта.

Вс. Яновичъ.

С. Юсьва,
Соликамск. уѣзда.

Нѣкоторыя черты изъ исторической и психической жизни вотяковъ *.

(Историко - этнологическій очеркъ)

О вотякахъ написано довольно много: имѣются изслѣдованія этнографическія и историческія. Но мало такихъ работъ (или вовсе ихъ нѣтъ), гдѣ бы проведена была сравнительная точка зрѣнія на вотяковъ и сосѣднихъ имъ восточныхъ финновъ: пермяковъ, зырянъ и друг. Сравненіе быта и религіозныхъ—языческихъ пережитковъ можетъ повести къ возсозданію древнепермскаго періода, когда вотяки, зыряне и пермяки составляли одинъ народъ, а языки ихъ одинъ прапермскій языкъ. Такого рода работы должны имѣть значеніе для исторіи культуры Россіи. Въ изслѣдованіяхъ о вотякахъ также сравнительно мало обращается вниманія на связь географическихъ и историческихъ условій съ психикой инородцевъ. Я желалъ, поэтому, въ настоящей маленькой статьѣ сдѣлать опытъ: вопервыхъ, возстановить хотя бы нѣкоторыя черты древнепермскаго періода жизни вотяковъ; вовторыхъ, попытаться провести параллель между исторіей вотскаго народа и психическими особенностями его. По этой причинѣ статья раздѣлена на двѣ части: 1) на древній періодъ жизни вотяковъ и 2) на историческій и новый. Въ концѣ помѣщено приложеніе съ нѣкоторыми данными, доказывающими тѣ или другія положенія о вотскомъ народѣ **.

---

* Читано въ Отдѣленіи Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 14 декабря 1902 года.

** Изслѣдованія о вотскомъ народѣ:

1) Историко-этнографическій очеркъ вотяковъ. И. Н. Смирнова. Эта книга отличается полнотою и всесторонностью изслѣдованія исторіи и быта вотяковъ. Она заключаетъ въ себѣ и тщательное описаніе фактовъ и возможно-общіе выводы этнологическаго и историческаго характера.

2) Гавриловъ. Сказки, повѣрія и пѣсни вотяковъ (произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ). 1880. Эта книга лучшая по части народной поэзіи вотскаго народа.

3) Вотяки Казанской губ. Д. Островскаго. Казань. 1873. Сочиненіе, заключающее въ себѣ кромѣ историческихъ данныхъ вѣрную характеристику вотяковъ.

4) Антропологическій очеркъ вотяковъ. Маліева. Съ приложеніемъ отчетливыхъ антропологическихъ таблицъ.

I.

До XI или даже до X вѣка вотяки жили на большихъ пространствахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, въ области Вятки и Ветлуги, а зыряне—ихъ одноплеменники, по теченію Сысолы и Вычегды. То было время, когда языки: вотскій, зырянскій и пермскій составляли одинъ языкъ восточныхъ финновъ. Судя по тому, что и теперь еще типъ физическій и психическій вотяка весьма напоминаетъ зырянина, и на основаніи сходства пережитковъ языческой старины нужно думать, что эти племена были сходны не только по языку, но и по характеру, по своимъ нравамъ и обычаямъ. Поэтому, возстановляя бытъ древнихъ вотяковъ, мы воспроизводимъ жизнь древнихъ восточныхъ финновъ пермской группы.

Какова же была ихъ культура матеріальная и духовная, какой физическій типъ, какой характеръ народа, предка современныхъ вотяковъ, зырянъ, пермяковъ? Четыре источника ведутъ насъ къ познанію этой культуры: 1) филологическій анализъ культурныхъ словъ въ языкахъ пермскомъ, вотскомъ и зырянскомъ; 2) этнографія теперешнихъ вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ; 3) жилища, вообще бытъ зырянъ, вотяковъ и финновъ въ Сѣв. Финляндіи и Лапландіи; 4) языческіе пережитки въ сказкахъ, суевѣрныхъ разсказахъ, моленіяхъ инородцевъ. Теперь мы займемся разборомъ двухъ послѣднихъ группъ.

Изучая нынѣшнюю жизнь вотяка, его бытъ, его жилище, мы невольно поражаемся устройствомъ его избы. Изба вотяка—это исторія вотскаго народа.

---

[5]) Изслѣдованія Верещагина: Вотяки Сосновскаго края и др. отличаются полнотою и детальностью описанія жизни вотяковъ. Особенно цѣнны данныя о Воршудѣ, домашнемъ богѣ вотяковъ, и вообще о миѳологіи этого народа, его свадебныхъ обрядахъ и т. д.

[6]) Бытъ вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. Кошурниковъ. Казань. 1880. Въ этой книгѣ, между прочимъ, имѣется интересная характеристика дѣтей вотяковъ школьнаго возраста. Обращено въ ней вниманіе на охоту вотяка, на его смѣтливость и ловкость въ этомъ дѣлѣ.

[7]) Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края. А. Спицына. 1887.

[8]) Die Wotjaken, eine ethnologische Studie von Max Buch. Stuttgardt. 1882.

[9]) Библіографическая замѣтка Потанина по поводу этой книги.

[10]) Замѣтка о пермскихъ древностяхъ. Ешевскаго.

[11]) Евангеліе отъ Матѳея на вотскомъ языкѣ.

[12]) Грамматика вотская. 1775. Изд. Академіи Наукъ.

[13]) Исторія Вятки. Вештомова. Каз. Вѣсти. 1827.

[14]) Ал. Фуксъ. О вотякахъ. 1839.

[15]) Осокинъ. 1856.

[16]) Шестаковъ. Вѣстн. Геогр. Общества 1859. II, 73.

[17]) Бехтеревъ. Вѣстникъ Европы. 1880.

[18]) Первухинъ. 1888—1889. Весьма цѣнные факты и соображенія.

Вал-гидь.
Пудо-гидь.
Корка.
Клѣть.
Коргидь-шуныдъ.
Куала.
Амбаръ.
Лапасъ.
Кеносъ.
Лапасъ.
Печі-корка.

Вы видите передъ собою огромный дворъ, устланный камнями и наполненный разнаго рода постройками. Названія послѣднихъ одни финскія, другія татарскія. Корка—домъ, печі-корка (малая изба), вал-гидь (конюшня), пудогидь (хлѣвъ), куала (священная часть избы)—финскія слова; капка—дворъ, мунчо—баня, амбаръ—учегъ, сендыра—полати, кпбсть—лавка и т. д.—татарскія.

Куала—священная часть двора. Это, какъ можно доказать, жилище доисторическихъ финновъ, печі-корка—изба послѣдующаго времени, явившаяся послѣ знакомства вотяковъ съ тюрками и русскими. Она походитъ на черныя избы зырянъ въ глухихъ мѣстахъ; корка—домъ; это большая жилая изба—наслѣдіе болгарской культуры, принесенной вотякамъ татарами.

Для насъ въ данномъ случаѣ интереснѣе всего куала, какъ остатокъ древней финской коты (черемисской куды).

Куала имѣетъ стѣны изъ бревенъ, крышу изъ досокъ, въ ней нѣтъ ни пола, ни потолка; внутри ея устроена каменка изъ песчаниковъ, подъ ней котелъ, прикрѣпленный къ шесту, въ сторонѣ столъ (джекъ), на нарѣ коробочка съ вѣтками, а въ ней Воршуд—богъ счастья дома (въ приложеніи о Воршудѣ).

Куалу можно сопоставить съ зырянской охотничьей избушкой «пывсян» и съ сѣверо-финской или лапландской «котой». Эта постройка общефинская. Воршуд—идолъ бога охраняющаго домъ, какъ это имѣетъ мѣсто у самоѣдовъ. Извѣстно, у народа что̀ старо, то священно. Куала священна, потому что она старинна. Финская поговорка гласитъ: «древнѣйшей ловушкой было брюхо, древнѣйшей посудой горсть, древнѣйшимъ жильемъ «кота».

Всѣхъ земель старѣй болото;
Ива старше всѣхъ деревьевъ;
Ели—первыя жилища,
Камни—первая посуда. (Калевала, III).

Въ такихъ жилищахъ—а кто ихъ не имѣлъ—прямо въ землѣ проводили дни свои вотяки, зыряне, пермяки, среди дремучихъ лѣсовъ, въ области Вычегды, Вятки, Ветлуги, Камы. Избушки ихъ были уединенны. На лыжахъ зимой, верхомъ и въ лодкахъ лѣтомъ сносились они между собою. Эти древніе пермяки одѣвались зимой во всякаго рода шкуры, а лѣтомъ въ самотканные армяки и, вооруженные луками, все время проводили въ охотѣ на бѣлокъ, медвѣдей, лисицъ и т. п. Охотничьи артели съ колдунами во главѣ бродили въ сосновыхъ дебряхъ по верховьямъ рѣкъ (эль и меръ—остатки общественныхъ союзовъ). Самобытныя названія домашнихъ животныхъ и нѣкоторыхъ простѣйшихъ орудій земледѣлія, а также названія злаковъ показываютъ, что до знакомства съ русскими они знали уже воздѣлываніе ячменя и занимались скотоводствомъ (лошади, олени, коровы, овцы).

Эти народы, судя по всему (житіе св. Стефана Пермскаго, сложность теперешняго языческаго ихъ культа), тогда уже имѣли сложную теологію и миѳологію. У нихъ былъ Инмаръ—богъ неба (Енъ), Мукулцинъ—духъ земли (Кылысинъ—ангелъ: Матѳ. 4, 11), му—земля, Шунды-мумы—мать солнца, Музьем-мумы—мать земли, Гудури-мумы—мать грома, Тыл-мурт и масса другихъ (Воршуд, Нюлэсмуртъ (лѣшій), Кукри-баба (joma) межа упие, Корка-мурт (домовой), Гондыр-муртъ (въ конюшнѣ) и т. д. Судя по пережиткамъ, у зырянъ былъ еще сынъ солнца, луна—богъ скотоводъ; радуга, пьющая воду изъ рѣки. Калевала еще увеличиваетъ число боговъ-покровителей и зложелателей человѣка.

Лѣта дочь, жена блаженства,
Ты дочь юга, мать творенья,
Ты дочь елочекъ, хозяйка, и т. д.

Мьеликки—невѣста лѣса,
Таллерва—ты дѣва тапьо!
Ты сынъ тапьо, Нійрікки,
Ты сынъ лѣса въ синей курткѣ.
Куйппана—ты царь дубравы,
Ты добрякъ сѣдобородый!
Псовъ своихъ держи покрѣпче.

Зырянскій лѣшій рисуется въ народномъ воображеніи тоже съ собакой и кричитъ: тöт, тöт!

Въ Калевалѣ же упоминается:

Мудрый старецъ Тапіолы,
Самъ хозяинъ на метсолѣ...
... Дѣвы воздуха явились,
Дѣва мѣсяца, красотка,
И красавица дочь солнца...
Ато—этотъ царь потоковъ... (XLI).

Все это показываетъ, что столь обильные пережитки—свидѣтельство богатой древней миѳологіи финновъ. Мало того, у нихъ была своя космогонія. Такъ, въ Калевалѣ говорится:

Утка, славная та птица,
Сноситъ яйца золотыя,
Шесть яицъ всѣ золотыя,
А седьмое изъ желѣза...

Изъ частей яйца произошли мать сыра земля, солнце свѣтлое и ясный мѣсяцъ, также звѣзды золотыя. По этой космогоніи выходитъ, что утка—мать солнца.

Интересно сопоставить это съ вотяцкимъ воззрѣніемъ, по которому утка является той птицей, которая приноситъ матери солнца молитвы людей объ исцѣленіи глазъ. Въ виду этого вотяки приносятъ въ жертву матери солнца утку (у остяковъ гусь—изображеніе бога). Нужно думать поэтому, что у вотяковъ была та же космогонія.

Всѣмъ своимъ многочисленнымъ богамъ вотяки дѣлали идоловъ изъ бревенъ, корни при этомъ отрубали прочь и выдѣлывали такъ, что получали сходство съ человѣческой головой, а остальная часть бревна оставалась неотесанной (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ такъ дѣлается у лопарей. Кастренъ). Въ лѣсахъ этимъ богамъ приносились жертвы при звукахъ кантеле, теперешнихъ гуслей.

У теперешнихъ вотяковъ существуетъ сложная регламентація относительно порядка жертвоприношенія (въ первый день овца, во 2-й гусь, въ 3-й жеребенокъ, въ 4-й теленокъ, затѣмъ быкъ). Трудно сказать, насколько это явленіе древнее. Что же касается того, что шкуры и кожи жертвенныхъ животныхъ развѣшивались на священныхъ деревьяхъ—объ этомъ говорится въ житіи св. Стефана. У пермяковъ несомнѣнно были жрецы, которые, одѣтые въ бѣлые армяки, въ бѣлыхъ шляпахъ, возсылали молитвы своимъ богамъ, а толпа, внимая имъ, припадала къ землѣ и со стономъ просила объ урожаѣ, дождѣ и т. п.

Что языческая религія въ такомъ сложномъ видѣ есть явленіе древнее, можно доказать тѣмъ, что пережитки старины у зырянъ, у вотяковъ, у фин-

новъ поражаютъ насъ своимъ сходствомъ. Существуютъ такія параллели: у финновъ—сынъ солнца, богъ огня, у зырянъ въ старыхъ сказкахъ упоминается сынъ солнца, выгоняющій радугу на водопой, у вотяковъ мать солнца любитъ утку, какъ жертву, въ Калевалѣ мать солнца—сама утка; радуга у зырянъ и у вотяковъ вуіувис—пьющая воду; Куйппана сѣдобородый съ собакой—онъ хозяинъ лѣса; лѣсной богъ у зырянъ тоже съ собакой и кличетъ свое тöт, тöт. Іумала-укко—главный богъ неба у финновъ, Инмаръ у вотяковъ, Енъ у зырянъ. Однообразіе корней свидѣтельствуетъ здѣсь объ одинаковости представленій божества, которое было олицетвореніемъ неба. Затѣмъ, сходство жертвоприношеній у зырянъ во времена Стефана Пермскаго (священное дерево, кумирницы, шкуры звѣрей, вывѣшенныя на деревьяхъ) и у теперешнихъ вотяковъ и черемисъ. Пансотники, упоминаемые у зырянъ и вотяковъ, говорятъ объ единствѣ религіи, культа, общественнаго устройства. Вслѣдствіе этого мысль, сопоставляя религіозные остатки инородцевъ, невольно восходитъ къ ихъ прарелигіи.

Далѣе, углубляясь въ прошлое, мы спросимъ себя, какой физическій типъ и характеръ отличали древняго пермяка?

Мы допускаемъ, что зыряне, вотяки—одно племя. И это доказывается тѣмъ, что языки ихъ близки, какъ, напр., малорусскій къ великорусскому, что пережитки старины у нихъ одноименны и однообразны, что у нихъ физическій типъ одинъ и тотъ же въ нѣкоторыхъ особенностяхъ. Зыряне и вотяки съ русыми волосами, съ рыжей бородкой, сѣрыми глазами, широкими скулами теперь встрѣчаются сплошь и рядомъ; они коренасты и отважные охотники. Я видѣлъ много вотяковъ, прямо похожихъ на извѣстныхъ мнѣ зырянъ и по виду, и по характеру. Допустивъ же, что зыряне и вотяки—одно племя, мы должны думать, что зыряне-охотники, живущіе въ глухихъ мѣстахъ у верховьевъ Вычегды и Сысолы или Пожога, болѣе или менѣе похожи на древнихъ пермяковъ— предковъ своихъ, потому что жизнь ихъ мало измѣнилась, и въ окружающей ихъ природѣ не произошло перемѣнъ. Ростомъ они 164—168 сант., съ свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и бороды (рыжебородые), имѣютъ сѣрые, немного узкіе глаза, широкія скулы; они плечисты, коренасты, отважные въ лѣсной жизни и рѣчныхъ плаваніяхъ. Таковы были древніе пермяки, таковъ былъ ихъ физическій типъ.

То обстоятельство, что ростъ теперешнихъ вотяковъ 162—164 сант., что крѣпкихъ тѣлосложеній между ними 37%, среднихъ 57%, слабыхъ 6%, что много между ними больныхъ глазами, что они неуклюжи, большинство ихъ мало похожи на отважныхъ охотниковъ, это обстоятельство легко объяснимо историческими, географическими и культурными причинами, и является знаменательнымъ, показывая, какъ народъ можетъ итти вверхъ или внизъ, въ зависимости отъ историческихъ условій.

Въ психическомъ отношеніи древніе пермяки были люди настойчиваго характера, хотя у нихъ было мало инициативы къ измѣненію своей жизни; они любили свою суровую, бѣдную природу, свои дремучіе лѣса, любили покой и однообразіе своей жизни. Они были колдуны, таинственно глядящіе на природу, вѣчно гадая. Охотники, жители верховьевъ рѣкъ, они были подозрительны другъ къ другу и родъ къ роду, хотя душа ихъ не была склонна къ войнамъ и распрямъ.

Какъ доказать такое положеніе?

Нельзя не согласиться съ той мыслью, что признаки, встрѣчающіеся у всѣхъ народовъ, завѣдомо принадлежащихъ къ одному племени, суть прочныя свойства этого племени, этой расы, потому что только то, что мало измѣняется, встрѣчается у всѣхъ этихъ народовъ, живущихъ при разныхъ условіяхъ. Что же неизмѣнно, то составляетъ свойство этой расы. Поэтому мы должны сравнить характеристики финскихъ племенъ: зап. финновъ, самоѣдовъ, зырянъ, вотяковъ и т. д.

Зап. финновъ такъ характеризуютъ: «Финны расположены по преимуществу къ земледѣлію и скотоводству; кажется, Провидѣніе для того и призвало ихъ на сѣверъ, чтобы они своей неутомимостью, терпѣніемъ, спокойнымъ, никогда неунывающимъ духомъ обработали пустыни Финляндіи, сѣв. Россіи и Скандинавіи. Финнъ любитъ эти занятія и свой маленькій мірокъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать свободно и независимо... (непремѣнное условіе его благоденствія), поэтому онъ часто промѣниваетъ вполнѣ обезпеченную жизнь подъ управленіемъ другого человѣка на трудную и убогую въ пустынѣ. Промыслы противны нравамъ финновъ».

А самоѣдовъ описываютъ слѣдующими словами: «Самоѣды крайне осторожны, кротки и скрытны, недовѣрчивы, упрямы и настойчивы; рѣшаются не скоро, но, разъ рѣшившись, страшно упорны въ исполненіи предпринятаго; подобно лапландцамъ, своенравны и такъ лживы, что на нихъ нельзя положиться. Общая имъ всѣмъ черта—это мрачный взглядъ на жизнь и жизненныя отношенія. Они равнодушны; изъ-за лѣни готовы переносить голодъ, жажду и всевозможныя лишенія».

О зырянахъ мы читаемъ, что они разсудительны, прямы, степенны, добродушны, честны и вѣрны, хитры, подозрительны и завистливы; они настойчивые, отважные охотники.

Вотяковъ разные авторы характеризуютъ, какъ наблюдательныхъ, легковѣрныхъ, подозрительныхъ людей, прибавляя, что любознательность ихъ очень ограниченна, что они лаконичны въ выраженіи своихъ мыслей и чувствъ (тоже и зыряне); далѣе говорятъ, что страхъ передъ начальствомъ одинъ изъ сильныхъ аффектовъ вотяка, что страхъ передъ судами доводитъ ихъ до самоубійства; вотяка

называютъ нѣжнымъ отцомъ, мягкимъ мужемъ, добрымъ родственникомъ; въ душѣ его лежитъ потребность мира и согласія; всѣ авторы согласны въ томъ, что вотякъ настойчивъ въ осуществленіи своей цѣли, что у него ограниченъ кругъ желаній, что страхъ передъ умершими составляетъ основу его морали, что онъ негостепріименъ къ чужимъ и т. п.

Если, изучая такія характеристики, мы будемъ отвлекать общія свойства финскихъ племенъ, то найдемъ, что настойчивость, упорство, подозрительность, угрюмость въ кругу чужихъ, добродушіе по отношенію къ близкимъ, нелюбовь къ торговымъ оборотамъ и промышленности, лаконичность въ выраженіи чувствъ и мыслей, бѣдность фантазіи, склонность къ миру, любовь къ суровой природѣ характеризуютъ эту расу. Общее и есть самое глубокое. Правда, эти свойства видоизмѣнялись у разныхъ племенъ, напр., вотякъ сталъ упорнымъ земледѣльцемъ, зырянинъ—охотникомъ и любителемъ дальнихъ странствованій, самоѣдъ мраченъ во взглядѣ на жизнь, финнъ молчаливъ и угрюмъ. Эти свойства— варіаціи основныхъ свойствъ прафинскаго племени.

Мы попытались возстановить въ блѣдныхъ чертахъ жизнь, религію, физическій типъ и характеръ древнихъ пермяковъ. Они, одаренные большою любовью къ природѣ, создали довольно богатую миѳологію и теологію, и въ дремучихъ лѣсахъ, молясь своимъ богамъ, занимались охотой, любя независимость и отсутствіе войнъ. Настойчивые въ предпринятомъ, они не отличались однако предпріимчивостью въ измѣненіи характера своей жизни. Гадая, чародѣйствуя, эти рыжебородые, коренастые пермяки съ луками въ рукахъ, въ бѣлыхъ кафтанахъ любили приносить богатыя жертвы лѣснымъ и другимъ богамъ. Они жили въ сосновыхъ избушкахъ или земляныхъ ямахъ, сообщаясь между собою лѣсными тропинками или по рѣкамъ въ лодкахъ. Они были здоровы и крѣпки и не страшились лѣсныхъ напастей. Выясненіе того, что̀ изъ этого цѣльнаго, независимаго и отважнаго пермяка древнихъ временъ создало нынѣшняго трусливаго вотяка, надъ которымъ подтруниваютъ и смѣются его сосѣди, свои и чужіе,—выясненіе того, что̀ вытолкнуло его изъ дремучихъ лѣсовъ на малыя рѣчки и безлѣсныя пространства и изъ суроваго охотника сдѣлало робкаго земледѣльца, необходимо вводитъ насъ въ разсмотрѣніе тѣхъ историческихъ условій, въ какія поставленъ былъ вотякъ отъ XI-го в. до настоящихъ дней.

II.

При глубокихъ измѣненіяхъ въ психическомъ и физическомъ типѣ вотяка, разсмотрѣніе историческихъ условій его жизни укажетъ намъ, какія черты характера оказались устойчивыми, какія подверглись измѣненіямъ, иными словами мы узнаемъ, какія черты расовыя, какія историческія и бытовыя.

Вотяковъ измѣнило то, что̀ заставило ихъ перенестись на сотни верстъ отъ ихъ первоначальнаго жилища, съ береговъ Вятки и Ветлуги на верховья Чепцы и Кильмезя, т. е. историческія событія, которыя стѣснили ихъ на небольшую площадку земли и заставили перейти отъ охоты и скотоводства къ интенсивному земледѣлію, что уничтожило ихъ лѣса, унизило ихъ самихъ, давъ мѣсто обвиненію, что интеллектъ ихъ слабѣе, чѣмъ у арійскихъ племенъ.

Припомнимъ факты, имѣющіе столь много результатовъ.

Отступая съ береговъ Оки передъ русскими колонистами, черемисы въ XI в. пришли въ Яранскій и Ветлужскій уѣзды и вытѣснили вотяковъ.

Въ XII и XIII в. черемисы шли впередъ, а вотяки отступали внизъ по Вяткѣ и Кильмезю. На берега Валы (притокъ Кильмезя) вотяки пришли одновременно съ черемисами. Легенда о Тутоѣ и Янтамырѣ говоритъ, что возникъ споръ между черемисами и вотяками, кому остаться тутъ жить. Споръ этотъ былъ рѣшенъ состязаніемъ между богатырями обѣихъ сторонъ. Нужно было перебросить кочку ногою за рѣку. Вотскій богатырь Тутой перебросилъ и черемисы отступили.

Въ то же время (съ XII-го в. и еще ранѣе) вотяки тѣснимы были съ другой стороны. Русскіе съ сѣвера (съ рѣки Юга) наступали на нихъ, а послѣ основанія Хлынова стали оттѣснять ихъ по р. Чепцѣ. Доказательствами этихъ положеній, кромѣ вотскихъ легендъ, являются вотскія названія селъ и деревень въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ. Эти названія встрѣчаются по рѣкѣ Вяткѣ и западнымъ ея притокамъ до Ветлуги, а на сѣверѣ по Югу и Сысолѣ.

Постепенное отступленіе передъ сильными народами имѣло цѣлью сохранить свою самобытность подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, у верховьевъ не судоходныхъ рѣкъ (оно же выражало, съ другой стороны, характеръ древнихъ пермяковъ—нелюбовь къ военнымъ предпріятіямъ). Послѣдствіями оно имѣло, въ свою очередь, большія перемѣны въ характерѣ народа. Съ измѣненіемъ историческихъ и географическихъ факторовъ все должно было измѣниться вплоть до самыхъ глубокихъ свойствъ расы (настойчивость, склонность къ мирной жизни, поэзіи и религіи).

Прежде всего народъ сталъ думать и чувствовать, что онъ слабъ въ сравненіи съ другими народами, что ему необходимо на жизненной аренѣ держаться положенія слабаго. Въ связи съ этимъ возрастали недовѣріе къ себѣ и подозрительность къ другому. Вотяки попали на малыя рѣчки, гдѣ не было возможности развиваться отважности и предпріимчивости; они были сжаты въ малыхъ по пространству лѣсахъ, гдѣ экстенсивное хозяйство (скотоводство и охота) должны были уступить интенсивному (земледѣлію). Настойчивость, упорство, поэзія природы—расовыя свойства пермяка—превратились въ любовь и

трудолюбіе земледѣльца, привязаннаго къ клочку земли и домашнему очагу, къ его священной куалѣ—первообразу избы вотяка съ богомъ Воршудомъ.

О трагедіи души, порожденной ударами судьбы, ясно говорятъ историческія легенды вотскаго народа. Они повѣствуютъ о гибели вотскихъ богатырей и разрушеніи кумирницъ. Легенда о разрушеніи общественной куалы въ Вяткѣ разсказываетъ о томъ, какъ голубь вылетѣлъ изъ куалы, приникъ къ русской церкви и умеръ, что предвѣщало объ исчезновеніи языческой вѣры. Правда, пустымъ остается то мѣсто, гдѣ красовалась народная куала. Въ разсказѣ «Ватки и Калмезы» говорится, что на калмезовъ двинулось племя ватка. Одинъ калмезъ былъ убитъ на берегу рѣки, и мѣсто его убіенія до сихъ поръ почитается вотяками. Легенда о томъ, какъ Идна-батырь хотѣлъ быть царемъ надъ вотяками, какъ бѣлый царь велѣлъ его преслѣдовать. Идна была охотникъ и погибъ подъ мостомъ на пѣгой лошади со словами: «пѣгая лошадь только тогда лошадь, когда уже нѣтъ другой». Богатырь Янтамыръ тоже напрасно боролся съ русскими; и онъ былъ изрубленъ саблями.

Жители Кузневецкаго прихода знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена вотяки, вытѣсненные отсюда черемисами. У вотяковъ былъ городъ, гдѣ царемъ былъ Ядыгаръ. Черемисы взяли этотъ городъ, и вотяки должны были отступить.

Такъ гибли одинъ за другимъ герои этого народа, а остальные отступали все въ худшія и тѣснѣйшія мѣста, подалѣе отъ враговъ.

Съ XV-го до конца XVII в. мы знаемъ новыхъ угнетателей вотяковъ: на территоріи вотскаго народа оказались арскіе князья и мурзы изъ татаръ: они даже подъ русской властью долгое время сохраняли свою автономію—судили и взимали подати съ своихъ вотскихъ подданныхъ.

Начало движенія татаръ въ XIV в. шло изъ центровъ болгаръ Лаишевскаго и Спасскаго уѣздовъ. Что татары пришли на тѣ мѣста, гдѣ раньше жили вотяки, это показываютъ названія татарскія. Татары принесли нѣкоторую культуру вотякамъ (болгарскую), что видно изъ татарскихъ словъ, употребляющихся вотяками: jurt (домъ), janak (косякъ), arbar (дворъ), munco (баня) и т. д. или изъ соціальныхъ и юридическихъ понятій: alpautjal (господинъ), buldant (возмущаться), mörelik (владычество), teksir (изслѣдованіе) и т. д.

Татары измѣнили прежнюю хижину вотяка на большой дворъ съ избой, но душу ихъ сильно умалили, сдѣлали народъ трусливымъ, низкаго о себѣ мнѣнія, т. е. отняли у него сознаніе своего достоинства («Мы вотяки: намъ ничего»!), лишили всякой инициативы (особенно въ дѣлахъ торговыхъ).

Татары—народъ гордый, чванливый, презирающій. Простого, наивнаго вотяка онъ мало могъ научить хорошему. Какъ татары относились къ вотякамъ, видно изъ легендъ (изданнымъ г. Первухинымъ). Въ нихъ мы находимъ

преданіе о размѣрахъ той власти, какою пользовались татары надъ вотяками. Когда татаринъ садился на лошадь, вотякъ долженъ былъ становиться на колѣни (на четвереньки). Ни одна дѣвушка вотская не могла выйти замужъ, не пробывъ наложницей у татарина 4—5 дней.

Такимъ образомъ, народъ, угнетаемый со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ замкнуться въ самого себя. Отрады для себя вотякъ искалъ въ поэзіи природы, въ языческой религіи. Въ еловыхъ и липовыхъ рощахъ приносили вотяки свои жертвы Инмару, Мукулцину и другимъ богамъ, въ домашней куалѣ молился духу предковъ—Воршуду. Но жить своими мыслями и чувствами считается на землѣ роскошью, надо успѣть ее завоевать и защитить, иначе болѣе сильные люди не дадутъ ея или отнимутъ.

Начинается русское вліяніе и, вмѣстѣ съ нимъ, покушеніе на народную религію вотяковъ. Епископъ Алексѣй первый обратилъ вниманіе на распространеніе христіанства между вотяками (1723 г.); при еп. Веніаминѣ (1739—1742) обращеніе вотяковъ сдѣлало уже значительные успѣхи. До чего тяжела была для нихъ перемѣна религіи, показываетъ тотъ фактъ, что они въ числѣ 1357 душъ сбѣжали изъ Глазовскаго уѣзда въ Бугульминскій, не желая креститься. Полтораста лѣтъ уже происходитъ борьба между христіанствомъ и язычествомъ, и однако послѣднее существуетъ. Не только существуетъ язычество, но имѣются язычники въ числѣ до 10000 человѣкъ. Эта борьба несомнѣнно одна изъ причинъ замыканія вотскаго народа въ тѣсный кругъ племенныхъ традицій и вѣрованій.

Уничтоженіе лѣсовъ, обмелѣніе рѣкъ, учащающіеся неурожаи отъ засухи все болѣе и болѣе развиваютъ пессимизмъ въ душѣ вотяка, недовѣріе къ другимъ, болѣе сильнымъ народамъ, тоску по старымъ порядкамъ, тайную любовь къ языческой религіи и т. д. По недовѣрчивости, замкнутости, преданности одному земледѣлію, вотякъ становится точно скалой. Въ борьбѣ за убѣжденія у вотяковъ прогрессировали настойчивость и природная поэзія въ ущербъ другимъ свойствамъ предпріимчивости и любознательности. Народъ сталъ консервативенъ, характеръ его окончательно утратилъ всякую гибкость, и это можетъ оказаться причиной погибели растущей съ каждымъ днемъ промышленной конкурренціи.

Затѣмъ попробуемъ отвѣтить на вопросъ, каково теперешнее этнологическое состояніе вотяковъ и какова ихъ психологія, какъ слѣдствіе исторіи и современнаго быта.

Теперешніе вотяки, въ числѣ 275 тысячъ, живутъ въ уѣздахъ: Глазовскомъ (102 т.), Слободскомъ, Малмыжскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ, Осинскомъ (Перм. губ. 2900 ч.), въ Мамадышскомъ и Казанскомъ, Казанской губ. (8200), въ Бирскомъ, Уфимск. губ.(1000) и въ Бугульминскомъ, Самарск. губ. (1300). Они живутъ на рѣчкахъ Тоймѣ, Чепцѣ, Кильмезѣ и

т. д.,—на рѣчкахъ, которыя высыхаютъ лѣтомъ. Хотя земля у нихъ просторнѣе, чѣмъ у сосѣдей (10 дес. на душу), но, конечно, нѣтъ старыхъ лѣсовъ, нѣтъ дичи для охоты, и ружье у вотяка ржавѣетъ, а земледѣліе становится его единственнымъ занятіемъ. Вотяки—поэты-земледѣльцы. На горѣ полба, въ долинѣ огородъ, на склонахъ рожь, на холмистыхъ мѣстечкахъ пчельники. Ихъ дворы съ амбарами, сараями, съ разнообразными отдѣленіями для лошадей, овецъ, коровъ, телятъ поражаютъ васъ своимъ порядкомъ, аккуратностью и чистотой. Изслѣдователи говорятъ, что изъ инородцевъ развѣ одни чуваши могутъ поспорить съ вотяками въ отношеніи трудолюбія и стремленія къ сбереженію. Вотяки чрезвычайно аккуратно платятъ подати, недоимокъ за ними не бываетъ. Сбереженія свои они зарываютъ въ землю, какъ было въ старину.

Зато нѣтъ у вотяковъ никакихъ ремеслъ, никакихъ промысловъ, никакой торговли.

Чрезвычайное однообразіе типовъ, отсутствіе личной инціативы поражаютъ наблюдателя, наводя его на печальныя размышленія. Кенеш, мэр, эль—остатки старины — давятъ личность. Кенеш — общинный совѣтъ; полевыя работы производятся съ его разрѣшенія. Старики слѣдятъ за молодежью. Мэр – союзъ нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями. Эль—остатокъ родовыхъ союзовъ теперь не имѣетъ реальнаго значенія.

Такъ или иначе у вотяковъ своя замкнутая жизнь съ ихъ религіозными обрядами, что держитъ ихъ въ сторонѣ отъ общаго потока жизни и дѣлаетъ ихъ народомъ отсталымъ.

Физическій типъ вотяковъ тоже отличается однообразіемъ. Ростомъ они ниже зырянъ, тѣмъ болѣе русскихъ, но голова вотяка, судя по антропометрическимъ измѣреніямъ, больше головы зырянина. Психологія его такова, что упрямство, пассивная настойчивость стали преобладающими свойствами его души. Глубоко храня свое, онъ не понимаетъ и не воспринимаетъ чужого, вслѣдствіе чего отсталъ и отъ татаръ, и отъ черемисъ, не говоря уже о русскихъ. Характеръ его тяжелъ, какъ его походка. Человѣкъ безъ гибкости, но усердный въ домашнемъ быту, онъ займетъ въ іерархіи будущей общественной жизни низкое мѣсто, положеніе исполнителя, дѣйствующаго по извѣстной регламентаціи. Пѣсни его тягучи, унылы, бѣдны образами.

Много мы ходили по темному лѣсу,
Но не нашли кнутовища,
И много и мало ходили,
Но не нашли лучше васъ.

Или:

Въ сосновомъ лѣсу есть ульи, вырубленные въ деревьяхъ.
Жена моя стара, сынъ мой молодъ,

Зятья Амвросія одинъ писарь, а другой бурлакъ,
Тонкій холстъ не можетъ быть товаромъ.
Тетенька Гольманъ ужъ не можетъ быть дѣвушкой.

Мало фантазіи, мало складу.

Отношеніе сосѣдей къ вотякамъ обидное сверху внизъ. Крещеный татаринъ слѣдующее разсказывалъ: «вотяки—народъ со слабыми глазами, глаза ихъ слабы отъ нечистой жизни да отъ порчи—у нихъ колдуны». «А, вотякъ»! такъ ругаются русскіе и татары. Крещеный татаринъ тутъ же сплететъ вамъ разныя исторіи про вотяковъ. «Черезъ 9 или 12 лѣтъ—разсказываетъ онъ—вотяки приносятъ въ жертву человѣка; зеркало показываетъ имъ, кого нужно принести, когда чума проходитъ между ними, въ зеркалѣ показываетъ дьяволъ».

Древній пермякъ былъ не таковъ. Онъ былъ отваженъ, настойчивъ, но настойчивъ активно; онъ былъ если не оптимистъ, то и не пессимистъ; онъ любилъ бродить по лѣсамъ, былъ любознателенъ, внимателенъ къ чужому (что̀ видимъ мы на зырянахъ и западныхъ финнахъ). Онъ былъ колдунъ, но онъ же былъ и пѣвецъ. Въ силу неблагопріятно сложившихся историческихъ условій жизни вотяка, онъ развилъ въ себѣ одно только свойство—упрямство, настойчивость; но не развились въ немъ ни гибкость ума, ни гибкость характера. Недовѣріе вотяка къ чужому человѣку весьма сильно; личности нѣтъ, есть только народъ.

Такова трагедія жизни вотскаго племени.

Приложеніе.

Названія селъ и деревень въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ:

Вотская пустошь, Водское, Вотиновцы, Вотизовка, Отяцкая, рѣка вотская — Вятскій уѣздъ.

Водская дер., Водская дер. — Орловскій уѣздъ.

Село Вотяки, Нолинскій уѣздъ.

Водская, Воткинская, Одинцы — Котельницкій уѣздъ.

Вотинцы, Водизовская пустошь, Лема-вотская, Одинеръ (во) врагъ — Слободской уѣздъ.

Одобеляръ (Яранскій)

Одосола (Уржумскій).

Названія селеній, данныя по личнымъ именамъ основателей:

Ворсегово, Чежегово, Кутепегово, } Орловскій уѣздъ.

Болезята (Нолинскій).

Варсега, Валезино, } Вятскій уѣздъ.

Ожеговка, Пислегинская, Нарнимъ, Пасеговка, } Слободскій уѣздъ.

Цепеговка (Яранскій).
Гундырево (Котельницкій).
(Гондыр—медвѣдь)

Селенія, названныя по рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они были основаны:

Укшурскій, Орловскій уѣздъ).

Шаншурино, Иванъ—шуръ, } (Слободской).

Шунгушурскій, Пенешуръ, } Котельницкій.

Игменшуръ, Макшуръ, } (Яранскій)

Кукшоръ, Мунашоръ, Кокшеръ, Глекмашоръ, } Уржумскій уѣздъ.

Съ суф. важ. (устье рѣки):

Ключважъ, Козловажъ, Арбажъ, Ацвежъ, Ажвижъ, } Котельницкій уѣздъ.

Кузавожъ, Кыржавожъ, Буевожъ, Пиговожка, } Уржумскій уѣздъ.

Арбажъ, Очекважъ, Васкважъ, Чувачкважъ, Щербажъ, Ветважъ, Орважъ, Пиковижка, Нолважъ, Коножважъ, Пергвижъ, Писевижъ, } Яранскій уѣздъ.

Селенія, названныя вотяками по свойствамъ окружающей мѣстности:

Лыва, Лывинское, } Орловскій и Нолинскій уѣзды.

Сик (лѣсъ), Сиковка, } Нолинскій, Вятскій, Уржумскій.

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Вятской губерн. 1882 г.; также книга Смирнова о вотякахъ).

На границѣ Котельницкаго уѣзда съ Ветлужскимъ:

Селеніе Одошнуръ (Вот. поле)
Землешеръ,
рѣка Варважъ.

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губ. 1877).

Въ Никольскомъ уѣздѣ рѣки: Воцкая, Воча, Вочка, Вотяновская и Вотякова, деревня Вотяковская, д. Вочь; въ Устьсысольскомъ уѣздѣ: селеніе Вотское, Вотча, Вочская, Воч, рѣки Вотинская и Воча. (Списокъ населен. мѣстъ Вологодской губ. 1866). Въ Яренскомъ уѣздѣ село Отъ.

Названія татарскихъ селеній въ уѣздахъ Малмыжскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ:

Петрошуръ,
Багашуръ,
Зяглудскій,
Гординскій,
Гурзяншурскій,
Уксеншуръ,
— Глазовскій уѣздъ.

Чемешуръ,
Корешуръ,
Кибья,
Гужно — Шур — Кибья,
Бадья,
Гучим-бадья,
— Малмыжскій уѣздъ.

Вотскіе Юраши,
Мукшуръ,
Гужношуръ,
Бобья-уча,
Жикья,
Буружикья,
Искал—Шуръ—Обдесъ,
Урдесъ,
Лек—очмес—мунья,
Мувожи—пельга,
Мокья,
Сед—очмес—пельга,
В. Иже — бадья,
Бусурманъ - можга,
Ивати — можга,
Чебер—шур,
Вишур,
Бытцимес,
Варза,
— Елабужскій уѣздъ.

Иж — бадья (Сарапульскій).
(Списокъ населен. мѣстъ Вятской губ. 1882).

Татары принесли нѣкоторую культуру вотякамъ (болгарскую), что видно татарскихъ словъ, употребляющихся вотяками:

Jurt—домъ.
Janak - косякъ.
Arbar —дворъ.
Munco - баня.
Kibét — лавка.
Bakca — садъ.

Экономическія понятія:

Altin — золото.
Bai богатый.
Gabrat — польза.
Pajda—прибыль.

Соціальныя и юридическія понятія.

Alpautjal—господинъ.
Buldant—возмутиться.
Mörelik — владычество.
Teksir — изслѣдовать.
Tatiulal мириться.
Kurlal - обвинять.
Ant — клятва.

Религіозныя:

Kargal — проклинать.
Tamuk—адъ.
Sölyk—грѣхъ.
Sadaka—милостыня.
Dünja—міръ.
Armak — рай.

О финской землянкѣ.

«Многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи «теплины», которая раскладывалась по срединѣ ямы..

Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ среди лѣса . . .» Добротворскій (Вѣстникъ Европы. 1883, III, 234).

Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямы видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки.

К. Жаковъ.

ОТДѢЛЪ II.

Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда.

(Этнографическій матеріалъ собранъ въ 1857 г.).

I, пословицы.—II, остроты.—III, загадки.—IV, байки.—V, прибаутки.—VI, причитанья.—VII, заговоры.—VIII, примѣты.—IX, толкованья сновъ.—X, разные обычаи, средства и гаданія.—XI, наставленія на разные случаи и два сказанія.—XII, припѣвы.—XIII, стихи, которые поются нищими и слѣпыми.—XIV, свадебныя и XV, игровыя пѣсни.

I. Пословицы.

Уходили бýрка крутыё горки, говорятъ о человѣкѣ, изнуренномъ печалью или работой.

Хвалóй продать, а хулóй купить.

Бывъ конь, да ѣжженъ, т. е. до старости дожилъ человѣкъ.

Всякой молодець па свой образець, т. е. всякій по своему дѣлаетъ.

Наступѝ на горло, т. е. просить чего безъ стыда, или безотвязно и насильно.

Нахрàпомъ—тоже.

Не торопись несь, не линись и роботать.

Онъ хлѣпъ, а хлѣпъ ево ѣсъ, говорятъ о человѣкѣ, который и при хорошей пищѣ худѣетъ.

Съ умомъ вездѣ человѣкъ, а безъ ýма голова—цѣрепѐня.

Крой, такъ писня пой; наплацѐссё, ковда шыть станёшъ, т. е. до дѣла не унывай; нагорюешься, когда дѣлать будешь.

Прѐслици держысь, какъ матушки: одинётъ какъ мàкушку, т. е. не лѣнись прясть, такъ хорошо одѣнешься.

Не всѣмъ старцямъ въ игуменахъ быть.

Бохъ да добрыё люди, т. е. помогутъ.

Больше брюха не съѣшъ.

Бей сороку и ворòну, доберѐссё и до яснова сокола, т. е. отъ худого человѣка дойдешь и до хорошаго.

Нé въ пору гось—хуже татарина.

Лишь добра не дѣлаётъ.

И не велякъ звирь, да лàписъ.

Въ тихихъ омутàхъ и всё цёрти ведуццо, т. е. смирные иногда хуже дѣлаютъ бойкихъ.

Не боиссё собаки, которая лаётъ, т. е. не опасайся человѣка, который дерзокъ на слово.

Залитѣла ворона въ царскіё хоромы, говорятъ о худомъ человѣкѣ, попавшемъ въ хорошій домъ.

Надоѣвъ, какъ горькая рѣтькя.

Ожжессё на ухѣ, такъ плюнёшъ и на́ воду, т. е. пострадаешь отъ большаго, такъ и малаго станешь остерегаться.

Самъ бы ѣвъ, да деньги надо—такъ хвалятъ товаръ при продажѣ.

Уци, ковда лежатъ поперёкъ лафки, а ушъ поздо уцить, ковда лежатъ вдоль ню лафкѣ, т. е. учи маленькаго, а не взрослаго.

Пожалуй ты скажошъ, на цьёй избѣ сорока.

Грѣхъ да бѣда па ково не жывётъ.

Конь и о цётырёхъ ногахъ да спотыкаетцё.

Ошыпки въ фальшу не ставягъ.

На бѣднова Макара и шышки валятцё

Гдѣ тонко, тутъ и рвётцё.

Мельникъ не бездѣльникъ.

Нѣмому—говбря, глухому—слушаньё, а хромому—хотьба̀.

Богу-ту дать, такъ и въ окно пошлётъ.

Бохъ не видимо дасъ.

Лахоё споро, не збудёшъ скоро.

На дѣлу̀ не обить, а послѣ дѣлу̀ хоть всё возьми.

Курицю енца не уцятъ, замѣчаютъ тому, кто учитъ старше или умнѣе себя.

Цитаётъ книгу, а видитъ фигу.

Дешевоё-то наведётъ на дорогоё.

Съ проста жывутъ годофъ по сту, а хитреци—лѣтъ до тритцети, т. е. простый живетъ долго, а хитрый—недолговѣченъ.

Съѣхались замбшане въ одномъ отводу, говорятъ другъ другу съѣхавшіеся въ тѣсномъ мѣстѣ.

Текъ-потекй, т. е. пошелъ-а.

На цюжой (покупной) кормъ скотины не покупай.

Станёшъ мотать, какъ не цёво глотать.

Перетъ смертью не нажытцо, а перетъ праздникомъ не наработа̀тцо.

Дорого, такъ не бери, а жалобы не клади.

Кошка скребётъ, всё—на свой хребётъ.

За вѣтромъ въ полѣ не угоняессё.

Вѣсь—не попова душа.

Ушъ такая аяа̀дра пала, отвѣчаетъ поссорившійся съ кѣмъ-нибудь спрашивающему его, т. е. не могъ воздержаться, или стерпѣть обиды.

Какъ на барщыну, говорятъ о лѣниво идущихъ на работу.

Ѣшъ не ѣшъ, а за вытъ поцьтёмъ, говорятъ худо ядущому.

Вѣть не родимоё пришло, т. е. можно и обойтись (безъ чего-нибудь).

Пуганая ворона и куста боицпо, т. е. много пострадавшій и малаго боится.

Своя рубашка ближе къ тѣлу, т. е. своя польза, или выгода важнѣе чужой.

Мо̀лодо-зѐлено, т. е. молодой человѣкъ не опытенъ.

Цѣной коня не купишъ т. е. не всегда дорогая лошадь—хорошая.

Стужа да нужа, нѣтъ ихъ хуже.

И на копѣйку украдётъ, всё дешевле купленова, т, е. и мало украдетъ, а всё-таки съ пользой.

Съ поклону голова не ва̀лятцё.

Бохъ цѣну стро̀итъ.

За цёмъ пойдёшъ, то и найдёшъ.

Всякоё дѣло мастера боицпо.

И худо пишу, да крѣпко вяжу.

Тише идёшъ, дальше будёшъ.

Нога ногу минуётъ, т. е. какъ-нибудь проживаетъ.

Пролитоё не бываётъ повно, т. е. что издержано, или опущено, того не воротишь.

Скоро, такъ не споро.

Попъ запоётъ, а кузнецъ закуётъ.

Какъ свѣтъ сонца, т. е. нетерпѣливо ждать чего или кого.

Худыё писни лутше хорошыхъ слёсъ, т. е. худое, или насильное веселье лучше печали.

Не уміёшъ шыть золотомъ, такъ бей и молотомъ, т. е. не умѣешь дѣлать хорошаго, такъ дѣлай и тяжелое, или неприбыльное.

Отъ пресляци не будёшъ богата, а развѣ—горбата.

Отошла коту маслениця—прошло привольное житье.

Право крылышко отпало, т. е. добраго человѣка не стало у кого.

Нашому теленку да вовка съисъ.

Торкъ да свàтаньё—любовноё дѣло.

Торкъ-яма, стой прямо, т. е. торгуйся, а послѣ не пѣняй.

Исъ пустой посуды не пьютъ, не идятъ.

Какъ сухая треска, говорятъ о сухощавомъ человѣкѣ.

Сытова гостя лекче потчывать.

Гинь жывотъ, а не гинь голова, говоритъ, напр., откупающійся отъ солдатства.

Кошку бранятъ, а нивѣскѣ на вѣтки даютъ.

На большомъ разговорѣ не бесъ промаха.

Навосъ у Бога крадётъ.

Манастырь любитъ докўку.

Богу нѣтъ, такъ цёрту спѣсь, говорятъ о скупомъ, который теряетъ, напр., деньги.

Авось въ обѣ стороны везётъ.

Хто сіётъ въ оприлѣ, у тово овёсъ опріётъ.

Самъ холопь, самъ и баринъ.

Хто хорошо говоритъ, тово не даритъ, а хто и худо говоритъ, тово не бранитъ.

Всякая слѣпая про себя смѣкаётъ, т. е. всякій думаетъ о себѣ.

Изъ-за костра и щепка востра, т. е. съ сильнымъ, или знающимъ человѣкомъ и худой дѣло дѣлаетъ.

Савасьянъ не узнавъ своихъ хресьянъ, говорятъ о человѣкѣ, не признавшемъ принадлежащаго ему.

И красно, да не лѣто, и добра, да не мать.

Одинъ въ полѣ не рапъ, т. е. при большой работѣ одинъ не много сдѣлаетъ.

Богатъ Бохъ милосью, а государь—жалосью, говорятъ о человѣкѣ, который считается богатымъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего.

У всякова попа свой устафъ, т. е. кто какъ дѣлаетъ.

Про свой домъ иди спрашывать къ сусѣду, про свою деревню—въ цюжую.

Ты свиснувъ, а я и смысливъ, т. е. ты намекнулъ, а я и понялъ.

На смирнова нанесутъ, а быстрой самъ наскоцитъ.

Хвала въ оци, хужи порци.

Ежелибы цёловѣкъ знавъ, то и не погибавъ.

Одинъ сынъ не сынъ, два сына—повсына, а три сына—цѣлой сынъ.

Зàдавъ пиръ на весь міръ.

Не хто пехавъ, самъ попавъ.

Споруйся до слёсъ, а не бейсё объ заклатъ.

Какъ съ мужомъ латъ, такъ не надо и клатъ.

Какъ зеть натъ тёщой раскуражывсё.

Материно молоко на рылѣ не опсохло, т. е. еще молодъ.

Пиво не въ диво, лишъ бы вино-то было.

Упрямка денёшку тереётъ.

Курйця не птиця, а баба не цёловѣкъ.

На що спѣсь, ковда гордось есь.

Смотри въ оба, да береги лоба.

За неимѣніемъ гербовой пишы и на простой.

Лѣнивая государщына.

Не хвались, а Богу молись.
Хвасливоё слово гнило.
Умнова ищы въ кабакѣ, сильнова — въ тюрьмѣ, а дурака — на пецѣ.
Денёшки дашъ, такъ будётъ мило.
И не любо, да смiйсё.
Въ цюжоё сцёсьё не вкуписсё.
Глаза карiе — люди бравые, глаза сѣрые — люди смѣлые.
Що написано перомъ, то не вырубишъ и топоромъ.
Гдѣ рука, тутъ и голова.
Всякова нѣта напашено съ лѣта.
Бохъ не Микеша: иновда и потѣшытъ.
Егорей съ водой, а Микола съ травой.
Варй, пока горечо.
Куй желѣзо, пока не остыло.
До неба высоко, а до царя далёко.
Называютъ другомъ, а обираютъ кругомъ.
Посмотримъ на бёрду, не будетъ ли блинёнъ, т. е. посмотримъ, какъ дѣло пойдётъ.
Огня масломъ не затушишъ, т. е. сердцемъ сердца не укротить.
Окуля Ули не лутше.
Не исъ туци громъ.
Цинъ цина поцитаётъ.
Ровно послѣ молоцёнья, т. е. проголодался.
Удальство не доведётъ до добра.
И цёренъ, да вѣренъ.
Руской цясъ тритцеть со днёмъ.
Разговоръ лутче пытки, т. е. въ простомъ разговорѣ человѣкъ скорѣе выскажетъ, чѣмъ — въ допросѣ.
Всякой самъ до себя добръ, т. е. кто хорошъ до людей, до того самого люди хороши.
Хоть не богатъ, да тороватъ, т. е. хорошо угоститъ.
Не буть гостю припасенъ, а буть гостю ратъ.
На здоровую ногу храмлёшъ, говорятъ богатому, который бѣднится.
И сытъ, и пьянъ, и денёшки есь.
Съ осени богато не жыви.
На тѣлѣ шовкъ, а въ брюхѣ щовкъ, т. е. одѣваотся хорошо, а ѣстъ худо.
И виденъ, да незавиденъ.
Есь въ карманѣ, такъ и шалишъ.
На голодныё зубы, т. е. богатство къ бѣдности.
Пить пей, да ума не пропѣй.
Царь—фторой бохъ.
Цертъ ногу переломитъ. Этимъ выражаютъ трудность понимания или сдѣланія чего-нибудь.
Нѣтъ ума, такъ своява не дашъ.
Слушай цюжыхъ умофъ, такъ научятъ.
Бохъ видитъ, хто ково обидитъ.
Пропивсё, какъ лопень, т. е. до-чиста.
Не отказная милостыня, т. е. никогда неотказывающiй.
Побѣкъ не красёнъ, такъ здорофъ.
И умру, да ногой лягнў, т. е. хоть и пострадаю, да и самъ здѣлаю же зло.
Не умирай скорцясь, т. е. не унывай слишкомъ.
Худыё дѣла не доведутъ до добра.
На всякую рыбу ѣдокъ есь, т. е. на всякую вещь найдется охотникъ.
Ево же не оплетёшы, т. е. не обманешь.

Деньги хоть не бохъ, а повбога есь.
Доряцёва до слёсъ.
Бесъ денёкъ и хорошой пьяница останőвицци.
Наша вивѣска всё трескаётъ, т. е. мы все ѣдимъ, или пьемъ.
Хороша милостинка во время.
Хорошо на расъ, а послѣ и золота не надо.
Бохъ и лѣсу не сровнявъ.
Старось не радось.
До старости дожыть—не полё перетти.
Руской пьётъ и съ радости, и съ горя.
Шеи потрёшъ, такъ и пауцисеё.
Хоть не много видавъ, да много слыхавъ.
Море потъ коровой, говорятъ женщинѣ, которая доитъ корову.
Пьяницю въ рай посади, онъ и тамъ вина запроситъ.
Попа бы и кормить этимъ сѣномъ—такъ хвалитъ свое сѣно продавецъ.
Цемъ испортивсё, тѣмъ и лицись, т. е. отъ вина страдаешь, такъ опохмѣлься.
Хоть теперь и горько, да послѣ слюбитца.
Міръ—золотая гора.
Брюхомъ изъ міру хлѣба не выносишъ.
Заваривъ кашу, такъ не жалѣй масла. Это разумѣютъ и въ буквальномъ смыслѣ и въ переносномъ, т. е. затѣялъ дѣло, такъ не жалѣй денегъ.
Не лошкой взеть, а ѣдокомъ.
Хоть богатъ, да неденеженъ.
Святая душа на костыляхъ—такъ привѣтствуютъ пріятеля.
Вовка ноги кормятъ.
Вовцьи зубы, да лисей хвосъ, т. е. временемъ умѣетъ и поговорить, а временемъ—и польстить на словахъ.
Хорошо доить, какъ корова стоитъ, т. е. хорошо дѣлать, какъ имѣешь власть, или силу.
Охота пуще неволи.
Хороша Аннушка, какъ хвалитъ баушка.
Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна.
Свои собаки грызуцдо, а цюжая не суйсё.
Не бей по рожѣ себя дороже.
Въ мірѣ що въ морѣ.
Семью поись, а съ пеци не лись.
Дорого ейцько ко Христову дню.
Семью помирь, а однажды отрѣжь.
И одинъ, да зорокъ, такъ ненадо и сорокъ (глазъ).
Не отъ тово обѣднѣли, що слатко пили, да ели, а отъ тово, що лениво роботали.
На обѣ кôрки, т. е. какъ лучше нельзя.
Деньги и на камнѣ диру вертятъ.
Пока не грянётъ громъ, руской не перекреститцо.
Ржаная каша сама себя хвалитъ.
Сйленъ цёртъ, да воли нѣтъ.
Тепло, да не лѣтомъ.
Мациха какъ земнёё совнышко, котороё хоть и свититъ, да негріётъ.
Большая запашка иновда село, а иновда—сило.
Жывова не клади за мёртвова.
Не полоса кормитъ, а загонъ.
Въ полё свезёшъ; такъ и исъ поля увезёшъ.
Гдѣ пирокъ съ крупой, тутъ и я съ рукой, гдѣ блины, тутъ и мы, а гдѣ оладьи, тутъ и ладно.
Какъ около киселыной катцы, т. е. ходитъ.

На сколько пива, на столько и писенъ.
На суслѣ пива не гадають.
Кисель-розгóня, т. е. послѣднее кушанье.
Нéцево на зеркало пѣнять, ковда рожа крива.
Дитя не плацеть, такъ и мать не разумiётъ.
У семи нянекъ дитя всегда безъ гласъ.
Первый блинъ, да и комомъ.
Одинъ и у кашы споръ.
Сѣрая кошка проскоцила, т. е. произошло неудовольствiе.
Хоть и кривая, да городовая.
Хоть и шадровитъ, да издали красовитъ.
Краса приглядитцо, а умъ пригодитцо.
И спитъ, да зорю видитъ.
Не вирятъ голодному, а вирятъ похмѣльному, т. е. скорѣе займешь на опохмѣлье, чѣмъ на хлѣбъ.
Голодной у воды не сижывалъ.
Не по-хорошу бываетъ мило.
Показалась ворона за яснова сокола.
Дорожныё люди довго не спятъ.
Съ бу̀хты-бара̀хты, т. е. не подумавши, или ни съ того, ни съ сего.
Великъ выросъ, да ума не вынёсъ.
Въ людяхъ-то Онанья, а дома-то не на̀йдёшъ, т. е. въ людяхъ-то любитъ, а дома —скупъ, или прячется.
Пéршыно дѣло и пëрсты знать.
Велика Өедора, да дура.
За морёмъ куници дешёвы, да провосъ дорокъ.
Топорной работы.
Послѣ струга да топоромъ.
Перво-ётъ готь и не надо потацьки давать (женѣ).
Казака можно узнать по идѣ: тихо ѣсъ, такъ не проворенъ и на роботу.
Що бы одна нога тамъ, а другая здись, т. е. какъ можно скорѣе.
Деньги не жывотъ: и голенькёй нажывётъ.
Рядись не торопись, а дѣлай хорошенькё.
Вольному воля, ходяцёму—путь, а вертяцему—кнутъ.
Себѣ на умѣ.
Не столько смертей, сколько скорбей.
Забуду̀щоё житьё, т. е. какого лучше желать нельзя.
Нецево Бога гнивить.
Бога забывъ.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Опоздя въ малинникъ съ большой зобнёй.
И жаль отця, да вести на повостъ.
Хоть не складно, да жалобно.
Нашла коса на камень.
Безъ Ивана пива не выпьёшъ.
Рыпка, да ряпки—потеряй деньки.
И блиско локоть, да не укусишъ.
Съ возу упало, такъ говори, що пропало.
Привела нужа пить исъ поганой лужы.
Не плюй въ колодець, придётцо напитцо.
Кинь колацъ на лѣсъ, послѣ пойдёшъ, найдёшъ.
Молодосью не жыть, а старосью не умирать.
И рубли да плацютъ, а и копѣйки, да скацютъ.
Дорогая кортома лутче дешевой купли.

Дёшово купишъ, домой не носишъ.
И не красиво, да скажошъ спасибо.
И пьянъ да умёнъ, такъ два угодья въ нёмъ.
У бабы волосъ долокъ, да умъ коротокъ.
Мушъ да жена—одна сатана, т. е. одно и то же.
Не спрашывай старова, а спрашывай малова.
При худѣ худо, а бесъ худа еще хуже.
Цюжую куроцькю щыпли, а свою за крылышка держы.
Сибѣ не досадишъ, такъ и другу не угодишъ.
Не бойсё просителя, а бойсё отвѣтчика.
Товаръ полюбитца, и умъ отступитца.
И худъ, да свой.
Умирать збирайсё, а хлѣпъ сій.
Що есь въ пеци, всё на стовъ мѣци.
Мушъ припасётъ, такъ и жена принесётъ.
Какъ змѣю за пазухой.
Нужда скацетъ, нужда пляшотъ, нужда песеньки поётъ.
Цёрнова кобеля не промоёшъ до бѣла.
Всякому свои сопли солоны, т. е. всякому свое хорошо.
На языкѣ медокъ, а на серцѣ ледокъ.
Послѣ меня хоть трава не рости.
Бабы каютцо, а дѣфки за мушъ ладятцо.
Хорошо дежéнь, да не ежедень.
Руской заднимъ умомъ крѣпокъ.
Не дальная дорога упитъ, а ближная.
Въ городѣ дёшево не купятъ, и дорого не тужятъ.
Потъ лёжацёй камень и вода не тецётъ.
Спя и лежа спасенья не получишъ.
Любишъ кататцо, люби и санки волоцить.
Съ пеци бы упавъ, да и не ушыпсё.
На цюжой сарай вилами не указывай.
Хорошъ колацъ въ цюжыхъ рукахъ.
Въ цюжыхъ рукахъ и колацъ великъ.
Съ кѣмъ хто не жывётъ, тотъ тово и не знаётъ.
При пирѣ, при брашкѣ всѣ друшки, а при горѣ круцинѣ нѣтъ никово.
Не носить плацёнова, такъ не видать и злацёнова.
Людямъ сватъ, такъ и намъ родня.
Охти мнѣ да тошнёшенькё!
Бѣда денёшку родитъ.
Женисcё, перемѣнисcё.
Дасъ не дасъ, а въ лопъ не подасъ.
Обо псѣ и поминки всѣ.
Тяпъ да ляпъ, да и клѣтоцькя, т. е. не успѣлъ бы приняться за дѣло, да и сдѣлалъ бы.
За цемъ пойдёшъ, то и найдёшъ.
Не горецись,—остынёшъ.
Бережонова и Бохъ бережотъ.
На огонь добра не натяжессё.
Нѣтъ Бога на вороту.
Тяжба не деньги, потрава не хлѣпъ.
Не поя, не кормя ворога сибѣ не нажывёшъ.
Хвативсё, какъ съ пеци сваливсё.
Умираёмъ, такъ горы сулимъ, а ожывёмъ, такъ и пальцёмъ пошевелить не хотимъ.
Въ одной порѣ не прожывёшъ.

Не попъ уцитъ прихотъ, а попа уцитъ прихотъ.
Цѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дрофъ.
Какова матка, таковы и дѣтки.
У одново отця да не однѣ дѣтки.
Не всё говори, що знаёшъ.
Еле душа въ тѣлѣ, т. е. до-нельзя пьянъ, или чуть живъ.
Знайсё, да не обнимайсё.
Не смiйсё, сестриця, сама въ дѣвицяхъ.
Не смiйсё ноги свися, потбери, да говори.
Звать велѣно, да итти не велѣно.
По просту, по деревенски.
Высоко заѣжжаётъ.
На жену, да на лошать, да на лотку не надiйсё.
По одёшкѣ тени и ношку.
Тоцно у Христа въ пазухѣ, т. е. тепло и хорошо.
Ратъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.
Лукавой попуталъ.
Не лёхкая занесла.
Согрѣшыли попы за нашы грѣхи.
Клинъ клиномъ и выгонеютъ.
Не то бѣда, що голова мала, а то бѣда, що въ карманѣ нѣтъ.
Хлѣбай щы съ грибами, а языкъ держы за зубами.
Врагу ницёво не желай, какъ только сына вора, да доць блеть.
Гдѣ ѣсъ, тутъ и каститъ.
Твердо он-то, да и заперто.
Голому съ дежнёмъ не собратцо.
Хоть не уѣдно, такъ улежно.
Тебя свяжутъ, да и намъ не утти.
Съ мiру по ниткѣ, а голому рубашка.
Лѣто припасйха, а зима приберйха.
Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать, а въ раю не бывать.
Голенькой охъ, а по голенькомъ Бохъ.
И худъ, да свой гласъ.
Цюжыё руки и лехки, да не къ серцю.
И хутъ свой, да не бей при мнѣ.
Що лѣтомъ припасёшъ, то зимой и принесёшъ.
Съ осени рѣпка, а съ молоду дѣфка.
Худыхъ дѣвокъ не слыхано, а хорошыхъ бабъ не видано.
Въ Офоняхъ да въ рыжыхъ коняхъ товку не бываётъ.
Богатова съ хвасливымъ не роспознаёшъ.
Вовкъ хватаётъ, а сытъ не бываетъ.
Макарьевской нищой.
Сколько голофъ, столько и умофъ.
Егорей проситъ возъ сѣна, а Микола—копну.
Добро вепомнитцо, а зло не забудетцо.
Дуракофъ не сiютъ, не орутъ, а сами родятца.
Мяхко стелётъ, да жоско спать.
Сиди у моря, да жди непогоды.
Око и видитъ, да зупъ неймётъ.
Покойника съ повоста не вороцѣютъ.
Гось на дворъ, такъ и бѣда на дворъ.
Сытой голодному не виритъ.
Соловья басни не кормятъ.
Пить до дна—не видать добра.

И позáдѣ, да въ томъ же стадѣ.
За вѣтромъ въ полѣ не угониссё.
Дальше моря — меньше горя.
Отольютцо медвидю коровьи слёзы
Каково на дому, таково и самому.
По какой водѣ плыть, ту и воду пить.
Не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.
Прозѣваёшъ, такъ и воду хлѣбаёшъ.
Наливай тёща на гущу, зеть въ гости сулитцо.
Не шлà, не ѣхала, т. е. ни съ того, ни съ другого, иногда—такъ и быть.
Съ боку припёка.
Не тала́—не удалось.
Уговорись на берегу, да потомъ за рѣку.
Съ именемъ Иванъ, а безъ имени болванъ.
Розъѣвсё Трофимъ, не прибавить ли дробинъ?
Дожылъ до тюки: ни хлѣба, ни муки.
Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.
Вертитцо, какъ сорока—на колѣ.
Ѣшъ собака, да не въ той шерсті, т. е. дамъ, да не тебѣ.
Какъ берёсто на огнѣ.
Тесь любитъ цёсь, а зеть любитъ взеть, а шуринъ только глазомъ щуритъ.
Далеко кулику до Петрова дня.
Мёртвой у воротъ не стоитъ, а своё не возьмётъ.
Шельма соль въ конецъ зоритъ, а батюшко винцо на ноги становитъ.
Видитъ, тикъ и бридитъ, т. е. знаетъ, что съ рукъ сойдетъ, такъ и шалитъ.
Пòходя спитъ.
На деньги нѣтъ заговинья.
Шей да пори, такъ не будётъ простой поры.
Тре́ску боетцо, такъ и въ лѣсъ не ходитъ.
Не пережывай постылова, возьметъ Бохъ и милова.
Портной гадитъ, а утюкъ гладитъ.
Мать плацётъ тоцьно рѣка льётцо, сестра плацётъ—ровно цястой дожжыцёкъ идётъ, а жена плацётъ—ровно роса моцитъ.
Люблю друга, да не какъ себя.
Сулі—богі не клади, т. е. не жалуйся.
За́ поясъ заткнётъ.
Нивѣскѣ на отмѣску.
Пыль въ глаза бросить.
Сколько не горевать, а хлѣба не миновать.
Самъ съ усамъ, т. е. себѣ на умѣ, или за себя постоитъ.
Цюжой хлѣпъ поетъ: ноцью спать не даетъ.
За́жывъ Са́жынъ, и гласъ не знать, т. е. хорошо сталъ жить.
День погулеётъ, такъ нидилю потереётъ, говорятъ о теленкѣ во время осенняго времени.
Цюжой хлѣпъ дорокъ уку́сомъ.
Какъ на гору поливаютъ.
Москва любитъ съ носка́, а Питеръ на цистаганъ.
Иже не ври же, ѳита не мѣшай.
Надо стрилить, да угодить.
Раннёё те́лятко, а познёё е́гнятко.
Не всякоё слово въ строку.
И не нашы сини подламываютъ, говоритъ крестьянская дѣвка въ оправданіе своего распутства.
Первая царка коломъ, а другая соколомъ.

Охотка не хлябай.
Знай смётку: не умирай скорцесь.
Всякой пляшотъ, да не какъ скоморохъ.
Фу, ты грошъ! говорятъ заносчивому.
Дай Бохъ цитей, да какъ у людей.
Пилось бы, да ѣлось, да роботка на умъ не шла.
Къ руцькямъ куделькя.
Нацявъ гулеть, такъ не другой день терéть.
Послушай-ко, ребина, що лѣсъ говоритъ.
Ровно воду поливаютъ.
Гулящему не оставлеетцо.
Дѣло-то дѣлаютъ съ начала, а не съ конца.
Провдкавъ голову, т. е. до—нельзя наскучилъ.
Цёловѣкъ какъ окрипнётъ, такъ крипцё камня будётъ, а ожызнётъ, такъ жыже воды будётъ.
Ношная деннўю перекокуётъ, т. е. жена больше уговоритъ мужа, чѣмъ другой кто.
Потише, Епиша, кади, да святыхъ не опали, говорятъ вздорному, или начинающему шумѣть.
Кому на комъ женитцо, тотъ въ тово и родитцо.
У попа купи лошать, а у ямщика—шубу.
У ямщика не покупай лошади, а у попа—шубы.
Хто чемъ занимаетцо, у тово и нѣтъ тово; напр. у сапожника—хорошихъ сапоговъ, у кузнеца топора.
У горяцихъ щей, т. е. близко.
Кошецьи подарки, т. е. подарки не надолго.
Посердиссё, да не свернессё.
Короткà кишка, т. е. столько не будетъ.
Въ дошъ косить, а въ вёдро грести.
Губа не дура
Не носить плацёнова, такъ не знать и злацёнова.
Въ перьѣ, т. е. богатъ, или на славѣ.
Во всю ивановскую.
Нашъ Овтонъ не тужытъ опъ томъ.
Дольше обрятъ, такъ слаще обѣтъ, т. е. подольше попостишься, такъ получше поѣшь.
У мужа жена всегда виновата.
Дѣлать не дѣлать, и отъ дѣла не бѣгать.
Довгá пиеня, т. е. долго.
На умѣ-то петь и восемъ, т. е. то и се.
Два дурака въ однѣ ворота.
Какъ на огнѣ горитъ, т. е. скоро.
Маленькая собацькя лаётъ, отъ большыё слышытъ, т. е. маленькій говоритъ то, что отъ большого слышитъ.
Цястой посѣфъ краситъ, а рѣткой кормитъ.
Даровому коню въ зубы не смотрятъ, т. е. и отъ малаго дарового нéчего отказываться.
Врётъ, какъ сивой меринъ.
Робота погана, да деньги цисты, говорятъ, напр. кожевники.
Двѣ бабы рынокъ, а три—ярманка.
Горой стойтъ.
Набитая шельма, т. е. большой руки плутъ.
Терпишъ, терпишъ, да и лопнёшъ.
Охота смéртная, а добыця горькяя.

Братъ любитъ сестру богатую, а мушъ—жену здоровую.

Дай Бохъ хресьенину лошать хорошую, а бабу—худую. Этимъ выражаютъ то, что для крестьянина лучше имѣть при худой женѣ хорошую лошадь, нежели—худую лошадь при хорошей женѣ.

II. Остроты.

Снизу подрубить, да сверху нарубить, да средину новую вставить, такъ славной (напр. анбаръ) будётъ.

Богатъ скотомъ: корова бурая, другая будётъ, третьяя есь, цётвертую суливъ тесь, пятая будётъ, шестую купить надо.

У савдата никовда не бываетъ падежу.

Золотыё руцьки: въ три дни зобенькю, а по три на деньгу.

На томъ свитѣ угольемъ, т. е. заплатитъ.

Стали рожжыватцб: стало земли отъ симянъ оставатцо.

Сыта кума, ковда гущы не ѣсъ.

Рожжывёмсё, въ пастухи наймемсё, такъ цѣлая деревня будётъ въ довгу.

Жыренъ, какъ заець, а бѣвъ, какъ уголёкъ.

Блудлифъ, какъ кошка, а труслифъ, какъ заець.

Въ два ножыка водицы покрошы.

Послиднёё кушаньё—кресты.

Тебя и въ Питерѣ въ трёхъ домахъ знаютъ: въ двухъ не жывутъ, а въ третьёмъ пугаётъ.

Въ иную шадрѝну совнышко не заглядывало.

Не успѣютъ меня попотшывать, а я ушъ и не могу отговоритцо.

Въ руки стакан-отъ возьметъ, да потомъ ушъ отговариваетцо.

Поцѣлуй пробой, да и ступай домой.

На третьёмъ словѣ—лысинка, говорятъ лгуну.

Лутше кладутъ въ могилу.

Шáпошное знакомство.

Молода: первая голова на плецяхъ и кожа не вороть.

Дай рожыцы о святкахъ попугать, говорятъ безобразному.

Объидёшъ и много подвотъ, какъ постоятъ, говорятъ хвастливому ѣздоку.

Пирокъ съ аминёмъ, т. е. простый.

Шовъ па даскѣ, да и упавъ въ гресь.

Спорина̀ въ щоки, говоритъ острякъ ядущему. Кумоха́ въ зубы, отвѣчаетъ тотъ.

Ззади-то блаженъ мушъ, а спередивскую шаташася.

На томъ свитѣ давно тебя съ фонаремъ ищутъ, говорятъ старому, или больному.

На томъ свитѣ за тебя давно ушъ паёкъ получёютъ.

Голоду и холоду анбары стоятъ, стужы и нужы грятки висятъ.

Цёртъ о крещеньѣ приходивъ льду просить, да и тому отказавъ, говорятъ о скупомъ.

Вѣкъ на ево такой пошыбоцьки не бывало, говоритъ услыхавшій о смерти кого-нибудь.

Даръ божей, отвѣчаетъ пьющій худое пиво вопрошающему его о качествѣ его.

Стриженая дѣфка косы не заплетётъ, какъ я здѣлаю.

Безносой, говорятъ долгоносому, и наоборотъ: довгоносой—безносому.

Що рано? говорятъ дѣлающему что-нибудь поздно.

Самъ на здоровьё! говоритъ хозяинъ недогадливому гостю, относя отъ него стаканъ къ себѣ.

Отця да матери, отвѣчаютъ на вопросъ: кто онъ таковъ.

О сварьбѣ женю.

Въ Ярославъ за песнями, отвѣчаютъ любопытному.

Кабы за петь вёрсъ, такъ не утти бы, говоритъ идущій зимою босый.

Кабы до Питера, такъ не дотти бы, замѣчаетъ едва несущій что-нибудь.

Подаришъ уѣхавъ въ Паришъ, а оставсё братъ ево родной купишъ, говорятъ напрасливому просителю.

Гуси литятъ, кричатъ бѣгущему зимой босому, чтобы онъ засмотрѣлся.

Що ты покраснѣвъ?—женитцо захотѣвъ. А що ты поблѣднѣвъ?—женивсе!

Зивясьте ушы, мущыны: дѣвицы врутъ.

Ковда въ церкофь ни придётъ, всё поютъ: Христосъ воскресе, говорятъ о рѣдко ходящемъ къ богослуженію.

Найдёшъ, такъ я укажу—где.

Вонъ, говорятъ, не указывая ищущему чего-нибудь.

Сороци не сороци. а быть рублю дватцети, говорятъ считающему алтынами.

Изъ отвода въ полё, } говорятъ худому стрѣльцу.
Въ овинъ головой, }

Не лей масла, безъ масла худо.

Два дни не ѣтшы, а третей голодомъ.

Мухи меня не знали, а тараканы и не слыхали.

Нѣтъ дома—на пецѣ.

Роскатись полинница безъ дрофъ.

Люблю тебя, какъ я у тебя; нош̆ъ на меня, какъ ты у меня.

Просивъ бы ты сибѣ у Бога цѣрёдной смерти; или—деревяннова балахона (гроба).

Вопросъ: поцёму ты ходишъ босъ? отвѣтъ: лаптей нѣтъ.

III. Загадки.

Маленькёй, горбатенькёй всё полё опскакавъ, да всѣ загоны сосчытавъ (серпъ).

Идётъ свинья къ овину, на обѣхъ концяхъ по рылу (ночви).

Крукъ кургана, да крукъ кургана щовкали-щовкали, да и домой розошлись (молотятъ).

Цѣво натъ собой не видишъ (роста своего).

Маленькёй Ярофійко въ петелькѣ вадавивсё (запанокъ).

Що въ избѣ за булыглазды (сучекъ).

Що въ избѣ за медвѣжей гласъ (тоже).

Ѣду-ѣду слѣду нѣтъ, рѣжу-рѣжу крови нѣтъ (плыть въ лодкѣ).

Цётыре цётырки, двѣ рощопырки, семой вертокъ (у коровы четыре титки, два рога и хвостъ).

Мохнатко принёсъ пузатка (изъ кудели простень).

День корпитъ и ноць корпитъ, только утро спитъ (заслонка у печи).

Не рукъ, не нокъ по стинѣ повзётъ (солнышко).

Виситцё, бовтаетцё, всякъ къ нему притыкаетцо (рукомойникъ).

Рукой до неба достану (т. е. до нёба во рту).

Какая въ цёловѣкѣ есь некрещоная кось (зубъ).

Цясы да рясы, андили въ поясахъ, самъ христосъ пеленой покрытъ (колосья, снопы и суслоны).

Бѣдной бросаётъ, а богатой потбираётъ (сопли).

Литѣвъ тенъ на Петрофъ день, сѣвъ тенъ на пенъ, ставъ тенъ плакать, волоса вянутъ, дуброва шумитъ (молотокъ, наковально и коса).

Скрыпитъ скрыпиця, везутъ дѣвицю. Коваль, коваль! пусти нацёвать, вёдро—такъ ноцькю нацюю, а не вёдро—такъ нидильку погощу (снопы и овинъ).

Стоитъ Трошка на одной ношкѣ, крошытъ крошенину ни себѣ, ни другу (свитецъ).

Клюкъ-клюкова́нъ! повно за морё ходить, повно золото клевать. — Мовци, хохла́ць, и тибѣ не миновать (клюка—помело).

Косо-лукаво, куды побѣжало?—Зелено-кудряво,—тебя стерецци (косый огородъ и озимь).

Мидяно гувёшко, овсяной ворошо̀къ (сковорода и блины).

На улицѣ кiски, въ избѣ пояски (мохъ, снаружи не обсѣченный, а внутри дома обсѣченный).

На́ морѣ на вѐзѣ два бога увезли, пришовъ спасъ, ткнувъ въ гласъ (ушатъ и водоносъ).

Два быка бодуццо, въ одно мѣсто не сойдуццо (полъ и потолокъ).

Утка въ морѣ и хвосъ на волѣ (ковшъ, на краю кадки повѣшенный).

Два ворона литятъ, одну голову идятъ (два бруса въ избѣ въ одномъ мѣстѣ концами).

Въ лѣсѣ оно, съ лѣсомъ ровно и не видно ево (сердце въ деревѣ).

Въ лѣсѣ тятя, на конюшнѣ взято, на колинахъ плацётъ (балалайка).

Дерну-подёрну Ярасиму по горло, по бѣлому суконцю, по бархатцю (серпъ).

Ни щелей, ни дверей, а повна цѐркофь людей (огурецъ, или тыква).

Вышла цѐцётка въ семидесяти испоткахъ, витеръ подуётъ—и задниця гола (курица).

Цёркофка, соловейкофка, нихто её не гладитъ, сама глатка (яицо).

Маленькёй попокъ сорокъ ризокъ оболокъ (кочанъ).

Цёво въ сундукъ не запереть? (солнышка).

Цёво въ руки не взеть? (тѣни).

Лежытъ брусъ во всю Русь, встанётъ, такъ до неба достанётъ, а лягкотъ, такъ всю Русь обойдётъ (большая дорога).

Два коньця и два кольця, о серёткѣ гвосъ,—отгадывай небось (ножницы).

Цѣмъ болѣ я верцюсь, тѣмъ болѣ богатiю и тѣмъ болѣ я товстiю; какая это цёсь? отецёсво мнѣ лѣсъ (веретено).

Сиця сицётъ, деревяшка везётъ (зубы и ложка).

Безъ рукъ, безъ ногъ богу молитцо (мотовило).

Петь-петь овець стокъ подъѣдаютъ, опеть петь овець труху обираютъ (десять пальцевъ во время пряжи).

На улицѣ колацёмъ, а въ избѣ пирогомъ (собака).

Бѣжавъ мимо Поповскова, видявъ дѣло таковское: головы розбиты, брюхи распо̀роты (разрѣзанные снопы во время молоченья).

Полё полеванскоё, кони астраханскiё, самъ пастухъ, какъ красно совнышко (небо, звѣзды и мѣсяцъ).

Тоне́нькё-маленькё, хто ево убьетъ, тотъ крофь свою прольётъ (комаръ, напившiйся человѣческой крови).

Въ камнѣ спавъ, по желѣзу вставъ, по дереву пошовъ, какъ соковъ пролитѣвъ (огонь).

Рыжко ржотъ и домой нейдётъ (жернова).

За лѣскомъ-лѣскомъ, за березницькомъ, рыжко ржотъ и домой нейдётъ (языкъ).

Кину я китко̀мъ, выростётъ клупкомъ потъ зелёнымъ саткомъ (рѣпа).

Середи поля цистова стоитъ голенищо съ дёхтемъ; въ этомъ голенищѣ дёготь не дёготь, и смерть не далёко (вино).

Два стоятъ, да два лежатъ, пятой ходитъ, ше́стой водитъ (двери въ косякахъ).

Съ локоть мохнато, да съ локоть голо, да съ локоть въ гузно ушло (пряслица съ куделей во время пряжи).

Стоитъ мужыкъ на берегу, сцытъ за рѣку (квасникъ).

У дѣвушки-сиротки загорѣлоё въ сереткѣ, у доброва молотця покапало изъ конця (самоваръ).

Два яблоцькя въ мошку̀, да моркофка на верьху (два глаза, да носъ).

Родили меня въ каменной горѣ, крестили меня въ огненной рикѣ, привезли

меня на торжыщо, поставили въ устороньщу, пришла молода жена, побрякала златымъ перснёмъ: ушъ ты цяло милоё моё, твои кости рассыпущыё, онѣ во гропъ не кладущыё, по тѣ люди неплакущыё (горшокъ).

Що въ избѣ за тоньцикъ? (голбецъ въ избѣ).

Що въ избѣ за медвѣжья лапа? (помело).

Идетъ свинья исъ Питера, вся истыкана (наперстокъ).

Въ полѣ въ ровѣ двѣнатцеть сосенъ, въ роговѣ цетыре, во ржовѣ двѣ (титки: у свиньи 12-ть, у коровы 4-ре, у лошади 2).

Цево на крюцёкъ не повисишъ? (яйца).

Що всего милѣе? (сонъ).

Взойду ли я на гой-гой-гой, взыграю ли я на рюй-рюй-рюй, утѣшу я, утѣшу старця въ кильѣ, младенця въ зыпкѣ, старую старушку за зыбоцькёй, красную дѣвицю за пелецькими (колокольный звонъ).

Вся шуба въ заплатахъ, а игла не бывала (пестрая корова).

Стоитъ въ полѣ древо древаское, на этомъ древѣ семъ угодьёвъ: первоё угодьё—въ избѣ обиходьё, другоё угодьё—въ кругу вертитцо, третьёё угодьё—старому, да малому потѣшка, цётвертоё угодьё—на цёрвку крышъ, пятоё угодьё—по дорошкѣ слѣгъ, шестоё угодьё—во всю ноць свѣтъ, семоё угодье—всему міру масло (береза, отъ которой голики для метенія избъ, веретено, вѣники, скала, лапти, лучина и деготь).

Стоитъ на горѣ, а рубашка въ пазухѣ (свѣчка въ подсвѣчникѣ, свитильно въ свѣчѣ).

Стоитъ спасъ, пришовъ Микола и ткнувъ въ гласъ (ключь въ замокъ).

Цево къ стинѣ не привалишъ? (дороги).

Цево на кровлю не закинёшъ (пера).

Роспехну мохнушу, да суну голыша (въ шубную рукавицу—руку).

Церьненькё, маленькё весь кряшъ поворотитъ (блоха—человѣка).

Повно потпольё гусей, лебедей (зубы во ртѣ).

Потъ полом полом стоитъ, барови съ колом (кошка съ хвостомъ).

Бласлови меня, батюшко, серогарь, семотарь, промешъ ноги-те бубень, въ обѣ руки—по дудѣ (значитъ: благословясь сѣрую корову, которая бьетъ хвостомъ, доитъ въ дойникъ).

Стоитъ въ полѣ Орина—ротъ розиня, три поля съѣла, ещо голодна (овинъ, на которомъ молотятъ изъ трехъ полей хлѣбъ).

IV. Байки.

О, лю-лю-лю, мое дитятко!
 Лю-лю-лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).
Спи-тко, усни, да упокой тебя возьми.
Спи по ноцямъ, да рости по цясамъ.
Днемъ давай дѣлать, а ноцью—спать.
Тибѣ спать не писать, только гласка сажать.
Спи-ко подолѣ, такъ выростёшъ поболѣ.
Выростёшъ большой, станёшъ въ золотѣ ходить.
Въ золотѣ ходить, цисто серебро носить.
Няньки и мамки кацейте дитя,
Сѣнныё дѣвушки прилюлькивайте.
Нянькамъ и мамкамъ я всѣмъ заплацю:
Сѣннымъ-то дѣвушкамъ по лентоцькѣ,
Старымъ старушкамъ по завязоцькѣ.
Сонъ да дрема поди къ дитятку въ глаза.

Сон-отъ говоритъ: я дитя усыплю.
Дре́ма говоритъ: я мило́ва угремлю.
Сонъ ходивъ по сѣнямъ, дрема по́ терему.
Ищутъ онѣ да колыбелоцьки.
Гдѣ-то здись колыбелоцькя виситъ?
Виситъ колыбевка въ высокомъ терему̀.
Во высокомъ терему, да на кленовомъ оцепу̀.
На серебряныхъ на кольцахъ, на шолковомъ поясу.
Лежытъ мой (имя рекъ) въ шытомъ бранномъ пологу̀.
Сонъ да покой дитя мило успокой.
Спи-ко, дѣвиця, спи, красавиця.
Спи, красавиця, бесприда̀нниця.
Спи-ко маленькяя, спи хорошенькяя.
Спи хорошенькяя, спи пригоженькяя.
Спи въ камкѣ, пробудись въ тафтѣ.
Пробудись въ тафтѣ, въ аломъ бархатѣ.
Выростёшъ большая, станёмъ замушъ отдавать
(или станётъ батюшко женить).
Станёмъ за̀мушъ отдавать, и пойдёмъ пропивать.
Спи-тко, дитя, ты усни-тко, мило̀й.

Котъ-котона̀й, приди (имя рекъ) покацяй!
Баю-бай-баю-бай (повторяется послѣ каждой строки).
Я тибѣ, коту, за роботу заплацю́.
Хлипця кусокъ, дамъ говединки другой.
Говедннки другой, выбирай сибѣ любой.
Що доро́гой на кота нападала воркота́.
На мило́ва на дитя находила дремота.
У кота было кота, есь постелюшка мяхка.
У нашево (имя рекъ) помяхцё ево.
У кота было кота, есь зголовьё высоко́.
У нашова у дитятка повыше ево.
У кота было кота, есь одиялецькё тепло.
У нашово у дитятка полутче ево.
У кота было кота, есь кроватоцькя нова.
У нашево (имя рекъ) колыбевка хороша,
Вся раскрашеная, вся расписаная,
Сто́йки то́ценые, позолоцёные.
У кота было кота, была мациха лиха.
Мациха лиха, коту иць не дала.
Котикъ осердивсё, на пецькю ушовъ.
На пецькю ушовъ, трои лапти сплёвъ
Сибѣ и женѣ, малымъ дѣтонькямъ
По міру ходить, кошели волоцить.
У нашова у дитятка матушка добра
Матушка добра: (имя рекъ) титецьки дала.
Титецьки дала и пожаловала:
Дитятко, покушай, мило́ё поеси,
Милоё поеси и побольше поспи.

О, лю-лю, моё дитятко!
Лю-лю, лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).
Дитятко, дитя маленькоё,
Маленькоё, крохотанченькоё,
Спи-тко, усни, упокой тебя возьми.
Свищюшка усни. моя свѣтлая поспи.
Спи-тко, усни, большой вырости.
Выростёшъ великъ, станёшъ въ золотѣ ходить,
Въ золотѣ ходить, цисто серебро носить.
Спи-тко, крошецькя моя, спи-ко маленькяя.
Умолённоё моё, упрошоноё моё.
Упросила, умолила я у истиннова Христа.
Бохъ мнѣ тебя давъ, да Богородиця дала,
Богородиця дала, мнѣ пожаловала
Крошецькю мнѣ и малютоцькю.
Андили съ тобой, всѣ хранители съ тобой.
Всѣ хранители съ тобой, Спасъ, Микола натъ тобой.
Спасъ, Микола въ головахъ. кресна сила на грудяхъ
Михайло Арханьевъ да со ангелями,
Кузьма и Демьянъ со апостолами—
Онѣ тебя хранятъ, онѣ и милуютъ
Отъ болизней, отъ скорьбей, отъ тяжолыхъ болѣстей.
Сонъ да покой (имя рекъ) радось упокой.
Сонъ да дрема пòтте (имя рекъ) въ глаза.
Сон-отъ съ дремой да роспоровались.
Сон-отъ говоритъ: я найду, усыплю.
Дрема-та говоритъ: я найду, удремлю.
Ходятъ онѣ по высоку терему,
Ищутъ онѣ колыбелоцькю:
Гдѣ-то жо здись колыбелоцькя виситъ?
Въ этой колыбевкѣ (имя рекъ) маленькёй лежытъ.
(Имя рекъ) спитъ ли не спитъ, побудить ево не смить.
Виситъ колыбевка во высокомъ терему,
Во высокомъ терему, въ шытомъ бранномъ пологу,
На серебряныхъ на кольцахъ, на кленовомъ оцѝпу,
На кленовомъ оцѝпу, на шовкóвомъ поясу.
Спи-тко, милóй, да усни-тко, дорогой.
Спи, усни здорово, вставай веселó.
Вставай веселó, на улицѣ россвѣло.
На улицѣ россвѣло, да мы пойдёмъ на село.

О, лю-лю, мое дитятко!
Лю-лю, лю-лю (поторяется послѣ каждой строки).
Спи-тко, усни, дитя материно.
Спи-ко ты, дитятко, съ Богомъ. со Христомъ.
Всѣ ластоцьки спятъ и касатоцьки спятъ.
Куницы спятъ и лисицы спятъ.
Сóколы спятъ и сóболи спятъ.
Нашому (имя рекъ) спать жо велятъ.
Для цёво за цёмъ (имя рекъ) не спать.
Ластоцьки спятъ всѣ по гнёздышкамъ,
Касатоцьки спятъ всѣ по кустицькямъ,

Лисици спятъ всѣ по поткустицькямъ,
Куници спятъ всѣ по нороцькямъ,
Со́колы спятъ всѣ по гнёздышкамъ,
Со́боли спятъ, гдѣ имъ здумалось,
Маленькiё дѣтки въ колыбелоцькяхъ спятъ.
Спи-тко, (имя рекъ) и милашенькя.
Спи-ко, робёнокъ дорого́й, ненаглядной, золотой.
Спи-тко подолѣ, выростёшъ поболѣ.
Выростёшъ великъ, станутъ дѣвушки любить,
Станутъ дѣвушки любить, станутъ молодушки хвалить,
Станёшъ въ школу ходить, станёшъ книшки уцить.
Выуциссё въ книгѣ, станётъ батюшко женить,
Станёшъ сватацци къ нивѣстамъ, станёшъ слыть женихомъ.

О, лю-лю моё дитятко!
Баю-бай, баю-бай (повторяется послѣ каждой строки).
Баюшки убай, моё милоё,
Котенькя-котокъ, котя сиренькёй хвостокъ,
Хвостикъ сиренькёй, лапки биленькiё,
Лапки биленькiё, ушки цёрненькiё.
Повадивсё котокъ ко вдовушкѣ въ погребокъ,
Ко вдовушкѣ въ погре́бокъ, по сметанку, по творокъ,
По сметанку, по творокъ, по пресно́ё молоцькѣ,
По пресно́ё молоцькё и по сыворотоцькю.
Увидали жо кота красны дѣфки изъ окна,
Поимали жо кота поперёкъ жывота,
Ушыбли жо кота объ уго́въ головой.
Вотъ-те на-тко жо: котокъ за сметанку, за творокъ,
За смѣтанку, за творокъ, за пресное молоцькё,
За пресно́ё молоцькё и за сыворотоцькю
Тутъ-то нашъ котъ и концивъ жись.

V. Прибаутки.

1. Расъ какъ-то одинъ мужыцёкъ спросивъ своево знакомова: «куды ты, братъ, такъ скоро идёшъ»? — «Женитцё» — отвицеётъ тотъ съ куражомъ. Цёресъ сколько-то времени этотъ знакомой опеть попавеё ему на встрицю, идётъ тихо и голову опустивъ.— «Що ты, братъ, такъ тихо плетёссё и повисивъ голову»? спрашиваётъ онъ ево.— «Женивсё» отвицеётъ тотъ сквозь зубы.

2. Одинъ хресьененъ сильно занемокъ; потходитъ къ нему сынъ ево и со слезами говоритъ ему:—какъ я, батюшко, безъ тебя стану жыть? Не знаю, какую роботу ковда дѣлать...—Ходи поцясце въ полё, да вставай повыше и гледи, що тамъ дѣлаютъ люди, то и ты дѣлай, бывъ отвѣтъ оцця.

3. Однажды сусѣтка приходитъ къ своей кумѣ, которая пекла блины; кума стала её потшывать.. Сусѣткѣ больно поглянулись блины и сильно хотѣлось поись, а блины были тоненькiё, знацитъ, она много могла съись ихъ, а съись много сусѣткѣ было стыдно. Какъ жо дѣлу быть?... Сусѣтка пошла на хитрости: мѣсто одново блина стала завёртывать по три, и думала, що кума не видитъ этово; наконецъ, перекрестилась и сказала:—спасибо, кумушка, на трёхъ блинкахъ.—На здоровьё, кумушка, трою по

три, отвицяла та.—А що ты, кумушка, десятова-то не съѣла»! продовжала она, потому що сама была изъ лофкихъ бапъ и всё видяла.

4. Были два сусѣда; у одново жена была маленькая и цёрненькая, а у другова — женщына видная и бѣлая, какъ снѣкъ. Расъ какъ-то сусѣтки порозмоввили мешъ собой, и послидняя упрекнула первую въ томъ, що она и мала ростомъ, и цёрна собой. На що та отвицяла: «и цёренъ макъ, да бояра ицятъ, а и бѣвъ снѣкъ, да собаки кастятъ, а и довга грятка, да винники висятъ, а и мала трупка, да золото вьютъ».

5. «Богатова съ хвасливымъ не роспознаёшъ», говоритъ пословиця. А и хвастунъ иновда попадётъ на другова, що не уступитъ. Одинъ росхваставеё, эдакъ жо, и обѣщавеё большой стовъ укласъ билетиками. Довго слушали хвастуна и, наконець, одинъ, жалая перехвастать ево, сказавъ: «ты большой стовъ укладёшъ билетиками, а я на каждой твой билетикъ положу по горстѣ золотыхъ».

6. Лититъ муха изъ городу, ей на встрицю попадаётъ блоха и спрашываётъ:— откуды и куды ты, кумушка, литишъ? — Изъ городу въ деревню, отвицеётъ та; мнѣ лутше жыть въ деревнѣ; въ городу всё заперто, продовжаётъ она, нéцёво поись, а въ деревнѣ я у одниxъ робетишокъ на рылѣ наимсё, да и хлѣпъ бываётъ всегда на волѣ. — А мнѣ такъ лутше въ городѣ жыть—моввила блоха — въ деревнѣ мужыкъ всё на роботѣ, а ковда придетъ спать, то стукнетцо, какъ камень; тово и гледи, що раздавитъ тебя на жоской постелѣ; въ городѣ я заберусь въ пуховикъ и не думаю, що меня раздавятъ; покусаю, хто мнѣ попадётцо, да и спрецюсь опеть въ пуховикъ.

7. Сидѣла одна слѣпая старуха, да вдрукъ що-то росхохоталась. Дити и спрашываютъ её: «що ты, матушка, такъ развеселилась?»—«Здумала о пріятномъ прошломъ», бывъ отвѣтъ старухи.

8. Бывъ одинъ знатокъ, которой хоть ни шва не разумѣвъ, но всегда выдававъ себя за знатока. Вотъ однажды приходитъ къ нему баба и проситъ поворожыть. Знатокъ пошовъ въ горницю и ну тамъ зобать крупу, до коей онъ бывъ большой охотникъ. Баба довго ждала ево на повитѣ и соскуцилась, поцёму просила жену знатока сказать ему: нельзя ли поскорѣе? Жена кликнула знатока, и тотъ, глотая крупу, отвицявъ, що бѣси смѣшались.—Послѣ этово ещо больше стали говорить о знатокѣ и ходить къ нему, какъ знающемуся съ нецистой силой.

9. Мужыкъ, собираясь рубить дрова, заставивъ свою жену заварить завары, и ковда пошовъ въ лѣсъ, то взявъ только двѣ рогульки, и хоть жена давала ему больше, онъ не послушавъ её, сказафъ, що онъ дô повдни и не подумаётъ ись. Но лишъ только отошовъ отъ дому версты двѣ, какъ ему захотѣлось поись, и двухъ рогулёкъ какъ не бывало. Не успѣвъ товкомъ-то принетцё за дѣло, какъ ему опеть захотѣлось поись, и онъ бросивъ свою роботу, пошовъ домой и сказавъ женѣ: «навари ещо ты у меня роботцёму цёловѣку завары, такъ я и тебя съ нёй выкину за окно».

10. У одново мужыка жена не охоця была пресь. «Какъ бы, думаётъ мужыкъ, пріуцить жену къ преслицѣ». И вотъ однажды, ложась спать, замитивъ ей, що она больно холодна и що нельзя ёй такъ оставаться. На другой день жена такъ жарилась на пецѣ, що едва не испеклась, но мушъ сказавъ, що она еще холоднѣе прежнёва. Вотъ какъ-то приходитъ къ имъ сусѣтка съ новой преслицёй, и хозейкѣ захотѣлось попровать ее. Въ тотъ день мушъ замитивъ женѣ, що она стала теплѣе,—жена подумала, що преслиця лутше пецьки грѣётъ её, нацяла побольше пресь, а мушъ всякую ноць говоривъ ёй, що она все стаётъ теплѣе и теплѣе; поцёму жена по вецёрамъ больше и больше стала пресь, и наконець стала усердной предеёй.

11. Дотово слѣпая старуха все твердила, що рада смерти. Вотъ сынъ её однажды застрилявъ ворону и положывъ её къ старухѣ на колини. Та щупаётъ её руками и спрашываётъ, що это такоё? Сынъ отвицявъ ёй, що это смерть её. Товда старуха взяла съ обѣихъ сторонъ за свой подовъ, тихонькё стала стрясывать ворону и говоритъ: «кышъ на нивѣску, кышъ на нивѣску»!

12. Одинъ парень здумавъ сходить въ Питеръ напитеритцё, какъ и другіё. Вотъ взявъ пашпортъ и всё лѣто просидѣвъ въ конопленникѣ, осенью приходитъ домой. Мать спрашиваетъ у сына, цёмъ ево покормить?—Давай мнѣ штей маштей, отвицеётъ питерякъ.—Да я не разумію, дитятко, що это такое, моввила старуха.—Повашему, щей, а по-питерски—штей маштей, важно замитивъ сынъ. Мать, лишъ только встритилась со своими сусѣтками, тотцясъ забахвалила своимъ сыномъ и говорила: «ой, бабоньки, какъ у меня парень-ётъ напитеривсё! Цясто не разумію, що онъ и баётъ-то».

13. До тово одна тёща жаловалась на своево зетя, що онъ не говорлифъ. Вотъ зеть здумавъ потѣшыть свою тёщу. Гонятъ корофъ; зеть смотритъ въ окошко и говоритъ: «эка, у васъ пропасъ корофъ-то; видно, медвить никовда у васъ ихъ не диравъ». Потомъ помовцявъ и опеть заговоривъ: «какъ у васъ домы-те стоятъ цясто! Видно, деревня-та давно не горала». Отъ такихъ разговорофъ зетя тещѣ стало не лехцё.

14. У старика была слѣпая старуха и такая злая, що онъ рѣшывсё збыть её кякъ-нибуть съ рукъ. Только убить онъ боявсё грѣха, а потому сваривъ змѣю и думавъ ёй окормить жену. Вотъ и говоритъ: «старуха, ковда захоцешъ поись, то хлѣбай уху, которая стоитъ на шескѣ». Послѣ старика старуха здумала умытцё, а воды не было. Що жо сдѣлала?—Постой, говоритъ сама себѣ, старик-отъ навариль мнѣ ухи, такъ я и ёй умоюсь. Какъ сказала, такъ и здѣлала. Какое жо вышло цюдо! У старухи слѣпоты какъ не бывало, и ковдя сгарикъ, возвращаясь домой, думавъ, що старуха ево лежытъ ушъ мёртвая, она встритила ево у дверей и благодарила, що онъ вылицивъ её. Съ зрецеёй старухой старику бѣдному стало ещо хуже жыть....

15. Идетъ мужыкъ дорогой и видитъ, хто-то идётъ въ саняхъ и сильно задумавсё... Мужыкъ смотритъ на проѣжжающёва и думаётъ, отъ цёво онъ такъ пригорюнивсё... «Съ холопя-то бы сходить мнѣ, такъ моя бы игра-та и была», сказавъ тотъ про себя и поднявъ голову.

16. Какіе-то прохожыё пришли въ деревню, гдѣ жыли старовѣры. Было лѣто, и имъ сильно хотѣлось напитцо; но старовѣры, несмотря ни на какую ихную просьбу, не напоили ихъ. Прохожихъ взяло горе, и одинъ изъ ихъ бросивъ въ колодець пустую табатерку. Извѣстно, какъ старовѣры не любятъ табаку, а потому, ковда увидали ее, то тотцясъ жо завалили колодець, какъ поганой.

17. Другіе, эдакъ жо, прохожыё на́ смѣхъ оставили въ старовѣрской избѣ табатерку, только не съ табакомъ, а съ порохомъ. Старовѣры взели ее двумя павками и бросили въ пецькю, которая товда топилась.. Порохъ спыхнулъ, а они, увидафъ это, сказали: «вишъ какоё зельё, а ещо нюхаютъ»!

18. Шли однажды руской и нѣмецъ. Нѣмецъ говоритъ рускому: «давай, неси меня на сибѣ, пока я буду писню пить, а потомъ я понесу тебя, пока ты будёшъ пить». Руской согласивсё, и нѣмецъ сѣвъ на его. Руской ушъ далеконько несетъ нѣмца, а тотъ все ещо проклятой поетъ; наконецъ-таки, концилась писня нѣмцова, и руской самъ сѣвъ на ево. Думаётъ, какую бы подольше спить писню, що бы отплатить нѣмцю. Вотъ и запѣвъ: о-о-о-о-о-го! Нѣмецъ ушъ едва тащытъ рускова, а руской все поетъ одно и то жо; наконецъ, вышовъ изъ терпинья и спрашываётъ:— довга ли ещо, руской, у тебя писня?—Я ещо нацяло только пропѣвъ, отвицявъ тотъ. Нѣмецъ вышовъ исъ сивъ и, не дожыдаясь конця писни рускова, остановивсё и не понесъ дальше.

19. Приходитъ баба на рынокъ, купить що-то нужно было. Торговой запросивъ съ её сорокъ автынъ, а она посулила ему рупь двацеть копѣёкъ. Торговой знай проситъ сорокъ автынъ, а баба,—она не знала щытать автынами,—свое твердитъ: даетъ рупь двацеть копѣекъ, а не сорокъ автынъ. Наконецъ, вышла исъ терпинья и говоритъ торговому: «хоть сороци не сороци, а быть рублю двацети», и пошла проць отъ лафки.

20. Одна матъ послала доць свою по ножници,—здумала овець стрицъ. Дѣфка идётъ и говоритъ про себя: «ножници, ножници»; потомъ упала и заговорила: «долото, долото». Пришла, куды мать ее послала, и вдрукъ проситъ долота. Спрашы-

вають ее, на що вамъ долото-то?—Овець долотить, отвицяла она, поцему тѣ и догадались, въ цемъ дѣло.

21. Встарину, бають, бывало: какой-то зеть шовъ изъ гостей отъ тёщы и твердивъ про себя: «кисель, кисель», коимъ хотѣвъ дома похвастать. Дорогой забывъ о своёмъ лакомомъ кушаньѣ и бродитъ на дорогѣ въ грезѣ. На ту пору идётъ баринъ и спрашываётъ ево: «що ты, мужыцёкъ, бродишъ по грезѣ»?—«Потерявъ», отвицеётъ зеть.—«Да гдѣ тибѣ натти, ковда ты измявъ гресь ту, какъ кисель», продовжаётъ баринъ.— «Нашовъ»! закрыцявъ мужыкъ и побѣжавъ по дорогѣ.

22. У одново мужыка розыгравсё телёнокъ, такъ и скацётъ по избѣ. Хозеинъ довго гледѣвъ на телёнка и потомъ сквось зубы сказавъ: «женивъ бы тебя, такъ пересталъ бы скакать-то».

23. Издавна рицъ ведётца, що скоріе вызовёшъ на пирушку, цѣмъ на роботу. Бають, однажды бутто бы хто-то пришовъ къ своему сусѣду и говоритъ ему: «Тить, пойдемъ молотить».—«Спина болитъ», отвицеётъ тотъ.—«Тить, пойдемъ пива пить».—«Оболокусь, да и поволокусь», скороговоркой моввивъ зговорцивой сусѣтъ.

24. Буттобы одинъ богатой старикъ такъ сказавъ своему сыну: «хлѣбай щы съ медомъ, а огорогъ опушывай бобромъ, такъ станёшъ жыть богато». Сынъ, бутто бы, послѣ смерти отця своево такъ и дѣлавъ, пока бывъ въ состоеньи, т. е. пока капитавъ позволявъ ему то: щы хлѣбавъ съ медомъ, а огоротъ опушывавъ бобромъ. Только всякой расъ бобровыё шкурки уносили у ево сусиди, и онъ за все довженъ бывъ опушывать огоротъ новыми; и щы съ медомъ хлѣбавъ все какъ-то морщась, не въ пріятнось. Вотъ онъ однажды здумавъ повѣдать свое горе блиской роднѣ и просивъ её помоць ему. Тотъ истовковавъ ему совѣтъ отця ево такъ: работай вселды дольше, такъ щы и покажутцо тибѣ съ медомъ, а огороды поцяще осматривай и наверьхъ клади по ёлоцькѣ, такъ не станутъ цересъ ихъ люди лазить, и огоротъ твой завселды будетъ цѣвъ.

25. Дотолѣ у одново мужыка была такая здорная жена, що во всемъ любила перецйть ему. Расъ какъ-то онъ говоритъ ей: «вонъ это, жена, кажеццо, долото, подай-ко ево сюды». Жена стала утверждать, що это не долото, а ножниций, и сколько мушъ ни спорявъ съ нёй, она всё стояла на своёмъ. Наконецъ мушъ вышовъ исъ терпинья и до тово приколотивъ свою жену, що она лежала на полу и не могла ни встать, ни говорить. Мушъ подумавъ, що баба ево послѣ такихъ побоёфъ ушъ, конецьно, не станётъ больше съ имъ здорить, и снова сказавъ, що то было долото, а не ножниций. Жена жо ево, какъ не могла уже баеть, то пальцями своими показывала ему, какъ стригутъ.

26. Слыхавъ я бывальщыну: у старика была такая злая жена, що ему бѣдному жутко было жыть съ ней, и онъ здумавъ, наконець, пережыть её какъ-нибуть. Ложытцо однажды спать и говоритъ своей старухѣ: «взафтра, старуха, не пеки пирогофъ, не приноси ихъ ко мнѣ на сѣнокосъ, а ковда пойдёшъ цёресъ рѣку, то не кацёйсё на лавѣ». Сказавъ, и уснувъ. А старуха рада слуцёю здѣлать зло мужу. Тотцясъ скоцйла съ постели и давай творить пироги; по утру испекла и понесла ихъ къ старику; но ковда переходила цёрезъ рѣку, то спомнила накасъ старика, и давай сколько есь моцй трестись на худой лавѣ. Лава обломилась и старуха потонула.

27. Въ одномъ мистѣ шыли два портныё—положымъ хоть—Василей и Иванъ, а извѣсно, що портные любятъ посмѣеццо. Однажды замитили онѣ, що у хозейки стоитъ на лафкѣ квашня не больно обиходная. Вотъ Василей и баётъ Ивану: «посмотри-ко, квашня-та вѣть тистяная».—«Повно, отвицеётъ ему тотъ, деревянная, а не тистяная».—«Давай объ заклатъ!» говоритъ Василей. Въ это время хозейка стояла не далёко отъ ихъ и мигаетъ тихонько Ивану, щобы онъ бивсё. Пошли смотрить, и въ квашнѣ на днѣ нашли сковороду, къ коёй со всѣхъ ногъ бросилась хозейка и давай благодарить портныхъ за нахотку, а сама мешъ тѣмъ говорила, що мушъ бивъ ее за эту сковороду и що три года щытала её украденой.

28. «Старикъ, «сказала однажды жена своему мужу, мнѣ що-то стрась захотѣлось бѣлыхъ пирогофъ».— «Да вѣть ты знаёшъ, що у насъ не на що купить

бѣлой муки», отвитивъ мужыкъ.—«Да хоть бы ты укравъ её у ково нибуть», продовжаётъ старуха.—«А що люди-те скажуть, ковды увидають у насъ бѣлые пироги»?—«Объ этомъ не беспокойсё: я испеку, що у меня нихто не узнаётъ, що исъ бѣлой муки пироги», съ увиреносью въ сибѣ замитила хозейка.

29. «Що это, баба, у тебя тамъ булькаётъ?» закрыцявъ однажды хозеинъ своёй женѣ. «Мовцй, муженёкъ», кротко отвицяла жена, «корова въ третей рась каститъ въ квасъ»!

30. Какой-то удáлой, говорятъ, завёвъ самоваръ; хоть и по міру ходивъ. Согрѣвъ ево и поставивъ на стовъ. Самоваръ такъ и шумитъ. Вдрукъ исъ-потъ полатей выбѣгаётъ зобенькя и що есь силы крыцйтъ: «ахъ, ты, красная рожа, нашлéць! Забравсё ещо на стовъ, да и шумитъ на всю избу; я—притомáнная здѣшняя жытельниця, пою и кормлю хозеина, да и тутъ завсецды стою потъ полатямъ. Вонъ нашлéць»! И съ этими словами зобенькя вытовкала самоваръ изъ избы, а сама преважно забралась въ переднёй уговъ.

31. Маленькёй парень хлѣбавъ однажды молоко и говоритъ своёй матери: «мама, въ молокѣ-то киса и съ лапкамъ». Мать, не разобрафъ, що говоритъ сынъ её, отвицяла ему: «ну, ещо тутъ розбираётъ, що кисло и слатко, а хлѣбавъ бы»... Парень помовцявъ и снова сказавъ: «и хвостикъ, какъ напилокъ». Мать подошла посмотрить молока, и увидала въ немъ мышъ.

32. Ковда одново мужыка стали опускать въ могилу, товда жена ево такъ и завыла горькимъ, такъ и бьётцё... Сусидямъ стало жавко её, и онѣ нацёли уговаривать её: «вѣть слезамъ не воскресишъ ушъ мужа» и другоё протцёё баели ёй. На що она отвицяла имъ: «я не о томъ плацю, що мнѣ жаль мужа, а о томъ, щёбы онъ не вставъ».

33. «Какъ будётъ мнѣ и горê-то перенести», цясто говаривала одна жена, ласкаясь къ своему мужу. Но мушъ попёму-то худо виривъ своёй женѣ, и рась захотѣвъ испытать её. Вотъ притворивсё, бутто умеръ... Собрались сусиди, и жена такъ и прицитатёъ... «Лутше бы, говоритъ, мнѣ умереть, а не ему»... По утру встаётъ, нарядилась, какъ о празникѣ, и ну пеццй блины; мешъ тѣмъ приходитъ къ нёй дружокъ и она давай потчывать ево блинами и виномъ. Мушъ лежытъ и ждётъ, що дальше будетъ. «Взявъ цёртъ мужа, не возьмётъ жену нужа», сказала подвеселившаяся жена своему мúляшу. Тутъ мушъ не вытерпѣвъ: соскоцивъ съ лафки, схвативъ плеть, и давай благодарить жену за вѣрнось...

34. У мужыцькя была такая непослухмяная жена, що никовда сразу ево не слушала. «Какъ бы, думаётъ онъ, научйть жену, щобы одново слова боялась». Вотъ однажды блудитъ кошка; мужыкъ крыцйтъ: «перестань, кошка, блудить! Смотри, другова слова не дожыдайсё»! И какъ кошка не переставала, то онъ, схвативъ её за хвосъ, да и хлопъ о косякъ. Въ другой рась розбѣгавсё по избѣ телёнокъ. «Перестань, телёнокъ, скакать, говоритъ ему мужыкъ, смотри, другова слова не дожыдайсё». Какъ телёнокъ не отстававъ бѣгать, то мужыкъ, взявъ ношъ, да и зарѣзавъ ево. Послѣ этово, що-то напрокýдила корова; мужыкъ и ёй сказавъ: «эй, корова, перестань прокýдить! У меня, смотри, другова слова не дожыдайсё». Но корова скоро опеть принялась за своё ремесло, и—мужыкъ заколовъ её. На бѣду опеть заупремилась лошадёнько-пáлошница. «Перестань, лошать, упремитцо», ворцйтъ мужыкъ, «смотри у меня другова слова не дожыдайсё»! И какъ она всё продовжала упремитцо, то мужыкъ зарѣзавъ и её.—Жена всё это видяла и... напугалась. Послѣ тово, що мушъ ни велитъ ёй здѣлать, лишъ бы только сказавъ: «смотри, у меня другова слова не дожыдайсё»! и жена тотцясъ всё дѣлала.

35. Бывъ Пётръ, колацйки пёкъ, да какъ-то безъ ужны спать и лёкъ; онъ вертйтцо, а ему не спитцо. Какъ ставъ да поѣвъ, такъ ровно хто шубой одѣвъ.

36. Одна баба всё сваливала на кошку; крйнку съ молокомъ прольётъ, или её росшыбётъ, или масла плошку прольётъ—всё перетъ мужомъ винила кошку. Вотъ мушъ и собравсё поуцйть кошку. Взявъ её и привязавъ къ женѣ на плеця, да и давай стегать... Кошка рвётцё, царапаётъ бабу, ревитъ, и баба, тоже, ревитъ... а

мужыкъ знай сибѣ хлѣщотъ кошку, да приговариваётъ, щобы она вперётъ не каверзила... Що жо вѣть?—кошка, послѣ тово, ницёво не розбививала и не проливала.

37. Какъ не хитрись и не бойцйсь, а семи дѣвъ вдрукъ не здѣлаёшъ. Одинъ мужыкъ завсё ворцявъ на свою жену, що она полóвгу обряжаетцо. Вотъ жена однажды и говоритъ ему: «посмотрѣла бы я, ты скорие ли моево обредивсё»? Мужыка задѣло за жывоё, и онъ на другой жо день ваявсё за обрять, а жену вмѣсто себя послаъ пахать.—Нужно было мисить квашню, а муку надо ещо молоть въ жорновахъ; сверхъ тово, жена заказала ещо ему стерецй отъ воронъ цыплять, наметь глины, щобы вымазать въ нецѣ потъ, да—спахтать сметану. Какъ дѣлу быть?.. Мужыкъ вотъ какъ умудрйвсё: глину поставивъ въ корытѣ потъ ноги, а сметану привязавъ на спину въ горшкѣ, а цыплять привязавъ къ ногамъ. Онъ думавъ, пока мелю муку, той порой глину ту и стопцю, а сметана—упахтаетцо сама, а цыплята, какъ имъ нельзя будётъ ототти отъ нево, будутъ сохранны. Хорошо придумавъ, да на дѣлѣ-то вышло худо. Лишъ только онъ оглянувсё назать, какъ ворона потащыла цыплёнка. Мужыкъ бросивсё отымать, но едва только пошевеливсё, какъ запнувсё за корыто и упавъ; горшокъ со сметаной разбивсё, а ворона умертвила свою добыцю, да и онъ задавивъ цыплёнка. Послѣ тово, повно ворцѣть на свою жену, що она тихо и довго обряжаетцо.

38. У одной мацйхи были родной сынъ и два пасынка. Однажды подаётъ она пасынкамъ по пирогу, а своёму сыну не дала нисколько. Потомъ сказала имъ: «видите, що я родному сыну не дала ницёво, а вамъ—по пирогу,—такъ вы ушъ сами не забутьте ево: каждой удѣлите ему по половинкѣ».

39. Какой-то скупердяй любивъ заставлеть своихъ роботникофъ перетъ каждой вытью пить воду. Это онъ дѣлавъ для тово, щобы онѣ, напившысь, меньше йли. Роботники смѣкнули, въ цёмъ дѣло, и одинъ изъ ихъ поудалѣе нарошно перетъ обѣдомъ сказавъ при хозеинѣ: «дайте-кó мнѣ, браццы, побольше водицы, щобы росправить на брюхѣ всѣ морщыны, и больше пойсь. Послѣ тово, хозеину повно принуждать голодныхъ роботникофъ пить воду.

40. До тово бывало, мужыкъ лежытъ на пецькѣ и слышытъ, що-то падаётъ и хлопаётъ. Было тёмно, и въ избѣ никово не было,—мужыкъ оробѣвъ, не знаётъ, какъ выбраццо изъ избы... лежать боицщо и бѣжать—тоже. Въ ободреньё сибѣ говоритъ; «цёво боетцё въ своёмъ домѣ, Христосъ со мной», цйтаётъ Богородицю... а самъ мешъ тѣмъ торопиццо надѣвать на ноги лапти и, опустесь съ гопця, бросивсё со всѣхъ нокъ въ двери и въ йхъ притворивъ верёфки отъ лаптей, отъ цёво упавъ и закрыцявъ во всё горло, какъ буттобы за нимъ хто гнавсё. На крикъ прибѣгаётъ жена, входятъ въ избу, достаютъ огня, и оказалось, що хозеина испугала квашня, исъ которой падавъ на повъ ростворъ.

41. Одна мацйха удобрилась до своихъ пасынкофъ: велѣла имъ выхлебать всѣ щы въ какое-то заговиньё; тѣ стали отговариваццо, потому що ушъ были сыты. «Не вамъ, такъ телятамъ выливать жо будётъ», моввила пасынкамъ добрая мацйха.

42. Дотово мужыкъ купивъ въ городѣ рукавицй и пошовъ домой; на дорогѣ вёрсъ за тритцѣть хватився ихъ, и не нашовъ; вотъ и давай итти назать въ горотъ, и спрашываетъ у лавошника, у которова покупавъ: «не оставивъ ли я у тебя рукавицъ»? Тотъ отвицявъ, що нѣтъ. Какъ только поворотивсё онъ отъ лавошника, щобы вытти изъ лафки, какъ тотъ увидавъ у его рукавицй за кушакомъ и тотцясъ о томъ сказавъ мужыку. «Эка прицця!» проворцявъ мужыкъ, и пошовъ обратно домой.

43. Одна дѣфка бѣгаётъ за воробьями. «По що ты гонеессё»? спрашываютъ её. «Матушка сказала мнѣ, отвицяла она, що если я десети воробьефъ поймаю, то отдасъ меня замушъ». «А много ли йхъ ты поймала»? опеть спросили ее. «А ежели этово поймаю, то останетцё только деветь».

VI. Причитанья.

Благослови, Христосъ истинной, Мать Божья Богородица, запѣвать писню новую, новую, непѣвалую, на роду-то вопервые, на вѣку во послидиё; що не клюцики брякнули, не замоцики щовкнули, не руками ударили, тутъ меня запросватали; запоруцивъ жо батюшко за поруки за крѣпкиё, призакрыла жо матушка половину свѣту бѣлова, отказала мнѣ матушка отъ окошка переднёва, посадила жо матушка въ кутьвёй уговъ на лавоцькю, не велѣла мнѣ матушка въ окошко заглядывать, посадила голубушка меня на мѣсто упальнёё, на то на круцинноё. пересѣкла мнѣ матушка всѣ пути и дороженьки, наказала голубушка: ты сиди, моё дитятко, широко не росхаживай, далекó не розглядывай.

Осударони, свѣтъ, моя родимая матушка, моё красноё совнышко! я о цёмъ побью цёломъ, опъ цёмъ я подокуцяю, не остафь-ко ты, матушка, ты послушай, голубушка, моево докуцёньица, слезянова да горькова! Ты скажы-тко мнѣ, матушка, цёмъ тыбѣ я досадила?—Я не сусѣкъ хлѣба выѣла, не другой испротóрила, не къ подружкамъ розносила.—Государь ты, мой милой братъ, любая нивѣстушка и сестрица лебёдушка! не отъ васъ ли, родимыё, всѣ огни розгоралисё, всѣ клюцй роскипалисё въ эту пору да времецько; що не вы ли, родимыё, на меня наговóрили вы родимому батюшку и родимой-то матушкѣ; не отъ васъ ли, сердешныё, это дѣло затiялось?

(На другой день) Смить ли намъ потступитисё, смить ли намъ подъявитисё во Насóну ко городу, ко дѣвицью ко терему?—Ушъ мы слышали мóлоды на широкой на улицѣ, ушъ какъ въ трёхъ-ту сторонушкахъ и повадно и весело, во цётвёртой сторонушкѣ не повадно, не весело; тутъ кокуётъ кокушецькя—наша подрушка голубушка, сидитъ во горѣ, во круцинѣ. Я возьму двери зá скобу, отворю двери нá пяту, прикажы-ко, подруженькя, намъ кой ногой ступити. Ступимъ мы ногой правой. (Въ отвѣтъ) Вамъ добро итти, жаловать, мои подрушки-голубушки, сусѣтки любовныё! Я прошу васъ, подруженьки, на меня не осýдить, що я не вышла, не встрѣтила серетъ широкiё улицй на своёмъ широкóмъ дворѣ, не взяла дверей зá скобу, не отворила дверей нá пяту, отошла пора, времецькё, призакрыла мнѣ матушка половину свѣту бѣлова, посадила жо матушка на мѣсто упáльноё, на то на круцинноё; вамъ спасибо, подруженьки, вы пришли—не поцьвáнились ко мнѣ на горё, на крýцину, со мной горя помыкати, пецялй поизнóсити; у меня горя, крýцины пóвна буйная голова; я про всё-то подумаю,—голова съ плець покатиццо, призажмётъ ретивó серцё.

Ушъ я що засидѣласё, на ково заглядѣласё, не въ саду загулялась, не на сатъ заглядѣласё, не на яблонь кужлявую, не на грушу зелёную; засидѣласё мóлода во своёй свѣтлой свитлицѣ, призаслушалась горькяя у подружокъ-голубушокъ; що сидятъ мои подруженьки веселы да и радошны; у ихъ буйныё головы больно глатко уцёсаны; у ихъ косы-те русыё во узоры заплётаны, по конець-то ихъ русыхъ косъ алы лентоцьки вплётаны; говорятъ мои подруженьки про шытьецо да про браньицо, про мевкоё рукодильицо, про гуляньё красованьё; ушъ какъ я про ся подумаю, про свою буйну голову, какъ моя буйна гóлова она не глатко уцёсана, що моя коса русая не во узоры заплётана, по конець косы русыё цёрна лентоцькя вплётана; мнѣ не що-то на умъ нейдётъ: не шытьецо-то, не браньецо, не мевкоё рукодильцё; одна дума съ ума нейдётъ—цюжа дальняя сторона.

Государони, свѣтъ, моя подрушка голубушка! имецькё твое лёхкоё, велицаньё хорошоё! Назову тя по имени, извелицёю по изоцёсву; ты (имя и величанье) подойди ко мнѣ, пóтступи, какъ бѣла лебеть пóдлити; не бойсё, подруженькя, моево горя-

круцйны, какъ моё горё-круцйна не огонь да не полымя не ожжетъ и не opалитъ твоево платья цвѣтнова и лиця тожо бѣлова; не подойдёшъ, моя голубушка, я сама встану молода изъ мѣста упальнова, весь тово исъ круцйннова. (Подходитъ и говоритъ) спомни, здумай, подруженька, какъ съ тобой-то мы гуляли во лугахъ-то во зѣленыхъ, мы травы-то не сминали и цвѣтоцькофъ не срывали; какъ съ тобой красовалисё въ кареводахъ-то дѣвицьихъ; всѣ люди намъ дивились: это цьи ходятъ дѣвиций, ровно родныё сестреницй, какъ одново оцця, матери.

Не хорошо, да не пригожо мнѣ сидить да не плакати; всѣ люди понадіюццё, всѣ подрушки подумаютъ, що у этыё дѣвиций нѣтъ ни горя, ни круцйны; какъ я сама про ся подумаю, про свою буйну голову, у меня горя, круцйны три поля изнасіяны, тоской, пѣцельёй горожены; у меня-то горюцйхъ слёзъ текутъ три рицёньки быстрыё, онѣ текутъ не перетекутъ, онѣ текутъ урываюцй, жовты песоцьки смываюцй, да всё меня избываюцй да исъ жытья-то исъ дѣвицья; какъ я подумаю горькяя про родимова батюшка и про родимую матушку, остаюццё родители онѣ старымъ-то старёшеньки и худымъ-то худёшеньки, що не будётъ же на лѣто у моихъ у родителей на полоскѣ-то жнеюшки, на постаткѣ гребеюшки, во лугахъ—сѣнокосенки.

Я спала, просыпаласё, я ждала, дожыдаласё батюшкова пробужденьиця, матушкина покликаньиця; не могла я дождатисё, не могла доглядитисё,—онѣ ходятъ легошенькё, говорятъ-то тихошенькё, не знать меня-то жалѣюцй, не знать меня избываюцй на цюжую на сторону; видно, я имъ наскуцйла; ужъ я встала ранёшенькё, умывалась билёшенькё не водой и не съ мыломъ я своимъ горюцймъ слезамъ, я утираласё горькяя я своимъ тонкимъ рукафуйкомъ, я садиласё горькяя я на мѣсто упальное, поглядѣла я горькяя во всю свѣтлую свитлицю, всѣ сидятъ невесёлые, всѣ повися буйны головы; що промоввивъ мнѣ батюшко мнѣ словецькё единоё: наряжайсё-ко, дитятко во всю скруту добрую, добрую самолутшую; принесла жо мнѣ матушка мнѣ моё платьё цвѣтноё, наредили жо горькюю вдостальныё впослѣдніё во душахъ красныхъ дѣвицяхъ. Государь ты, мой батюшко! моя родимая матушка! дайте мнѣ бласловленьицё походить, покрасоватисё вдостальныё, впослѣдніё во своей свѣтлой свитлицѣ во душахъ красныхъ дѣвицяхъ.—Вы ходите, рѣзвы ноги, подо мной не поттибаюцй; вы машыте, бѣлы руки, ко серцю не прижымаюцй; ты волюй, воля вольная; ты нѣгуй, нѣга нѣжная; красуйсё, моя красота; веселись буйна голова; радуйсё, ретиво серцё, покамѣсь-то я молода во душахъ красныхъ дѣвицяхъ, у родимова батюшка, у родимыё матушки!—Тибѣ спасибо жо, матушка, тибѣ на хлибѣ на солѣ, на твоей добродителѣ! Зберегала ты, матушка, меня отъ вѣтра, отъ вихоря, меня отъ цистова дожжыка и отъ краснова совнышка, не могла зберецци меня отъ цюжы дальны стороны, отъ злодійки измѣнщыцй; на цюжой-то на сторонѣ надо жить-то уміюцй, говорить розуміюцй; надо серцё покорцйво, голова надо поклонцйва, малому поклонитисё, старому покоритисё, надо назвать да извѣлицять цюжова цюженина, удалова-то молоцця. На цюжой-то на сторонѣ ростутъ лиси виляныё, жывутъ люди лукавыё, проведутъ да и выведутъ, изъ ума вонъ повыведутъ онѣ меня молодёшенькю. Въ этомъ во темномъ лѣсу ходитъ медвить со медвидицёй: это—бохдано-ётъ батюшко, это—бохданая-то матушка.

(Сиротскія)

Призатихли то на морѣ всѣ и гуси и лебеди; призамовкните въ теремѣ всѣ и гости и гостейки и подрушки-голубушки! Ужъ какъ мнѣ що послышалось, у окошка постукалось, у воротъ поколотилось, у колецькя побрякалось, у дверей помолитвилось; що идётъ ко мнѣ, жалуетъ мой родимо-ётъ батюшко, моё красноё совнышко;

що несётъ ко мнѣ батюшко троё платьицё цвѣтноё, первоё—ежедённоё, другоё—воскресённоё, третьёё—подвиняшноё. Мнѣ бы не надо отъ батюшка троевб платья цвѣтнова, только надо отъ батюшка басловленьё великоё съ цйста серця да съ радости; мнѣ не въ сад-отъ садйтисё, потъ винець становитисё; родительскоё басловленьицё на водѣ не топящоё, на огнѣ не горящоё, родительскоё басловленьицё изо дна моря вынесётъ; ушъ я—глупая, глупая! глупая, неразумная! съ глупа ума догодаласё, своимъ цйсломъ добираласё, що отъ сухова отъ дерефця не ростётъ отростельицё; отъ цёловѣка отъ мёртвова не жывётъ басловленьицё съ цйста серця да съ радости,—мой родимо-ётъ батюшко много лѣтъ спитъ въ сырой землѣ.

Государони свѣтъ моя, моя родимая матушка, ты моё красноё совнышко! Подойди ко мнѣ, потступи, какъ бѣла лебеть пбдлити; не убойсё жо, матушка, моево горя-крўцйны, какъ моё горё-крўцйна не огонь да не полымя не ожжотъ и не опалитъ твоево платья цьвѣтнова и лиця тожо бѣлова; какъ моё горё-круцйна отъ меня не отвяжецщё и къ тибѣ не привяжецщё; не подойдёшъ, моя матушка, я сама встану горькяя, горькяя сиротинушка. (Мать подходитъ и обнимаетъ ее). Спомни, здумай-ко, матушка, какъ меня-то понбсила, хлѣба-соли лишыласё; какъ меня-то породила, смертнымъ цясомъ конциласё, всѣмъ святымъ обѣщаласё; какъ остались мы горькіё отъ родимова батюшка, ты кацяла жо, матушка, ты меня въ колыбелоцькѣ; говорила ты, матушка, со своимъ горюцймъ слезамъ: ты рости, моё дитятко, умноё да разумноё, хорошая да пригожая! Ушъ я дамъ тибѣ, дитятко, до любви находитисё, до воли нагулетисё; заведу тибѣ, дитятко, по плецю платьё цьвѣтноё, подъ лицё дивью крáсоту. Обманула тá, матушка, що меня горегорькюю, не дала ты мнѣ, матушка, со годамъ-то сверстатисё, мнѣ съ умомъ-то собрáтисё, завела ты мнѣ, матушка, не въ порў платьё цьвѣтноё, не во время дивью крáсоту; я красоты не наносиласё, платьеця не наряжаласё, не токмя що не наносиласё, я на её не нагляделасё; отдаёшъ меня, матушка, безъ родимова батюшка молодў молодёшенькю и глупымъ-то глупёшенькю, несозрѣлую яготку, несоспѣлую трáвонькю.

Вы роздайтесь-ко, всѣ гостй, розодвинтесь-ко, гостейки—гостенькй—по праву рукў, гостейкй—по лѣву руку! Ушъ мнѣ дайте въ оцй видѣти мнѣ родимую матушку!—Государони свѣтъ моя, моя родимая матушка! ты мнѣ дай басловленьицё мнѣ походить да похрáбати, поискать да попáдати по примѣтнымъ по мистицькямъ мнѣ родимова батюшка, моево красна совнышка.—Благослови, Христосъ истинной, Мать Божья Богородица! ужо встать было горькёй мнѣ изъ мѣста упáльнова, исъ тово исъ круцйннова, встать на рѣзвыё ноженьки, на цюлоцьки бумажныё, на башмацьки зелёнъ-сафьянъ, на гвозья полужоноё; ты не гнись-ко, половоцькя, не ломись, переводинька, що не я тяжоло иду, тяжолб горё-круцйна, тоска-пецяль та великая. Вы роздайтесь-ко, всѣ гостй, розодвиньтесь-ко, гостейкй—гостенькй—по праву руку, гостейки—по лѣву руку! Ушъ мнѣ дайте-ко путь, дороженькю единую половоцькю, не лежытъ ли мой батюшко на полатяхъ тёсу бѣлова? (Ищетъ). Тутъ то нѣтъ—не слуцйлосе, нѣтъ родимово батюшка. Не лежытъ ли мой батюшко на пецькѣ валяжною, не отжыгаётъ ли батюшко своево серця ретивова? Тутъ-то нѣтъ—не слуцйлосё моево родимово батюшка. Не лежытъ ли мой батюшко на скрыпуцёмъ на говнцйкѣ во скорбѣ во тяжолою? Тутъ-то нѣтъ—не слуцйлосё, нѣтъ родимово батюшка. Не стойтъ ли мой батюшко у шестоцькя вальяжнова, потжафшы бѣлы рупёньки ко серцю ко ретивому; онъ не думаётъ ли думушку со родимой со матушкой про меня горе-горькюю? Тутъ-то нѣтъ—не слуцйлосё, нѣтъ родимово-батюшка. Стойтъ родимая матушка она одна одинёшенькя, потжафшы руки бѣлыё ко серцю ко ретивому, приклонила буйну голову ниже плéць къ шовкову поясу, она думаётъ думушку единўю да крѣпкую. Не лежытъ ли мой батюшко на брусцятой на лавоцькѣ потъ переднимъ окошецькёмъ, потъ иконамъ божественнымъ, прижафшы руки бѣлыё ко своёй ко

бѣлой груди, не покрытъ ли нолотенецькёмъ? Тутъ-то нѣтъ—не случилосё, нѣтъ родимово батюшка. Не могла я увидѣти я родимова батюшка,—онъ давно ушъ на клатьбищѣ.

(На могилѣ). Накатись туця грозная со всѣ цётыре стороны; потените буйны вѣтры, вы рознесите жовты пески со могилы горбатыё; ростунись мать сыра земля; откройсё гробова доска, отмахнись полотенецькё, уроню горюцю слезу, горькюю да горéцюю: ты пади, горюця слеза, на сердецькё ко батюшку; отожмитесь, бѣлы руки, отъ серця отъ ретивова! Роспецятай-ко, батюшко, ты свои сахарны уста, розожми-ко ясны оцй! Ушъ ты встань на рѣзвы ноги; ты пойдёмъ-ко, мой батюшко, ты во свой благодатной домъ ко родимой-то матушкѣ; ты возьми-ко, батюшко, икону божесвенную, ушъ вы дайте бласловленьицё со родимой-то матушкой, съ циста серця да съ радости; мнѣ зафтра о эту пору поранѣе малешёнькё ѣхать ко цёркві божесвенной, ко звону колокольному, ко пинью ко цёрковному, ко вѣнцю ко злацёному.—Но могла допроситисё бласловленья великова, не могла добудитисё я родимова батюшка ото сна-то отъ крѣпкова, не отвигивъ мнѣ батюшка онъ словецькя единова, не поуцйвъ меня батюшко ко уму-то ко разуму, ушъ мнѣ какъ роставатисё со родимой со стóропой, мнѣ какъ прививатисё ко цюжому цюжéнину, ко злодію изиѣнщыку.

(Когда пріѣдетъ поѣздъ)

Що не синіё мáревы поподъ лѣсу засинѣли, що не гуси, не лебеди цйсто полё укрывали,—укрывàли цйсто полё цюжы люди незнамыё, цюжы дальніё стóроны; що не вѣтры, не вихори воротéцькя отвóрили, не морозы крещенскіё подворотку вышыбали,—вышыбали подворотецькю цюжы люди незнамыё, що наѣхали къ батюшку со полонóмъ да со грáбежомъ, ополонятъ моево батюшка, пріограбятъ мою матушку, а меня во полонъ возьмутъ, увезутъ меня мóлоду ко цёркві божесвенной, ко звону колокольному, ко пинью ко цéрковному; що поставятъ меня горькюю на единой подножницёкъ, ушъ какъ выйдётъ священной попъ съ большой книгой—Евандельёмъ; онъ перво-ётъ листъ возложытъ—божьё слово возгóворитъ: вы снимайте со дѣвиций вы фату коноватную! Онъ друго-ётъ листъ вóзложытъ, онъ другоё слово возговоритъ: вы снимайте со дѣвиций вы перстéньё злацёноё! Онъ трете-ётъ листъ вóзложытъ, третьё слово вымоввитъ: вы снимайте со дѣвиций цёсно дѣвйцью-ту крáсоту!—Вы приведйтесь, подруженьки, за моёй становой спиной; вы возьмите, подруженьки, мою дѣвйцью-ту крáсоту; вы носите, подруженьки, вы её зберегающй, вы меня споминающй; вы носите же крáсоту по годовымъ цёснымъ празникамъ, по гуленьямъ-красóваньямъ!

Государь ты, мой батюшко, моя родимая матушка, ты всѣхъ гостей усажывай за столы бѣлодýбовы, за скатерти браныё, за ѣства сахарныё, за питья медяныё; ушъ ты всѣхъ гостей пóтшывай, ушъ ты всѣмъ гостямъ кланейсё, одново гостя не усажывай, ты ево и не потчывай, ты сватà перелéслива, ты возьми свата зá воротъ, поведи свата зá двери. Какъ ходивъ-то леслйвой сватъ не путёмъ, не дороженькёй, по коровьимъ тропиноцькямъ, по собацьимъ лазéецькямъ, износивъ леслйвой сватъ трои лáпотки липовы, испотциравъ жо леслйвой сватъ онъ три ожога бáнныё; колотивсе леслйвой сватъ онъ у нашова терема; первой расъ поколóтивсё,—высокъ теремъ пошáтивсё, другой расъ поколóтивсё,—всѣ окошка попадали, третёй расъ поколóтивсё—всѣ ворота отвóрились; приходивъ жо леслйвой сватъ ко родимому батюшку, обманувъ жо леслйвой сватъ родимова батюшка и родимую матушку, нахваливъ жо леслйвой сватъ онъ цюжова цюжéнина.—Ужо дай, Боже, сватушку ему

сорокъ бы сыновей, петьдесеть ему доцерей! Сыновей-то не жанивать, доцерей не выдавывать. Ушъ какъ свату-то ворогу ему три цирья въ бороду, ему цётвёртой потъ горлышко мѣсто краснова совнышка. Ужо дай, Боже, сватушку на дворѣ заблудитисё, ему стовбамъ помолитисё; ужо дай, Боже, сватушку ему на пецѣ заблудитисё, цёресъ напыльникъ свалитисё, ему во щахъ бы сваритисё.—Посади-ко ты, батюшко, ты свата перелёслива, ты не потшуй, не кланейсё; ты подай-ко жо сватушку беспёрённую лошецькю, огорѣлую кброцькю.

VII. Заговоры.

(Свадебные)

1) «Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ! помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ Божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утрусь тканымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду я рабъ Божій имя рекъ изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле въ райскую сторону; въ райской сторонѣ стоитъ златой престолъ, на томъ на златомъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Саваоѳъ, Іисусъ Христосъ, Мати Божія Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ; и я рабъ Божій имя рекъ зашедъ возмолюся и поклонюся: гой еси ты, Господь Саваоѳъ, Іисусъ Христосъ, Мати Божья Богородица! ты сотворилъ Адама и Еву, Акима и Анну и меня раба божія имя рекъ и князя молодаго имя рекъ и княгиню молодую имя рекъ спустите и благословите,—Господь благословляетъ, крестомъ ограждаетъ, Богородица благословляетъ, ризою прикрываетъ, на добрыя дѣла отряжаетъ со мной съ рабомъ божіимъ, имя рекъ, тридевять Апостоловъ съ вострыми копіями и съ золотыми ключами и подте ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ на помощь и поставьте кругъ моево княжева полку тынъ железной, ограду каменную отъ земли до неба, сколь мой путь широкъ и дологъ, и покрой железной кровлей мѣдныя верея железныя ворота и запри во всѣ тридевять замковъ и тридевятъ ключевъ и принесите передъ истиннаго Христа на престолъ, и какъ этихъ ключевъ не кому не украдывать: не сотонѣ, не дьяволу, не всѣмъ ихъ послужителемъ, изъ мѣста встать къ лавкѣ не примораживать, на полъ встать полу не уранивать, въ дверяхъ не изпадчивать, на повить вытти повити не уранивать, по лиcтницѣ итти лѣстницы не розсыпывать, къ назьму саней не примораживать, завертокъ не обрывывать, въ ворота медвѣдя не посажывать, у князя молодаго естества не увязивать, у княгини молодой естества не украдывать и остуды не дѣлывать; и буди сей мой приговоръ тверже камени, железа и укладу крѣпкаго булату, востряе меча самосѣку вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь». (Наговаривается на воскъ и привязывается къ лѣвой сторонѣ креста, а для поѣзжанъ—на соль, которую пьютъ они въ квасѣ).

---

2) «Поди сей уроки, пересуды мужескій и женскій, дѣвичій красотый къ старому горбатому къ моему порйиму, кто мою охоту дыбучу-дыбучую хаетъ, портитъ, или думаетъ,—потте къ тому человѣку; у того человѣка въ чистомъ полѣ въ широкомъ роздольѣ столы изоставлены, скатерти дырчатыя, хлѣбы ситніе, питья медвяные разсыченые, а у меня раба божія имя рекъ, у князя молодаго имя рекъ и у княгини молодой имя рекъ пить, ѣсть нечего, ѣсть вамъ каменье дресвяное, зобать вамъ хвоя сухая, вѣкъ да по вѣку, отнынѣ и до вѣку—аминь, аминь, аминь». (Наговаривается на дресву, которая кладется въ сапоги молодого).

---

3) «Какъ сей мрежи никому не распутывать и не развязывать, такъ же бы у меня у раба божія имя рекъ князя молодаго и княгиню молодую не испарчивать не

на встрѣчѣ, не на постижкѣ не колдуну, не колдуньѣ, не волхвуну, не волхвуньѣ, не сотонѣ, не дьяволу, не всѣмъ ихъ послужителемъ вѣкъ да по вѣку, отнынѣ и до вѣку—аминь». (Наговаривается на мерёшку, которая вмѣсто пояса надѣвается на голое тѣло жениха).

О томъ, чтобы скотъ былъ сохраненъ во время лѣта и ходилъ домой.

1) «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Стану я рабъ божій имя рекъ благословесь со своимъ скотомъ съ милымъ крестьянскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ и помолюсь я истинному Христу много милости прошаю за скотъ за крестьянской животъ за все благословенное стадо за двоекопытое, за разношерсное, коровы большія и малыя, за комолыя и за рогатыя, у тѣхъ много милости прошаю у Господа Бога у Спаса у истинного Іисуса Христа и пречистыя нераздѣльныя Троицы, веденія Богородицы, Іоанна Предтечи, небесныхъ силъ, Михаила Арханьела и Гавріила и святаго Ангела и хранителя душъ нашихъ, который посланъ призирати и присматривати во дни и въ нощи божіею милостію и повелѣніемъ раба божія имя рекъ во всякомъ мѣстѣ и при черномъ лѣсѣ и при темномъ болотѣ и при зыбучемъ болотѣ по всякъ день и по всякъ часъ во вѣки вѣковъ—аминь, отъ всякаго лихова злаго человѣка отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ пастуховъ и отъ поповъ и отъ дьяконовъ и отъ грамотныхъ людей и отъ еретическихъ словъ сохрани Господи и помилуй, Самъ Господи помилуй, во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь. Еще встану я рабъ божій имя рекъ благословесь и помолюся паду въ подножіе со своимъ скотомъ—съ милымъ крестьянскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ съ коровами и съ быками и съ телицами и подтелками и порозами, со всякими съ разношерстными: съ бѣлыми и бѣлопестрыми, съ красными и съ краснопестрыми, съ черными и съ чернопестрыми, съ бурыми и съ буропестрыми, съ сѣрыми и съ сѣропестрыми въ чистое поле на зеленую траву въ темные лѣсы черезъ рѣки во всю подскотину по благословенію Господа Бога своего и Спаса нашего Іисуса Христа и воззрю я на небесную высоту и помолюся я рабъ божій имя рекъ Самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу: сохрани, Господи, и помилуй, помолюся Господу за себя раба божія имя рекъ и за скотъ за хозяйской животъ за Власьевъ родъ и сохрани, Господи, и помилуй отъ черного и отъ бураго и отъ ядовитаго и отъ страшнаго медвѣдя и отъ медвѣдицы, и отъ всякаго звѣринаго роду, отъ волка и отъ волчицы, отъ сѣрова и черного, отъ рыскучихъ и отъ ядучихъ отъ волковъ и отъ волчицъ и отъ бѣлыхъ рысей и отъ пестрыхъ и дурныхъ собакъ, отъ невидимыхъ враговъ и отъ меденскихъ женъ, отъ лѣшихъ женъ, отъ лѣшихъ молодыхъ дѣтей и отъ водяныхъ чертей и отъ всякія вражія сѣти, отъ сотонинныхъ угодниковъ и оборотней звѣринныхъ, медвѣдевыхъ, волковыхъ; сохрани, Господи, и помилуй милостію Своею Божіею, помощникъ буди милостивъ мнѣ грѣшному, сохрани и помилуй меня раба божія имя рекъ Своимъ Божіимъ Духомъ Святымъ и закрой и защити и сохрани скота моего Власьева роду, кажи и оборачивай при лѣсѣ лѣсомъ и камнемъ, при полѣ травою, при водѣ водою, при грезѣ грезью, не дай, Господи, на убіеніе, ни на съѣденіе никакому звѣрю и лѣшому мужу и черту водяному, ни вору, ни татю, лихому розбойнику, сохрани, Господи, и во вѣки вѣковъ—аминь, а тебѣ, Господи, на свѣщи и просвиры. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, благословлюся у истиннова Христа, помолюся тебѣ Господу и Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ, пошли, Господи, ко мнѣ на помощь своихъ небесныхъ силъ Михаила и Гавріила Архангеловъ, Іоанна Предтечу, я имъ помолюся, Николаю Чудотворцу и тремъ святителямъ Василію великому, Григорью Богослову, Іоанну Златоусту, Власію Севастинскому, Димитрію Селунскому, сохраните и помилуйте меня раба божія имя рекъ и скота моего и поставьте, господа, около круга скота крестьянскаго живота Власьева роду и благословен-

наго стада отъ каменныя подошвы и до небесныя высоты тынъ железной, городъ каменной и деревянной своей божіею милостію и отъ всякихъ людей порченыхъ и отъ уроковъ, чтобы таковымъ злымъ невозможно не испортить, не изурочить во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а вы, господа Святые, сохраните и помилуйте отъ черныхъ звѣрей; медвѣдей и отъ медвѣдицъ, отъ волковъ и отъ волчицъ, отъ росомахъ и рысей и отъ лѣшихъ и отъ водяныхъ чертей всякихъ нечистыхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ по всякъ день, по всякъ часъ, на молодомъ и ветхомъ мѣсяцахъ и на меженныхъ дняхъ и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся Господу Іисусу Христу Царю небесному подлѣ рѣку огненную около круга скота и огорода и меня раба божія имя рекъ отъ черныхъ звѣрей, медвѣдей и медвѣдицъ, волковъ и волчицъ и росомахъ, отъ рысей и отъ лѣсныхъ и отъ чертей водяныхъ всякихъ лукавыхъ невидимыхъ враговъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, по всякъ день, по всякъ часъ и въ ночи на вечерной зорѣ и на утренней зорѣ; еще помолюся я рабъ божій имя рекъ Георгію Великомученику Страстотерпцу, оберегай, Господи, около круга скота и меня пастуха; оберегай, Господи, и обороняй, побѣди, какъ змея ты побѣдилъ, такъ ты побѣди и прогони отъ моей подскотины черныхъ звѣрей и бурыхъ волковъ и медвѣдей и медвѣдицъ и волчицъ рыскучихъ звѣрей и росомахъ и дурныхъ собакъ и лѣшихъ и всякихъ невидимыхъ враговъ; отжени, Господи, Святымъ своимъ скипетромъ по всякъ день, по всякъ часъ, во дни и въ нощи и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, первоверховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу со своими райскими ключами съ тридевятьми, я рабъ божій имя рекъ взмолюся вамъ: приведите и приклоните своею святою Божіею милостію повелѣніемъ Божіимъ скотомъ христіанскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ двоекопытой и рогатой и комолой и одношерсной и разношерсной какъ привелъ и приклонилъ все по земли, съ Востока и Запада, Сѣвера сходятся всѣ мелкіе и малые муравьи къ своему царю Муравью, какъ збираются отъ темныя ночи и отъ снѣгу въ свои муравьища отъ грому и отъ дождя, такъ бы ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ скотъ; какъ онѣ муравьи знаютъ свои муравьища и своего царя Муравья, збираютъ и скапливаютъ, такъ бы збирался скотъ ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ твоимъ Святымъ Духомъ отъ грому и отъ дождя и отъ снѣгу и отъ темныя ночи въ одно мѣсто повелѣніемъ истиннаго Христа просимъ: какъ солнце пойдетъ на западъ, такъ бы скотъ пошелъ въ одно мѣсто, и всѣ твоимъ божіимъ повелѣніемъ по всякъ день, по всякъ часъ, во вѣки вѣковъ—аминь. и такихъ моихъ словъ вѣтромъ не отнесло и не развѣяло отнынѣ и до вѣка—аминь.—Святый Петръ и Павелъ! запирайте и заставайте святыми божіими райскими ключами и отсылайте на чербное море на синее и опущайте ключи въ синее море, какъ тѣ слова наговаривать на шерсть я на воскъ, для того шерсть збираю во единое мѣсто, чтобы вмѣстѣ скотъ по случаю ходили по земли въ одномъ мѣстѣ и ѣли бы траву на земли другъ у дружки изъ-подъ копыта, нарозно не расходились, не бодись и не дрались бы, другъ друга любили бы, другъ друга лизали бы и спали бы вмѣстѣ со своимъ пастухомъ и отъ сонныхъ не отходили бы, другъ друга дожидались; ѣсть вмѣстѣ и спать вмѣстѣ, послѣ полудня итти вмѣстѣ къ своимъ домамъ въ одну сторону, другъ бы отъ друга не оставались и кликались бы и слушали бы голосу и гарку трубы моея и свисту и всѣмъ моимъ словамъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, ключи въ морѣ, изъ моря не добыть и воды не выпить и не испортить и не изурочить. песку не вызобать, тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ во вѣки вѣковъ—аминь».

2) «Христосъ воскресе—аминь, во истину воскресе—аминь.

Какъ и судомъ Божіимъ поспѣваетъ на время рожь, жито и овесъ, такъ бы повелѣніемъ Божіимъ поспѣвалъ бы ко мнѣ рабу Божію имя рекъ скотъ по всякъ день, по утру рано и по вечеру рано. Какъ солнце на запалъ пойдетъ, такъ бы пошелъ скотъ домой начевать божіею милостію и повелѣніемъ Божіимъ—аминь. Еще я рабъ Божій имя рекъ тебѣ Господу Богу Іисусу Христу помолюся: какъ росолъ бѣжатъ въ чиренъ, кипитъ и варится и соль сенжается и готовится на время, такъ бы онѣ коровы и шли и готовились на время въ одно мѣсто ко мнѣ къ рабу божію

имя рекъ пастуху готовились скоро повелѣніемъ Божіимъ на всякъ день, на всякъ часъ, на всякъ мѣсяцъ на меженныхъ дняхъ во вѣки вѣковъ—аминь, до срочнаго дня—аминь. Еще тебѣ Господу Богу помолюся о томъ скотѣ о Власьевѣ родѣ: какъ древа растутъ и цвѣтутъ и сгніютъ на время, такъ бы поспѣвалъ скотъ двоекопытой ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ пастуху своему на показанное мѣсто въ солнечные дни и въ дождевые, по всякъ мѣсяцъ и на меженныхъ дняхъ во вѣки—аминь. Какъ у меня раба божія имя рекъ держатся глаза во лбѣ, душа въ тѣлѣ, языкъ и зубы въ головѣ моей, у меня раба божія имя рекъ пастуха такъ бы держался скотъ двоекопытой—коровы; какъ мнѣ языкъ служитъ, такъ бы меня раба божія имя рекъ скотъ слушалъ голоса и повелѣнія моего и трубы моей по всякъ день, по всякъ часъ, отнынѣ и до вѣка, во вѣки—аминь, до срошнова дня, во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.—Свѣтъ истинный—Христосъ! молюся тебѣ и паду подножіе ногъ твоихъ рабъ божій имя рекъ, помолюся: сохрани, много милости прошу о скотѣ миломъ крестьянскомъ животѣ о Власьевѣ роду о коровахъ двоекопытыхъ и рогатыхъ и комолыхъ, о большихъ и малыхъ, всякихъ разношерстныхъ. Какъ Ангелы Христовы затрубятъ твоимъ Божіимъ повелѣніемъ въ трубы, и враги услышатъ, въ морѣ рыбы, въ лѣсахъ и въ рѣкахъ звѣри и рыбы и вся поднебесная и вся подсолнечная пойдутъ и понесутъ мертвыя тѣла сколь скоро на страшное судище Христово, такъ же бы ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ скота приведи, Господи, и приклони, пошелъ бы ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ скотъ Власьевъ родъ твоимъ Божіимъ повелѣніемъ по всякъ день, по всякъ часъ, по утру рано, ввечеру рано, слушали бы слова моего и повелѣніемъ Божіимъ на рогъ мой на трубу во вѣки—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій имя рекъ: ты сотворилъ по сырой землѣ бѣжать по рѣкамъ и урочищамъ вода въ синее море безотступно, такъ же бы коровы и быки и телицы и подтелки бѣжали ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ на мой голосъ, на мою трубу, на рогъ, явился домой начевать къ хозяевамъ своимъ по всякъ день, по всякъ часъ, также бы о полудни въ одно мѣсто спать къ пастуху своему къ огню; какъ огонь въ огнивѣ держится, такъ бы держались скотъ меня раба божія имя рекъ и другъ друга своей собратіи; какъ воскъ и шерсть соединяются въ одно мѣсто, также бы скотъ держался въ одномъ мѣстѣ по всякъ день, по всякъ часъ, до страшнова дни твоимъ повелѣніемъ Божіимъ—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій имя рекъ тебѣ Господу Іисусу Христу: помилуй милостію Своею, Твоимъ Святымъ Духомъ! Какъ на праздникъ на благовѣщеньевъ день, на Христовъ день идутъ мужи и жены и дѣвицы и молодые отроки идутъ въ Божію церковь отъ священника Христовы слова слушать и радуются тебѣ истинному Христу Сыну Божію, такъ бы радовался скотъ ко мнѣ рабу божію имя рекъ пастуху твоимъ повелѣніемъ Божіимъ весь скотъ, великое стадо обходное благословенное въ день солнечный и дождевой, въ день туманной сходился бы во единое мѣсто Твоимъ Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Царю небесному: какъ пчелы собираются въ одно мѣсто и медъ во единое мѣсто несутъ и держатся своего улья и собираются отъ нощи, молніи и дождя и отъ снѣгу и всякія Божія милости, такъ бы Твоимъ Святымъ Духомъ, повелѣніемъ Божіимъ собирался бы скотъ отъ дождя и грому и молніи во единое мѣсто къ пастуху своему и къ домамъ своимъ начевать къ хозяевамъ своимъ Твоимъ Божіимъ повелѣніемъ отнынѣ и до вѣка, вѣкъ вѣка. Аминь».

3) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Встану я рабъ Божій имя рекъ благословесь, пойду перекрестесь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле подъ восточную сторону, умоюсь я росою, утрусь зарею, одѣнуся небесами, подпояшусь облаками и взойду я въ небесный градъ Іерусалимъ, въ томъ градѣ стоитъ церковь Лахернская Божіей Матере Богородицы, въ той церкви стоитъ огненный престолъ Господа Бога Саваоѳа и Сына Его превѣчнаго Господа нашего Іисуса Христа и Святаго Духа Утѣшителя, у того огненнаго престола предстоятъ небесные чины, Архистратиги Михаилъ и Гавріилъ, Уриилъ и Рафаилъ, Іоаннъ Предтеча и 12-ть апостоловъ, Василій Великій и священномученикъ

Власій и великомученикъ Георгій побѣдоносецъ, Флоръ и Лаверъ, великомученицы Анастасія и Өеодосія.... и азъ недостойный и тебѣ припадываю и отъ Тебе милости прошу: какъ Ты благословилъ Праотца нашего Авраама, Исаака, Іакова, то самъ и нынѣ отъ небеснаго Своего жилища благослови домъ мой и со всѣмъ моимъ скотомъ посредствомъ сего воска, и какъ мякокъ сей воскъ и гладокъ, столь бы мякокъ былъ и гладокъ мой скотъ въ моемъ домѣ, и какъ оберегался скотъ у праотцевъ нашихъ Авраама, Исаака, Іакова, къ ночамъ скотъ ихъ собирался отъ ядовитыхъ звѣрей и отъ всякаго повѣтрія, также и моего скота рогатово и комолово нынѣ помилуй и сохрани, Господи, и пошли Архангеловъ Своихъ Михаила и Гавріила, Уриила и Рафаила и Георгія побѣдоносца, чтобы оградили мой скотъ въ осѣкѣ и за осѣкомъ, въ темномъ лѣсѣ и въ болотахъ, въ поляхъ и въ лугахъ, въ рощелинахъ и во всякомъ мѣстѣ и жеребцовъ съ кобылами, быковъ съ коровами и съ телятами, борановъ съ овцами и съ ягнятами, боровъ со свиньями и съ поросятами, всякой шерсти: одношерсной и разношерсной, рано и поздо, ко утру и по вечеру, въ полдень и полночь и во всякое время и во всякой часъ. Какъ сія шерстинка льнетъ къ сему воску, такъ бы прильнула и моя скотинка къ моему дому, и гдѣ шерстинка, тутъ моя жива и скотинка; какъ солнце скоро покажется на западѣ, то и моя скотинка въ моемъ домѣ у раба божія имя рекъ и вѣкъ по вѣкъ, а всѣмъ моимъ словамъ замокъ въ морѣ, ключь въ ротѣ—мой языкъ, а печать Соломонова подъ престоломъ Твоимъ, Господи! Аминь».

(Наговариваются надъ желтымъ воскомъ и шерстью, которую берутъ у скота изъ лобу, скатываютъ вмѣстѣ и послѣ глубоко врываютъ въ землю гдѣ нибудь на дворѣ).

4) Встать по утру на зарѣ, итти къ муравью и надъ муравьищемъ говорить: «гой еси ты, царь муравей! какъ ты плодишся и умножаешся въ своемъ гнѣздѣ, также и къ ночѣ уходишъ на покой, такъ бы мой скотъ плодился и умножался, а къ ночамъ въ мой домъ собирался,—и я беру отъ тебя земли и вересу, а въ то мѣсто оставляю вамъ хлѣба и соли. Аминь».

Подходъ.

1) «Господи, Боже, благослови! во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь и пойду перекрестесь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле въ восточную сторону подъ утрянную зорю подъ красное солнце подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ частыя звѣзды. Какъ въ чистомъ полѣ возрадуется свѣтъ солнышку, зоря—свѣту, такъ бы возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ князи, бояра, власти и подчиненные, мужи и жены, старые и малые и всередовичь и весь міръ народъ божій и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренней зорѣ и на вечерной, въ день и всѣ часы и въ нощные и во всю подътретьяцатъ часовъ отнынѣ и до вѣку и во вѣкъ по вѣку и въ вѣкъ вѣка повѣдаетъ—аминь. И какъ возрадуется и возвеселится весь міръ и народъ божій и вси православніи христіане въ свѣтлое Христово воскресеніе въ святой церкви за святою заутреной, и столь бы радостно и весело возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ князи, бояра, власти и подчиненные, мужіе и жены, старые и малые и всередовичь и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утряной зорѣ и въ вечерной, въ денные часы и нощные, отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ—аминь. И какъ возрадуется и обратится и возвеселится и обрадѣетъ и жалѣетъ мати родшемуся своему дитя къ матерскимъ своимъ жалоснымъ сердцемъ, такъ бы возрадовались и возвеселились и обратились и приклонились ко мнѣ рабу божію имя рекъ жалостливыми

сердцами князи и бояра, власти и подначаліе, мужіе и жены, старые и малые и всередович и весь міръ народъ божій и вси православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренной зорѣ и на вечерней, въ денные часы и въ нощные и во всю полътретьящать часовъ отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія—аминь. Есть въ чистомъ полѣ мѣдная земля, на мѣдяной землѣ мѣдяное дно, и какъ отъ мѣдяной земли трава не ростетъ, и также не ростить ихъ ретивыхъ сердца и черная печень горячая кровь у князя, у бояриа, у власти, у подчиненныхъ, у мужей и у женъ, у старыхъ и малыхъ и у всередовича и у всего міру и народу божія и у всѣхъ православныхъ христіанъ на меня раба божія имя рекъ по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утрянной зорѣ и на вечерной, въ денные часы и въ нощные и во всю подътретьяацеть часовъ, во младости мѣсяца и въ полненіе и въ ветхъ отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія—аминь, аминь, аминь. А которыя мои слова покидающіе и забывающіе и тѣ мои слова бутте плотняе и емчае всѣхъ моихъ умильныхъ словъ и всему тому стиху говоренному и бутте мои слова тверже камня, острія булату, тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ. Аминь».

2) «Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле къ морю океану, въ морѣ океанѣ есть латарь камень, подъ латаремъ каменемъ есть Христова бѣлая собака, и я рабъ божій имя рекъ зашедъ возмолюся и поклонюся: гой еси ты Христова бѣлая собака! не ѣшь, не кусай латаря камени, поѣшь и покусай у раба божія имя рекъ ярость, гордость, угрюмство, спѣсивство, еще бы у раба божія имя рекъ ротъ не разѣвался, языкъ не ворочался, жила не трепескалась бы, рука не подымалась, и слушалъ бы отъ меня раба божія имя рекъ рѣчи, просьбы принималъ бы, во уста бралъ, къ сердцю клалъ, и какъ мертвый во гробѣ лежитъ, ротъ не разѣвается, щека не поднимается, языкъ не ворочается, кровь не играетъ, жила не трепещется, такъ же бы у раба божія имя рекъ вѣкъ да по вѣку, отнынѣ и до вѣку—аминь».

(Наговариваются на воскъ, который привязывается на крестъ съ лѣвой стороны въ чистой тряпкѣ).

Отъ лихого человѣка.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, пойду перекрестесь въ чистое поле въ восточную сторону, вылѣтаетъ въ чистомъ полѣ воронъ вороновичь, железные ногти, булатной носъ, змолюсь и приклонюсь рабъ божій имя рекъ: гой еси ты, воронъ вороновичь! полити ты къ моему супостату, моему лихому человѣку, который на меня зло думаетъ и лихо помышляетъ, срывать и оборвать злую лихую душу, лихое помышленіе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты, воронъ вороновичь, у злово лихово человѣка злую лихую думу, лихое помышленіе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты въ темные лѣсы, лежытъ въ темныхъ лѣсахъ рудова колода и клади ты подъ рудовую колоду; какъ ни той колодѣ (той колодѣ) вверхъ не вставать, листья не отращивать, такожде бы мнѣ рабу божію имя рекъ моему супостату зубами на меня не скырчихать, рукой не махать, ногой не топтать отнынѣ и до вѣку въ вѣки вѣковъ. Аминь». («Говорить на воду по утру съ молитвою и пить»).

Охотничьи.

1) «Молитва, какъ класть огненное оружіе въ ложню».

«Господи, благослови раба божія имя рекъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь».

Молитва отъ запалу.

«Отцемъ Симсономъ Богопріимцемъ рече богу моляся, отведи сотону и діавола отъ стрѣльца отъ меня раба божія имя рекъ и отъ моей стрелящей пищали и отъ шонпаса и отъ гвоздей и отъ трехъ петель и отъ пятенъ шуруповъ и отъ гвоздей и отъ егаля и отъ ложни и отъ ящика и отъ притіна и отъ прогонца и отъ шуруповъ малыхъ и большихъ казеннаго тутъ тебѣ о томъ мѣста нѣтъ, а почиваетъ у моея стрелячей пищали у казны Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. есть Святая Троица Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, Апостолы и Евангелисты: Іоаннъ, Лука, Марко и Матеей, исцѣлите запасъ, пулькю и порохъ и все... (слово не разобрано) и снасти; святый мученикъ Христовъ Никита за Христа претерпѣлъ и за міръ предстоишы у Господа Бога моляся, отгони отъ меня раба божія имя рекъ притчи и пристроицы и всякихъ лихихъ людей злыя отговоры и всякому человѣку на завидость, а мнѣ на добычу, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

2) Отъ уроковъ.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Покроюсь я рабъ божій небомъ и землею и краснымъ солнцемъ, младымъ мѣсяцомъ отъ вѣдуна и отъ вѣдуніи, отъ колдуна и отъ колдуніи, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ чернеца, отъ черницы, отъ веселаго и отъ калики и отъ своей лихія думы и отъ помышленія рабъ божій имя рекъ мою свое оружіе – пищаль, что смываю и срываю со своего оружія пищали уроки лихова человѣка, кровь и завидость, какъ та рѣка идетъ въ синее море безотступно и безворотно, желтые пески смываетъ, крутые красные берега срываетъ, такъ бы срывало и смывало съ моево оружія пищали уроки и призоры лихова человѣка, кровь и завидость». («Говорить сіе трижды моючи пищаль, промыть водой, да опрокинь нанизъ казной»).

3) Чтобы изъ круга звѣрь не выходилъ, а птица не вылѣтала.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Святіи тріе отроки: Гуріе, Самонъ и Авифъ якоре есть, какъ воротили погибшую дѣвицу во свой градъ во Ефесъ, такъ воротите всякаго звѣря ходячего и стоячего и лежащаго и всякую птицу лѣтачую и сидящую на древѣ, на земли и на водѣ ко мнѣ рабу божію имя рекъ, головою Авраамъ застави, Исаакъ пожени, Іаковъ же впредь не пусти, замети сотвори во очахъ, свяжите всякаго звѣря и всякую птицу на единомъ мѣстѣ путамъ желѣзнымъ неразрушимыми, на коемъ мѣстѣ мои очи зазрятъ, и буди тотъ звѣрь, или птица мнѣ рабу божію имя рекъ мертва и заключена на единомъ мѣстѣ до моей пострѣлки; какъ стоитъ адъ мертвъ и заключенъ вѣкъ по вѣку и до вѣку вѣкущаго, такъ бы стоялъ звѣрь, или та птица мнѣ рабу божію имя рекъ сидѣла, или звѣрь стоялъ на единомъ мѣстѣ мертва и недвижима до моего вѣку и пострѣлки; коли у того ада замки повалятся и адова врата отворятся и мертвыя души изъ ада выйдутъ, тогда тотъ мнѣ имя рекъ звѣрь, или птица съ того мѣста сойдетъ, или слѣтитъ до моей пострѣлки и убою, и какъ этого ада безъ Божія повелѣнія замкамъ не отпадывать и воротамъ не отвариваться, такъ и того звѣря мнѣ рабу божію имя рекъ, котораго я своимъ окомъ зазрю на коемъ мѣстѣ, съ того мѣста не схаживать, или той птицѣ не слѣтывать и до вѣку вѣкущаго. Аминь»). «Говорать надъ солью и соль метать сопротивъ себя, да кто можетъ первую птицу на веснѣ около обойти, а назадь не оглядываться»).

Привораживательные.

1) «Господи Іисусе Христе Сыне Боже нашъ помилуй насъ—аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утрусь тканымъ бѣлымъ полотенцомъ и пойду перекрестесь изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле въ райскую сторону, въ чистомъ полѣ въ райской сторонѣ стоитъ златый престолъ, на томъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Мати Божья Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ,

и я рабъ божій имя рекъ зашедъ возмолюся и поклонюся: Господь Богъ Саваоѳъ, Іисусъ Христосъ, Мати Божья Богородица! есть у Васъ на землѣ двѣ радости, и онѣ сряду сидятъ, другъ на дружку глядятъ наглядится не могутъ и радуются нарадоватися немогутъ: тако сотвори рабамъ божіимъ имя рекъ, глядили бы наглядитися не могли и радовалися нарадоватися не могли. Господи спусти и благослови двенадесять Апостоловъ, и берите онѣ двенадесять мѣховъ и двенадесять горновъ и жгите и палите у рабовъ божіихъ имя рекъ бѣлое тѣло, ретивое сердце, походячую кровь. и какъ горитъ въ горнѣ железо и укладъ скипается и зжигается крѣпко и плотно, такъ же бы рабы божіи имя рекъ сживались, руками обнимались, ногами оплетались, во уста бы цѣловались вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно безъ соли и безъ хлѣба не день дневать, не ночь начевать, не часъ часовать, не минута минутовать, такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ имя рекъ другъ безъ дружки не день дневать, не ночь начевать, не часъ часовать вѣкъ до по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно рыбѣ на берегу безъ воды не день дневать, не ночь начевать, такъ же бы рабамъ божіимъ имя рекъ не можно было другъ безъ дружки не день дневать, не ночь начевать, не часъ часовать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. Господи! и какъ весь міръ православный и всѣ христіане дожидаются Твоего свѣтлаго Христова воскресенія, такъ же бы рабы божіи имя рекъ дожидались бы другъ друга по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ ты, Мати Божія Пресвятая Богородица, возлюбила своего Іисуса Христа, такъ же бы возлюбили рабы божіи имя рекъ другъ друга вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ заслонка у печи сохнетъ и горитъ, такъ же бы у рабовъ божіихъ имя рекъ сердца бы ихъ сохли и горѣли другъ по дружкѣ вѣкъ да по вѣку—аминь. И какъ хмѣль кругъ колышка вьется и увивается, такъ же бы рабы божіи имя рекъ другъ другомъ увивались и обнимались, во уста бы цѣловались вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ неможно голодному отъ яденія отойти, а жадному—отъ питія, такъ же бы неможно было рабамъ божіимъ имя рекъ другъ отъ дружки отойти по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

2) «Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

«Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцомъ и пойду я рабъ божій имя рекъ со двора воротами, съ улицы—заво́ромъ въ чистое поле въ широкое раздолье подъ синее небо подъ частые звѣзды подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ румяную зорю подъ буйные вѣтры подъ красное солнышко къ морю океану, въ морѣ океанѣ есть щука бѣлуга, и жретъ она и пожираетъ морскую пѣну и неможетъ она безъ морской пѣны не жить, не быть, не день дневать, не ночь начевать, не часъ часовать, не минута минутовать: такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ имя рекъ другъ безъ дружки не день дневать, не ночь начевать, не часъ часовать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь, аминь, аминь.

(Наговариваются на вино или на что-нибудь съѣстное).

Чтобы отъ булавки, воткнутой въ щеку или въ другое какое-нибудь мягкое мѣсто, не текла кровь.

«Разбѣгитесь черные оболока, приступи ко мнѣ темная тьма, знаемые мои друзья, растворися мое бѣлое тѣло и черная кровь и пропусти въ себя мѣдную булавку, и будь мое бѣлое тѣло и кипучая кровь крѣпче камени железа и меча самосѣка вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. Былъ царь старъ, подъ нимъ конь чалъ, а у меня руда стой и не капь вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

(Трижды читается и трижды плюется на то мѣсто, въ которое булавка втыкается).

Отъ порчи.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословесь и перекрестесь, умыюся свѣжею

водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцомъ и пойду я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами, съ улицы заворомъ въ чистое поле въ райскую сторону, въ райской сторонѣ святая золотая гора, на той на святой на золотой на горѣ златый престолъ, на томъ на златомъ престолѣ сидитъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небеснымъ кругомъ, и я рабъ божій имя рекъ зашедъ возмолюся и поклонюся: гой еси ты, Іисусъ Христосъ! и какъ ты ходилъ по землѣ, и пріиде къ Тебѣ бѣсноватый человѣкъ, и Ты еси изъ него, Господи, изъ бѣсноватаго человѣка выгналъ діавола и послалъ еси Ты въ свиное стадо, и я рабъ божій имя рекъ тако Твоимъ именемъ Іисусомъ Христомъ высылаю изъ раба божія имя рекъ съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилъ его, изъ бѣлаго мяса, изъ чернаго сала и посылаю его бѣса лукавую силу въ темные лѣса, въ топучія болота вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ, Господи, просорливая жена къ краю ризъ Твоихъ коснувыйся, то такъ и исцѣлѣ отъ кровотеченія; тако и я рабъ божій имя рекъ возмолюся и поклонюся: гой еси Ты, Господь Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, я именемъ Твоимъ высылаю изъ раба божія имя рекъ всякую порчу, всякую нечистоту, всякую скорбь съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилъ его, изо всякаго состава, изо всякаго мѣста и посылаю я рабъ божій имя рекъ именемъ Твоимъ въ разныя мѣста и неудобныя и непроходимыя во тму кромѣшную вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

(Наговаривается на воду, которой брыжжутъ порченаго).

VIII. Примѣты.

Встрѣча съ попомъ—не добрый знакъ.

Заяцъ перебѣжитъ дорогу—тоже.

Матица въ избѣ трещитъ передъ покойникомъ.

Дѣвка или кошка—худая встрѣча.

Лѣвый глазъ чешется, значитъ—плакать, а правый—къ радости.

Ладонь чешется, значитъ—деньги отдавать.

Противъ сердца чешется, значитъ—съ роднымъ видѣться.

Правая бровь чешется, значитъ—хвалятъ, а лѣвая—хулятъ.

Столы трещатъ - къ свадьбѣ.

Если въ ночь на новый годъ звѣздяно, то годъ будетъ ягодный.

Если въ Георгіевъ день замерзнетъ, то урожей гороха будетъ.

Въ Христовъ день ведро, такъ лѣто будетъ ведряное; съ утра ненастье, такъ весна будетъ ненастная; въ полдень ненастье, такъ сѣнокосъ будетъ съ дождемъ, а вечеръ—ненастный, такъ осень будетъ ненастная.

Бѣлокъ много передъ солдатствомъ.

Если мыши вьютъ свои гнѣзда высоко, то осень будетъ мокрая.

Если рожь цвѣтетъ снизу, то она будетъ дешевая, если на срединѣ колоса цвѣтетъ, то цѣна ржи будетъ средняя, а если рожь цвѣтетъ сверху, то цѣна ей будетъ дорогая.

Если сорванный разцвѣтшій ржаный колосъ на головѣ у кого снова разцвѣтетъ, то этотъ человѣкъ тотъ годъ проживетъ.

Собака воетъ или къ покойнику, или къ пожару.

Икается, значитъ, поминаетъ кто-нибудь.

Сорока щекочетъ къ гостямъ.

Не колоти весломъ въ край пивной кадки: потому что пиво будетъ ссорное.

Воронъ сидитъ на избѣ къ покойнику.

Лягушки квакаютъ къ ненастью.

Филинъ поетъ къ тому же.

Кто любитъ кости глодать, у того свадьба будетъ кутержная.

Если кто, выходя изъ избы, притворитъ въ дверяхъ свое платье, или что-нибудь забудетъ: то это значитъ, что ему опять бывать въ томъ дому.

Вороны купаются передъ дождемъ.

Воробьи стадомъ чирикаютъ—тоже, а зимой—къ стужѣ.

Сороки лѣтаютъ лѣтомъ передъ хорошой погодой.

Если въ Благовѣщеньевъ день замерзнетъ, то еще 40 утренниковъ будетъ.

Щеки чешутся, значитъ—мазаться.

Угли вылѣтаютъ изъ печи—къ гостю.

Дрова раскатываются въ печѣ если къ дверямъ, то кто-нибудь изъ дому уйдетъ а если къ стѣнѣ, такъ кто-нибудь придетъ.

Кошка моется передъ гостями.

Огибочные сочни загибаются къ прибылому.

Если подошва чешется у правой ноги, то—передъ любой дорогой, а если у лѣвой, то—къ нелюбой.

Усъ чешется къ цѣлованью или гостинцу.

Лобъ чешется передъ кланяньемъ.

Если зимой петухъ поетъ днемъ, то—къ теплу, а если лѣтомъ днемъ, то—къ вѣстямъ.

Курица ощыпывается лѣтомъ—къ дождю, а зимой—къ снѣгу.

Пѣтухъ ростится и лѣтомъ и зимой къ холоду.

Если двѣ курицы шепчутся головами вмѣстѣ, то—къ свадьбѣ.

Лѣтомъ овцы играютъ передъ дождемъ.

Коровы мырчатъ лѣтомъ къ ненастью.

Если галки теребятъ на избахъ мохъ, то скоро весна будетъ.

Если съ лѣсу не чисто опадетъ листъ, то тяжелый годъ будетъ для народа.

Много на рябинѣ ягодъ, такъ большая оспа на дѣтей будетъ.

Лошади форскаютъ лѣтомъ къ дождю, а зимой—къ теплу.

Если въ день Исидора (14-го мая) будетъ сиверно, то не сади огурцовъ.

Если въ Христовъ день ведро, то ленъ сѣй на низкихъ мѣстахъ.

Молоко во время циженія пѣнится къ дождю.

Если на дожинкахъ овса хозяйка ни съ кѣмъ не скажетъ слова, то овцы не станутъ блѣять.

Если овесъ дожнешь днемъ, такъ тепло будетъ рубашки мыть, а на зарѣ, холодно.

Въ Рождество и въ Хр. день кто раньше домой придетъ, у того работа управнѣе.

Кто первый встанетъ на подножникъ (въ церкви), тотъ большой будетъ.

Кто изъ молодыхъ присядетъ у другого платье, тотъ надъ нимъ будетъ тоже большой.

Перейдешь нечистый черезъ то мѣсто, надъ коимъ упала звѣзда, скоро умрешь.

Рано гремитъ, такъ рано работа будетъ поспѣвать; съ полдня гремитъ, такъ грозное лѣто будетъ, а съ ночи, такъ—тихое лѣто.

Если дѣвица—невѣста—во время молебствія на водѣ (о Крещеньѣ) поблѣднѣетъ, то ее въ тотъ годъ выдадутъ замужъ.

Не бей лучиной, иначе человѣкъ высохнетъ, какъ и она.

Кто лѣниво ѣстъ, тотъ лѣниво и работаетъ.

Если громъ будетъ въ первый разъ въ Егорьевъ день, то рыбы будетъ много; если—въ постный день: то коровы худо станутъ доить.

Во время дождя пузыри пѣнятся къ дождю.

Солнце паритъ передъ дождемъ.

Если куделя во время святокъ заиндѣвѣетъ, то богато будешь жить.

Если у кого на новый годъ вода, налитая въ ложку, на стужѣ замерзнетъ пузыремъ, то онъ проживетъ тотъ годъ, а если—ямкой, то умретъ.

Если поверхность снѣга или настъ не гладокъ, то годъ будетъ тяжелый, также—ягодный и оспичный.

Если больного зоветъ умершій родственникъ, то это означаетъ смерть перваго.

Курицы дерутся къ гостю.

Если погода въ чистый понедѣльникъ ясна, то хороша выростетъ пшеница.

Дорога бугромъ, такъ годъ будетъ хлѣбородный.

Если на ольхѣ мочка есть, то сѣй пшеницу.

«Дмитрей на голѣ, такъ и Егорей на голѣ, а Дмитрей на саняхъ, такъ и Егорей на пѣгомъ конѣ», т. е. если въ день великомученика Димитрія (октября 26-го) не будетъ снѣгу, то и о Егорьевѣ днѣ снѣгъ растаетъ, а если въ первый будетъ снѣгъ, то и въ послѣдній весь не растаетъ.

Когда весной вынешь молоки изъ щуки, то положи ихъ на ровное мѣсто и смотри: если конецъ молокъ отъ головы будетъ толще, то ранній посѣвъ будетъ лучше, если—средина, то—средній посѣвъ, а если конецъ молокъ отъ хвоста, то поздній посѣвъ.

IX. Толкованья сновъ.

Пожаръ во снѣ видѣть означаетъ холодъ.
Попа во снѣ видѣть—передъ худой погодой.
Благословляться отъ священника означаетъ паденіе или ушибъ.
Щуку во снѣ ѣсть значитъ имѣть дѣло съ лукавымъ человѣкомъ, или—опасаться.
Рѣку видѣть означаетъ пустыя рѣчи.
По водѣ плыть означаетъ свободу.
Новый колодезь видѣть передъ новой родней.
Младенца видѣть означаетъ прибыль.
Пиво пить предвѣщаетъ диво.
На лошади ѣхать означаетъ врага.
На телѣгѣ ѣхать—смерть.
Сѣно видѣть - передъ деньгами.
Пьянаго видѣть кого предвѣщаетъ недоброе о немъ.
Зубъ выпадетъ означаетъ смерть кого-нибудь изъ родныхъ.
Если въ дому горитъ, а огонь наружу не выходитъ,—въ дому ссора будетъ.
Звонъ слышать означаетъ новыя вѣсти.
Вино видѣть или пить, значитъ—виноватымъ быть.
Горохъ видѣть къ слезамъ.
Зрѣлыя ягоды видѣть къ радости, а незрѣлыя—къ печали или слезамъ.
Навозъ возить со двора—къ покойнику.
Потерять съ себя что-нибудь во снѣ, значитъ, лишиться чего-нибудь.
Солнышко всходитъ къ новорожденному, или—къ новой роднѣ, а если оно закатается, то—къ умершему, или къ своему нездоровью.
Перевалу видѣть означаетъ немилость отъ начальниковъ.
Если дѣвка во снѣ поймаетъ птичку, то—передъ суженымъ.
Бѣлую скатерть видѣть на столѣ—передъ письмомъ, а въ рукахъ скатерть держать—передъ отсылкой письма.
Бѣлье видѣть нестланное на дорогѣ означаетъ дорогу.
Дѣвокъ во снѣ видѣть передъ дивомъ.
Коровъ видѣть къ горю.
Овецъ—къ радости или къ богатству.
Женщинѣ видѣть на себѣ красное платье—быть отъ мужа виноватой, или битой.
Ласкающуся видѣть незнакомую собаку—къ новому другу.
Гряды копать въ огородѣ—къ покойнику.
Кровь изъ носа или изо рта течетъ—къ новой роднѣ.
Бѣлую на себѣ рубашку видѣть означаетъ счастье.
Дыроватое на себѣ платье видѣть предвѣщаетъ горе или печаль.
Рожъ видѣть значитъ про себя ложь слышать.
Ленъ видѣть означаетъ дорогу.
Красныя ягоды или деньги видѣть—къ слезамъ.
Собака, во снѣ видѣнная, означаетъ друга.
Сѣно видѣть—передъ деньгами.

С. Замоша. *(Окончаніе слѣдуетъ).* Николай Поповъ.

Сказки о Петрѣ Великомъ

въ записяхъ 1745—1754 годовъ.

Въ послѣдніе годы жизни бывшаго Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества, покойнаго акад. Л. Н. Майкова, я какъ-то получилъ лично отъ него нѣсколько писанныхъ листковъ. Майковъ высказалъ пожеланіе, чтобы я какъ-нибудь на досугѣ просмотрѣлъ эти листки, и, если годится, то гдѣ-нибудь тиснулъ ихъ; при этомъ онъ добавилъ, что послѣдніе переданы были въ его распоряженіе покойнымъ Г. В. Есиповымъ.

На упомянутыхъ листкахъ оказались записи половины XVIII-го вѣка показаній обвиняемыхъ на допросѣ въ Тайной Канцеляріи. Г. В. Есиповъ въ концѣ списка отмѣтилъ: «всѣ обвиняемые въ Тайной Канцеляріи показали, что они слышали эти сказки: «въ народной молвѣ». Это даетъ поводъ думать, что сказки эти занесены на страницы суднаго дѣла вскорѣ послѣ ихъ сложенія и закрѣплены въ той формѣ, въ какой онѣ обращались въ простонародной массѣ. Такъ какъ записи помѣчены 1730, 1745, 1752—5 годами, то можно думать, что и пріуроченіе дѣйствующихъ лицъ сказокъ или, точнѣе, одной и той-же сказки въ нѣсколькихъ распространенныхъ варіантахъ—къ Петру Великому и его эпохѣ и, особенно, къ покушенію на его жизнь должно бы быть отнесено къ московскому еще періоду Петровской исторіи и ко времени стрѣлецкихъ бунтовъ и другихъ нестроеній, т. е. къ концу XVII вѣка.

Это пріуроченіе стараго перехожаго сюжета сказки о совмѣстномъ воровствѣ царя (Петра) съ своимъ подданнымъ, оказавшимся извѣстнымъ ловкимъ московскимъ воромъ (Бармою),—весьма любопытно. Имя вора извѣстно въ сказочной русской литературѣ, и вообще сказки подобнаго же содержанія и сюжета и съ прозвищемъ именно Бармы отчасти послужили предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ извѣстной ученой публикѣ статьѣ проф. и акад. Александра Николаевича Веселовскаго (въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 г., № 4, т. I, стр. 313—23), подъ заглавіемъ: «Сказки объ Иванѣ Грозномъ».

Печатаемыя ниже сказки о Петрѣ Великомъ являются, такимъ образомъ, пережиткомъ розсказней объ Иванѣ Грозномъ, записанныхъ еще Коллинсомъ (гл. X) и изложенныхъ Ѳ. И. Буслаевымъ въ его «Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности и искусства» (Спб., 1861 г., ч. I, стран 513);—онѣ отчасти относятся къ тому же роду словесныхъ произведеній, какъ и сказанія о Дракулѣ (ср. упоминаніе о колпакѣ, и т. под., въ № II), и т. п.

1-й разсказъ представляетъ лишь общую неполную и сжатую канву сказки безъ имени вора и безъ мѣстныхъ чертъ; во 2-омъ—уже разсказъ ведется обстоятельнѣе; въ 3-емъ—еще болѣе чертъ Петровской эпохи (бояринъ переименованъ въ сенатора, билъ дубиною, и проч.). Послѣдній—4-й разсказъ—самый обстоятельный, но позднѣйшій варіантъ. Бояринъ названъ «господиномъ», вмѣсто «колпака» - явилась уже шляпа; разсказъ еще болѣе отдаляется отъ фабулы сказки и сверхъ того осложняется передачей свѣдѣній объ особомъ порученіи государя вору поставить одно духовное лицо (архіерея) въ смѣшное положеніе въ отместку за насмѣшку. Но и

разсказъ о томъ, какъ вору, явившемуся къ архіерею подъ видомъ ангела, удалось уговорить архіерея влѣзать въ особо принесенный для того мѣшокъ—тоже является переживаніемъ и отмѣченъ уже А. Н. Веселовскимъ (см. стран. 319) въ разсказахъ объ Иванѣ Грозномъ (упом. «кошель»).

Записи Г. В. Есипова передаемъ точно, прибавивъ отъ себя лишь необходимые для облегченія читателя знаки препинанія.

П. К. Симони.

I.

Колодникъ втюрьмѣ говорилъ своимъ товарищамъ. «Слушайте, я скажу вамъ сказку: блаженныя и вѣчно достойныя памяти, Первый Императоръ Петръ Алексѣевичь ходилъ по Москвѣ и сошедшись съ воромъ ходили красть деньги. Бояринъ одинъ хотѣлъ его известь, а Петръ велѣлъ боярину первую чарку выпить; и какъ выпилъ, такъ его боярина и розорвало».

Разскащикъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу въ Оренбургъ (1745 года).

II.

Въ 1730 году въ Симбирскѣ колодникъ говорилъ товарищамъ: «Сказать ли вамъ сказку»?—«Сказывай».

«Въ Москвѣ былъ воръ Барма и нашъ Императоръ (но невыговоря который), нарядясь въ мужицкое платье и ночью изъ дворца ходилъ того Барму искать. И какъ де онъ Государь того Барму нашелъ, то де тогда спросилъ того Барму, что де онъ за человѣкъ, и тотъ Барма Государю сказалъ, что онъ воръ Барма; и Государь сталъ того Барму звать красть изъ Государевыхъ Палатъ денежную казну и тотъ де Барма Государя ударилъ въ рожу [1] и сказалъ скверно, для чего ты Государеву казну подзываешь красть, лучше де пойдемъ Боярина покрадемъ и Государь де съ тѣмъ Бармою ходилъ и Боярина покрали и Государь покрадевые пожитки всѣ отдалъ Бармѣ и далъ тому Бармѣ съ себя колпакъ и велѣлъ ему на другой день съ тѣмъ колпакомъ придти въ Соборъ, и какъ де на другой день тотъ Барма въ Соборъ пришелъ, то де Государь его Барму узналъ и сталъ его Барму за то, что онъ не захотѣлъ Государевой казны воровать, при себѣ держать въ милости». (1752 г.).

III.

(Другой варіантъ 1752 года).

«Ходилъ Государь Петръ великой по Москвѣ по Городу въ ночи одинъ, и встрѣтился съ нимъ воръ и Государь спросилъ его: что онъ зачеловѣкъ? и оной воръ сказалъ, что онъ воръ. И воръ де Государя спросилъ: «а ты де что за человѣкъ?» и Государь сказалъ: «я де такой же воръ, какъ и ты». И Государь съ тѣмъ воромъ побратался крестами и воръ назвался большимъ братомъ, а Государь меншимъ, и сталъ де тотъ воръ его Государя звать воровать и Государь де сказалъ: «развѣ де идти воровать во Дворецъ», и за то де тотъ воръ Государя билъ дубиною и говорилъ Государю пойдемъ де воровать лучше къ Сенатору, и пошли къ тому Сенатору и, по приходѣ, воръ влѣзъ на окно и слушалъ, что говорятъ, и

[1] Ср. о томъ же въ сказкѣ объ Иванѣ Грозномъ (означенное соч. А. Н. Веселовскаго, стран. 316).

прислушалъ де, что тотъ Сенаторъ говоритъ: «Завтра де надобно мнѣ звать Государя къ себѣ въ гости и отравить до смерти», и воръ де прикликалъ Государя, чтобы онъ тѣ слова слышалъ и Государь влѣзъ на окно и, слышавъ тѣ же слова и слезши де съ окна, подошли въ кладовую Палату и покрали денегъ, сколько имъ надобно было, и стали на пути и воръ де Государю говорилъ, чтобъ тѣ деньги между собою раздѣлить, а Государь сказалъ: «понеси де ты денги домой, а я завтра ихъ возму для того, что де теперь мнѣ домой принести и нельзя»; и воръ де Государю говорилъ: «ты де меня завтра гдѣ найдешь»; и Государь тому вору говорилъ: «какъ де Государь въ Кремлѣ пойдетъ къ обѣднѣ и всѣ де люди станутъ на колѣни, а ты де на колѣна не вставай, и потому де я тебя и узнаю». И по утру де такъ тотъ воръ и сдѣлалъ и взятъ де тотъ воръ.

IV.

Еще варіантъ (1754 года).

Былъ славной воръ въ Москвѣ. И блаженной памяти Государь Императоръ Петръ Первый, услыша де, что имѣется славный воръ, пошелъ по Москвѣ ночнымъ временемъ того вора искать и нашелъ того вора на дорогѣ и сталъ спрашивать, что де ты за человѣкъ, и оной воръ ему Государю сказалъ: «я де воръ». И Государь сказалъ же: «и я де воръ и пойдемъ де вмѣстѣ съ тобою воровать». И пошли они оба вмѣстѣ къ нѣкоторому Господину воровать и у того де Господина выкрали платье и деньги, и во время де той кражи Государь также и воръ услышали, что тотъ Господинъ, будучи въ своемъ домѣ съ женою своею, говорили: «надобно де намъ составить зелье, чтобъ Государя извести», и потомъ де изъ того дому Государь такожде и воръ пошли вонъ и то краденое платье и деньги раздѣлили по себѣ и Государь, снявъ съ себя шляпу и надѣлъ на того вора, а съ того де вора шляпу взялъ и надѣлъ на себя. И потомъ де Государь тому вору говорилъ: «заутро де выходи на то мѣсто, гдѣ я буду ѣхать» и тотъ воръ на другой день на то мѣсто, гдѣ надлежитъ Государю ѣхать», вышелъ. И тогда де Господа, которые ѣхали прежде Государя, усмотрѣли того вора и говорили: «гдѣ де этотъ воръ такую шляпу взялъ: онъ де собою весь голъ, а шляпа де на немъ Царская» и потомъ де вскорѣ и самъ Государь на тоже мѣсто пріѣхалъ и взялъ того вора съ собою къ обѣдни и были у обѣдни вмѣстѣ. И тотъ де Господинъ, у котораго пожитки крали, сталъ Государя звать къ себѣ въ гости и Государь де къ тому господину съ тѣмъ воромъ и съ Господами въ гости поѣхалъ и оной де Господинъ тѣми напитками сталъ прежде просить Государя, чтобы онъ выпилъ и Государь де тому Господину говорилъ: «выпей де ты напередъ самъ»; и тому де Господину и женѣ его нельзя стало, чтобъ напередъ тотъ напитокъ не выпить,—выпили тотъ напитокъ сами и въ то де время тотъ Господинъ и жена его отъ того напитку умерли. И потомъ де Государь изъ того дому поѣхалъ съ тѣмъ воромъ во Дворецъ. И, ѣдучи дорогою, Государь тому вору говорилъ: «какъ де ты, славный воръ, не умѣешь ли де ты такой насмѣшки сдѣлать, что де мнѣ Архіерій насмѣялся». И тотъ де воръ Государю говорилъ: «мое де это дѣло, я де тому Архіерію насмѣшку умѣю отсмѣять и потомъ де оной воръ отсталъ отъ Государя и сдѣлалъ себѣ изъ бумаги крылья и, прилетя къ тому архіерею въ бѣлой рубахѣ и объявя о себѣ, якобы онъ Ангелъ съ небеси прилетѣлъ по его архіерейскую душу, и оной де Архіерей тому вора въ томъ повѣрилъ и отдался ему въ руки и оной де воръ, взявъ того Архіерея, положилъ въ мѣшокъ и понесъ на нѣкоторое мѣсто, гдѣ случилось ѣхать Государю. И какъ де сперва поѣхали Господа и, усмотря тотъ мѣшокъ, дивились и потомъ же вскорѣ на то мѣсто поѣхалъ Государь а велѣлъ тотъ мѣшокъ развязать. И какъ развязали, то Государь, усмотря, что въ томъ мѣшкѣ лежитъ означенной Архіерей, говорилъ тому Архіерею: «за чѣмъ де ты тутъ въ мѣшкѣ лежишь, вотъ де ты мнѣ насмѣшку дѣлалъ, а тебѣ де въ этомъ мѣшкѣ каково сидѣть».

Эпическія пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дьиновскаго [1]).

Бановичъ-краль и Али-бегъ воевода.

Посабрало Сълтанъ Пазаите,
Посабрало тоя силна войска,
Малу многу 60 иляди.
Не се знаетъ, коде ћа я праћатъ;
5. Ми я прат'и по бели Дунава,
Да се біетъ съ Бановића Краля,
Какъ пойдое 60 иляди,
Еденъ съ душа назатъ не се врати,
Кога видѣ Сълтанъ Пазаите,
10. Кога виде, фематъ що да чинитъ,
Отъ си кладе, телаль да си личитъ:
«Кой ћа се наетъ юнакъ над'юнака,
Да го фатитъ Баневића Краля,
ћа му дада 3 градови—Тимаръ
15. И ћа му дада 3 кули [2] азно,
И ћа му дада по море скелиня,
И ћа му дада моя мила ћерка».
Сите ми се въ земи опуліе;
Той що беше Али-бег войвода,
20. Му излезе цару на дивани:
«Врућо сълнце Сълтанъ Пазаите!
Отбери ми 3 турчиня млади,
Що да піетъ вино емъ ракія,
Що да піетъ, да се не опіетъ.
25. Съ Банета сме верни побратими,
На піенѣ, Банета ћа фата».
Си му отбра Сълтанъ Пазаите,
Си му отбра 3 турчиня млади,
Що да піетъ вино емъ ракія,
30. Що да піетъ, да се не опіетъ,
Си яфнае сите бързи коньи;
Кинисае край бели Дунава,
Да му одитъ Баневићу Кралю.
А пакъ Бане въ одая седеше,
35. Невеста го ракія служеше;
Тога брго беше се оженилъ,
Тога брго две недели време.
Е говоритъ Баневића Краля,
Е говоритъ на млада невесто:
40. «Добро мое, невесто убава!
Да Богъ даетъ на аир да быдетъ,
Десно око белег ме удиратъ
Токъ излези на высоки диванъ,
Распули се по поле широко,
45. Распули се нагоре и надолу,
Да не ни сторитъ некоя страмота».
Блазе Бану, що ималъ невесто:
Кога рече фчасъ на нози стана,
Си излезе на високи диванъ.
50. Се распули нагоре и надолу,
Се распули по поле широко.
Нищо нематъ млада да доглeдатъ,
Мало нещо како да заслуша,
Как' да турски коньи тропотее
55. И како да турски говорее.
И пакъ брго назадъ си се врати,
Му кажуватъ Баневићу Кралю:
«Господаре, Баневиће кралю!
Я по поле нищо не доглeдафъ,
60. Малу нещо како да саслушафъ,
Как' да турски коньи тропотее
И како да турски говорее».

---

[1] См. «Живая Старина» г. IX, в. I, отд. II, 113—129; в. II, отд. II, 236—250; г. XII, в. III и IV, 429—436.

[2] Исправлено: т о в а р и; но первое вѣрнѣе: такія преувеличенія встрѣчаются постоянно и въ другихъ пѣсняхъ.

Кога зачу Баневиħа краля,
Отъ яго висъ в часъ на нози стана;
65. Гола сабя во роцы си зеде;
Отъ си слезе долу в конюшница;
Отъ яго висъ гола коня яфна,
Си излезе от дворови на дворъ,
И догледа 4 турацы.
70. Тога рече Али-бег войвада:
— Побратиме, Баневиħе кралю!
Я на гости тебе ми ти ида;
А ты сакашъ мене да погубишъ».
Тога рече Баневиħе краля:
75. — Прости мене, Али-бек войвода,
Прости мене, я що ти прегрешифъ;
Веднаш тебе я не те припознафъ. —
Пакъ, си кладе сабя во ножница.
Си и зеде 4 турацы
80. И отнесе дома на дворови.
Си ѝ качи на високи диванъ,
Си и служи лутица ракія,
По ракія тея цьрно кафе,
А по кафе той господски ручекъ.
85. Тога рече Али-бегъ войвода:
«Побратиме, Баневиħе кралю!
Айде мые віно да піеме,
Да піеме 3 дни емъ 3 ноħи,
Да видиме, кой ħа се опіетъ».
90. Мы зедое да ми піетъ віно,
Ми попиле малу нещо време;
Ми се опи Али-бегъ войвода,
Ми задрема на чесна трпеза.
Пакъ попіе уще малу време,
95. Ми се опи Баневиħа краля,
Ми задрема на чесна трпеза.
Три турчиня бодешъ не ѝ бодетъ;
Ми станае 3 турчиня млади,
Извадіе синжиръ из' екбета,
100. Дробенъ синжиръ 70 оки:
Ми е кладое Баневе на гуша,
А на роцы тесни белезіи,
А на нози коньски бутагіи,
Го разбудіе Али-бегъ войвода.
105. Кога виде Али-бегъ войвода
Кога виде Банета врзана,
Си му викна с клоцы да го біет
(Да го біетъ, какъ некое куче):
«Стани, Бане, да піеме віно!»
110. Се разбуди Бановиħа-краля;
Креватъ глава, глава не се дигатъ;
С роцы маватъ, роцы не маваетъ;
С нози маватъ, нози ее врзаны.
Тога рече Бановиħа-краля:
115. — Арам тебе, Али-бегъ войвода!
Арам тебе, лебъ що си ми яло!
Ал' оваква вера си имало?—
Си го зеде Али-бегъ войвода,
Си го зеде Баневиħа-краля,
120. Си го сона долу на дворови,
Си го врза коню за опашка,
Го однесе Цару у Стамболу.
Кога виде Сълтанъ Пазанта,
Кога виде Банета врзана,
125. Отъ радости на нози си стана.
«Добре ми дойде, Баневиħе кралю!
Добре ми дойде, какъ добра година.
Ħа те праша, право да ми кажешъ:
Кога мые с тебе се біефне,
130. Кои ти бее дружина веровна,
Що ми погуби 60,000?
Господь знаетъ, господь наметуватъ,
Да не беше той камилски самаръ,
Що и мене ħа да ме загубишъ?»
135. Тога рече Баневиħа краля:
— Вруħо слнце, Сълтанъ Пазанте!
Нел' ме прашашъ, право ħа ти кажа:
Кога мые с тебе се біефме,
Првинъ сефте що излезе юнакъ,
140. Що яваше коня карамана,
Що ми беше во црно променатъ,
С бела брада дури до пояса,
Що ми влезе в 1000 спаии,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
145. Той ми беше стари Новак айдукъ.
А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня црвенего,
В црвено руво що беше променатъ,
Що ми влезе в 1000 бегови,
150. Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
Той ми беше Груица Новаковъ (детенце).
А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня зеленего,
В зелено руво що беше променатъ,
155. Що ми влезе въ 3000 души,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
Тай ми беше Радула войвода,
Ей Радула съ мустаħ преко рамо.
А по него що излезе юнакъ,
160. Що яваше тая бела коня,
В бело руво що беше променатъ,
Що ми влезе в 5000 души,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
Той ми беше Янкула войвода.
165. А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня дорагаста (кулашина).
Що ми влезе въ 10.000,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави:

Той ми беше Рело шесто-крило.
170. А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня шаренего,
В шарено руво що беше променатъ,
А на главе отъ злата коруна,
Отъ конь дизгинъ в уста що држеше,
175. Со десница сабя що вртеше,
Со левица зеирлія моздракъ (коңѣ убоито),
Що ми влезе въ 15.000,
Отъ нифъ с душа еденъ не остави,
То ми беше Краловиће Марко.
180. А по него що излезе юнакъ,
Що яваше коня карамака,
В црно руво що беше променатъ,
Що ми беше юнакъ лико-младо,
Що ми влезе въ 25.000,
185. Еденъ с душа отъ нифъ не остави,
(*Совсѣмъ пропущено и затѣмъ слѣдуетъ*)
Господь знаетъ, Господь наметуватъ,
Да не беше той камилски самаръ,
Що и тебе ће да те загубитъ.
190. В роцы сум ти, що сакаш чини ми.—
Тога рече Сълтанъ Пазанте:
«Так ти Бога, Баневиће кралю,
Живо мене ти да ме фатише,
Що имаше ніетъ да ми чинишъ?
195. Тога рече Баневића краля:
— Так ми Бога, Сълтанъ Пазанте!
Тога живо тебе да те фатефъ,
Парче по парче ће да те издроба,
Найголемо колку една мравя.—
200. Тога рече Сълтанъ Пазанте:
«Слуго моя, Али-бек войвода!
Нель земи го тея бесно куче,
Извади го во поле широко,
Закопай го до рамена въ земьи;
205. Оту земи 3000 души,
Си на него со стрелы гађайте,
Мочите го три дни и три ноћи,
Оту после да го загубите».
Си го заде Али-бек войвода,
210. Си го зеде Бановића Краля,
Го извади во поле широко,
Го закопа до рамена в земи.
От си зеде 3000 души,
Си на него со стрелы гађает,
215. Юнак с душа стрелы им ѝ враћат,
Го мочіе три дни и три ноћи.
Тога рече Банавића Краля:
— Побратиме, Али-бек войвода!
Алал ти было леб що си ми яло.
220. Тые се молья веће не мочи ме;
Токо тргни сабя, пресечи ме.
Ем коя-годе сабя не ме сечет;
Токо пойди на мои дворови,
Да я земеш моя остра сабя,
225. Моя сабя ако ме пресечет.—
Си отиде Али-бек войвода,
Си отиде во Банови дворье,
Пак е велит Бановица млада:
«Бановице, убаво невесто!
230. Изнеси ми ваша остра сабя,
Ваша сабя, пак вас ће ве сечет.
Ак Бог дает, ћа се залюбиме».
Му изнесе Баневица млада,
Му изнесе Банова-та сабья,
235. Пак му велит Баневица млада:
«Ид од туе, море, бесно куче!
Ак Бог дает и быдет сђено,
Нел' си дошолъ по наша-ва сабя,
Наша сабя пак вас ћа ве сечет».
240. Си я зеде Али-бек войвода,
Си я зеде Банева-та сабя;
Не можеше да я носит,
А камо-ли сабя да истргнет.
Една педа во ширина беше,
245. Во дължина 16 педи.
Я однесе Банева-та сабя,
Я зедое 3000 души,
Я зедое сабя да гледает;
Юнакъ нематъ сабя да истргнет,
250. А камо ли Бана да погубит.
Сите ми се редум изредіе.
Тога рече Бановића краля:
— Побратиме, Али-бек войвода!
Пущи мене моя десна рока
255. И подай ми моя остра сабя,
Баре сабя, да ви я отвора;
Оту после да ме погубите.—
Се излога Али-бек войвода,
Си му пущи Бану обе роцы,
260. Оту в роцы сабя му подаде.
Кога Бану сабя в роцы дойде,
Три-пoти се на небо опули,
Ем три-пoти Богу се помоли,
265. Со два прсти сабя я истргна,
Пак искочи од земи на горе,
Си искрши оной дробен синџир
И искрши коньски букагіи;
От се пущи по ними да трчат.
270. Що прифтаса, Бане се ѝ сече;
Али-бега жив го в роцы фата;
Го однесе на две раскрсницы,
Му изврте обе црни очи;

Му пресече роцы до локоти;
275. Му пресече нози до колена;
Го остави живо да се мочит.
От му пойде цару на divани,
Му говорит Бановћа краля:
Упбрвти, Сълтанъ Пазаите.
280. Камо ти е Али-бек войвода!
Камо ти се 3000 души,
Що й иущи да ме мочит?
Еле тебе я беф ти учиналъ.
Я ти сториф и ти ми чинеше;
285. А ту нему що беф му учиналъ?
Пиећи вино и ракія,
На превара мене да ме факат.
Пак си пойде дома на дворови.
Од юнацы песна останала,
Да се пеет, да се прикажуват;
Що слушало, се весело было.
Од татка ми, учитель Кресте
П. Диноски;
Од ђорѓа ђинов Калачески;
Од Іована (праку Кара-асны)
од Лазорополе.

Жена бана Куршумліе и младая вдовица изъ Ледьена-града.

Дворѣ метет млада Баневица,
Дворѣ метет, дробны сълзы ронит.
Ете ти го стари ћир-Мианлъ:
«Баневице, ей добро големо!
5. Да шчо плачеш, дробны сълзы ро-
ниш?
Да-ли ти си тебе здодеало,
Чинеећи измет в моя кућа?
Дали ти се омбари даяла?
Да-ли ти се вино доточило?
10. Да-ли ти се азно доброяло?»
— Ай ти тебе стари ћир-Мианл!
Нито ми се мене здодеало,
Чинеећи измет в твоя кућа:
Ни то ми се вино доточило,
15. Ни то ми се азно доброяло,
Нито ми се омбари дояло.
Тако ми се, Бог-ме, дожалило
За твоего сына, мой стопана:
Ево имат, Бог-ме, три години,
20. Одкак сме го, Бог-ме, не разбрале,
Ал је живо, Бог-ме, ал умрено.
Изговари млади Кир-Миаил:
«Престегни ми коня шаренего,
Я ћа ода по бели друмови,
25. ћа си чека банови войници».
Ми го стегна коня шаренего;
Ми отиде на бели друмови.
Го сусгрети Марка Кралевића,
Му га фати коня пеливана,
30. Му цалива пола и колено:
«Ай ти тебе, Марко Кралевиће!
ћа те пита, право да ми кажеш:
Камо ти го Бане Куршумлія»?
— Ай ти тебе, стари ћир-Михаил!
35. Е те идет Янкула войвода,
Той ћа ти кажет за Банета.—
Си упущи коня шаренего,
Си отиде по бели друмови.
Ети ти го Янкула войвода!—
40. «Помоги Бог, стари ћир Михаил!»
— Дай Бог добро, Янкула войвода!—
Му го фати коня за дизгини,
Му цалива пола и колено.
ћа те пита, право да ми кажеш:
45. Камо ти го Бана Куршумлія?—
«Ай ти тебе, стари ћир-Мианл!
Го оставих во Леђена града,
Го залуби леђенка вдовица».
Си упущи коня шарено,
50. Си пойде коде Баневица млада.
— Баневице, ей добро големо!
Го устретих Янкула войвода,
Му целивахъ пола и колено:
Го ставил во Ленђера-града;
55. Го остави Бане Куршумлія,
Го залубила вдовица Ленђерка.
Ай ти тебе Баневице млада!
Айде да одиме до двоица еђупци;
Да зомеми железни стапови:
60. Я ћа бида старец е бела брада,
Ты ће бидеш дете акаил'я;
ћа појеме во Ленђера-града.—
Се сторие до дваица еђупци,
Си пойдае во Ленђера-града;
65. Си пойдае на новата чешма.
Ете ти я ленђерка робинка.
Изговори стари ћир-Михаил:
— У кого си ленђерка робинка?—
«Я еу си у Банета Куршумлия».
70. — Подай ми ибрик, да се напія—
Му подаде стребрени ибрикъ,
Му го пущи пьрстен бурмалія,
Му го однесе Банове, вода да се напіет.

Си го найде пърстен бурмалия,
75. Му я праша ленђерка робинка:
«Ай ти тебе, ленђерка робинка!
Аль ти го зеде некой ибрик да пиет?»
— Ай ти тебе, Бане Куршумлия!
Ми го зедое дваица еђупци:
80. Едни-от беше стар с бела брада,
Друго-то беше дете аџамія.—
«Ай ти тебе, ленцерке робинке!
Пойди до и' викнеш тие овде».
И си отиде да и' викнет.
85. И однесе на високи диван,
Си не познае татко му и невеста.
Отъ си я викна Ленђерка вдовица,
Из дружиле, коя jè поубава:
Іе поубава Баневица млада.
90. Си я зел, друга-та я исекол.
Останоје тије заедно. (Лазорополе).

Иво-арамія и Велія-назора.

Си Бога моли Иво арамія:
«Дай ми, Боже, прольтца напредна,
Да размитит горица зелена,
От да си ебера 30 момчиня,
5. Що не знает, рана како болит,
Страф немает, коде пукат пушка;
Що за назад да ми не думает,
Пусат од поис що не оставает.
Да излеза' во гора зелена,
10. Да направа' шайка ореова,
Да я фрла во река Ретница.
Да си го чека' богата Іовано,
Да му зема' 100 главы ергеле,
Ем да му зема, 9—не слоневе,
15. Ем да му земам 100 ћесиня пары.
Ем как молеше Иво арамія,
Как молеше, таке Господ даде.
Даде Господ пролетца напредна,
Ми разлисте горица зелена.
20. От си собра Иво арамія,
Отъ си собра 30 дружина (или: момчиня),
Си излезе во гора зелена,
Си направи шайка ореова,
Си я фрли во река Ретница.
25. Почекало малу нещо време,
Се зададе богати Іована,
Со негови девет—не слоневи,
Со негови 100 главы ергеле.
Приближіе до река Ретница;
30. Тога велит богати Іована:
«Како велите, дружино веровна?
Или сега да газите река?
Како Господ намъ ћа ни поможет.—
От си зеде Велія Назора,
35. Одъ конари пет-мина момчацы,
Одъ овчари 9—мина зеде,
Се сторіе 15—мина
Излегое во гора зелена.
Се стретіе со клети айдуцы.
40. Управи пушка Иво арамія,
Си го удри Велія Назора,
Си го удри во десно-то рамо.
Управи пушка Велія Назора,
Си го удри Ива арамія,
45. Си го удри постред срце
Падна Иво во гора зелена;
А други-те летнае да бегает.
Саде едно момченце остана.
Сите фрлаетъ, не го погаћает;
50. Тея фрлат, се на ниф погаћат.
Веће му се џебапе доверши;
Си извади сабя од ножница
Отъ се пущи по ними да търчат,
Що прифтаса момче се исече,
55. Що побегна здраво ми утече.
Се поврати на Велія Назора,
Да му земет глава од рамена.
Види завал Велія назора,
Беше удрен, не можетъ да бегатъ;
60. Тргат с пушка, пушка не му фаћат;
Заборавил, дал е празна пушка.
Си извади, пищол-от од силаф;
Управи с пищол Велія Назора,
Си го удри и тея момченце,
65. Или овде да растовариме?»
Тога рече Велія Назора:
— Господаре, богати Іоване!
Си имаме ягонца малови,
Си имаме ждребина маловки,
70. Утре ноћа кой ћа газить река.
Айде сега да си прегазиме,
Пак край река да растовариме.—
Прегазіе тай рѣка Ретница.
Пак край река си растоваріе.
75. Заваліе 10 силни огна;
Ми седнае да си вечераетъ.
Ми загледа богати Іована,

Ми загледа во гора зелена,
Засветее пушка од айдуцы.
80. Тога рече богати Iована:
«Арам вами, дружино веровна,
Арам вами, пушки таліанки,
Ак не е даете во роцы айдушки;
Арам тебе, Велія назоре,
85. Що сум ти правил пушка позлатена,
Що су ти правил отъ ялдяс [1]) пищоли,
Що су ти правил от ялдясъ везлисня·
Ак ме даеш во роцы айдушки».
Тога рече Велія Назора:
90. Господаре, богати Iоване,
Изинъ [2]) дай ми, я да си отбера
Од конари пет-мина момчацы,
Од овчари 9 ђа си зомам,
Ђа налеза во гора зелена,
95. Ђа со стрета' со клети айдуцы
Си го удри постред срце живо,
Падна момче во трева зелена.
А Велія назат си се врати.
От 15 пет-мина останае;
100. От юнацы песна останала,
Да се пеет, да се прикажуватъ.

Прибавлено другимъ:

Що слушало, се весело било!
Од нас' песна, а од Бога здравье.

И еще другой рукой добавлено:

Кој' знајет божье, широко му полье.
Кој знајет више, родила му вишне и у поле бела-на пченица, а у брдо винова лозица.

Предательство снохи Ангелины.

Седнала ми Магделина,
Заран вечер да вечерат,
С мили брата Костадина,
С мила снoа Анђелина
5. Нещо е се наслушават:
Конски тропот, турски шопот.
От ми стала Магделина,
Ми налегла на пенџере;
Дворье войска испълнила.
10. Отъ ми стана Магделина,
Го заключи милогъ брата,
Милогъ брата Костадина
С дванаестне ключеви,
Шести ключи й пълтнала,
15. Шести ключи й заплела
Во нейзина руса коса
От ми стана кучка снoа,
Кучка снoа Анђелина,
Искършила дванасят,
20. Дванесетне ключеви.
Го зедое клети турци,
Го зедое мили брата,
Мили брата Костадина.
Му зедое руса глава,
25. Руса глава од рамена,
От ми писна Магделина:
Лелей брате, Костедине!
Те отключи кучка снoа;
Те зедое клети турцы,
30. Клети турцы арамiи;
Ти зедое руса глава,
Руса глава од рамена;
Тебе ми те загинае,
Кучка снoа я зедое».

(не окончена)

Запишано от Ана Iованова од село-Сушица.

Женитьба св. Иліи.

Завршил ми се свети Илія.
Од Будим-Града кралеве ћерка,
Кралева ћерка, бела Марія.
А не знает що лице имаѣ,
5. Що лице имат, що става имат.
Прстено дало до три товари,
До три товари съ дробно азно;
И три прстени се позлатени.
Ми пособрало рало сватови,
10. Рало сватови, три побратими,

---

[1]) Злато.
[2]) Изум-дозволенье.

Три побратими Божи Анђели;
Чесного кума свети Іована,
Старего свата свети Никола.
Да изговори свети Илія:
15. «Да ай-ви вами рало сватови!
Шо сум поаржил многу по нея,
Да я я незнам, що лико имат,
Що лико имат, що става имат».
Му одговори чесного кума:
20. Да ай ти тебе, свети Илія!
Кога ћа посме край Будим-града,
Ты да ми статнеш и да ми´згрмеш,
Изъ ведро небо роса за росить.
Се Будим-града надворъ ћ'излезат
25. И ћа излезет бела Марія.
Та ћа я видиш, що лико имат,
Що лико имат, що става имат.
Кога пайдое край Будимъ-града,
Оту ми статна свети Илія,
30. Оту ми статна, оту ми згрмя;
Изъ ведра неба роса зароси;
Се Будимъ-града надвор излезе
И ми излезе бела Марія.
Со очи скрипна, как секавица;
35. Со усти трепня, како ластовица;
Лико е светно, какъ ясно с'лнце,
Става зесени, как честа гора.
Тога я виде свети Иліа,
Що лико имать, що ставо има.
40. От ми пойдое дома на дворье,
Ми се качіе горе на диван.
Я уготвіе бела Маріа,
Я уготвіе, ми я зедое.
Ми кинисое рало сватови,
45. Рало сватови, три побратими.
Ми поодеђ до чета гора,
Ми сусретеб до деветь чешлеве
Ми се запрвъ рало сватови,
Ми я напіђ бела Маріо,
50. Ми я напіђ студена вода.
Я заминое честа та гора,
Ми приближіе до... (пропускъ)
И однесé дома на Харье.
Ми се зарадва сам свети Іован,
55. Сам свети Іован, чесного кума.
Ми я зедое три побратими,
Три побратими Божи Анђели;
Е одогрнае бело-то лико.
(не окончено).
(У Ястр. 53—54 иначе и много короче).

Молодоженаго Огнена требуютъ въ войско.

Завршилсе Огнен добор юнак,
Во собота ми се завршило,
Во недела ми се оженило,
Въ понед'лник капиціи доше:
5. «Айде, Огнен, на войска да одишь
Да ми одишь на войска царева».
Одговори Огнен, добор юнак:
— Так ви Бога, капиціи млади!
Вчера сум се младо оженило,
10. А с невесто не су се опознал;
Почекайте три дни и три ноћи,
Я с невеста да си се опозна.
Как му велит капили млади:
«Ай ти тебе, Огнен добор юнак!
15. Не чекаме денчок до полуден,
А камо-ли тридни и три ноћи!».
— Тога велит Огнен добор юнак:
— Почекайте капиціи млади,
Да си пойла в шарена одая,
20. Да си зема моя остра сабя.
И да зема мое-но оружье.
Си отиде, Огнен добор юнак,
Си отиде въ шарена одая,
Е говорит Огненице млада:
25. «Ай ти тебе, невесто убава!
(не окончена).

Марко-Кралевичъ напрасно служилъ у св. Николы.

Служил Марко светего Никола,
Од Митров-ден дури до Ђурђев-ден.
Изнадошле гости пріятели;
Не му втаса никакво заире;
5. Не му втаса бела-на пченица,
Не му втаса урвено-но вино.
Не му втаса струшка рыба,
Ток се чудит Марко Кралевиће,
10. Ток се шетат по рамни дворови
Не му втаса лута на ракія
И си кршит свои тенки прсти.
Так се чудит, того да продаетъ.

Да продает свое стара майка,
Нигде ми си майка не наодит,
15. Да продает свое мошко дете,
Колай ми се дете не стигнуват.
Да продает убава невеста,
Невеста се секаде наодит.
Го доглeда маркова-та майка,
20. Му говорит маркова-та майка:
«Ай ти тебе, Марко Кралевиħе!
Що се шеташ по рамни дворови
И си кршиш свои тенки прсти?»
— Так ми Бога, моя стара майка!
25. Ты ме питаш, право ђа ти кажа:
Не...
Так се чудо, кого да продада,
Да продада.....
(Не окончено).

Муса-Бекъ спасаетъ отъ погрома Галичникъ.

Кондисал Айрадин-паша—аман, аман!
Кондисал Айрадин-паша. [1]
Кондисал спроти Галичник;
Галичникъ—село голено
5. Новортел силнее топови,
Да го изгорит Галичник
Туе се зготи Муса-Бек;
Му изговори Муса-бек:
Эфендум Айрадин-паша!
10. Галичникъ немать кабаетъ;
Галичникъ—село раятско?
Оту извади Айрадин-паша

Айрадин-паша поминал спроти Галичник на 1844 год, на 25 сент. и спал една вечер во Купулова-Ливада; утрина-та был праздник свети Іован Богослов (26 сент).

Сообщилъ *П. А. Ровинскій.*

---

[1] Каждый стихъ повторяется безъ *аман-аман.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Куникъ. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть 2. (Разысканія А. Куника). СПБ. 1903. XII + 066 + 208 стр. въ 8-ку.

Содержаніе этихъ историко-этнологическихъ разысканій покойнаго Куника— Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ (с. 01—066), Древнѣйшее славянское сказаніе о переселеніи. (Вкладъ въ исторію расселенія Румынъ 1—24), Первое посѣщеніе «Суда» византійскаго народомъ-мореходомъ «сѣв. скиѳами» въ IX в. (с. 24—89). Первое знакомство персовъ и арабовъ съ русами-мореплавателями послѣ 865 г. Вкладъ въ критику Ибн-Хордадбэха и Якуби (с. 90—174). Приложены: указатели собственныхъ именъ (175—200) и лингвистическихъ матеріаловъ (201—207).

Чрезвычайно добросовѣстный и начитанный ученый, покойный Куникъ, при всей своей внимательности и осторожности, при необыкновенномъ стремленіи къ строгой критикѣ, не отличался особою проницательностью. Такъ, онъ очень много потратилъ времени и труда на доказательства, что, вопреки Ассемани, Паси и въ новѣйшее время Голубинскому, первое нападеніе Руси на Царьградъ происходило не въ 860—1 г. (какъ настаивали эти трое ученыхъ), а не иначе, какъ въ 865 году. Еще при жизни Куника найдено было такое хронологическое показаніе византійское (18 іюня 860 г.), но онъ не хотѣлъ или не могъ уже сознаться въ своей ошибкѣ. Любопытно также, что Куникъ, такъ восхищавшійся варягами-Русью и столь преувеличивавшій ихъ высокія доблести и историческія заслуги, столь дорожившій всякимъ мелочнымъ извѣстіемъ о нихъ, никогда не рѣшался внимательно вдуматься въ драгоцѣнныя о нихъ извѣстія патріарха Фотія (въ двухъ его бесѣдахъ, изданныхъ Наукомъ)—опять таки потому, что они живо и вѣрно обрисованы не какъ великаны сумрака и полубоги, а какъ истые полудикари и варвары. Третья слабость очень крупнаго ученаго нашего заключалась въ томъ, что онъ, уроженецъ Силезіи, никогда не плававшій по морямъ и не служившій въ арміи, любилъ считать себя тонкимъ знатокомъ морского и военнаго дѣла, и, въ качествѣ спеціалиста, всегда посмѣивался надъ кабинетными и штатскими людьми. — Книга эта вообще очень интересна и представляетъ много полезныхъ указаній.

Мончаловскій, О. Н. Петръ Великій въ Галицкой Руси. Историческія записки и замѣтки. Львовъ. 1903. Типографія Ставропигійскаго Института. Изд. автора. Стр. 31, въ 8-ку.

Любопытно посвященіе: «Въ 200-лѣтнюю годовщину основанія Петрограда и въ вѣчную память его основателя, Петра Великаго, покровителя Галицкой Руси, жителямъ столицы Державной Руси подноситъ въ даръ житель Подъяремной Руси».

Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: подметное письмо 1690 г. къ П. В. на счетъ «злаго и прелестнаго Мазепы, который прежде людей нашихъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) и Волынскихъ бусурманомъ продавалъ изъ церквей Туркамъ серебро вмѣстѣ съ образами»...

Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ довело молодца во иноческій чинъ. По единственному списку первой половины XVIII в., найденному А. Н. Пыпинымъ. Изд. II Отд. И. Академіи Н. СПБ. 1903.

Это прекрасное изданіе отличнаго памятника старой русской словесности приготовлено нашимъ старательнымъ ученымъ палеографомъ П. К. Симони и посвящено акад. А. Н. Пыпину по случаю 50-ти лѣтія его учено-литературной дѣятельности.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій Этнографическій Сборникъ. Ч. IV. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи. Т. XXVII). Москва. 1903. XVII + 720.

Новый трудъ отличнаго наблюдателя-этнографа и превосходнаго знатока живой старины Смоленской и Калужской гг. Содержаніе этого тома: Игрища (стр. 1 — 12). Колядныя пѣсни (12—68). Васильевъ вечеръ (гаданья, примѣты: 69—73). Масляница 73—79). Вовка навова (с. 80). Первый періодъ весны: звукоподражанія въ народной поэзіи (80—95). Веснянки (95—97). Благовѣщеніе (заклинаніе весны). Второй періодъ весны (продолженіе веснянокъ). Пѣсни игровыя (утушка, плетень, селезень и коршунъ; ленъ, воевода, кривой танокъ; Король). Хороводныя пѣсни (продолженіе веснянокъ). Егорьевъ день (начало полевыхъ работъ). Великъ-день: пѣсни, распѣваемыя бабами на Св. Недѣлѣ. Пѣсни волочебниковъ. Зеленые святки (обсѣваніе овсомъ и хмелемъ. Завиваніе вѣнковъ и обычай кумиться. Осмотръ въ полѣ жита, и пр. Иванъ-Купало. Петровки. Жнивныя пѣсни. Пивныя, пирушечныя, посидѣлочныя, любовныя, плясовыя, вечериночныя и хороводныя. дѣтскія пѣсни и игры, пѣсни бытовыя, молодецкія и чумацкія, солдатскія, тюремныя, разбойничьи, балладныя, историческія, наконецъ духовные стихи. Въ концѣ есть еще приложенія—между прочимъ очень хорошо составленный небольшой словарикъ (с. 692 — 717). — Расположеніе матеріала и вообще вся редакція этого замѣчательнаго сборника принадлежитъ извѣстному нашему этнографу, редактору прекраснаго московскаго журнала «Этнографическое Обозрѣніе», Н. Я. Янчуку.

Новицкій, В. О. Подп. Генер. шт. д. чл. И. Р. Г. О-ва. Изъ Индіи въ Фергану. Описаніе путешествія, совершоннаго въ 1898 г. изъ Пенджаба черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Каракорамское нагорье, Раскемъ и Кашгарію въ Русскій Туркестанъ. Съ картой и 18 таблицами фототипій (Зап. И. Р. Г. О-ва по Общ. Геогр. Т. XXXVIII. № 1. Изд. подъ ред. д. чл. Ю. М. Шокальскаго. СПБ. 1903. II + 297, въ 8-ку).

Етнографічний Збірник. видае Етнограф. Комісия Науков. товар. імени Шевченка. Т. XIII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав Влд. Гнатюк. Львовъ. 1902. I—III. III + 287 стр., въ 8-ку.

Очень важный сборникъ. Здѣсь записаны легенды по мѣстному произношенію и раздѣляются по темамъ, а именно: изъ В. Зав., Нов. Зав., о святыхъ, объ еретикахъ и колдунахъ, о великанахъ и чудовищахъ, о загробной жизни и кончинѣ міра, легенды нравоучительныя и философскія, сатирическія.

Малинка, Ал. Н. Д. чл. И. Об-ва Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при моск. Университетѣ.

Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору (Черн., Волынск., Полт. и нѣк. др. губ.). Изд. редакціи «Земскаго Сборника Черн. губ.». Черниговъ. 1902. 8°. XXI + 388 страницъ.

Очень хорошій сборникъ. Въ него вошли какъ собственныя записи составителя Сборника, такъ и записи Ап. Н. Малинки (главн. образ. изъ Нѣж. у.), г. Литвинова (изъ Глух. у.), г. Жалковскаго (Ровен. у.), г. Фр. Каменскаго (б. ч. пословицъ изъ Кременец. у.) и г. Клуннаго (изъ г. Зенькова и Прилукскаго у.).

Въ Сборникѣ помѣщены: колядки и щедровки. Загадки. Пословицы, присловья, шутки. Заговоры. Повѣрья, примѣты (по народн. медицинѣ). Разсказы и сказки. Запись о кладахъ. Два апокрифа (Сонъ Богородицы и Свитокъ Іерусалимскій).

Самые обширные отдѣлы: колядки и щедровки (с. 9—169) и сказки (262—381).

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Снимки съ Дрезденскаго альбома. Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены Ѳ. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны А. М. Ловягинымъ. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. 4° XVIII+189.

Мейербергъ (или по русскимъ документамъ фонъ-Меерхъ) прибылъ вмѣстѣ съ Гораціемъ Кальвуци и въ сопровожденіи, между прочимъ, двухъ художниковъ, 15-го мая 1661 г. въ Москву во главѣ посольства, отправленнаго австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ I къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ Россіи посольство оставалось около 1½ года. Возвратившись въ началѣ 1663 г. въ Вѣну, Мейербергъ обработалъ собранныя имъ во время своего путешествія матеріалы и записи, украсилъ ихъ 140 рисунками и снабдилъ ихъ поясненіями. Что особенно замѣчательно въ альбомѣ, такъ это то, что все, сообщаемое путешественникомъ о Россіи (не только даты, имена, тексты переводовъ, но даже техническіе термины, титулы и т. п.), отмѣчено печатью точности и достовѣрности. Вспомнимъ, что М. О. Бодянскій, восхищенный столь высокими и столь рѣдкими въ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи, достоинствами «Путешествія» Мейерберга, хотѣлъ видѣть въ немъ славянина «изъ рода силезскихъ небогатыхъ дворянъ» и предполагалъ, что онъ могъ хорошо знать русскій языкъ.

И вотъ «Альбомъ»—это лучшее пособіе для изученія московской старины XVII в. теперь является въ русскомъ изданіи А. С. Суворина. Тутъ мы находимъ воспроизведенные фотомеханическимъ путемъ не только виды городовъ, дворцовъ, монастырей, церквей и многихъ археологическихъ предметовъ, а также портреты лицъ царскаго дома, бояръ и духовныхъ лицъ, вѣрное изображеніе костюмовъ, но срисованныя довольно художественно и этнографически-вѣрно цѣлыя сцены (какъ картины пріемовъ посольства, царскихъ поѣздовъ, обрядовъ поцѣлуйнаго, погребальнаго, и т. д.).

Мейербергъ не ограничился въ своемъ «Путешествіи» однимъ текстомъ, онъ сопровождаетъ рисунки обширными объясненіями, которыя были переведены Аделунгомъ, а нынѣ переизданы Ловягинымъ, расширившимъ ихъ слишкомъ длинными комментаріями.

Однимъ словомъ, «Альбомъ» Мейерберга—книга, весьма важная и интересная въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Бѣлокуровъ, С. А. Изъ духовной жизни московскаго общества XVII вѣка. 1) Сказаніе объ Успеніи Пресв. Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ. 2) Дѣяніе московскаго церковнаго собора 1649 года. 3) О записномъ приказѣ. 4) Юрій Крижаничъ въ Россіи. Изданіе И. Общества исторіи и древностей россійскихъ. М. 1903 1—294 и 1—302.

Замѣчательный славянинъ Крыжаничъ уже 1½ вѣка не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей русской старины и они находятъ все новыя любопытныя стороны въ его жизни и дѣятельности. И С. А. Бѣлокуровъ посвящаетъ ему почти ⁵/₆ своей книги съ цѣлью выясненія личности этого загадочнаго скитальца. Г. Бѣлокурову удалось отыскать цѣлую серію остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными документовъ объ этомъ даровитомъ и энергичномъ сербѣ-католикѣ, и потому изслѣдованіе московскаго ученаго бросаетъ новый и яркій свѣтъ на тѣ мотивы и стремленія, которыми руководился Крыжаничъ въ своей дѣятельности. Длинный рядъ ученыхъ, занимавшихся біографіей и сочиненіями Крыжанича, въ своихъ взглядахъ на него рѣзко раздѣляются на двѣ главныхъ группы: одни считаютъ его фанатическимъ пропагандаторомъ церковной уніи между русскими и западными народами, подъ главенствомъ римскаго папы; другіе видятъ въ Крыжаничѣ убѣжденнаго панслависта, проводника идеи политическаго объединенія всѣхъ славянъ. Спасенія для нихъ онъ ждалъ отъ одной свободной Россіи, къ которой и устремлялъ свои взоры. Г. Бѣлокуровъ въ своемъ изслѣдованіи пришелъ къ слѣдующему выводу: «Воспитанникъ конгрегаціи пропаганды вѣры, Крыжаничъ

все время мечталъ только объ одномъ — объ обращеніи «схизматиковъ», распространеніи католичества и уніи восточной и западной церкви. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его. И въ зрѣлый періодъ жизни его любимымъ занятіемъ было обличеніе схизмы. Онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты: кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ дальнюю Московію съ единственною цѣлью—привлечь въ католичество русскихъ или, по крайней мѣрѣ, подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибири не заставило его перемѣнить свои убѣжденія. И выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердить старое. Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, остававшійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняла его сердце, не славянствомъ занята его душа. Всѣ его политико-экономическія, историческія и другія сочиненія имѣли одну цѣль—пріобрѣсти большое довѣріе, чтобы, затѣмъ, въ опредѣленное время дѣйствовать ad maiorem Dei gloriam» (стр. 291).

Минаевъ. И. П. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изд. И. Русск. Географическаго Общества, подъ редакціею В. В. Бартольда (Записки И. Р. Г. Общ. по Отд. Этнографіи. Томъ XXVI). Спб. 1902. 1—XXI+1—355.

Значеніе путешествія Марко Поло въ исторіи ознакомленія европейцевъ съ Востокомъ давно оцѣнено по достоинству. Умный и наблюдательный венеціанскій торговецъ - авантюристъ, много пропутешествовавъ, о цѣломъ рядѣ странъ, отчасти и до сихъ поръ недостаточно изслѣдованныхъ, отъ пустынь Персіи до Японіи, отъ Ледовитаго океана до Зондскихъ острововъ, Занзибара и Мадагаскара, Марко Поло первый изъ европейцевъ далъ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія. Заслуги такого путешественника, по замѣчанію лучшаго комментатора его, Юля, таковы, что одного перечня сдѣланныхъ имъ географическихъ открытій достаточно для того, чтобы обезпечить ему неувядаемую славу.

Самъ М. Поло не написалъ книги о своемъ путешествіи. Его разсказы были записаны съ его словъ другими, и только о первой, по времени, записи можно сказать, что она была сдѣлана подъ диктовку самого путешественника.

Въ 1298 г. М. Поло, находясь въ Генуѣ, въ качествѣ военно-плѣннаго, продиктовалъ на французскомъ языкѣ разсказъ о своихъ путешествіяхъ своему товарищу по заключенію, пизанцу Рустичіано.

Вернувшись въ Венецію въ 1299 г., М. Поло еще 25 лѣтъ прожилъ въ своемъ родномъ городѣ и часто разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ. Записанные, такимъ образомъ, разсказы возбудили всеобщее любопытство, вызвали различныя версіи, явились многочисленные переводы почти на всѣхъ культурныхъ языкахъ, привлекли къ себѣ вниманіе многочисленныхъ ученыхъ комментаторовъ, географовъ—явилась цѣлая литература о «Путешествіи М. Поло».

Въ Россіи было два изданія его: первое въ 1861—2 гг. въ «Чтеніяхъ Общ. исторіи и проч. (отд. изд. 1863 г.), а второе—въ 1873 г. въ Спб—ѣ. Оба перевода не представляютъ сколько нибудь научнаго изданія «Путешествія» М. Поло. Были у насъ и комментаторы его (арх. Палладій, Григорьевъ, Ханыковъ и др.)

Нашъ извѣстный знатокъ буддизма, проф. И. П. Минаевъ, первый взялъ на себя трудъ дать русской публикѣ переводъ книги М. Поло, удовлетворяющій научнымъ требованіямъ, но за преждевременною кончиною его это дѣло не было доведено до конца. Теперь, по предложенію Географическаго Общества, редактированіе и изданіе перевода Минаева принялъ на себя г. Бартольдъ. Въ «Предисловіи» имъ изложены: постепеное развитіе европейской литератуая о «Путешествіи», принятая Минаевымъ система его перевода и порядокъ нынѣшняго его изданія. Тексту предшествуетъ списокъ пособій, которыми предполагалъ пользоваться Минаевъ.

О Россіи М. Поло, между, прочимъ говоритъ: «Россія большая страна на сѣверѣ. Живутъ тутъ христіане греческаго исповѣданія. Тутъ много царей и свой собственный языкъ; народъ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины бѣлы и бѣлокуры (въ другой версіи [Рамузіо] это мѣсто читается такъ: «они очень

красивые люди, бѣлые и высокіе; ихъ женщины также бѣлыя и высокія, съ бѣлокурыми и длинными волосами). На границѣ тутъ много трудныхъ проходовъ и крѣпостей. Дани никому они не платятъ, только немного царю запада; а онъ татаринъ и называется Тактактай (разумѣется здѣсь золотоордынскій ханъ Тохта или Тохтогу: 1290—1312 гг.); ему они платятъ дань и никому больше. Страна эта не торговая, но много у нихъ дорогихъ мѣховъ, высокой цѣнности; у нихъ есть и соболя, и горностаи, и бѣлки, и множество славныхъ лисицъ, лучшихъ въ свѣтѣ. Много у нихъ серебряныхъ рудъ; добываютъ они много серебра... Знайте, по истинной правдѣ, самый сильный холодъ въ свѣтѣ въ Россіи; трудно отъ него укрыться. Страна большая, до самаго моря-океана (336—7).

Шейнъ, *П. В.* Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Т. III. Спб. 1902. Изъ Сборника Отдѣленія русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. LXXII, стр. III—IV+535.

Третій томъ своихъ «Матеріаловъ» Шейнъ готовилъ къ изданію при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда физическія силы нашего преданнаго дѣлу этнографа уже покидали его, и онъ скончался въ моментъ корректированія листовъ этого тома. Завершеніе такой издательской работы принялъ на себя проф. Е. Ѳ. Карскій. Тѣмъ не менѣе, третій томъ сборника Шейна представляетъ богатые и цѣнные матеріалы по бѣлорусской этнографіи. Его наблюденія и сообщенія его корреспондентовъ обнимаютъ собою почти всѣ стороны матеріальной культуры бѣлоруссовъ и ихъ духовной жизни. Въ 1-мъ отдѣлѣ своихъ «Матеріаловъ» Шейнъ помѣстилъ: описаніе жилищъ, одежды, пищи, игръ, занятій, вѣрованій, обычнаго права въ наслѣдованіи, и т. д.; во 2-мъ: земледѣльческіе обряды и обычаи, колдовство, чародѣйство, знахарство, вѣдмарство, лѣченіе болѣзней, средства отъ разныхъ напастей, повѣрія, суевѣрія, и т. д. Наиболѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи очерки: Рождественскія «свята» (щедрый вечѣръ, колядки, святки, вертепъ или «бетлейки», разыгрываемыя въ лицахъ сцены, и т. д. Стр. 112—154), (254), народные разсказы о «вовкулакахъ» (253, суевѣрья относительно постройки дома (317), свадебный обрядъ въ уѣздахъ Мозырскомъ, Новогрудскомъ и Слуцкомъ

Въ редакцію «Живой Старины» поступили книги:

Отчетъ о состояніи Астрах. общ. б-ки за 1901 г. (съ основ. 64-й). Астрахань. 1902 г.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библіотекѣ за 1902 г. Минусинскъ. 1903.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи, составл. Н. В. Пономаревымъ, подъ редакціею Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Доклады (1—24). Спб. 1902.

Кустарные промыслы Ярославской губерніи. Изданіе Ярославскаго губернскаго земства (1—10). Яросл. 1902.

Указатель Всероссійской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 года. Спб. 1902.

Извѣстія Красноярскаго подъотдѣла Восточно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. III. Красн. 1902.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Ч. I. Гиссарская экспедиція 1896 года. Изд. Имп. Русск. Географическаго Общества, подъ ред. И. В. Мушкетова. Спб. 1902.

Бобринскій, гр. А. А. Секта Исмаилья въ Русскихъ и Бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. М. 1902 г.

Погодинъ, А. А. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Изд. М. О. Иванова. Спб. 1902.

Минаевъ, И. П. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ., подъ ред. В. В. Бартольда. Спб. 1902.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Общинное землевладѣніе.

(Письмо изъ г. Кадникова)

Прежде всего я задаю себѣ вопросъ: что такое община? Община, по мнѣнію моему, есть самое драгоцѣннѣйшее, справедливѣйшее, великое изъ человѣческихъ учрежденій и вполнѣ соотвѣтствующее ученію Господа нашего Іисуса Христа. Начало формы крестьянскаго землевладѣнія у насъ искони общинной, какъ наиболѣе любимой народомъ, теряется во мракѣ вѣковъ. Эта форма землевладѣнія на столько крѣпко укоренилась въ народномъ сознаніи, что ни татарское иго, ни крѣпостное право не могли стереть ея. Важно еще и то, что «община является результатомъ совершенно сознательной работы народной мысли», говоритъ г. Пругавинъ въ своей статьѣ: «Къ вопросу о разрушеніи крестьянскихъ общинъ» [1].

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время число враговъ общины съ каждымъ годомъ все прибываетъ. Что община въ теперешнемъ своемъ видѣ «мало отвѣчаетъ идиллическимъ воззрѣніямъ на русскаго крестьянина», замѣчаетъ Кавелинъ въ своемъ письмѣ къ автору статьи «Общинное землевладѣніе» г. Иванюкову [2], въ этомъ еще бѣда не велика, надо прежде всего знать: каковы эти идиллическія воззрѣнія; нѣтъ ли въ нихъ недостатка?

Пишущій эти строки, будучи самъ крестьянскаго происхожденія и владѣющій до сихъ поръ частью общинной земли, смѣло утверждаетъ, что община и въ настоящемъ своемъ видѣ есть самая справедливѣйшая изъ формъ землевладѣнія и, что важнѣе всего, возращаетъ, воспитываетъ, сохраняетъ общественность между людьми, взаимопомощь и любовь; въ общинѣ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ мѣста эгоистическимъ чувствамъ, чувству зависти. Ничего подобнаго не можетъ быть при разъединеніи крестьянъ: тогда будетъ развиваться эгоизмъ и отсюда сутяжничество, что неизбѣжно послѣдовало бы при переходѣ крестьянъ на подворно-наслѣдственное землевладѣніе.

Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ письма, Кавелинымъ, что община «можетъ сослужить великую службу и стать могучимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія», если освободить ее отъ всякихъ внѣшнихъ путъ, въ видѣ излишнихъ административныхъ воздѣйствій, и кое-чѣмъ дополнить. Не разрушать нужно общину, а очищать ее отъ всякихъ наслоеній, какъ, напр., отъ опеки надъ крестьянскою жизнію и отъ идиллическихъ и иныхъ воззрѣній сытыхъ интеллигентовъ, желающихъ перестроить это великое учрежденіе, забывая, что отъ этого можетъ получиться «тришкинъ кафтанъ». Вѣдь обо всемъ этомъ общину не спрашиваютъ, а каждый хочетъ кроить ее по своему?

---

[1] «Русская Мысль» 1884 г. кн. 7.
[2] «Русская Мысль» 1885 г. кн. 1.

Нельзя не согласиться съ г. Ермолинскимъ, что «общинное землевладѣніе должно обезпечивать землею всѣхъ своихъ членовъ; каждый членъ общины долженъ имѣть одинаковое право со всѣми на извѣстную долю мірской земли и община всегда должна удовлетворить его» [1], что — скажу отъ себя—община и дѣлаетъ: здѣсь всякій человѣкъ имѣетъ хоть клочекъ да своей землицы, на которой (въ родномъ углу) подъ старость можетъ сложить свои кости.

Число враговъ общиннаго быта все увеличивается, особенно со стороны людей не крестьянскаго происхожденія. Разрушенію общины помогали многія обстоятельства. «Игнорированіе закономъ и его представителями народной жизни,—говорилось 20 лѣтъ назадъ — стремленіе урегулировать ее началами, намъ чуждыми, создало атмосферу, благопріятствующую индивидуализму въ его борьбѣ съ общиннымъ бытомъ, и въ этой атмосферѣ задыхается община» [2].

Теперь Особымъ Совѣщаніемъ и мѣстными Комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности разсматривается вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Молчать въ такое время я считаю для себя непозволительнымъ,—пусть статья моя будетъ признана плохою и мои взгляды на общину слишкомъ оптимистичными.

Начну съ недостатковъ общиннаго землевладѣнія, какіе обыкновенно высказываются врагами его. Къ числу такихъ недостатковъ относятъ:

а) Частые передѣлы земли, якобы связывающіе руки у трудолюбиваго крестьянина удабривать свои полосы;

б) Черезполосное владѣніе, какъ такая форма владѣнія землею, которая требуетъ принудительной обработки и препятствуетъ развитію сельско-хозяйственной культуры;

в) Круговая порука;

г) Принудительная форма пастьбы скота.

Всѣ эти недостатки общиннаго землевладѣнія только кажущіеся, которые, при первомъ серьезномъ взглядѣ на дѣло, исчезаютъ, какъ дымъ отъ вѣтра.

Коренные передѣлы земли бываютъ такъ рѣдки (чрезъ 20—30 лѣтъ),—по крайней мѣрѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, что думать о томъ, будто бы трудолюбивый крестьянинъ, опасаясь, что его полоса при передѣлѣ перейдетъ къ другому, не будетъ ея удобрять,—думать такъ о нашемъ крестьянинѣ просто невозможно. Не только особенно трудолюбивый, но и самый обыкновенный крестьянинъ старается всѣми силами пропахать свою полосу, какъ можно лучше, удобряетъ и холитъ ее, какъ «матушку-кормилицу», нисколько не думая о томъ, что полоса его когда-нибудь перейдетъ къ другому. Во-первыхъ, его понуждаетъ поступать такъ чувство самохраненія: питаться надо каждый день и ждать 20 л. новаго передѣла не приходится; во вторыхъ, вспахавшаго плохо свою полосу засмѣютъ сосѣди. Вотъ два рычага, двигающіе нашего землевладѣльца къ труду, а не къ лѣни. Конечно, не всѣ полосы общинной земли одинаково удабриваются и одинаково распахиваются, но это происходитъ зачастую не по винѣ пахаря, а по причинѣ его бѣдности: если у него одна коровенка да лошадь, еле передвигающая ноги, то, само собою разумѣется, онъ не можетъ хорошо удобрить и пропахать своихъ полосъ, хотя бы такой пахарь и обладалъ силой, чего, къ слову сказать, почти никогда не можетъ быть при скудномъ его питаніи.

Зла кому-либо отъ передѣловъ земли, по моему, не можетъ быть; напротивъ, они приносятъ громадную пользу общинѣ: возстановляютъ нарушенную временемъ несправедливость по владѣнію общей землею. «Коренными передѣлами достигается важная и основная задача общиннаго землевладѣнія—уравнительное, сообразно личному составу семей, распредѣленіе земли между всѣми домохозяевами общины», утверждаетъ г. Пругавинъ. [3]

Частные передѣлы земли тоже имѣютъ важное экономическое значеніе въ жизни крестьянъ. При этихъ передѣлахъ практикуется «навалка» душевыхъ надѣ-

---

[1] Выкупные платежи и коренные передѣлы мірской земли. «Слово» 1881 г. кн. 4.

[2] Щепотьевъ: Общинное землевладѣніе на сѣверѣ. «Русская Мысль» 1883 г.

[3] Jbidem.

ловъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, и передача земли отъ умершихъ малолѣтнимъ тамъ, гдѣ доходность земли превышаетъ платежи. Однимъ словомъ, будетъ ли доходъ отъ владѣнія землею или убытокъ—община уравниваетъ все это между своими членами, притомъ, съ удивительной справедливостью. Гдѣ существуютъ передѣлы—тамъ и община.

Вторымъ недостаткомъ общиннаго владѣнія обыкновенно выставляется черезполосность владѣнія, дробность полосъ, вслѣдствіе чего единичнымъ личностямъ нѣтъ возможности вести болѣе интенсивное хозяйство, чѣмъ существующее, т. е. перейти съ трехпольной системы на многопольную, съ поперечнымъ боронованіемъ включительно. Но и этотъ недостатокъ, кажется, слишкомъ преувеличенъ. Во-первыхъ, черезполосица существуетъ не по какому-нибудь вредному обычаю или капризу большинства членовъ общества, а потому, что въ одномъ и томъ же полѣ или пожнѣ существуетъ различная почва земли, дающая и различную плодородность. Не будь черезполостнаго владѣнія, случилось бы то, что одни и, конечно, болѣе сильные и богатые однообщественники владѣли бы хорошими, плодородными участками земли, а другіе — бѣдные — худшими, тягость же платежей несли бы одинаково, значитъ, явилась бы вопіющая несправедливость, чего община всегда избѣгаетъ и—слава Богу! Представимъ себѣ поле въ 50 дес. пашни, которое требуется раздѣлить на 50 домохозяевъ, у которыхъ одинаково количество и надѣловъ (чего, конечно, не бываетъ). Дѣлить чего казалось бы проще: каждому дается по одной десятинѣ, слѣдовательно, раздѣлить все поле на это число участковъ и—дѣлу конецъ. Но на практикѣ выходитъ не такъ: въ числѣ 50-ти десятинъ есть 10 дес. очень хорошей, мягкой земли, 10 д. глинистой, 10 дес. каменистой, 10 дес., положимъ, сильно песчаной и 10 дес. болотистой. Какъ тутъ дѣлить на участки? Кому достанется мягкая, хорошая земля, тотъ долго будетъ съ хлѣбомъ, а кому достанется песчаная или болотистая, тотъ долго будетъ голодать. Такой несправедливости община не терпитъ, потому что «каждому, вѣдь, жить надо», говорятъ міряне [1]. Поэтому, дѣлятъ землю всегда такъ, чтобы каждому домохозяину досталось по полосѣ того, другого и третьяго качества земли. Слѣдовательно, въ упомянутомъ полѣ должно быть не менѣе какъ по 5-ти полосъ на каждаго. Но и это рѣдко бываетъ, такъ какъ, кромѣ плодородности земли, при дѣлежѣ играетъ роль и разтояніе отъ деревни. Есть земля возлѣ самыхъ дворовъ—«одворье»; есть и въ 2-хъ верстахъ отъ деревни—«озадки», т. е. задняя часть поля. Вотъ уже задача раздѣла нѣсколько усложняется, ибо для каждаго очевидно, что обработывать землю и удобрять ее возлѣ самой деревни или за 2 отъ нея—не одно и то же. Чтобы взвѣсить и уровнять это земельное обстоятельство по всей справедливости, «по-божески», придется еще увеличить число полосъ.

Въ пахотной землѣ такія условія или различія еще не такъ рѣзко бросаются въ глаза. Что касается сѣнокоса, то разстояніе тутъ играетъ громадную роль. Сѣнокосная земля (луга) тоже есть возлѣ самой деревни, и есть «чищеники» за 10—15 верстъ отъ нея. Съ полосы возлѣ деревни я, замѣтивши тучу, могу сбѣгать съ семьею и убрать сѣно до дождя, чего за 15 в. сдѣлать уже немыслимо.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что черезполосица ужъ не такое зло, чтобъ стоило изъ-за нея уничтожать общинное землевладѣніе.

Надо еще принять во вниманіе, что у крестьянъ существуетъ обычай мѣняться полосами, если условія мѣны подходящи. Гдѣ же крестьяне находятъ владѣніе узкими полосами болѣе справедливымъ и выгоднымъ для каждаго изъ нихъ (при различной почвѣ и разстояніи), то есть ли основаніе насильно навязывать имъ какіе-то «округленные участки», ради поперечнаго боронованія. Послѣдніе рекомендовалъ нѣкогда проф. г. Иванюковъ. Теперь я отвѣтилъ бы ему его же словами, что «съ вѣковыми народными обычаями надо обращаться очень осторожно, особенно въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ сельское хозяйство и поземельныя отношенія».

---

[1] См. мою статью: «На мірскомъ передѣлѣ земли». «Живая Старина», годъ 9-ый, вып. I, отд. II, 130—138.

Что касается того мнѣнія, что общинное землевладѣніе вообще и черезполосица, въ частности, являются препятствіемъ веденію болѣе интенсивнаго хозяйства, то на такое мнѣніе можно сказать, что ни та, ни другая форма землевладѣнія не служитъ причиною консерватизма въ хозяйствѣ, а мы должны заглянуть поглубже въ обстановку крестьянской жизни и тогда увидимъ нѣчто другое. По моему убѣжденію, главнымъ препятствіемъ для крестьянъ къ переходу съ трехпольнаго хозяйства на многопольное, съ травосѣяніемъ и поперечнымъ боронованіемъ включительно, является недостатокъ у нихъ удобной земли, отсутствіе матеріяльныхъ средствъ и малокультурность. Устраните причину—слѣдствіе уже явится само собою, появятся и многополье, и молотилки, и вѣялки, и жнейки и т. п., и община этому не воспрепятствуетъ. Теперь же довольно наивно говорить о томъ, чтобы крестьяне завели многопольное хозяйство съ травосѣяніемъ, перелогами, съ поперечнымъ боронованіемъ округленныхъ участковъ, при наличности такого количества пахотной земли, имѣющагося въ ихъ владѣніи, чрезъ которую, по остроумному замѣчанію самихъ крестьянъ «заяцъ перескочитъ».

При общинномъ землевладѣніи, какъ извѣстно, существуетъ круговая порука, которую вообще принято считать несправедливостью и бременемъ для трудолюбивыхъ крестьянъ. Между тѣмъ, она, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, является благодѣтельною формою общежитія. На самомъ дѣлѣ будетъ ли несправедливостью помочь (хотя бы уплатою податей) обществомъ тому изъ своихъ членовъ, у котораго случилось какое-нибудь несчастіе: домъ ли сгорѣлъ, погибло ли отъ пожара гумно съ хлѣбомъ, болѣзнь ли случилась съ нимъ или, наконецъ, лошадь пала. По моему—нѣтъ: «съ міру по ниткѣ, а голому рубашка», какъ говоритъ русская пословица. Нельзя подводить подъ одну мѣрку жизнь городского общества и жизнь деревни, общины, гдѣ въ людяхъ меньше эгоизма и больше искры Божіей. Безъ сомнѣнія, за послѣднее время бывали случаи злоупотребленія круговою порукою по платежамъ (да гдѣ не бываетъ злоупотребленій!) со стороны лѣнивцевъ и пьяницъ. Но первыхъ встрѣчается вообще очень мало, а вторые бо́льшею частью люди психически больные и заслуживаютъ, поэтому, если не состраданія, то снисхожденія. Но вѣдь общество можетъ временно отобрать землю такихъ неисправныхъ крестьянъ и отдать болѣе трудолюбивому члену общины, чтобы изъ-за нихъ не раззорять себя. Правда, земля эта часто не приноситъ столько дохода, сколько за нее надо платить, такъ что «навалка» надѣловъ для другого является убыточною. Но на это можно сказать: кто же въ этомъ виноватъ? начало ли круговой обязательной поруки или несоразмѣрность налоговъ съ доходностью надѣла? Общинное ли землевладѣніе или податная система?

У насъ каждому, конечно, извѣстно, по какой дорогой цѣнѣ поступила земля въ надѣлъ крестьянамъ при уничтоженіи крѣпостного права,—земля, зачастую нехорошаго качества, но принятая послѣдними безропотно ради личной свободы. Это чувство личной свободы было такъ высоко приподнято въ то время, что о качествѣ земли, ея выгодности или убыточности никому изъ крестьянъ и въ голову не приходило.

Теперь прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 л. и мы, разсматривая хладнокровно эту сдѣлку между помѣщикомъ и его рабомъ—крестьяниномъ, убѣждаемся, что она была очень невыгодна для послѣдняго, особенно въ нашемъ Сѣверномъ краѣ, гдѣ земля цѣнилась въ то время въ большинствѣ случаевъ отъ 50 к. до 5 рублей за десятину. Выраженная въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности желательность пониженія выкупныхъ платежей встрѣтила въ немъ полное сочувствіе и онъ высказался въ положительномъ смыслѣ.

Наконецъ, надо быть послѣдовательнымъ и справедливымъ передъ своимъ правительствомъ: разъ владѣльцемъ надѣльной земли является община, какъ одно юридическое лицо, а не Иванъ, не Петръ, то и платежи за эту землю, какъ и мірской сборъ, должна платить община же.

Что касается той же круговой поруки по другого рода платежамъ, какъ, напр., больничный сборъ, т. е. плата за лѣченіе гдѣ-либо заболѣвшаго члена общины, который не въ

состоянія былъ уплатить за лѣченіе самъ и его родственники, то въ этомъ отношеніи круговая порука безусловно должна быть отмѣнена, такъ какъ община здѣсь не причемъ, какъ не причемъ она и по личнымъ долгамъ своего члена. Въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь парень уходитъ изъ общины на фабрику, заводъ или куда-либо на заработки, вообще на чужую сторону и тамъ заболѣваетъ, напр., сифилисомъ; съ общества за лѣченіе такого проболѣвшаго однообщественника взыскивается 30 — 50 р. Чѣмъ общество-то виновато? Вотъ подобные этому сборы и создаютъ враговъ общины, даже среди ея самой изъ зажиточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ-земледѣльцевъ. И это понятно. Кому хочется отдавать свои заработанныя потомъ и кровью деньги за какого-нибудь гуляку. Но, вѣдь, такое ненормальное явленіе легко устранить, такъ сказать, очистить общину отъ наноса, стóитъ только отмѣнить круговую поруку по всѣмъ платежамъ, которые ничѣмъ не связаны съ владѣніемъ землею. По устраненіи причины этого явленія не будетъ и недовольства въ общинѣ ни отъ одного члена ея.

Относительно принудительной пастьбы скота скажу словами г. Постникова: «Подъ пастьбой скота нельзя разумѣть нѣчто неизмѣнное, одноформенное, ведущее, какъ утверждаетъ г. Рошеръ, къ такой-то системѣ хозяйства; напротивъ, характеръ выпаса скота видоизмѣняется соотвѣтственно той системѣ, какая принимается въ извѣстномъ селеніи» [7]. Ясно, выпасъ скота не можетъ служить тормазомъ къ замѣнѣ существующей системы хозяйства болѣе лучшею. Улучшенія въ хозяйствѣ какъ большія, такъ и малыя не исключаютъ общиннаго землевладѣнія, какъ и общинное землевладѣніе не исключаетъ ихъ. Это давнишняя истина, но часто забываемая людьми, желающими издалека заправлять крестьянскою жизнію. Понятно до очевидности, что всякія улучшенія въ хозяйствѣ возможны и при общинномъ порядкѣ, и если ихъ нѣтъ у насъ, то виною тому не община, а нѣчто другое, скорѣе недостатокъ средствъ дѣлать коренныя улучшенія. Чтобы возможно было поднять сельское хозяйство нашихъ крестьянъ на ту высоту, на какой стоятъ хозяйства въ Пруссіи и Англіи, для этого прежде всего нужно поднять на ихъ же высоту уровень образованія и экономическаго благостоянія нашего земледѣльца. У насъ всякій, претендующій на званіе образованнаго человѣка, говоритъ, что крестьяне невѣжественны, грубы, косны, и т. п., что хозяйство ими ведется самымъ первобытнымъ способомъ, а никто не хочетъ задать себѣ вопроса: почему? почему они невѣжественны? Не потому ли, что школъ хорошихъ нѣтъ, и если есть, то онѣ не всегда доступны для крестьянина. О необходимости поднятія у насъ народнаго образованія поднимался вопросъ и въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Къ чести нашихъ земствъ надо отнести, что они дѣлаютъ все, что возможно къ поднятію народнаго образованія на надлежащую высоту, но средства ихъ слишкомъ ограничены, чтобы можно было достигнуть желаемаго уровня народнаго просвѣщенія, а потому является настоятельною надобностью въ ходатайствѣ—чтó единогласно призналъ Комитетъ — о томъ, чтобы казна пришла земству на помощь въ этомъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ общегосударственномъ, хотя бы принятіемъ на свой счетъ половины земскихъ расходовъ по народному образованію. Не потому ли хозяйство у крестьянина ведется плохо, что часто у него нѣтъ средствъ на покупку 1 п. ржаной муки! Да и улучшенія возможны лишь при извѣстномъ, достаточномъ количествѣ земли. Обвинять крестьянъ очень легко, но прежде чѣмъ обвинять ихъ въ чемъ-либо, надо знать ихъ жизнь, ихъ правовое и иное положеніе; иначе, это обвиненіе не будетъ основательно: лежачаго не бьютъ.

Вотъ тѣ главные недостатки общиннаго землевладѣнія, какіе обыкновенно предъявляются къ нему и которые, на мой взглядъ, не имѣютъ никакого значенія.

Теперь посмотримъ на достоинства общиннаго порядка.

Уже было замѣчено, что община есть лучшая изъ формъ человѣческаго общежитія; теперь скажу о землевладѣніи.

По моему мнѣнію, общинное землевладѣніе нужно сохранить уже потому, что оно не даетъ деревенскаго пролетаріата, этого страшнаго бича въ западныхъ государствахъ

---

[7] Общинное землевладѣніе. Вып. 1.

и, отчасти, уже у насъ въ городскихъ и фабрично-заводскихъ поселеніяхъ. Въ деревнѣ у насъ каждый имѣетъ хоть малую долю своей земли, а это очень важно. Съ переходомъ же на подворно-наслѣдственное землевладѣніе случится то, что неизбѣжно должно случиться, а именно: въ первые же годы, когда надѣльная земля будетъ предметомъ купли-продажи, большая часть крестьянской земли перейдетъ тѣмъ или инымъ путемъ въ руки болѣе сильныхъ въ обществѣ «богатѣевъ», а остальная часть общества обезземелится и будетъ вѣчнымъ рабомъ своихъ богачей (извѣстная часть его превратится и въ «золоторотцы») и, такимъ образомъ, настанетъ новое крѣпостное право, гораздо худшее, чѣмъ было помѣщичье [1]. Такому печальному явленію есть уже примѣры. Такъ, въ 80-хъ годахъ XIX в. г. Григорьевъ при своемъ изслѣдованіи, на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, по Полтавскому и отчасти Зеньковскому уѣзду, Полтавской губерніи, писалъ (помнится,— въ «Отеч. Зап.»), что личное подворное владѣніе тяжело отзывается на сельскомъ хозяйствѣ въ общегосударственномъ значеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ наслѣдственной формы владѣнія землей является усиленная мобилизація земельной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточеніе значительныхъ участковъ земли въ рукахъ однихъ («богатырей») на счетъ полнаго обезземелія другихъ. Дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго, возникли крайняя черезполосица и многополосица, а отсутствіе формальныхъ юридическихъ актовъ на переходъ земли изъ рукъ въ руки породило безконечные споры и раззорительныя тяжбы. Такой результатъ крестьянско-земельнаго уклада едвали кому-либо желателенъ, а потому слѣдовало бы сохранить общинную форму землевладѣнія даже послѣ выкупа надѣльной земли обществомъ. Надо намъ быть признательными Законодателю за то, что онъ, ради сохраненія общины, ограничилъ выкупъ надѣльной земли отдѣльными домохозяевами. Лишь въ этомъ одномъ желательна какъ бы исключительность закона о крестьянахъ. Принимая во вниманіе, что существуютъ же маіоратныя владѣнія, которыя разнятся отъ общины лишь тѣмъ, что тамъ закрѣпляется земля за родомъ, а здѣсь должна закрѣпиться за обществомъ,—вся и разница почти въ одномъ этомъ, слѣд. такое землевладѣніе возможно и въ поселянскомъ быту. Нѣтъ сомнѣнія, когда народъ умственно поразовьется, то и при общинномъ землевладѣніи перейдетъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ къ болѣе интенсивному хозяйству. Притомъ, необходимо освободить крестьянство отъ обязанности нести службу сотскихъ, десятскихъ, отъ карауловъ, дежурствъ, натуральной дорожной повинности, отъ излишней бюрократической опеки и т. п. Исполненіе крестьянами полицейскихъ должностей отвлекаетъ ихъ отъ работы иногда во время «страды».

Къ числу неблагопріятныхъ условій, вредно вліяющихъ на крестьянское благосостояніе и слѣд. на развитіе сельско-хозяйственной промышленности, представляетъ исключительность законовъ о крестьянахъ, въ силу которыхъ они могутъ быть подвергаемы, по 61—62 ст. Положенія о земскихъ начальникахъ, позорящему и попирающему человѣческое достоинство тѣлесному наказанію, а также аресту безъ суда до 3—7 дней, отъ чего избавлены всѣ другіе классы населенія. Въ виду того, что исключительные законы, въ видѣ тѣлеснаго наказанія и ареста безъ суда, позорятъ, по понятіямъ образованныхъ людей нашего времени, не только того лично, кого они касаются, но, отчасти, и болѣе высшіе классы общества, непринимающіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ уничтоженію этого пережитка рабства, то въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности было выражено пожеланіе за уничтоженіе подобной аномаліи въ справедливыхъ законахъ. Предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и объ отмѣнѣ ст. 61—62 было встрѣчено въ Кадниковскомъ Комитетѣ сочувственно и принято частью въ немъ, а частью въ Губернскомъ Комитетѣ.

А. А. Шустиковъ.

[1] Для примѣра я могъ бы указать на письмо одного крестьянина, недавно полученное мною, въ которомъ онъ проситъ меня продать ½ или всю его крѣпостную землю, потому что у него пала лошадь. Такъ будетъ и съ надѣльной землей крестьянъ, съ тою лишь разницею, что лашадь, съ продажей послѣдняго клочка земли, тогда уже будетъ не нужна. Но несчастіе можетъ случиться у крестьянина и другого рода, напр., домъ сгоритъ и надо же для семьи какую-нибудь хибарку построить. И вотъ полетѣла земелька и—въ результатѣ: цѣлая семья нищихъ!

По вопросу объ общинѣ.

(Корреспонденція изъ Новгородской губ.)

По поводу «Вопросовъ», помѣщенныхъ въ «Живой Старинѣ» (II выпускъ за 1902 г.), позволю себѣ привести свои наблюденія надъ жизнію мѣстныхъ крестьянъ, а также мнѣнія самихъ крестьянъ и ихъ отвѣты.

Огромное большинство крестьянъ нашего края даже не имѣетъ понятія объ иномъ строѣ жизни, кромѣ общиннаго. До освобожденія крестьянъ помѣщики хотя имѣли въ нашемъ краѣ земли въ видѣ лѣсныхъ дачъ или покосовъ, но сами здѣсь не жили, усадебъ не имѣли. Послѣ освобожденія крестьянъ малоцѣнныя земли (почва—песокъ и болото) отъ помѣщиковъ перешли цѣльными угодьями или въ руки отдѣльныхъ крупныхъ богачей, какъ лѣса, или во владѣніе крестьянскихъ обществъ, какъ мелкій лѣсъ, болота и плохіе покосы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего уѣзда, гдѣ были помѣщичьи усадьбы, на мѣстѣ одного крупнаго владѣнія помѣщика создавались десятки отдѣльныхъ подворныхъ владѣній. Такія цѣнныя усадьбы не могли попасть въ однѣ руки и переходили къ зажиточнымъ крестьянамъ уже небольшими, сравнительно, земельными клочками. На каждомъ такомъ клочкѣ въ нѣсколько десятинъ явилось подворное владѣніе. Въ нашей же мѣстности подобныхъ явленій нѣтъ. Въ бесѣдахъ со мною по этому поводу нѣкоторые крестьяне просто удивлялись, какъ это люди живутъ въ одиночку, и задавали мнѣ такіе наивные вопросы: «да. вѣдь, имъ скучно. Этакъ и посидѣть ни къ кому нельзя сходить; словомъ, не съ кѣмъ перемолвиться». Эта причина, по мнѣнію многихъ, настолько важна, что одна она въ состояніи удержать общину отъ распаденія на подворные участки. О мелкихъ услугахъ сосѣдей, одолженіяхъ и говорить нечего. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ: «я вотъ исправный мужикъ; у меня всякая вещь, струментъ—все найдется, а и то не могу обойтись безъ сосѣдей. У меня вотъ хозяйка забыла вчера хлѣбы растворить, значитъ, и сиди сегодня голодомъ, еслибы не сосѣди. За такимъ пустякомъ не побѣжишь за три версты. У моего сосѣда не только долота или пилы, а я сохи-то порядочной нѣтъ. Посели такого бѣдняка или хоть и пятерыхъ неимущихъ куда-нибудь,—да они совсѣмъ пропадутъ. А всего самъ не запасешь». Дѣйствительно, между крестьянами такъ много подобныхъ взаимныхъ услугъ. что онѣ, какъ крѣпкія сѣти, связываютъ общину отъ распаденія. Деревни въ нашей мѣстности довольно большія, домовъ по 80, по 100 и по 150. Поля и покосы иногда находятся далеко. Между крестьянами являются иногда попытки выселиться изъ большой деревни и завести новый «выселокъ» или «новину», но эти случаи крайне рѣдки. Въ одиночку селяки почти не выселяются. Я знаю только два-три подобныхъ случая, но они кончились неудачно. Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ одиночества такіе піонеры снова возвращались на свои прежнія пепелища. При выселеніи кого-нибудь изъ сосѣдей, крестьяне даютъ нѣкоторыя льготы: земли во владѣніе ему даютъ больше, помогаютъ перевезтись и построиться, но и такая помощь не соблазняетъ крестьянъ къ выселенію на новое мѣсто. «Хоть и бѣднѣе жить, да не по-волчьи выть», говорилъ мнѣ одинъ новоселъ, черезъ три года возвратившійся въ свою деревню. И сами крестьяне смотрятъ на такого смѣльчака какъ-то подозрительно. Про него непремѣнно кто-нибудь пуститъ дурную сплетню: то у новосела бѣглые люди пристаютъ, то краденое сбывается, то онъ зани-

мается выдѣлкою фальшивой монеты и т. п. Выселеніе бываетъ удачнѣе въ томъ случаѣ, когда выселяется сразу нѣсколько семействъ, хотя и такіе случаи рѣдки.

Понятна причина, побуждающая нашихъ крестьянъ дорожить насиженнымъ мѣстомъ и избѣгать переселеній, хотя бы и недалекихъ. Почва въ Уломской мѣстности, обнимающей собою 11 волостей, т. е., треть уѣзда, очень неплодородна, и много трудовъ и затратъ нужно положить новоселу, чтобы скудная земля родила хлѣбъ. Поля и покосы нужно огородить, а это потребуетъ сразу затраты въ нѣсколько десятковъ рублей. Когда всѣ угодья общія, то на долю каждаго владѣльца приходится сравнительно немного изгороди, а огородить отдѣльно свой, хотя и небольшой участокъ, не подъ силу часто не только одному, а нѣсколькимъ крестьянамъ. Когда послѣ пожаровъ начальство принуждаетъ мужиковъ строиться по извѣстному плану и оставлять между дворами промежутки въ нѣсколько саженъ, то сколько бываетъ среди крестьянъ хлопотъ и ругани. Никому не охота ѣхать на новое мѣсто и даже не куда-нибудь за нѣсколько верстъ, а на конецъ деревни.

Немаловажную роль въ такихъ случаяхъ играетъ и суевѣріе. Мнѣ передавалъ одинъ крестьянинъ, по неволѣ выселившійся послѣ пожара въ конецъ деревни, какъ на старомъ пепелищѣ не одинъ разъ ночью видѣли «дѣдушку» (домового). «Ходитъ по дворищу, опустивши голову, да такъ жалостно смотритъ. Нѣтъ, ужъ не пойдетъ онъ къ намъ, не будетъ оберегать наше добро», говорилъ съ грустью мужикъ. Онъ увѣренъ, что ему на новомъ мѣстѣ ужъ не жить такъ справно, какъ онъ жилъ на старомъ.

«Когда мы живемъ вмѣстѣ, замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ, у насъ все есть: и пашня, и покосъ, и лѣсъ и выгонъ. А разсѣлись мы по разнымъ мѣстамъ, такъ у одного будетъ поле, но не найдется покосу; у другого есть лѣсъ, а не достанетъ пашни или нѣтъ выгону», и т. д. По мнѣнію мужика, трудно найти такое мѣсто, гдѣ бы всѣ эти угодья были; ихъ надо наживать, а для этого потребуется много времени.

И сколько мнѣ ни приходилось наблюдать и спрашивать самихъ крестьянъ, они не желаютъ перемѣны общиннаго строя, хотя и видятъ въ немъ немало недостатковъ. При каждомъ передѣлѣ земли поле разбивается сперва на отдѣльные участки: дальніе и ближніе, удобные и неудобные, съ длинными полосами и коротками, и т. д. За 40 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ населеніе сильно увеличилось; въ нѣкоторыхъ деревняхъ удвоилось. Полевые участки приходится дѣлить на очень мелкія полосы, иногда не больше аршина ширины. На такой полоскѣ—однѣ межи, обрабатывать ее плохо, хлѣбъ родится худой. Этой бѣдѣ, по мнѣнію самихъ крестьянъ, помочь можно—стоитъ только при передѣлѣ не разбивать участки на мелкія полосы. Одной группѣ, напримѣръ, дать дальній участокъ въ полѣ, но ближній въ покосѣ; кому достанется болѣе худшій участокъ поля, за то тому земли дать больше, а у кого земля лучше, тому ея дать меньше, и т. д.

Бѣда только въ томъ, что такіе передѣлы теперь устроить трудно. Противъ нихъ всегда стоятъ болѣе зажиточные крестьяне, кулаки. Они владѣютъ бо́льшимъ количествомъ земли, за долгое время ее успѣли удобрить, и имъ, понятно, жалко разстаться со своими участками. А такъ какъ мѣстныя власти: старосты, судьи, старшины выбираются всегда изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, то они всегда и держатъ руку немногочисленнаго, но довольно сплоченнаго меньшинства. Земскіе начальники считаютъ этотъ элементъ самымъ благонадежнымъ и держатъ ихъ сторону. Земскіе начальники, по выраженію одного крестьянина, препятствуя передѣлу, могутъ сдѣлать въ каждой деревнѣ 5 человѣкъ богатыми, 50 бѣдными, а остальныхъ по міру пустить. Дѣйствительно, можно встрѣтить такіе факты: у крестьянина трое—семья и $2^1/_2$ душевыхъ надѣла, у другого 7 чел. и $1^1/_2$ надѣла. Одному своего хлѣба хватаетъ на цѣлый годъ и еще останется продать; а другой посѣялъ—и ѣсть нечего. Такой немогутной не переѣзжаетъ на другое мѣсто, не заводитъ отдѣльнаго подворнаго хозяйства, хотя бы ему и помощь оказали, а просто бросаетъ хозяйство и обращается въ бобыля. Самъ хозяинъ нанимается въ батраки или ухо-

лить въ столицы на заработки, гдѣ совсѣмъ сбивается съ кругу, а семья его отправляется по міру.

Второй недостатокъ общиннаго владѣнія—это крайняя скудость земли, особенно нуждаются въ покосахъ. Этому горю, по мнѣнію крестьянъ, тоже можно помочь. У насъ много мѣстъ болотистыхъ, которыя, при правильной, хотя бы простой системѣ осушки, можно осушить и обратить въ хорошіе луга, а потомъ и въ пашни. Но въ этомъ случаѣ должна придти на помощь казна. «Самимъ намъ не подъ силу, вздыхаетъ крестьянинъ. У насъ есть луговинка, стоитъ ее обрыть канавами да повозить песку, и мы на душу снимаемъ по два хорошихъ воза сѣна». Такихъ луговинокъ по нашей мѣстности у крестьянъ много. «Да руки не доходятъ, продолжалъ мужикъ, я вотъ кончилъ пашню и спѣшу не на свою работу, а на чужую: семья безъ хлѣба сидитъ. Я сегодня поработалъ у тебя день (онъ былъ у меня въ поденщикахъ) и полпуда муки куплю: два дня семья и сыта, а потомъ бѣгай да снова ищи работы, а то сиди голодомъ».

Теперь у насъ быстро сталъ входить въ употребленіе посѣвъ клевера. Это, по отзывамъ мужиковъ, можетъ нѣсколько помочь горю, но отъ бѣды не избавитъ: посѣешь травы, не досѣешь хлѣба.

Многіе не прочь бы куда-нибудь переселиться, но сами они не могутъ предпринять этого, имъ должна помочь казна. И переселяться имъ слѣдуетъ не по-одиночкѣ, а большими группами, чтобы общинный строй не нарушался, т. е. за разъ четверть деревни, а то и полдеревни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ освобожденія крестьянъ земли послѣднихъ надѣльныя и покупныя не были точно размежеваны и отдѣлены отъ владѣній какъ помѣщиковъ, такъ и отъ земель крестьянъ другихъ обществъ. Это явленіе порождаетъ постоянную путаницу во владѣніяхъ, вноситъ въ жизнь деревни споры, тяжбы и т. п. Неопредѣленность границъ угодій крестьянъ служитъ немаловажнымъ тормазомъ къ болѣе лучшему, продуктивному пользованію ими своею землею.

Итакъ, въ нынѣшнемъ крестьянскомъ быту чувствуется крайняя потребность: 1) въ увеличеніи количества земли и въ улучшеніи негодныхъ земель или, въ иныхъ мѣстахъ, въ выселеніи части населенія на новыя мѣста, а также въ приведеніи въ точную извѣстность земельныхъ границъ тамъ, гдѣ онѣ еще составляютъ предметъ споровъ и недоразумѣній; 2) въ уменьшеніи бюрократической опеки, такъ какъ она приноситъ пользу, главнымъ образомъ, только ничтожному меньшинству. Многіе крестьяне жалуются на тяжесть налоговъ и на неравномѣрное ихъ распредѣленіе. Послѣднее мнѣніе представляетъ не ясно сознанную и выраженную ими мысль о подоходномъ налогѣ.

Иные изъ крестьянъ справедливо полагаютъ, что очень много зла причиняетъ имъ пьянство, а потому, на вино, по ихъ мнѣнію слѣдовало бы пошлину (акцизъ) еще болѣе возвысить, чтобы оно было недоступно простому крестьянину, и онъ кровныя свои гроши не пропивалъ, а употреблялъ ихъ на пользу своей семьи.

Отъ многихъ изъ поселянъ слышатся жалобы на ихъ неразвитость. «Темнота наша виновата въ томъ, что мы все ходимъ вокругъ да около, какъ слѣпые, и не можемъ видѣть того, отъ чего бѣднѣемъ». Одинъ хорошо грамотный мужикъ замѣтилъ: «говорятъ, что сытое брюхо къ ученію глухо; а голодное—и глухо, и слѣпо». Повторяю, за уничтоженіе теперешняго общиннаго строя мнѣ не приходилось встрѣчать мнѣній.

В. Антиповъ.

17 янв. 1903 года.
С. Улома.

ОТДѢЛЪ V.

Народная пѣсня «На Горахъ» Нижегородской губерніи.

Я сдѣлалъ нѣсколько наблюденій надъ народной пѣсней въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, Васильсурскомъ и Сергачскомъ, Нижегородской губерніи, лѣтомъ 1901 года, исполняя порученіе пѣсенной комиссіи, состоящей при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ: записывать народныя пѣсни на фонографѣ. Дѣлу этому были посвящены мною два мѣсяца: іюль и августъ. При этомъ большая часть перваго мѣсяца ушла на знакомство съ напечатанными нижегородскими пѣснями и этнографіей края, насколько она связана съ вопросомъ о пѣсняхъ, обрядахъ, при которыхъ онѣ исполняются, и т. п. Въ г. Нижнемъ есть очень хорошая городская библіотека съ читальнымъ заломъ. Она бываетъ открыта втеченіе цѣлаго дня. Имѣются печатные каталоги книгъ, находящихся въ библіотекѣ. Книги для пользованія на мѣстѣ выдаются безплатно, и очень скоро. Мѣстныя изданія и вообще книги, имѣющія отношеніе къ краю, внесены въ особый каталогъ и помѣщены отдѣльно. Но, не смотря на все это, съ нижегородскими пѣснями пришлось познакомиться недостаточно. Въ справочныхъ книжкахъ, календаряхъ, сборникахъ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ пѣсенъ или мало или совсѣмъ нѣтъ. Главный и довольно богатый источникъ, конечно, Нижегородскія Губернскія Вѣдомости; но онѣ, къ сожалѣнію, не имѣютъ ни указателей, ни даже ежегодныхъ оглавленій: приходится перелистывать каждый годъ, видѣть съ сожалѣніемъ иногда вырванные листы и порядочно утомляться отъ скучной и мало полезной работы или невольно отвлекаться къ какимъ-либо другимъ вопросамъ. Въ записанныхъ текстахъ часто приходилось находить большой и непоправимый недостатокъ: исправленіе, замѣну народныхъ формъ литературными. Особенно искажается народная пѣсня тогда, когда замѣняющее слово не соотвѣтствуетъ первоначальному по числу слоговъ. Поется, напр., мово, чисто поле, большіимъ, роботашь, баслови, и т. п., а записывающій вмѣсто этого ставитъ: моего, чистое поле, большимъ, работаешь, благослови, отчего разрушается размѣръ пѣсни. Обыкновенно не обозначаются ударенія — хотя бы не обычныя — которыя въ пѣснѣ, какъ стихотворномъ произведеніи, имѣютъ первостепенную важность; не объясняются мѣстныя слова, которыя понятны и пѣвцу, и записывателю, но являются загадкой въ другихъ мѣстахъ; не указывается: отъ кого записаны пѣсни, съ пѣнія или съ пересказа, и т. п. Но немало встрѣчалось хорошихъ пѣсенъ и любопытныхъ извѣстій. Напр., о колядованьи дѣвушекъ въ Княгининскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ, о праздновадіи Купаленъ, Семика, Троицына дня съ гуляньемъ втеченіе цѣлыхъ ночей въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Есть записи пѣсенъ и обрядовъ, свадебныхъ причитаній, духовныхъ и раскольническихъ стиховъ изъ уѣздовъ Балахонскаго, Лукояновскаго, Васильсурскаго, Сергачскаго, Семеновскаго, Княгининскаго, Арзамасскаго и др. (см. Ниж. Губ. Вѣд. 1897– 1891, 1893, 1895). Лучшіе тексты я нашелъ въ записяхъ г. Я. Виноградова: пѣсни Высокоосельской волости, Васильсурскаго уѣзда (1887 г. № 36, 1888 г. №№ 8, 24). Въ № 34-мъ 1887 года помѣщена пѣсня мѣстнаго происхожденія. Она передаетъ дѣйствительный случай: убійство матери сыномъ, составлена вскорѣ послѣ

совершенія преступленія, которое было лѣтъ 50—60 тому назадъ. Наконецъ, небольшое собраніе пѣсенъ Нижегородской губерніи находится въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1885 г. (№№ 59—61, 64, 66, 68, 71, 88(?), 99) [1].

Отправившись въ путь, я собиралъ напѣвы или вблизи р. Волги или въ отдаленныхъ частяхъ Сергачскаго и Княгининскаго уѣздовъ, въ мѣстностяхъ, указанныхъ знатокомъ края, председателемъ Статистическаго Комитета А. И. Звѣздинымъ. Посѣщать имѣлось въ виду только мѣстности съ чисто русскимъ населеніемъ. Во время моего путешествія крестьяне не разъ говорили мнѣ, что обрусѣвшая мордва хорошо поетъ русскія пѣсни. Это очень вѣроятно, такъ какъ, напр., обрядовыя пѣсни могли заимствоваться въ старое время и храниться въ чистотѣ, благодаря болѣе слабому вліянію городовъ. Такъ, у мордвы сохранился въ большей подробности свадебный обрядъ, какъ полагаютъ, заимствованный у русскихъ. Провѣрить справедливость сообщеній о большихъ достоинствахъ пѣнія обрусѣвшей мордвы я, однако, не могъ.

При объѣздѣ данной мѣстности нельзя было двигаться по прямому пути. Являлась нужда возвращаться въ г. Нижній, чтобы оставлять тамъ для храненія валики съ надписями, такъ какъ было нежелательно подвергать ихъ опасности быть сломанными при перевозѣ съ мѣста на мѣсто. Оказывалось еще необходимымъ собирать и поправлять развинчивающійся и ломающійся фонографъ. У меня былъ Standard Эдиссона. Работа съ этой машинкой, пока еще мало пригодной для перевозовъ, представила очень много затрудненій и оставила у меня довольно печальныя воспоминанія. Не было ни одного переѣзда, послѣ котораго фонографъ могъ бы исправно дѣйствовать безъ разнаго рода свинчиваній, развинчиваній и другихъ поправокъ. Послѣ перваго перевоза на лошадяхъ, въ 16 верстъ, оказалось невозможнымъ привести его въ дѣйствіе безъ помощи спеціалистовъ. Я воротился въ г. Нижній, чтобы получить указанія въ московской торговой фирмѣ: «Компанія граммофоновъ». Затѣмъ, послѣ каждаго переѣзда, нужно было всегда очень долго хлопотать изъ-за фонографа, чтобы привести его къ болѣе или менѣе правильному движенію. Въ началѣ путешествія развинчивались и распадались верхнія части; въ концѣ стали развинчиваться нижнія, слаживать которыя было мнѣ, конечно, гораздо труднѣе. Нѣкоторыя мелкія части не только отвинчивались, но и отламывались вовсе. Такъ, два раза отламывалось колесико, поддерживающее каретку съ діафрагмой, которая безъ него опускалась, конечно, неравномѣрно: то лежала очень высоко, такъ что должна была давать слабую, неотчетливую запись, то опускалась слишкомъ низко, такъ что даже пріостанавливала вращеніе валика. Безъ этого колесика пришлось сдѣлать большую часть записей. Большой руппоръ, подвязанный къ желѣзному пруту, прикрѣпленному къ ящику съ фонографомъ, держался чрезвычайно неустойчиво. Нижняя часть его, укрѣпленная въ діафрагмѣ, оттягивалась верхнею, такъ что діафрагма приподнималась. Чтобы приблизить ее къ валику, нужно было во время записи поддерживать ее рукою, а это мѣшало слѣдить за общимъ движеніемъ фонографа. Вообще можно рекомендовать недовѣрчивое отношеніе къ увѣреніямъ продавцовъ о прочности, долговѣчности и портативности фонографовъ. При перевозкѣ нужно связывать и отвинчивать нѣкоторыя части фонографа для предохраненія ихъ отъ порчи.

---

[1] Въ мѣстныхъ изданіяхъ приходилось наталкиваться и на другія замѣчательныя извѣстія, изъ которыхъ упомяну объ одномъ, совсѣмъ не относящемся къ дѣлу, но имѣющемъ большое право на вниманіе. Въ книгѣ «Нижегородка» А. С. Гацисскаго, издан. 1877 г., на стр. 198 я нашелъ слѣдующее: «Замѣчательнѣйшая древность монастыря (Благовѣщенскаго въ г. Нижнемъ)—икона Богоматери, писанная, какъ это видно изъ греческой надписи на ней, въ Греціи, въ 6501 (993) году, т. е. почти вслѣдъ за принятіемъ Русью христіанства (988), и Евангеліе конца XI вѣка, съ нотными знаками, похожими на буквы греческаго алфавита, т. е. самаго первообразнаго типа, такъ называемыхъ псадо-ритмическихъ знаменъ». Евангеліе XI вѣка было бы величайшею рѣдкостью. Въ русской письменности имѣются только два евангелія такой древности: это—знаменитое Остромирово и Архангельское Евангеліе 1092 года, хранящееся въ Румянцевскомъ Музеѣ. Указаннаго покойнымъ А. С Гацисскимъ Евангелія теперь нѣтъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Гдѣ оно находится (и было-ли?) я не могъ узнать.

Я объѣхалъ данныя мѣстности, сдѣлавъ около 370 верстъ на лошадяхъ и немало поѣздивши на пароходѣ, что, впрочемъ, являлось, сравнительно, удовольствіемъ и отдыхомъ. Ближе къ р. Волгѣ я находилъ бойкое, развитое и промышленное населеніе почти съ однимъ нарѣчіемъ, но съ небольшими различіями въ бытѣ и разными промыслами. Когда-то темные и сѣрые «закудемы» (населеніе за р. Кудьмой, Нижегородскаго уѣзда) мало отличаются теперь отъ жителей другихъ мѣстностей. Въ Приволжьѣ, не смотря на явное вліяніе и иногда близость города, хранится еще старая пѣсня и старый обычай. Такъ, въ с. Ельнѣ, Нижегородскаго уѣзда, въ 16 верстахъ отъ г. Нижняго, собираются очень большіе хороводы, на масляницѣ существуютъ катанья съ пѣснями. на Пасхѣ «старики» (мужики) ходятъ пѣть «вьюнецъ». Еще больше, повидимому, можно найти старины и хорошихъ пѣсенъ въ большихъ приволжскихъ селахъ Васильсурскаго уѣзда, который славится пѣсенниками по всему Поволжью, и въ глухихъ углахъ Сергачскаго и Княгининскаго уѣздовъ. Въ Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда, какъ мнѣ передавали, три брата кузнецы Сучковы, разыгрываютъ «Атамана» съ пѣснями. По р. Волгѣ мы найдемъ часто плясовую пѣсню, которая въ захолустьяхъ становится рѣдкой. Земледѣльцы-домосѣды, жители такихъ захолустій, иногда заявляли, что они такихъ пѣсенъ и прежде не пѣли и не любили. На р. Волгѣ пѣсню поддерживаютъ, во первыхъ, артельная жизнь, во вторыхъ, дорога, движеніе людей, при которомъ происходитъ ихъ общеніе. Сами крестьяне указываютъ, что у береговъ р. Волги лучше поютъ пѣсни. Но перемѣны въ промышленности и въ способахъ передвиженія, происшедшія въ послѣднее время, разрушительно подѣйствовали на старую пѣсню. Пѣсня бурлацкая, извозчичья погибла; съ упадкомъ старыхъ русскихъ промысловъ и развитіемъ фабричной и заводской дѣятельности, вмѣсто народной начинаетъ, естественно, процвѣтать фабричная пѣсня, точнѣе, городская, потому что спеціально фабричныхъ пѣсенъ очень мало. И въ Нижегородскомъ краѣ въ села и деревни уже заносится много пѣсенъ изъ Сормова (большой заводъ подъ г. Нижнимъ).

Я старался разыскивать пѣсни бурлацкія и разбойничьи, но старанія мои дали немного въ итогѣ. Нашелся одинъ очень много и охотно пѣвшій старый бурлакъ—по мѣстному: «волгарь»—изъ Вишенокъ, Ниж. у. Онъ ходилъ «подшишельнымъ», т. е. вслѣдъ за первымъ, «шишкой», и былъ, по обычаю, запѣвалой, но его манера пѣнія показалась мнѣ слишкомъ искусственной. Изъ указаній въ разныхъ мѣстностяхъ выяснилось, что репертуаръ бурлацкихъ пѣсенъ былъ очень разнообразенъ. Нужны были только такія пѣсни, которыя удобно пѣть «въ ногу»: въ этомъ случаѣ судно шло правильно, не колыхаясь; движеніе облегчалось и ускорялось. Для того собственно и пѣлись пѣсни. Для примѣра пѣсенъ бурлацкаго репертуара назову: «Катенька веселая, Катя чернобровая», «Какъ по зорькѣ - по зорѣ, по утряной по росѣ, шолъ мальчишка изъ гостей, со великихъ радостей», «Я капустыньку, дѣвка, полола въ саду зѣлену». Къ бурлацкому же репертуару принадлежала и записанная мною былина объ Ильѣ Муромцѣ и станичникахъ. Вообще же изъ числа записанныхъ мною на фонографѣ 103 нумеровъ пѣсенъ я могу указать еще нѣсколько болѣе старыхъ или лучше исполненныхъ. Это прежде всего эпическія пѣсни, кромѣ названной уже объ Ильѣ Муромцѣ, о князѣ Михаилѣ, «Поѣхалъ король на воеваньице», о сынѣ Стеньки Разина. Изъ историческихъ пѣсенъ поются: о покореніи Казани и нѣсколько пѣсенъ о двѣнадцатомъ годѣ. Замѣчательно, что въ то время, какъ первая забывается, послѣднія поются часто и охотно. Нѣкоторыя плясовыя пѣсни исполнялись съ живымъ увлеченіемъ. Лучшіе номера слышаны на р. Волгѣ въ огромномъ селѣ Фокинѣ, бывшей вотчинѣ Демидовыхъ, Васильсур. у.; напр., очень веселыя, хотя весьма неприличныя: «Ночуй, Дуня, у меня», «Овечушки-косматушки» и др. Здѣсь же удалось услышать и нѣсколько свадебныхъ причитаній, исполненныхъ съ большимъ умѣньемъ и чувствомъ. Кромѣ этого немало записано пѣсенъ голосовыхъ, хороводныхъ, свадебныхъ. Есть тюремныя, солдатскія, разбойничьи, колядки.

Теперь перейду къ разсказу о томъ, какъ я производилъ записи и наблюденія. Пріѣхавъ на мѣсто изслѣдованія, я собиралъ, съ помощью сельскихъ властей, пѣв-

цовъ. Начинались разговоры и пѣніе. Пѣсни, которыя обращали мое вниманіе, записывались сначала съ пересказа, потомъ прослушивались въ исполненіи и исправлялись согласно съ нимъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, по особой поспѣшности или значительной усталости пѣвца, я отступалъ отъ такого порядка. Затѣмъ, я просилъ спѣть пѣсню для записи на фонографѣ. Въ началѣ я пробовалъ разставить передъ рупоромъ весь хоръ пѣвцовъ (такъ я записывалъ въ Нижегор. у.), но такъ какъ пѣвцы заслоняли другъ друга, то при слѣдующихъ записяхъ я обыкновенно располагалъ передъ рупоромъ трехъ пѣвцовъ: запѣвала въ срединѣ и двое по сторонамъ. Они пѣли въ самый рупоръ, что давало болѣе отчетливыя записи. Каждый напѣтый валикъ тотчасъ же выслушивался, потому что было необходимо провѣрить записанное. Это, кромѣ того, доставляю большое удовольствіе исполнителямъ, привлекало ихъ къ пѣнію и воодушевляло во время его. Въ послѣднемъ посѣщенномъ мною селѣ, Бутурлинѣ, Княгинин. у., вслѣдствіе порчи діафрагмы, воспроизводящей запись, я не могъ провѣрить записанное и дать послушать поющимъ. Я замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ пѣли для фонографа хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Прослушиваніе записанныхъ пѣсенъ привлекало множество посѣтителей, которые, впрочемъ, еще до начала пѣнія, биткомъ набивали избу, въ которой я находился, толпой стояли у оконъ, кучами сидѣли на печи, чтобы оттуда смотрѣть на диковинное дѣло. Жара и духота въ избѣ усиливались. Къ пѣснѣ хора иногда примѣшивался плачъ грудного ребенка, съ которымъ пришла любопытная мать. Обратная передача записанныхъ пѣсенъ на фонографѣ, съ которымъ по р. Волгѣ всѣ знакомы, благодаря торговлѣ фонографами на Нижегородской ярмаркѣ, вызывала въ публикѣ большія одобренія, доходившія до восторга и преувеличенія. Особенно удивляли случаи, когда слышали, при повтореніи пѣсни на фонографѣ, точную передачу того, чего не слѣдовало быть въ пѣснѣ, напр.: кашель, остановку, и т. п. Говорили: «Ужъ и машинна! Молодецъ машинка: какъ я, такъ и она; я замекнулся и она тоже»... «Лучше нашего поетъ», говорили съ восхищеніемъ. «Въ машинку-то я бы еще спѣлъ: это мнѣ и самому любопытно», заявлялъ одинъ много пѣвшій и уставшій крестьянинъ. Но исполненіе для фонографа во множествѣ случаевъ, конечно, было хуже, чѣмъ простое пѣніе, не въ руппоръ. Тѣмъ болѣе, что для фонографа приходилось пѣть во второй разъ, что обыкновенно дѣлается съ меньшей охотой и одушевленіемъ. Часто бывало, что сначала, когда выслушиваешь пѣсни, поютъ хорошо; но когда попросишь пѣть въ рупоръ, поютъ гораздо хуже: вяло, нестройно, несвободно. Тутъ дѣйствовали усталость и чувство неловкости отъ непривычнаго положенія. Особенно это отражалось на пѣніи всегда болѣе впечатлительныхъ женщинъ. Но и мужики находили, что «въ трубку-то пѣть неловко: «туришься» (торопишься). Къ торопливости и неловкости, безъ сомнѣнія, вызываютъ шумъ и движеніе фонографа.

Что меня чрезвычайно затрудняло: это текстъ нѣкоторыхъ хоровыхъ пѣсенъ, гдѣ запѣвала и хоръ иногда поютъ разныя слова. Я старался сдѣлать въ этомъ случаѣ точную запись, но, признаюсь: часто это было выше моихъ силъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ къ сложной музыкѣ хора я не могъ записать точный сложный текстъ отъ начала до конца пѣсни. Въ народной музыкѣ есть въ этомъ отношеніи своеобразныя, но трудно уловляемыя черты. Въ основномъ текстѣ, при пѣніи разныхъ лицъ въ хорѣ, находимъ осложненія вслѣдствіе прибавленія различныхъ частицъ и неударяемыхъ словъ: а, о, и, э, охъ, эхъ, только, да вотъ, она... полуповтореній, произношенія разными лицами различныхъ словъ или пѣнія нѣкоторыхъ на одинъ звукъ въ то время, какъ другіе произносятъ цѣлыя слова. У запѣвалы часто находится больше слоговъ или словъ. Все это нужно бы было совершенно точно записать для изученія стиха пѣсни, но все это не всегда удавалось отмѣтить. Впрочемъ, здѣсь нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи можетъ дать самъ фонографъ.

Между старыми пѣснями находилось много такихъ, которыя могъ исполнить только одинъ пѣвецъ: такія записаны съ одного голоса. Что касается до текста этихъ пѣсенъ, то, я думаю, что нужно имѣть въ виду слѣдующее: если исполнитель пѣсни былъ обыкновенно запѣвалой, то онъ и поетъ слова запѣвалы, а это не все равно,

что слова хора. На это не мѣшало бы обратить вниманіе при изученіи всякихъ записей пѣсенъ.

Относительно достоинства записанныхъ пѣсенъ не всегда приходилось быть разборчивымъ. Иногда я записывалъ и посредственно исполняемую пѣсню, думая, что лучшаго пѣнія не встрѣчу Желая записать на фонографѣ какъ можно болѣе текста и музыки для каждой пѣсни, я употреблялъ на каждый нумеръ пѣнія отдѣльный валикъ. Запись обыкновенно производилась при 120 оборотахъ валика въ минуту.

Хорошіе пѣвцы, конечно, встрѣчались нечасто. Вотъ нѣкоторыя отличительныя особенности большинства ихъ. Они поютъ охотно, не стѣсняются, не заставляютъ себя долго уговаривать, какъ другіе. Въ с.-Шолокшѣ, Нижегор. у. мнѣ пѣлъ 83 лѣтній старикъ, съ ослабѣвшей памятью и силою, но все еще сохранившій вѣрность, красоту и нѣкоторую силу голоса. «У меня былъ голосъ: запою, такъ упадешь», говорилъ онъ мнѣ. Лучшіе пѣвцы хорошо, осмысленно передадутъ текстъ пѣсни на пересказъ и въ пѣніи. Они допускаютъ при повтореніи нѣкоторыхъ пѣсенъ или словъ немало незначительныхъ варіантовъ въ текстѣ, но строго сохраняютъ смыслъ и ритмъ пѣсни. Они очень интересуются пѣніемъ «въ трубку», чтобы потомъ слышать свой голосъ. Лучшіе пѣвцы, которыхъ я слышалъ, обыкновенно учились пѣнію дома, у своихъ родителей: отца или матери. Для пѣнія въ хорѣ нерѣдко являлись братья, дядя и племянникъ, мать и дѣти. Иногда хорошій пѣвецъ—осѣдлый крестьянинъ, иногда—ходячій портной, старый бурлакъ, николаевскій солдатъ, т. е. люди бывалые, отчасти потому они и не такъ стѣсняются.

Пѣвцовъ въ этомъ краѣ называютъ «пѣсельники», иногда: «піуны». Манера, пріемъ поющаго опредѣляется словомъ: «уставъ». «У кого какой уставъ» (тотъ такъ и поетъ). О любителяхъ и мастерахъ пѣнія обыкновенно говорятъ: «коренной пѣсенникъ». Объ одномъ сказали: «Онъ лютъ, старикъ—отъ, былъ пѣсни пѣть». Пѣсня раздѣляется на «колѣна», начинается «съ конца» (т. е. съ начала) и имѣетъ свой «голосъ» (напѣвъ), или, какъ иногда говорятъ бывалые и грамотные, «мативъ». Вмѣсто пѣть пѣсню говорится также: «сдѣлать пѣсню». Вмѣсто начинай пришлось слышать: «зарёва́й». Мѣстная терминологія различаетъ слѣдующіе виды пѣсенъ. По темпу: «голосовыя» и «частыя»; по связи съ обрядомъ: «свадебныя», или «мировыя», «круговыя» (хороводныя, потому что вмѣсто хороводъ говорятъ: «кругъ»), «плясовые». Говорятъ: «тонцовая» пѣсня, «плясуча», «плясная», или: поется «подъ пляску», «подъ то́нцыю», «въ притопку», «въ приплясеку», «подъ ногу», «подъ топъ», т. е. подъ мѣрный шагъ бурлаковъ, солдатъ. По содержанію отличаютъ: «военныя» пѣсни, «затюремныя», «скоморошныя». Послѣднія называютъ также: «перегу́дошныя, пригу́дошныя». Иногда пѣсню называютъ «волжской». Это показываетъ, что населеніе, нѣсколько отдаленное отъ р. Волги, имѣло не тѣ пѣсни, которыя пѣлись на берегахъ этой рѣки. Новыя коротенькія пѣсни, такъ называемыя «частушки», здѣсь носятъ имя «тартыжныхъ». Иногда говорятъ: «саратовская мата́ня». Старые пѣвцы относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Пѣть иногда нужно «протяжнѣе», иногда «прытче» (сильнѣе). Нѣкоторыя голосовыя пѣсни поются «на выносъ»: одни поютъ, другіе «выносятъ». Но во многихъ случаяхъ пользуются обыкновенной терминологіей, которая относится къ разговорной рѣчи. О забываемой пѣсни сказали: «Давно лежала пѣсня, кое-что посгнило». Такую пѣсню иногда отказываются пѣть, говорятъ: «не напѣтая», «не выдетъ», «не пойдетъ». Въ такихъ пѣсняхъ «счибаются», или «затыкаются» (запинаются, останавливаются), потому что «захлеснуло» (забылось); рѣдко поютъ такъ, чтобы «сиѣшки не было».

Какъ относится самъ народъ къ своей старой пѣснѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ отношеніемъ народа къ обычаю, который имѣетъ одинаковую судьбу съ пѣсней. Падаетъ безсознательно хранившійся вѣковой обычай: падаетъ и пѣсня. Много говорилось о любви народа къ своей пѣснѣ; о томъ, что народъ поетъ и въ радости и въ горѣ; о томъ, что его пѣсня раздается въ просторѣ полей, въ зелени луговъ и лѣсовъ, за крестьянской работой. Эти идиллическіе

взгляды не вполнѣ подтверждаются дѣйствительностью. Кромѣ чувства, на существованіе пѣсни оказываютъ большое вліяніе образъ и условія жизни, а также мѣняющіяся понятія народа. Безъ этого поэтическая и музыкальная древняя пѣсня не замѣнялась бы городской, фабричной, новой, въ эстетическомъ отношеніи нескладной, фальшивой и дѣтской, но съ новымъ болѣе отвѣчающимъ современной жизни содержаніемъ.

Да и самый народъ едва ли таковъ, какимъ его старались и стараются представить сантиментальные мечтатели. Трезвый и даже нѣсколько суровый по складу ума великоруссъ не лишенъ поэтичности, но поетъ онъ обыкновенно: 1) въ праздникъ, въ хороводѣ и, вообще, на гуляньѣ, 2) на свадьбѣ, 3) что бы не хотѣлось говорить, но что нужно сказать: когда онъ выпилъ. Въ пожилые годы онъ уже не входитъ въ хороводъ и не поетъ. Развѣ подойдетъ стоять у хоровода и слушать. Пожилыя женщины еще болѣе держатся этого обычая. О старомъ человѣкѣ скажутъ, когда онъ пѣлъ въ послѣдній разъ: это обыкновенно 3—4 года назадъ, на свадьбѣ близкаго родственника, внука или племянника. Степенный вообще, великорусскій крестьянинъ строго соблюдаетъ извѣстнаго рода приличіе, по которому пѣть ни съ того, ни съ сего—неумѣстно, не хорошо. Если крестьянинъ завелъ лавку, трактиръ, кабакъ, если онъ сдѣлался церковнымъ или сельскимъ старостой, онъ также перестаетъ пѣть съ мужиками.

Поэтому меня не удивляло то обстоятельство, что иногда затруднялись найти пѣвцовъ, а найденные пѣвцы иногда нескоро или неохотно начинали пѣть. Часто слышались даже: «сумлѣваются», «опасаются». Въ одной волости, гдѣ не было сдѣлано земскимъ начальникомъ извѣщенія о предстоящемъ посѣщеніи экспедиціи, пѣвецъ заявлялъ: «Какъ бы чего не было отъ земскаго начальника»? Тутъ мало помогаютъ и открытые листы министра внутреннихъ дѣлъ и Географическаго Общества, потому что сами пѣвцы не грамотны, о Географическомъ Обществѣ не имѣютъ никакого понятія, о министрѣ внутреннихъ дѣлъ—весьма смутное, а отъ начальства, которымъ они привыкли считать свое начальство, они ничего раньше не слыхали. Дѣло было необыкновенное: «прежде никогда этого не было». Въ глухихъ мѣстахъ приходилось слышать отголоски толковъ объ антихристѣ, несвязанные, впрочемъ, ни съ какой личной враждебностью. Передавалось неоффиціальными лицами, что, дескать, «старухи» или «люди говорятъ, что антихристъ придетъ. Сначала въ книгу запишутъ, а потомъ печать наложутъ». При этомъ всегда осуждались «глупые деревенскіе люди».

Народъ осуждаетъ пѣсню по существу: за ея романическое содержаніе. Я не разъ слыхалъ преданія о старыхъ пѣвцахъ съ похвалой ихъ репертуару. Въ Нижегородскомъ у. одинъ раскольникъ передавалъ о нѣкогда жившемъ пѣвцѣ-старикѣ. Пріѣдетъ онъ на мельницу и станетъ пѣсни пѣть. Всѣ его слушаютъ. «30 пѣсенъ споетъ, ни одной сударушки не помянетъ». Интересно, что это были за пѣсни? Не былины ли? Итакъ, нужно знать, что пожилые люди «стыдятся» пѣть, что надъ пѣвцами «смѣются», что дѣвки нерѣдко «модются» (церемонятся) и стѣсняются пѣть.

Не смотря на то, что въ Нижегородской губерніи, въ уѣздахъ, которые я объѣхалъ, есть мѣстности, гдѣ знаютъ много пѣсенъ и хорошо ихъ поютъ, точно, подробно и осмысленно передавая текстъ пѣсни,—все таки уже содержаніе пѣсенъ свидѣтельствуетъ о постепенно происходящемъ ихъ разрушеніи.

Во-первыхъ, въ пѣсняхъ иногда слышатся искаженія: безсмысленно употребляемые слова или звуки вмѣсто тѣхъ, которые должны быть. Вмѣсто: «Межъ двухъ польцовъ я б л о н ц а», нѣкоторые поютъ и говорятъ: «Межъ двухъ к о л ь ц о в ъ»; вмѣсто: «Онъ ходилъ гулялъ съ п у ш к о й вѣстовой», нѣкоторые поютъ «съ р у ч к о й вѣстовой»; вмѣсто: «ш о л к о в ъ к у ш а к ъ на рубашку», спѣли: «ш о л ъ к о к у ш а к ъ на рубашку» (а словесно дали правильный текстъ) и т. п. Иногда слышимъ непонятныя, можетъ быть тоже искаженныя слова: «Изъ её бѣла лица выступала р у б е т á» (послѣ удара). Пѣвецъ объясняетъ, что это кровь, но это объясненіе дается по смыслу фразы. Въ текстахъ академика А. И. Соболевскаго

въ этой пѣснѣ въ данномъ мѣстѣ стоитъ: «румяна». Въ одной пѣснѣ поютъ: «Она клала во студёнышка», вѣроятно, вмѣсто суденышко. На просьбу объяснить какое-нибудь непонятное слово обыкновенно отвѣчаютъ: «не знаемъ, что это значитъ; такъ въ пѣснѣ поется», или даютъ объясненіе по смыслу фразы, какъ о приведенномъ словѣ: «рубетà».

Во вторыхъ, текстъ недостаточно и неодинаково помнится. Иногда среди пѣсни останавливаются, потому что запѣвала забылъ пѣсню; нерѣдко не могутъ докончить пѣсню, такъ какъ многіе не знаютъ конца ея; по временамъ сбиваются, начиная пѣть разныя слова. О пѣснѣ про покореніе Казани говорили, что ее не пѣли лѣтъ 20. Одну пѣсню пѣвецъ «2 дня думалъ», вспоминалъ, «насилу вспомнилъ», но, повидимому, неточно. Лучше, конечно, передаются обрядовыя пѣсни: хороводныя, свадебныя и плясовыя. Тексты пѣсенъ другого рода забываются и искажаются скорѣе.

Свадебныя дѣвичьи пѣсни даже въ изустной передачѣ даютъ текстъ, который отличается полнотой, связностью и ритмичностью; тогда какъ въ пѣсняхъ голосовыхъ разница между устнымъ пересказомъ и пѣніемъ иногда бываетъ очень значительна.

Эти наблюденія относятся къ поющей массѣ. Но старые тексты и напѣвы хранятся еще пока избранными ея представителями старшаго поколѣнія; отъ людей средняго и стараго возраста я и дѣлалъ свои записи. Развитые пѣвцы, т. е. толковые, бывалые и болѣе способные отъ природы, сознательно относятся къ тексту, комментируютъ его—часто безъ всякаго съ вашей стороны предложенія—и даже стараются исправить. Когда при пересказѣ пѣсни о князѣ Михаилѣ дошли до словъ: «Ужъ ты, матушка моя родима, ты змѣя стала, скарапéя», одинъ изъ слушателей, сельскій староста, замѣчаетъ: «Про мать-то ты это сказалъ ужъ напрасно». На это пѣвецъ возражаетъ: «Нѣтъ, ты разбери, такъ увидишь, что ненапрасно. Кабы твоя мать двѣ души загубила: жену да младенца, чтó бы ты сказалъ»? Въ пѣснѣ о графѣ Чернышевѣ, Захарѣ Григорьевичѣ, пѣвецъ, дошедшій до словъ: «По у к р а й городу выстроить», прибавляетъ: «Ужъ не просится въ городъ, въ к р е н ь, а только бы гдѣ-нибудь». Въ одной свадебной пѣснѣ слова: «Завила кудри... со воды уборы сонимаючи», объясняютъ такъ: «Она сидѣла на берегу, вода рябила: она и завивала кудри». Редакціи текстовъ: «Со полуночи разбойникъ онъ двѣнадцать коней велъ»; «Цѣловальникъ молодой, не пой дѣвушекъ водой»—не одобряются. Противъ перваго замѣчаютъ: «Зачѣмъ одному разбойнику двѣнадцать коней»? противъ второго,—что никогда не угощаютъ водой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили, что составъ пѣсни, которая передавалась, теперь измѣненъ: часть забыта, а иногда и прибавлена. Причемъ прибавленіе не является въ такихъ случаяхъ распространеніемъ сюжета, а просто подходящимъ по смыслу или только по напѣву обрывкомъ изъ какой-нибудь другой пѣсни.

Пѣсни съ реальнымъ содержаніемъ стараются пріурочить къ своей мѣстности. Старую и общераспространенную пѣсню о томъ, какъ монашенка сына родила и топить несла, относятъ къ Нижнему, говорятъ, что тамъ былъ такой случай. Пѣсню о бѣгствѣ изъ-подъ конвоя приписываютъ двумъ братьямъ, бѣглымъ арестантамъ изъ Лекеева (Нижег. у.). Говорятъ: «Это они про себя сложили».

Старая пѣсня забывается потому, что разрушенъ старый обычай, при которомъ она пѣлась. Народные праздники: Семикъ, Троица, Ивановъ день, масленица и др. уже потеряли свои древніе обряды: конечно, забылась и связанная съ ними старая обрядовая пѣсня. Завивать вѣнки въ лѣсъ, калядовать ходятъ теперь обыкновенно только дѣти; собраній крестьянъ изъ разныхъ деревень въ Троицынъ день или другіе весенніе праздники гдѣ-нибудь въ лѣсу или на пограничномъ полѣ—не существуетъ; репертуаръ хороводныхъ пѣсенъ теряетъ свою опредѣленность; на свадьбахъ, кромѣ необходимыхъ обрядовыхъ пѣсенъ, поютъ всякія и очень охотно городскія, въ родѣ: «Подъ душистою вѣткой сирени»; старые народные танцы и игры можно найти только изрѣдка. Такъ, въ селѣ Воротынецъ, Васильсурскаго у., сохранились танцы дѣвушекъ въ четверомъ и шестеромъ. Зимнія посѣдки въ деревняхъ прекращаются или принимаютъ новый характеръ, а съ этимъ и новыя пѣсни съ танцами подъ гармонику. Праздники, свадьбы стали кратковременны, иногда на послѣднихъ гуляютъ всего одинъ

день; свадебный обрядъ сталъ очень неполонъ. Въ огромномъ селѣ Воротынецъ прежде дружками ходили человѣка три. Теперь ходитъ всякій, потому что причетовъ и обрядовъ не требуется. Причитанья невѣсты, причитанья надъ покойниками давно уже не считаются обязательными и становятся очень рѣдки. Ихъ знаютъ въ немногихъ мѣстахъ и только въ старшемъ поколѣніи. Пали всѣ основанія, которыя поддерживали старую пѣсню: безъ нихъ она не можетъ держаться.

Самое объясненіе о кабакахъ, что они поддерживаютъ пѣсню, которое повторяется крестьянами и здѣсь, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Крестьяне говорятъ: «Тамъ большое село, трактиръ есть: тамъ пѣсни хорошо поютъ». Кабакъ—крестьянскій клубъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно пѣть крестьянскому хору, напр., зимою, кромѣ кабака и трактира? Вспомнимъ, что народные пѣвцы—артисты выводятся въ литературѣ однимъ изъ болѣе наблюдательныхъ и изящныхъ нашихъ писателей въ кабакѣ «Притынномъ».

Неблагопріятное экономическое положеніе, малоземелье, недороды, тоже разрушаетъ пѣсню. Въ захолустьяхъ иногда найдете сѣрый, бѣдный народъ, лапотниковъ, но не пѣсенниковъ. Разговоры, не очень логично, но очень скоро и очень упорно, переносятся крестьянами, съ которыми вы бесѣдуете о пѣсняхъ и пѣніи, на жалобы на то, что малы надѣлы, плохи урожаи и т. п.

Во внѣшнихъ вліяніяхъ не находимъ также условій, поддерживающихъ пѣсню. Городъ, интеллигенція, за немногими исключеніями, пренебрегаетъ пѣсней крестьянина. Полиція, разгоняющая въ уѣздныхъ городахъ хороводы крестьянъ и, ради соблюденія «тишины и спокойствія», запрещающая пѣніе отдѣльныхъ лицъ, не принадлежитъ къ охранителямъ народной пѣсни. Духовенство, которое не можетъ выйти изъ устарѣлыхъ аскетическихъ взглядовъ на народную пѣсню и не перестаетъ поучать объ ея грѣховности, также не принадлежитъ къ друзьямъ народной поэзіи и музыки, безъ сомнѣнія гуманизирующимъ массу. Свѣтская сельская школа ставитъ своимъ идеаломъ пѣніе стиховъ по нотамъ и изучаетъ ненародные мотивы. Церковная школа почти гонитъ пѣсню. Понятно, что при этихъ условіяхъ наша пѣсня доживаетъ свои послѣдніе дни. Она держится только благодаря консервативности русскаго крестьянства, соединеной, нужно сказать правду, съ замѣчательной поэтической и музыкальной воспріимчивостью и памятью отдѣльныхъ лицъ изъ него.

Слѣдя за жизнью народной пѣсни въ народѣ, не найдемъ ли мы данныхъ, разъясняющихъ вопросъ о народномъ творчествѣ? Наблюденіе даетъ, къ сожалѣнію, мало матеріала для разъясненія послѣдняго вопроса. Несомнѣнно, что наше время имѣетъ дѣло только съ сохраненіемъ народной пѣсни. Самое творчество народа, давшее намъ старую пѣсню, прекратилось уже давно. Современные наблюдатели въ огромномъ большинствѣ случаевъ могутъ найти только одинъ изъ варіантовъ той или другой пѣсни, извѣстный въ старыхъ или новыхъ записяхъ, но не новую неизвѣстную пѣсню. Въ народѣ есть хранители пѣсни, но нѣтъ творцовъ ея. Пѣсня есть произведеніе народнаго творчества. Это не значитъ еще, что она—произведеніе той мало культурной массы, которая является теперь ея хранительницей. Участіе деревенскаго сельскаго крестьянства въ жизни народной пѣсни заключалось, вѣроятно, почти исключительно въ воспріятіи, храненіи и передачѣ пѣсеннаго матеріала по сосѣдству и въ слѣдующія поколѣнія. Самое же творчество: сложеніе новыхъ пѣсенъ, развитіе старыхъ сюжетовъ, отдѣлка, обработка сложеннаго — происходили, конечно, въ культурныхъ центрахъ. Современная пѣсня, повидимому, больше всего принадлежитъ «каменной Москвѣ». Потому она отличается и политической цензурностью. Она осудила сравнительно небольшие пороки низверженнаго «Гришки», но тщательно обошла всѣ темные стороны личности и дѣятельности Ивана IV или Петра I.

Изъ Москвы вновь сложенныя пѣсни разносились во всѣ края Россіи, какъ и теперь разносятся разные романсы въ родѣ: «Ясный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою», «Зачѣмъ ты, безумная, губишь» и т. п., которые поются чуть не вездѣ. Если допускать народное творчество случайное и неопредѣленное относительно мѣста, то не возможно будетъ понять: какимъ образомъ въ разныхъ краяхъ Россіи поются пѣсни,

въ большинствѣ случаевъ, сходныя между собою. Еще труднѣе будетъ объяснить совершенство литературной отдѣлки въ пѣснѣ и черты книжности въ ея языкѣ. Въ содержаніи пѣсни бросается въ глаза роскошь обстановки, въ которой выводятся ея герои и происходитъ ея дѣйствіе. Золото, серебро, жемчугъ, шолкъ, бархатъ, тафта, сафьянъ—вотъ въ пѣснѣ матеріалъ для одежды: простое крестьянство знало только овчину, холстъ, лыко. Смуръ кафтанъ, шляпа съ перомъ, золотая трость, перчатки, завиваніе кудрей, вѣжливость въ обращеніи съ дамами, искусство сушить и крушить женскія сердца—мало извѣстны и современному, болѣе культурному деревенскому парню. Сельскій житель и въ былинѣ презрительно называется: «засельщиной, деревенщиной». Въ народной пѣснѣ мы найдемъ иногда такія тонкія указанія относительно дѣвичьяго туалета, которыя, можетъ быть, неизвѣстны многимъ нашимъ горожанкамъ; напр., какъ употреблять румяна, цвѣта, какъ привлекать поклонниковъ.

Напомню для послѣдняго случая прекрасную, полную житейскаго смысла и наблюдательности, пѣсню о томъ, какой совѣтъ подаетъ дѣвицѣ губернаторъ, когда она подала просьбу на молодца, ходившаго къ ней, а потомъ оставившаго ее.

Всѣ эти данныя говорятъ за городское происхожденіе большинства пѣсенъ и возникновеніе ихъ въ высшихъ классахъ стараго общества, что впрочемъ было замѣчено уже давно, еще К. Д. Кавелинымъ. Понятія, стремленія, жизнь лицъ, о которыхъ поетъ пѣсня, принадлежатъ еще болѣе культурному обществу. Крестьянинъ, конечно, можетъ быть страстнымъ, но едва ли—эстетичнымъ, свободнымъ во взглядахъ на отношенія къ красивой женщинѣ. Пѣсня на тему: «Чужая жена—лебедь бѣлая, а своя жена змѣя лютая»—скорѣе должна явиться у горожанина, аристократа, чѣмъ у крестьянина.

Признавая мѣстомъ происхожденія народной пѣсни культурный центръ той или другой области, мы приблизимся и къ разрѣшенію вопроса о времени упадка народнаго творчества. Какъ только начинаетъ возникать искусственная книжная пѣсня, такъ необходимо должна падать народная, которая спускается въ болѣе низшіе классы населенія, но въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія еще въ большомъ употребленіи въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ что собиратели пѣсенъ того времени могли записывать ихъ, не выѣзжая изъ столицъ. Тексты пѣсенъ въ сборникахъ Новикова, повидимому, московской редакціи. Сахаровъ даетъ прямыя указанія на записи пѣсенъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Присутствіе въ русскомъ пѣсенномъ репертуарѣ переводныхъ, заимствованныхъ пѣсенъ даетъ новое указаніе, что въ развитіи русской народной пѣсни первая роль принадлежитъ не деревнѣ, а городу.

Факты народнаго творчества связаны съ характеромъ всей культуры государствъ и народовъ. Когда русская культура стала принимать западническій характеръ, тогда стало ослабѣвать и національное народное творчество. На характерѣ и понятіяхъ современнаго намъ простонародья уже отразились черты общей культуры; крестьяне стоятъ на новой, высшей ступени развитія. Люди съ поэтическими наклонностями и талантами, выдѣляющіеся изъ теперешней народной массы, являются не слагателями пѣсенъ на старый ладъ, а самоучками-писателями и поэтами, какъ, напр., извѣстные Семеновъ или Дрожжинъ.

Если мы находимъ теперь въ деревнѣ слагателей пѣсенъ, то это обыкновенно стихослагатели новѣйшаго типа. Таковъ, напр., былъ въ с. Шолокшѣ, Нижегородскаго у., крестьянинъ Семенъ Тимофеевичъ Сусинъ, научившійся грамотѣ у дьячка. Онъ жилъ въ 60-хъ годахъ, былъ «пѣсельникъ» и оставилъ въ своемъ селѣ двѣ пѣсни, которыя составилъ самъ и «положилъ на́ голосъ». Здѣсь мы имѣемъ пѣсню съ именемъ автора, съ мѣстнымъ или личнымъ содержаніемъ, съ риѳмою, съ довольно правильно примѣненнымъ стихотворнымъ размѣромъ. По содержанію и языку—это ученическое стихотвореніе, въ которомъ очень прозаическій разсказъ подчиненъ размѣру и риѳмѣ; изложеніе не живое и не яркое. Направленіе данныхъ пѣсенъ, какъ и направленіе части литературы того времени, обличительное, чего совсѣмъ нѣтъ въ народной пѣснѣ. Приведу одно изъ этихъ стихотвореній, которое короче и лучше, замѣтивъ предварительно, что оно написано послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по поводу того, что они отказались отъ выкупа земли.

Шестьдесятъ во первомъ годѣ
Была радость во народѣ.
Вотъ была радость у насъ,
Намъ послѣдовалъ указъ.
Намъ прислали манифестъ.
Манифестомъ насъ сподобили,
Отъ господъ насъ слободили.
Стали молодцы вольны,
Намъ не надо всѣмъ земли.
Стали думать и гадать,
Какъ построить свой кабакъ.
Вотъ построили корчму,
При большімъ при мосту;
При большімъ при мосту,
При быстрою при рѣченькѣ.
Каждый праздникъ воскресенье
Въ кабакѣ у насъ веселье;
А вечернею порой
Чуть плетемся всѣ домой.
Шолокшански мужиченки
Пропиваютъ голичонки.
По утрў рано встаемъ,
На плечо ведры беремъ,
А въ карманахъ—отъ пятачекъ,
Со похмелья въ кабачекъ.
Вотъ мы пили да гуляли,
Жоны по міру сбирали.
А вотъ зимнею порой
Пойдемъ всѣ за померой (т. е. по міру).
Стали думать и гадать,
Какъ назадъ бы землю взять.
Взяли землю на шесть лѣтъ,
Сѣменъ зе́рна у насъ нѣтъ.

Въ томъ же самомъ селѣ есть современная пѣсня и болѣе народнаго склада, но также очень слабой обработки. Ее составляли и клали на голосъ два крестьянина. Мнѣ она разсказывалась и пѣлась однимъ изъ составителей. Пѣсня уголовнаго содержанія: изложеніе подробностей убійства, происшедшаго въ сосѣдней деревнѣ. Обстоятельства дѣла въ пѣснѣ изложены полно и, повидимому, точно, но объ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ личностей въ ней не дается никакого понятія, что лишаетъ пѣсню всякой поэтичности. Общественная, не художественная тенденція пѣсни обнаруживается въ томъ, что она сложена по слухамъ до оффиціальнаго разслѣдованія дѣла, когда убійцы еще не были арестованы. Слагатели пѣсни получали предостереженія или угрозы, что имъ будетъ «худо», если они станутъ продолжать пѣніе этой пѣсни. Вотъ эта пѣсня.

Въ деревнѣ во Стану,
Недалеко отъ краю́,
Недалеко отъ краю,
Во седьмыемъ во дому
Лиса́ [1] Фалина убила,

[1] Жена убійцы, Елисавета; убійство приписывается ей потому, что мужъ дѣйствовалъ по ея наущенію.

Всю деревню удивила.
Стали думать и гадать,
Куда Фалина дѣвать.
По утру рано вставали,
Огонечекъ воздували;
Огонечекъ воздували,
За Лександромъ побѣжали.
Александра не тказался (не отказался),
Онъ за имъ скоро сряжался.
Когда въ избу заходилъ,
Иванъ водки подносилъ;
Иванъ водки подносилъ,
У Лисы фонарь спросилъ.
Свѣчку сальну зажигали,
На широкій дворъ ходили;
На широкій дворъ ходили,
Коня сиваго ловили.
А когда коня впрягали,
А Ивана окликали.
Въ сани Фалина сажали;
Вдоль широкаго двора,
Во передни ворота
Сельску гору выѣзжали;
Сельску гору выѣзжали,
Къ теткѣ въ Мокру заѣзжали,
Съ собой тетку туда звали.
А съ нимъ тетка не пошла,
Топоръ Ивану припасла.
Иванъ къ Кудьмѣ подъѣзжалъ
И пролупку расчищалъ.
Онъ пролупку расчищалъ,
Въ пролубь Фалина совалъ.
Фалинъ въ воду ни пошолъ,
А Иванъ припасъ топоръ.

Пѣсня эта, сочиненная 12 лѣтъ тому назадъ, припоминалась съ трудомъ. При самомъ составленіи ея авторы затруднялись незнаніемъ всѣхъ подробностей дѣла.

С.-Петербургъ.
24 мая 1902 года.

В. Чернышевъ.

Памяти Филиппа Діомидовича Нефедова [1].

Ряды русскихъ этнографовъ все болѣе и болѣе убываютъ. Такъ, за послѣдніе полтора года сошли со сцены такіе видные дѣятели въ этой области, какъ Максимовъ и Шейнъ, смерть которыхъ является большей потерей для этнографіи, еще такъ нуждающейся въ самостоятельныхъ изслѣдователяхъ. Теперь намъ снова приходится заносить въ свой мортирологъ имя извѣстнаго нашего этнографа Филиппа Діамидовича Нефедова, скончавшагося 12 марта сего 1902 года въ Костромской губерніи. Памяти этого труженика я и посвящаю сегодня нѣсколько словъ. Покойный почти всю свою жизнь посвятилъ не только изученію и изслѣдованію народной жизни, но помогалъ сѣрой народной массѣ, среди которой онъ провелъ большую часть своей жизни, словомъ, дѣломъ и даже матеріально изъ своихъ скудныхъ средствъ. Покойный въ полномъ смыслѣ слова былъ народникъ, всю жизнь посвятившій наблюденію и изученію народной жизни.

Біографическихъ свѣдѣній о покойномъ мы имѣемъ крайне мало. Ф. Д. родился въ 1848 г. (по другимъ извѣстіямъ въ 1847 г.) въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, гдѣ отецъ его служилъ на одной изъ фабрикъ. Первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной школѣ. Обладая любознательностію и жаждой знанія, онъ много читалъ (насколько это можно было сдѣлать въ глухомъ городкѣ) и неустанно старался пополнять свои знанія. Благодаря настойчивости и своимъ природнымъ способностямъ, Ф. Д. чрезъ нѣсколько времени настолько подготовился, что могъ поступить въ московскій университетъ па юридическій факультетъ вольнослушателемъ. Хотя, къ сожалѣнію, покойному окончить курсъ не удалось, но онъ усердно продолжалъ заниматься наукою и слѣдилъ за литературою. Въ 18 9 г. Ф. Д. выступаетъ на литературное поприще своими очерками, подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ», напечатанными въ «Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». Замѣтки эти носятъ большею частію этнографическій характеръ и въ нихъ уже видѣнъ будущій народный изслѣдователь. Затѣмъ, онъ началъ писать небольшіе очерки, разсказы и даже стихотворенія.

Переселившись въ Москву для дальнѣйшаго самообразованія, Ф. Д. попадаетъ въ кругъ интеллигентныхъ лицъ и преимущественно литераторовъ, и съ этого времени его талантъ болѣе развивается и получаетъ опредѣленное направленіе; онъ посвящаетъ свою дѣятельность изученію народной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь создаются у него широкіе планы, задачи и т. д. на счетъ своей будущей дѣятельности. Онъ дѣлается писателемъ-народникомъ.

Литературные труды Нефедова можно раздѣлить на двѣ главныя части: 1) труды исключительно беллетристическаго характера и лишь иногда съ этнографическимъ описаніемъ, во 2) на труды чисто этнографическіе и археологическіе въ связи съ антропологіей. Не останавливаясь детально на перваго рода трудахъ покойнаго, какъ выходящихъ изъ рамокъ нашей задачи, замѣтимъ лишь одно. Ф. Д., стоя близко къ народу и объективно наблюдая народную жизнь со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами, умѣлъ широко пользоваться этой сокровищницей для своихъ беллетристическихъ работъ—очерковъ, разсказовъ и т. п. Въ нихъ онъ изображалъ народъ съ различныхъ сторонъ жизни: и семейной, и общественной, и пра-

---

[1] Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Географическаго Общества.

вовой, и т. д. Близость фабричной жизни и хорошее съ нею знакомство съ малолѣтства дали ему матеріалъ для прекраснаго очерка, подъ заглавіемъ: «Наши фабрики и заводы» (1872 г.). Въ началѣ 70-хъ годовъ вышло первое собраніе сочиненій Нефедова, подъ заглавіемъ: «На міру», обратившее на себя вниманіе интеллигентной публики и особенно молодежи того времени. Я хорошо помню, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ прочитывались эти очерки и разсказы, открывающіе новыя стороны народной жизни. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, помѣщаемыхъ въ лучшей журнальной литературѣ: въ «Русск. Мысли», «Рус. Вѣд.» «Сѣв. Вѣстн.» и т. д. авторъ даетъ живую картину деревни и ея обитателей съ ихъ радостями и печалями, темными и свѣтлыми сторонами, относясь съ искреннимъ сочувствіемъ къ ея лучшимъ явленіямъ и съ состраданіемъ ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Можетъ быть, здѣсь иногда проглядываетъ и нѣкоторая идеализація народной жизни, въ чемъ иныя критики и упрекали покойнаго, но онъ иначе не могъ поступить — это было такъ естественно и вполнѣ согласовалось съ его натурой, характеромъ. Можно сказать, что онъ жилъ вмѣстѣ съ своими односельчанами (въ послѣднія 12 л. онъ жилъ въ деревнѣ Переборъ, Владимірской губ., близъ станціи Ундолъ Московско-Нижегородской жел. дор.), помогая имъ, чѣмъ могъ, и особенно по части развитія грамотности и любви къ чтенію. Вообще нужно сказать, что у покойнаго была глубокая любовь къ народу и глубокая вѣра въ нравственную мощь его, которыя онъ донесъ до могилы.

Покойный не чуждъ былъ общественной дѣятельности, особенно въ школьномъ дѣлѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей воскресной школы на своей родинѣ— Иваново-Вознесенскѣ. Въ 1872 г. Ф. Д. отдается дѣлу организаціи народнаго театра. Долгое время онъ принималъ живое участіе въ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, занимая должность ея секретаря. Съ 1879 г. до начала 1881 г. былъ редакторомъ газ. «Русскаго Курьера», которая въ это время достигла лучшаго своего развитія.

Смерть Ф. Д. вызвала глубокое сожалѣніе среди мѣстнаго населенія. Дѣти и молодые крестьяне съ душевной благодарностью вспоминаютъ о томъ, сколько пользы принесъ для нихъ Ф. Д., пріучая ихъ къ чтенію и охотно раздавая имъ книжки изъ своей обширной библіотеки, въ которой много находилось брошюръ и книгъ народныхъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній были изданы для народа и народныхъ чтеній. Именно, съ этой стороны покойный вправѣ можетъ быть причисленъ къ ряду общественныхъ дѣятелей на пользу распространенія народнаго просвѣщенія.

Дѣятельность Ф. Д. не ограничивалась одной беллетристической работой по преимуществу изъ народнаго быта Къ его цѣннымъ заслугамъ нужно отнести и работы его въ области этнографіи, которой онъ занимался съ молодыхъ лѣтъ. Его этнографическія изслѣдованія охватываютъ не только русское населеніе, главнымъ образомъ приволжское, въ которомъ до сихъ поръ сохранилось такъ много своеобразнаго и самобытнаго, но и нашихъ инородцевъ преимущественно восточныхъ губерній. Въ 1874 г. Ф. Д. избирается членомъ Этнографическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія.

Въ этнографическихъ своихъ изслѣдованіяхъ Ф. Д. широко захватываетъ жизнь населенія, касаясь почти всѣхъ ея сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ свою работу «Объ этнографическомъ изслѣдованіи Костромской губ.» (1874—76 г.г.) авторъ включилъ слѣдующія 14 отд., начиная съ мѣстнаго нарѣчія и кончая матеріальн. условіями жизни населенія. Сюда вошли: народная миѳологія, сказанія, различные обряды, обычаи, празднества, юридическія условія, физическое состояніе народа, народная медицина, умственное и нравственное развитіе и т. д. По этой же программѣ Ф. Д. намѣревался произвести свои изслѣдованія въ смежныхъ съ Костромской губ. —Вологодской (сѣверо-восточной ея части) и Пермской. Въ 1877 г. въ «Трудахъ этнограф. отд. Московскаго Общества Любителей Естествознанія» (т. XXVIII, кн. IV) были помѣщены изслѣдованія Ф. Д., подъ заглавіемъ: «Этнографическія наблюде-

нія по Волгѣ и ея притокамъ». Эти наблюденія, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже почти 25 л., до сихъ поръ представляютъ интересъ и могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для сравненія того времени съ настоящими условіями жизни этого края. Въ этомъ трудѣ Ф. Д. далъ много указаній на занятія населенія, образъ жизни и т. д.

Въ 1886 г. Нефедовъ представилъ программу своихъ этнографическихъ изслѣдованій, принятую Москов. Общ. Любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Онъ между прочимъ говоритъ, что изученіе настоящаго невозможно безъ всесторонняго изученія прошлаго и, наоборотъ,—давно-минувшее мы въ состояніи тогда только понять, когда будемъ основательно знать настоящее. Покойный вполнѣ основательно держался того взгляда, что рядомъ съ антропологическими изслѣдованіями должны итди археологическія и этнографическія.

Исходя изъ этихъ положеній, авторъ ставилъ въ програму своихъ изслѣдованій: обзоръ литературы по археологіи и антропологіи, изслѣдованія городищъ, кургановъ и кладбищъ, собраніе народныхъ преданій и сказаній, относящихся до городищъ, кургановъ и т. д. Наблюденія надъ современными жителями по отношеніи къ росту, цвѣту волосъ и глазъ, экономическія условія населенія, современный бытъ и нравы, обычаи, обряды при рожденіи, крещеніи, свадьбахъ, игрищахъ, празднествахъ, похоронахъ.

Помимо перечисленныхъ трудовъ Ф. Д. по этнографіи, которой онъ занимался до смерти, у него накопилось множество разныхъ пѣсенъ, повѣрій, воевъ, сказокъ, легендъ, свадебныхъ, погребальныхъ и т. под. обрядовъ, наблюденій изъ повседневной жизни народа и т. д. Весь этотъ матеріалъ пока не изданъ, несмотря на хлопоты покойнаго какъ-нибудь его издать. Въ виду этого, крайне было бы желательно, какъ уже замѣтилъ проф. Анучинъ, чтобы матеріалъ этотъ переданъ былъ въ одно изъ ученыхъ обществъ для разбора.

Покойный Ф. Д. Нефедовъ немало оставилъ этнографическихъ изслѣдованій и относительно нашихъ инородцевъ, главнымъ образомъ башкиръ Уфимской и Оренбургской губ., татарскаго населенія Касимовскаго уѣзда и черемисъ Уфимской губ. И здѣсь покойный остается вѣренъ своему характеру: старается останавливаться не только на наружныхъ проявленіяхъ жизни народа, но и на духовныхъ его отправленіяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ собранныя этнографомъ легенды, сказанія, пѣсни и т. д. Такъ, напр., въ сборникѣ «Починъ» за 1895 г. Ф. Д. была помѣщена башкирская легенда «Ушкуль». Вообще нужно замѣтить, что покойный въ своихъ изслѣдованіяхъ объ инородцахъ наиболѣе обращалъ вниманія на башкиръ, о которыхъ имъ собрано было много матеріаловъ, часть которыхъ напечатана, а часть осталась въ рукописяхъ. Во время своихъ занятій надъ башкирами, мнѣ не разъ приходилось обращаться къ покойному и онъ весьма охотно дѣлился своими свѣдѣніями не только личными, но и литературными. И нужно отдать справедливость, покойный, благодаря не разъ совершеннымъ имъ поѣздкамъ въ восточныя губ., хорошо ознакомился съ бытомъ мѣстныхъ инородцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло.

Говоря о Ф. Д., какъ беллетристѣ-народникѣ и этнографѣ, нельзя пройти молчаніемъ и его работы въ области археологіи и антропологіи. Еще въ 70-хъ годахъ XIX вѣка покойный началъ заниматься, по порученію Моск. Общ. Люб. Естествознанія, раскопками могилъ и кургановъ. Онъ началъ ихъ въ Рязанской губерніи и потомъ велъ ихъ въ Пріуральѣ, главнымъ образомъ, въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ. Собранный имъ матеріалъ далъ много интересныхъ данныхъ для выясненія вопроса о населеніи, его происхожденіи и т. д. Въ этомъ отношеніи интересна работа покойнаго, подъ заглавіемъ: «О памятникахъ и народахъ Пріуральскаго края» (Труды Антроп. Общ. Т. XXXI, в. 1—6). Затѣмъ, покойнымъ производились археологическія изысканія въ Костромской и Владимірской губерніяхъ и на южномъ берегу Крыма. Въ половинѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка Ф. Д. былъ приглашенъ Имп. Археологическимъ Обществомъ для археологическихъ изысканій въ области южнаго

Пріуралья (въ Оренбургской губерніи, въ Уральской и Тургайской областяхъ, въ Самарской губ.), откуда имъ были доставлены цѣнные матеріалы, частію помѣщенные въ Трудахъ Археологическаго Общества. Потомъ, въ началѣ 90-хъ годовъ (1893—1894), по порученію того же Общества, онъ производилъ изслѣдованія въ Вятской, Пермской, Уфимской и Казанской губ. и въ 1895—96 г. Костромской. Въ 3-хъ уѣздахъ послѣдней губерніи покойнымъ было изслѣдовано много старинныхъ могилъ, городищъ и кургановъ (раскопано 542 кургана), изъ которыхъ добытый матеріалъ далъ указанія для изученія культуры края съ давняго времени въ эпоху употребленія мѣди и бронзы (IX—X вѣка). Цѣнныя коллекціи, добытыя при этихъ раскопкахъ, хранятся въ музеѣ Археол. Общества, а отчеты помѣщены въ III вып. Московск Археол. Общ., подъ заглавіемъ: «Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній», съ массой таблицъ и рисунковъ въ текстѣ.

Въ области антропологіи заслуги Ф. Д. также не малы. Если онъ лично не обрабатывалъ собираемый имъ антропологическій матеріалъ, по недостатку времени, то далъ очень много для работъ другихъ ученыхъ. Съ 1878 г. до послѣдняго времени имъ были доставлены въ разное время: 6 костяковъ и 39 черепа изъ раскопокъ въ Рязанской губ. (Касимовскаго уѣзда), 52 черепа изъ раскопокъ во Владимірской губерніи, 30 череповъ изъ Уфимской губ., 43 черепа изъ Оренбургской губ. 8 череповъ изъ Самарской губ., 38 изъ Тургайской области, 44 черепа изъ южнаго берега Крыма, 26 череповъ изъ кургановъ Костромской губерніи, всего: 6 костяковъ и 280 череповъ изъ различныхъ губерній Россіи, не считая еще многихъ археологическихъ предметовъ. Въ числѣ доставленныхъ имъ череповъ были женскія, судя по антропологическимъ опредѣленіямъ.

Въ виду всего этого, а также многочисленныхъ этнографическихъ изслѣдованій, Имп. Моск. Общ. Естеств. Антр. и Этнографіи въ 1895 г. присудило Ф. Д. премію имени вел. князя Сергія Александровича по антропологіи,—премія, которая выдается какъ для поощренія научныхъ трудовъ по антропологіи, такъ и за доставленіе цѣнныхъ антропологическихъ коллекцій Антроп. Обществу. Все это сдѣлалъ и продолжалъ дѣлать Ф. Д. самолично.

Можно сказать, что это былъ неутомимый труженикъ въ области изученія и наблюденія не только повседневной крестьянской жизни, но глубокой старины. Каждое лѣто покойный уѣзжалъ въ командировки—иногда на свой счетъ—въ какія-нибудь мѣстности и всегда возвращался съ богатыми матеріалами по этнографіи или археологіи.

Въ лицѣ Ф. Д. Нефедова мы потеряли добросовѣстнаго, трудолюбиваго и безпристрастнаго работника и изслѣдователя въ области этнографіи и археологіи; русская литература потеряла одного изъ представителей беллетристовъ-народниковъ, такъ чутко прислушивавшагося къ теченію народной жизни, и еще большую потерю понесло мѣстное крестьянское населеніе, среди котораго онъ жилъ и помогалъ ему, чѣмъ могъ. Любовь населенія къ покойному съ особенною наглядностью выразилась во время похоронъ. Гробъ его несли крестьяне до самой церкви (около 1½ вер.); похоронная процессія останавливалась весьма часто для совершенія литіи по заказу мѣстныхъ крестьянъ. На дворѣ Соболовской фабрики, въ церкви которой происходило отпѣваніе Ф. Д., около 600 рабочихъ, во главѣ съ мѣстной фабричной администраціей, встрѣтило гробъ. Пѣлъ хоръ фабричныхъ рабочихъ. Священникъ сказалъ теплое, прочувствованное слово надъ останками покойнаго. Похороненъ Ф. Д. въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилами Левитова, Орфанова и Воронова. Пусть же на долго сохранится память о тебѣ, добрый и честный Филиппъ Діомидовичъ, между всѣми, кому дорога твоя любовь къ наукѣ и народу!

Д. П. Никольскій.

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границею—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к., двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—5 к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3½** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4½** р. и по **5** р.